

В. А. ШНИРЕЛЬМАН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКотоводства

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

В. А. ШНИРЕЛЬМАН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКотоводства

(КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

Ответственные редакторы
Н. Я. МЕРПЕРТ и А. И. ПЕРШИЦ

В книге рассказывается о становлении и эволюции раннего скотоводства как одного из главных направлений производящего хозяйства в первобытном обществе. Исследуются природные и культурные предпосылки перехода к скотоводству, возникновение первичных и вторичных его очагов. Показана роль скотоводства в развитии процессов социальной и имущественной дифференциации, в развитии культуры и религиозных представлений.

Ш $\frac{10703-199}{013(02)-80}$ 14-80. 0603010100

Несмотря на то что положение о первичности экономических отношений в развитии общества является одной из основ марксистской исторической науки, применительно к первобытной эпохе эти отношения остаются еще недостаточно изученными. Вместе с тем колоссальные достижения современной науки не только позволяют решать вопросы развития первобытной экономики на конкретном историческом материале, но и делают эту задачу весьма актуальной. Определенные шаги в этом направлении уже предпринимаются как этнографами, так и археологами. К сожалению, в проводимых и теми и другими исследованиях не всегда в надлежащей мере учитываются данные смежных наук. Между тем решение кардинальных проблем первобытности настоятельно требует применения комплексного этнографо-археологического подхода, который пока еще не нашел достаточно широкого применения в нашей науке. В настоящей работе делается попытка исследования одной из существенных проблем первобытности, проблемы раннего скотоводства, с привлечением как археологических, так и этнографических источников.

Выбор предмета исследования был определен, с одной стороны, огромной важностью, которую имел переход к производящему хозяйству, создавший материальную основу для разложения родового строя и формирования классового общества, а с другой — наличием обширной фактологической базы для изучения ранних этапов эволюции земледелия и скотоводства, созданной за последние годы трудами многих ученых. Однако появившиеся в последнее время сводки новых материалов посвящены, во-первых, главным образом земледельческому аспекту проблемы возникновения производящего хозяйства, а во-вторых, преимущественно технологической его стороне. В отличие от них в настоящей работе рассматривается гораздо менее изученная проблема — происхождение и развитие раннего скотоводства как системы хозяйства, причем особое внимание уделяется культурно-исторической функции последнего. Кроме того, в работе поднимается вопрос о различных судьбах скотоводства в разных регионах в зависимости от конкретно-исторической картины сложения скотоводства в каждом из них.

Особое значение для понимания эволюции первобытного хозяйства имеет выяснение его взаимосвязи с природной средой. Поэтому большое внимание в работе уделяется и этой проблеме.

ме, для чего помимо археологических и этнографических материалов широко используются достижения некоторых других наук (биологии, палеоклиматологии и др.).

Перед тем как перейти к рассмотрению поставленной проблемы, необходимо сделать ряд предварительных замечаний. Они касаются прежде всего определения терминов «приручение» и «доместикация». С точки зрения остеологии домашнее животное отличается от дикого своими морфологическими характеристиками. Однако последние являются следствием уже совершившейся доместикации. Весьма по-разному терминологические вопросы решаются зоологами и этнографами. Первые считают основным биологический критерий и видят главное отличие домашних животных от прирученных в том, что домашние размножаются «в неволе». Зоологи также подчеркивают, что домашние животные всегда представляют собой продукт труда человека, а их разведение имеет своей целью удовлетворение тех или иных потребностей людей [41, с. 5; 254, с. 344]. Этнографы, справедливо указывая на важные социальные и культурные последствия доместикации, придают особое значение тем новым взаимоотношениям, которые возникли между человеком и животными в ходе одомашнивания последних [534, с. 18—25].

Однако при таком подходе разница между приручением и одомашниванием исчезает. Эту разницу удастся уловить лишь при условии, во-первых, учета биологических критериев, а во-вторых, рассмотрения процессов в исторической перспективе. В приручении надо видеть необходимый этап, предваряющий доместикацию и имеющий следующие особенности. В отличие от доместикации оно охватывает не только «потенциально домашних животных», но и тех, которые не могут быть одомашнены в силу своих биологических особенностей. Так, азиатский слон достигает половой зрелости только в 16—20 лет и приносит потомство раз в три года. Ясно, что разведение слонов является трудоемким и неблагоприятным делом даже для современного общества, не говоря уж о первобытном. Приручение предшествует доместикации стадийно, ибо не требует такой прочной материальной базы, как последняя. Действительно, у бродячих охотников и собирателей известны случаи приручения животных, которых полностью съедали с наступлением трудного в хозяйственном отношении сезона. Приручение, таким образом, обратимый процесс, тогда как доместикация предполагает устойчивую преемственность. В отличие от приручения непрерывным условием доместикации является массовость процесса, ибо превращение диких животных в домашних возможно лишь в популяции. В свете всего отмеченного попытки некото-

рых авторов оспорить правомерность разграничения процессов приручения и domestikации [1025, с. 113—114] представляются неубедительными.

Поскольку в настоящей работе исследуются преимущественно ранние этапы скотоводства, вопрос об одомашнивании таких важных животных, как лошадь, верблюд, осел и т. д., почти не затрагивается, так как их domestikация совершилась относительно поздно. В работе мало говорится о собаке, одомашнивание которой в принципе не сыграло сколько-нибудь существенной роли в сложении скотоводства. В настоящем исследовании речь идет главным образом о крупном и мелком рогатом скоте и о свиньях, игравших важную роль в Старом Свете, а также о ламах, альпака и морских свинках — в Новом, но для исследования механизма domestikации привлекаются данные и по другим, самым различным животным.

Последнее, на чем следует остановиться, касается вопроса о датировках. Когда в 1949 г. У. Либби открыл метод радиоуглеродного датирования, казалось, что наконец-то появилась реальная возможность для построения абсолютной хронологии. Позже удалось уточнить период полураспада C_{14} , и достоверность хронологической шкалы Либби как дающей абсолютные показатели несколько пошатнулась. Наконец, недавно, при сопоставлении дат, полученных с помощью дендрохронологии, с радиоуглеродными выяснилось, что для раннего времени последние сильно отличаются от настоящих календарных дат [155, с. 6, 7; 902, с. 48—83]. Оказалось, что радиоуглеродные даты дают более молодой возраст, чем календарные, причем по мере углубления в древность расхождение между ними нарастает. Например, по радиоуглеродным датам, Древнее Царство в Египте следовало бы относить ко второй половине III тысячелетия до н. э., тогда как на самом деле первые династии появились там значительно раньше. Поэтому использование привычных календарных дат для раннеклассовых обществ Месопотамии и Египта и наряду с ними дат по C_{14} для синхронных первобытных культур их периферии ведет к искажению исторической картины. То же самое происходит и при сопоставлении первых с такими раннеклассовыми обществами, как древнеиндийское, древнекитайское, древние цивилизации Америки и т. д., хронологическая шкала для которых также построена по радиоуглеродным датам. Следовательно, применение радиоуглеродных дат для абсолютного датирования требует введения определенных коэффициентов (процедура калибрования), над чем в настоящее время работает целая когорта специалистов. Правильность скалиброванных дат полностью подтверждается другими методами. Так, термолюминесцентные даты для бадарийских поселений в Египте и для культуры Банчиенг в Таиланде хорошо коррелируются со скалиброванными радиоуглеродными датами, полученными там же.

Таким образом, представляется необходимым уже сейчас исправлять радиоуглеродные даты по калибровочной шкале, разработанной учеными [960, с. 303—308; 902, с. 255—268; 893], несмотря на то что работы в этой области еще продолжаются. К сожалению, калибровочная шкала доведена пока лишь до начала VI тысячелетия до н. э. (по календарным датам). Правильно исправить более ранние радиоуглеродные даты сейчас не представляется возможным. Р. Брейдвуд предложил удревянять эти даты на 1000 лет [441, с. 39], однако, строго говоря, точность полученной таким образом хронологии весьма относительна, так как до 6000 г. до н. э. уровень C_{14} в воздухе возрастал [993, с. 319], а следовательно, менялось и соотношение между радиоуглеродными и календарными датами. И все же за неимением лучшего в настоящей работе приходится принять предложение Р. Брейдвуда¹, оговорившись, что приводимые даты имеют лишь относительное значение. Поэтому везде в настоящей работе календарные даты сопровождаются датами, полученными по C_{14} , заключенными в скобки. Исправление дат велось по шкале, разработанной в лаборатории Пенсильванского университета [893], а учтенные радиоуглеродные даты исчислялись по значению периода полураспада, равному 5570 ± 30 лет.

В заключение хотелось бы выразить искреннюю благодарность всем специалистам, которые ознакомились с рукописью или с отдельными ее главами и сделали ряд ценных и весьма полезных замечаний. Автор признателен многим сотрудникам Института этнографии АН СССР, неизменно оказывавшим ему помощь и поддержку на разных этапах работы над рукописью. И конечно же, нельзя не сказать самых теплых слов в адрес коллектива сектора по изучению истории первобытного общества, в творческой и благожелательной атмосфере которого рукопись обрела свой окончательный вид.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СКОТОВОДСТВА
В НАУКЕ О ПЕРВОВЫТНОСТИ

На заре европейской науки стремление осознать свою историю заставило античных мыслителей сделать представление о последовательном появлении новых, все более сложных умений и навыков основой первых исторических концепций. Одна из них была сформулирована Варроном, который со ссылкой на Дикеарха называл три стадии развития: потребление продуктов дикой природы, скотоводство и, наконец, земледелие [61, с. 125]. Этой концепции по воле случая суждена была долгая, полная превратностей судьба. В несколько видоизмененном виде она дожила в европейской науке до второй половины XIX в. Баталии, разыгравшиеся вокруг нее впоследствии, обнаружили ее существенные слабости и развенчали «связанный с ней одно время ореол непогрешимости. Вместе с тем в пылу полемики в русле во многом справедливой и основательной критики, обрушившейся на эту концепцию, получившую название «теории трех стадий», родилась несколько неверная ее оценка, до сих пор не изжитая в науке. И ныне без достаточного на то основания некоторые исследователи полагают, что «теория трех стадий» была общепринятой в античности, а позже без изменений перешла в европейскую науку нового времени. На самом деле указанная концепция, во-первых, существовала в отдельные эпохи не в одиночестве — известны были и иные взгляды на историю хозяйства, а, во-вторых, ее отдельные стадии — охота, скотоводство и земледелие — понимались в разные исторические периоды разными учеными по-разному. Так, тщетно было бы искать ее в знаменитом трактате Тита Лукреция Кара, который различал лишь два состояния человечества: дикое (потребление продуктов дикой природы) и развитое (земледелие). Именно с земледелием Лукреций связывал возникновение черт, присущих цивилизации [203, V, 1361—1378].

Общеизвестно, какое большое влияние оказала античность на становление науки нового времени. Однако один из первых крупных европейских историков — Джамбаттиста Вико исходил отнюдь не из «теории трех стадий», когда писал, что «сначала были изобретены искусства необходимые — сельские и притом сначала хлеб, потом — вино, затем искусства полезные — ското-

водство, потом искусства удобства — городская архитектура, наконец, искусства усладительные — танцы» [78, с. 298]. Ученые второй половины XVIII в. вопреки представлению Г. Кунова [185, с. 101] основывали свои исторические концепции не только на античных и библейских данных, а привлекали широкий круг доступных им этнографических сведений. Все известные им народы эти исследователи подразделяли на дикие, варварские и более развитые и безоговорочно видели в них представителей стадий исторического развития, пройденных человечеством в целом. К диким народам они относили тех, кто занимался охотой, рыболовством и собирательством, и, что особенно важно, тех, кто знал примитивное палочно-мотыжное земледелие (Ш. Монтескье, М. Кондорсэ, Ш. Валькенер, И. Г. Гердер и др.) [233, с. 396, 397; 158, с. 11—15; 85, с. 236—238; 1000, с. 23, 90]. Иными словами, к стадии дикости были отнесены и народы, которые современная наука выделяет в особую группу ранних земледельцев. На стадии варварства помещались скотоводы, а наверху этой иерархической лестницы стояли те, кого мыслители XVIII в. называли земледельцами, разумея под земледелием систему с поземельной собственностью и непрерывным применением труда животных при обработке полей. Ярче всего последнее выразил И. Г. Гердер, писавший, что «народы, которые обрабатывают землю без собственности на нее или руками своих женщин и рабов,— все это по-настоящему еще не земледельцы» [85, с. 242]. Тем самым, отмечая грандиозный переворот в жизни общества, произведенный переходом к земледелию (развитие разделения труда, ремесел и искусства, торговли и городов, неравенства и рабства, появление кастовых различий, законов, судов, деспотизма и т. п.), ученые рубежа XVIII—XIX вв. имели в виду именно плужное земледелие [233, с. 398; 285, с. 80—83; 158, с. 22, сл.; 85, с. 241; 276, с. 321]. Правда, некоторые из них, как, например, Ш. Валькенер, относили зарождение перечисленных явлений к доземледельческому периоду [1000, с. 188]. В свете сказанного и надо понимать утверждение И. Г. Гердера о том, что открытие скотоводства было будто бы важнейшим шагом, который «превзошел все последующие революции истории» (цит. по [97, с. 98]). Безусловно, здесь подразумевалось возникновение скотоводства как важнейшего условия, без которого ведение плужного земледелия невозможно. Характеризуя последнее, И. Г. Гердер писал, что «ни один образ жизни не произвел в сознании людей столько изменений, как земледелие на огороженном участке земли». Вот почему этот ученый видел превосходство народов Старого Света над обитателями Нового в том, что первые обладали прирученными животными [85, с. 239—241]. Таким образом, смысл схемы, по которой земледелие следовало в своем развитии за скотоводством, заключался лишь в том, что, как указывал Ш. Валькенер, люди должны были быть пастухами, прежде чем они смогли обраба-

тывать почву трудом животных [1000, с. 110]. Вместе с тем, несколько противореча изложенной концепции, он отмечал высокий уровень развития земледелия и общества в ряде районов мира, где следы скотоводства отсутствовали [1000, с. 110—111].

Идеи, выдвинутые в XVIII в., были подхвачены буржуазными социологами и экономистами последующего столетия. Однако в силу своей идеалистической исторической концепции социологи уделяли мало внимания вопросам развития хозяйства и его связи с социальными процессами, считая содержанием прогресса «развитие человеческого ума». В лучшем случае они почти дословно повторяли учение о трехчленном делении истории хозяйства, вкладывая в него тот же смысл, что и их предшественники. Так делал, например, французский социолог второй половины XIX в. Ле-Пле, считавший, «что даже при обработке земли, покуда она производится ручным трудом, хотя и с помощью орудий, характер первоначального быта остается еще неизменным». Поэтому период пастушества должен был предшествовать возникновению настоящего (плужного) земледелия и последующим грандиозным изменениям в человеческом обществе [195, с. 51—54]. Буржуазные экономисты тоже выделяли стадии дикости (или охоты), пастушества и земледелия, которые были положены ими в основу истории хозяйства [300, с. 28, 89, 123]. При этом какая бы то ни было ассоциация обработки земли с первой стадией исчезла окончательно. Так «теория трех стадий» обрела ту редакцию, в которой она широко распространилась в науке середины — второй половины XIX в. Большую роль в ее пропаганде сыграли труды Ф. Листа [201]. Правда, не все экономисты безоговорочно принимали эту схему. В. Рошер, например, предостерегал против прямого выведения земледелия из хозяйства кочевников-скотоводов, которым «противен переход к возделыванию пашни» [283, с. 260], в чем он следовал за И. Г. Гердером [85, с. 240].

Другим фактором, упрочившим положение «теории трех стадий» в науке середины XIX в., стало сравнительное языковедение, которое благодаря трудам Ф. Боппа, Р. К. Раска, А. Ф. Потта, А. Шлейхера выглядело весьма авторитетным на фоне других гуманитарных наук своего времени. Именно ему в первую очередь наука обязана представлением о том, что развитие в Старом Свете было связано прежде всего с индоевропейцами, которые пришли из Азии и вели сначала чисто скотоводческий образ жизни и лишь потом перешли к земледелию [84]. Последнее доказывали тем, что скотоводческие термины сходны у разных народов индоевропейской семьи, тогда как сельскохозяйственные различаются [234, с. 16]. Иллюзия непогрешимости этой теории была настолько сильна, что наличие сходных терминов для растений объясняли не изначальностью земледелия, а хорошим знанием дикой флоры пастухами [84, с. 14]. Анализ семитских языков, по мнению лингвистов, тоже как будто бы подтвер-

ждал правильность библейской традиции, утверждавшей, что древнейшие семиты были чистыми скотоводами [381, с. 61, 62].

Было бы упрощением считать, что рассмотренная концепция была принята всеми исследователями. И среди экономистов, как указывалось выше, и среди лингвистов [381, с. 15, 16] находились люди, придерживавшиеся иных взглядов. Однако большинство ученых, в том числе такие ведущие специалисты по истории первобытности, как Дж. Леббок, Г. Мортилье, Л. Г. Морган, считало ее неопровержимой [192, с. 162; 234, с. 10, 16—18; 82, с. 131, 141—145; 1030, с. 463—466; 814, с. 305—307]. С этих позиций трактовались и факты, допускавшие в принципе и иную интерпретацию. Так, Дж. Леббок вслед за К. Келлером считал, что швейцарские свайные поселения были основаны не кем иным, как пастухами, несмотря на то что оба прекрасно знали о наличии там остатков культурных растений и даже печеного хлеба [192, с. 162, 163]. Сторонникам изложенной теории казалось очевидным, что переход к земледелию был вызван необходимостью заготовок кормов для домашних животных. Правда, с открытием цивилизаций Нового Света этот путь развития перестал рассматриваться как универсальный [192, с. 209—225, 412—423; 234, с. 10, 16—18]. Вместе с тем во второй половине XIX в. находились и такие исследователи, которые утверждали, что в Новом Свете скотоводство также предшествовало земледелию [1030, с. 464—466; 759, с. 105, 106]. Как бы то ни было, вплоть до начала 90-х годов в науке не нашлось сколько-нибудь серьезно аргументированной системы взглядов, которую бы можно было противопоставить «теории трех стадий», выглядевшей в третьей четверти XIX в. весьма убедительной и поддержанной крупнейшими авторитетами. Вот почему она была воспроизведена Ф. Энгельсом [1, с. 28—33], который, как уже правильно отмечалось в литературе, в частных вопросах исходил из уровня развития современной ему науки и, конечно, не мог предвидеть всех последующих открытий [342, с. 95—98]. Как известно, и сам Ф. Энгельс отнюдь не считал свои выводы окончательными, указывая, что «наше (К. Маркса и Ф. Энгельса.— В. Ш.) понимание жизни есть главным образом введение к изучению, а не рычаг конструкции на манер гегельянства. Всю историю надо изучать сызнова» [2, с. 371]. «Теория трех стадий» в наше время полностью отброшена, зато наметившаяся в работах ученых XVIII—XIX вв. и получившая завершение в трудах основоположников научного коммунизма теория прогрессивного развития человечества и сейчас полностью сохраняет свое значение. Одной из важнейших ее составных частей является понимание земледельческо-скотоводческого этапа развития как более высокой ступени по сравнению с охотничье-собирательским. Наиболее четко это выразил Ф. Энгельс, который писал: «Дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственно созданные человеком

продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности» [1, с. 33]. Помимо того, Ф. Энгельс первым поставил вопрос о развитии прав собственности на скот и вообще о социальной роли скотоводства, которое создало условия для регулярного обмена и накопления богатств [1, с. 57—59, 160—162].

К концу XIX в. создались основы для более конкретного решения вопросов первобытной истории. Они были подготовлены ходом развития науки по нескольким направлениям. 1) Начались серьезные исследования по географии культурных растений и домашних животных и их диких сородичей, а также изучение процессов морфологических изменений в условиях доместики (Ч. Дарвин, А. Декандоль и др.) [106; 109; 875]. 2) Возросли знания об отставших в своем развитии обществах, что поставило на повестку дня задачу их классификации, которая уже сама по себе требовала пересмотра общепринятых представлений, поскольку «теорию трех стадий» при всем желании невозможно было совместить с многообразием известных общественных и хозяйственных форм [280]. 3) Развитие археологии представило ученым образцы древней фауны и флоры, изучение которых позволило значительно конкретизировать проблематику, связанную с процессами доместики. Основы остеоархеологических исследований были заложены швейцарским зоологом Л. Рютимейером, который, изучая фауну свайных поселений, впервые глубоко проанализировал вопрос о методике различения домашних и диких животных по древним костным материалам. Дальнейшие остеологические исследования в Центральной Европе были связаны с именами Г. Натузиуса, А. Неринга и К. Келлера. С тех пор анализ фаунистических коллекций стал неотъемлемой частью методики изучения археологических памятников. Пренебрежение им в известной мере обесценивает полученные археологами материалы и затрудняет их интерпретацию. Накопление биологических и археологических данных привело к появлению к концу XIX в. первых сводок, в которых делались попытки вычленить центры происхождения домашних видов и проследить линию их эволюции [141; 814]. 4) Наконец, новые открытия в области лингвистики заставили несколько иначе взглянуть на проблему древних индоевропейцев и семитов. Выяснилось, что как те, так и другие знали не только скотоводство, но и земледелие [82, с. 288, 289; 382, с. 41—54; 223, с. 458].

Таким образом, к концу XIX в. почва для отказа от «теории трех стадий» созрела. Обычно этот переворот связывают с именем Э. Хана, немецкого географа, который занимался картографированием хозяйственных систем [722]. Но еще до Э. Хана ряд этнографов и географов пытался пересмотреть бытующие

представления. Э. Тейлор, признавая трехчленное деление истории, понимал стадии по-своему. На первую он помещал охотников, рыболовов и собирателей, ко второй относил начало производства пищи, отмечая, что земледелие и скотоводство родились независимо друг от друга, и, наконец, на третьей, по Э. Тейлору, происходило соединение обоих видов хозяйства в единой системе [314, с. 212—218]. В 70—80-е годы против «теории трех стадий» выступили некоторые географы, начавшие работу по классификации хозяйственных систем отставших в своем развитии народов (С. Герланд, А. Новацкий). Однако лишь продолжившему их исследование Э. Хану удалось создать убедительную альтернативу «теории трех стадий». Незадолго до Э. Хана против этой теории решительно высказался русский этнограф Э. Ю. Петри, который показал, что «первобытный человек питался тем, что ему предлагала природа», а затем появилась забота об охране дикорастущих полезных растений, которая прослеживается у бушменов и австралийцев. Отметив, что переход от такого хозяйства к земледелию относительно несложен, Э. Ю. Петри превзошел идею Ю. Липса о «народах — собирателях урожая». Вместе с тем Э. Ю. Петри считал, что охота, кочевничество и земледелие — самостоятельные, независимые промыслы; каждый из них возникает во вполне определенных природных условиях, причем «редко где они могут встретиться в чистом виде» [263, с. 268 и сл.]. Именно знакомство с работой Э. Ю. Петри побудило Э. Хана выступить в печати с кратким изложением своих взглядов в 1891 г. [620]. А еще через пять лет была опубликована хорошо известная ныне книга Э. Хана, выход которой надолго определил направление дискуссий по вопросам происхождения производящего хозяйства [621]. В этих исследованиях Э. Хан одним из первых подошел к изучению земледелия дифференцированно, выделив несколько его форм. Древнейшей формой он считал мотыжное земледелие, для которого не требуется труда животных и к которому легко перейти от собирательства. Предпосылкой для его возникновения он называл умение хранить запасы пищи, которое появляется еще у охотников. Э. Хан отрицал возможность самостоятельного становления скотоводства у охотников, поскольку предпосылки для какого бы то ни было длительного содержания животных у них отсутствовали из-за постоянных колебаний средств существования от изобилия к недостатку. Доместикация животных, по его мысли, могла произойти только у мотыжных земледельцев, ведущих более стабильный образ жизни. Вслед за Ч. Дарвином [106, с. 758] важнейшим признаком доместикации Э. Хан считал способность животных размножаться в неволе.

При всем положительном, что внес в науку Э. Хан, его взгляды отличались порой схематизмом. Как многие его предшественники, он полагал, что содержание домашних животных

обретает практическое значение только в условиях плужного земледелия, упуская из виду другие, не менее важные хозяйственные и социальные функции скота. А это, в свою очередь, привело Э. Хана к идеалистическому объяснению появления скотоводства религиозными мотивами. Так, по его мнению, первым был одомашнен крупный рогатый скот, служивший главной жертвой лунному божеству, что и повлекло его domestикацию.

Как бы то ни было, работы Э. Хана показали насущную потребность в более конкретном изучении материальной базы первобытного общества и породили целую серию специальных работ на эту тему [722, с. 86—88]. В лице Э. Тейлора и Э. Хана наука попыталась отказаться от представления о том, что земледелие возникло из скотоводства. С этого времени в ней началась продолжительная борьба двух тенденций: последователи Э. Тейлора доказывали, что скотоводство и земледелие произошли независимо друг от друга у разных народов, а последователи Э. Хана столь же упорно выводили скотоводство из земледелия.

В конце XIX — начале XX в. в науке господствовало направление Э. Тейлора, в русле которого работали такие ученые, как Ю. Липперт [196, с. 85, 86]; Э. Гроссе [94, с. 40], Г. Шурц [383, с. 244—263], оказывавшие влияние и на археологов [248, с. 517—540; 86, с. 131, 132]. К этой группе примыкал Э. Пьетт, который, анализируя памятники древнего искусства, пришел к выводу о том, что лошади и олени были одомашнены в верхнем палеолите, а крупный рогатый скот — в мезолите [876, с. 266, 267]. Позже было установлено, что сюжеты, на которые указывал Э. Пьетт, характеризовались особой стилистикой и не могли трактоваться как свидетельства domestикации [925, с. 510; 694, с. 84].

В 20—30-е годы на страницах научной печати развернулась ожесточенная полемика между последователями Э. Хана и сторонниками линии Э. Тейлора. Первые (К. Вейлэ, Ф. Краузе, Г. Кунов, Л. Крживицкий, К. Майнхоф, С. Д. Форд) доказывали, что если переход к земледелию являлся общей закономерностью, то существование кочевого скотоводства связано с весьма специфическими условиями [76; 172; 185; 582; 724; 793]. Отмечая, что предпосылки domestикации животных в виде содержания «любимчиков» наблюдаются уже у охотников, рыболовов и собирателей, они утверждали, что настоящая domestикация происходит лишь у более развитых, мотыжных земледельцев в условиях оседлости или полuosедлости. Сначала были одомашнены мелкие, легко приручаемые животные (собаки, свиньи, куры), а уж потом — стадные копытные. Правда, Л. Крживицкий включал в список древнейших животных коз и овец [172, с. 89], а С. Д. Форд, противореча самому себе, писал то о том, что первыми домашними животными были собака и

свинья, то о том, что domestикация началась с крупного рогатого скота [582, с. 455, 458]. Слабость этой точки зрения заключалась в том, что используемый этнографический материал происходил в основном из тропических районов Южной и Юго-Восточной Азии, а также Океании, тогда как исторические источники относились к гораздо более развитым культурам древнего Востока, с иной системой хозяйства, что и порождало противоречия, подобные встречающимся в работе С. Д. Форда. Кочевое скотоводство, по мысли указанных исследователей, возникло из комплексного производящего хозяйства в особых экологических условиях, мало пригодных для земледелия. Это происходило либо при изменении политической ситуации, повлекшем за собой оттеснение сюда земледельцев и скотоводов, либо при изменении климата и установлении более засушливых условий [76, с. 110; 185, с. 102; 582, с. 404, 405]. Указывая на пример североамериканских индейцев, заимствовавших скот у испанцев, Л. Крживицкий и С. Д. Форд считали, что переход от охоты к скотоводству тоже был возможен, но он происходил лишь под влиянием со стороны народов — носителей производящего хозяйства [172, с. 89, 90; 582, с. 394]. Вопрос о центрах перехода к земледелию и скотоводству последователи Э. Хана, как правило, не ставили, полагая, по-видимому, что он был возможен везде, где складывалась подходящая для этого обстановка. Лишь С. Д. Форд специально оговаривал, что таких центров было очень немного, так как навыки земледелия и скотоводства передавались от одних народов к другим. Он считал, что имелось по крайней мере два центра перехода к земледелию: один — в Старом и один — в Новом Свете. Доместикация животных, по его мнению, началась в Старом Свете в Передней Азии [582, с. 428, 431, 439, 457, 458].

Новые веяния в этнографии затронули и экономистов, которые в лице К. Бюхера тоже отказались от «теории трех стадий», взяв на вооружение работы Э. Хана [54].

Определенную роль в изучении проблемы возникновения и распространения производящего хозяйства, и в частности скотоводства, сыграли диффузионисты. Теория диффузии культурных достижений была очень популярна в зарубежной науке 20—30-х годов. Однако ее применение для решения научных проблем в работах представителей разных школ было весьма различным. Столь же разнообразны были и полученные выводы. Так, английские диффузионисты во главе с Г. Эллиотом Смитом и У. Перри считали, что все важнейшие достижения человечества происходят из одного центра. Рассматривая главным образом проблему происхождения производящего хозяйства и связанной с ним ранней цивилизации («архаической цивилизации», по У. Перри), они находили их корни в Египте, откуда эти достижения будто бы распространились вместе со своими носителями по всему миру [869; 556; 557; 609]. Рационально

зерно диффузионизма состояло в том, что он опирался на реальный факт взаимосвязей и взаимовлияний, в условиях которых развивались отдельные человеческие коллективы. В довоенные годы некоторые зарубежные ученые, и в первую очередь сам Г. Эллиот Смит, придали в своих построениях этому факту гипертрофированную форму, сделав его главным фактором развития человечества. Ни Г. Эллиот Смит, ни его школа не дали правильного понимания процесса заимствований. Так, сам Г. Эллиот Смит видел в диффузии простое переселение народов. Многие представления этого ученого и его учеников были наивными, а исторический процесс в их работах выглядел чересчур упрощенным. Однако сама идея взаимовлияний оказалась плодотворной, и именно под воздействием идей Г. Эллиота Смита шло формирование взглядов Г. Чайлда [483, с. 22], который писал, что в неолите «потенциальная изоляция никогда и нигде практически не достигалась, возможно, потому, что всецело снабжающего себя хозяйства нигде не было» [482, с. 86]. Г. Чайлд указывал, что распространение культуры могло происходить не только путем миграции населения, но и путем заимствования вещей в ходе обмена и путем передачи идей [483, с. 170, 171]. Он справедливо считал, что для заимствования необходимо определенный уровень развития, облегчающий восприятие новшества [483, с. 172], признавая тем самым одно из важных положений марксизма о том, что восприятие всякого новшества возможно лишь при наличии соответствующей социально-экономической базы. В целом взгляды Г. Чайлда отличались прогрессивностью, чему в немалой степени способствовало его знакомство с работами советских ученых, которые он внимательно изучал и высоко оценивал.

Развив учение о «неолитической революции», суть которой заключалась в переходе от присваивающего хозяйства к производящему, как принципиально важной грани в развитии первобытного человека, Г. Чайлд считал ее важнейшим центром Переднюю Азию и отчасти Северную Африку, откуда земледелие и скотоводство распространились в окружающие районы [355, с. 58—61]. Он сделал попытку связать этот переход с климатическими изменениями, видя в аридизации главный стимул к тому, чтобы люди и животные устремлялись в оазисы, где в условиях симбиоза будто бы и произошла domestикация животных [«оазисная теория»] [482, с. 77, 78]. Если Г. Эллиот Смит, У. Перри и их последователи оставались в принципе на позициях школы Э. Хана, реконструируя процесс возникновения производящего хозяйства в комплексной форме и полагая, что изменение соотношения между земледелием и скотоводством могло произойти в дальнейшем с проникновением мигрантов в новую среду обитания, то Г. Чайлд проявил известные колебания, допуская, что domestикация животных могла совершиться и в обществе охотников.

Идеи Г. Чайлда были подхвачены и развиты, хотя и весьма односторонне, Г. Пиком и Г. Флером, которые полагали, что охотники Сахары и Северной Африки сначала одомашнили собаку, а затем, по мере роста аридизации, мигрировали в евразийские степи, где и распространили идею скотоводства. При этом, как утверждали эти авторы, разные животные были одомашнены в разных местах, при различных обстоятельствах и для самого разного использования. Ученые допускали, что и особи одного вида могли быть одомашнены независимо в разных местах. Г. Пик и Г. Флер думали, что переход от охоты к кочевому скотоводству в степях совершился в ходе следования охотников за стадами диких копытных и все большего контроля со стороны человека за их передвижениями [859, с. 30—40].

Учение географов, и в частности Э. Хана, о хозяйственных типах и их исторической последовательности, а также попытка Э. Гроссе установить жесткую корреляцию между типами хозяйства и формами социальной организации стали одними из исходных предпосылок для возникновения концепции исторического развития, выдвинутой представителями Венской культурно-исторической школы. Вместе с тем их решение вопроса о происхождении скотоводства резко отличалось от предложенного Э. Ханом. В. Шмидт и В. Копперс [925; 924] считали, что корни скотоводства следует искать там, где в древности имелись крупные стада диких копытных, а сейчас широко распространено экстенсивное скотоводство, т. е. в Центральной Азии, где древнейшими домашними животными будто бы были олени, лошади и верблюды. Отстаивая моноцентрическую теорию происхождения скотоводства и принципы диффузионизма, эти авторы склонялись к тому, что толчком для развития и распространения скотоводства послужило оленеводство, возникшее у охотничьих народов. Комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, по их мнению, появилось поздно в результате смешения северных культур с культурами южных мотыжных земледельцев. На археологических материалах теорию независимого становления земледелия и скотоводства пытался обосновать австрийский археолог О. Менгин [801]. Древнейшее земледелие он связывал с ранними культурами Передней и Южной Азии и Африки к югу от Сахары, а скотоводство, по его мнению, родилось в Северной и Центральной Евразии.

Наиболее детально в довоенные годы картина возникновения и распространения скотоводства была рассмотрена в зарубежной науке учеником В. Шмидта и В. Копперса Ф. Флором [581], который развил идеи Венской культурно-исторической школы, опираясь на многочисленные работы этнографов, лингвистов, зоотехников, а также на археологические данные главным образом в интерпретации О. Менгина. Однако априорный подход, тенденциозная подача материала, а также привлечение в качестве доказательств весьма сомнительных источников —

все это не позволило Ф. Флору дать достаточно объективное решение изучаемой проблемы. Утверждая вслед за В. Шмидтом и В. Копперсом, что скотоводство связано своим происхождением с Северной Евразией, тогда как земледелие — с южными культурами тропического пояса, этот автор оставлял за последними лишь право на содержание священных животных в интересах культа, что, по его мнению, не имело никакого отношения к скотоводству. Взаимовлияние скотоводов и земледельцев и смешение их культур происходило, по Ф. Флору, довольно поздно в Иране, Средней Азии и степях Восточной Европы. К таким смешанным культурам он относил общества коровопасов, в частности скифов. Результатом смешения культур Ф. Флор считал распространение скотоводства с его неизменно высокой хозяйственной ролью домашних животных на юг, а культового отношения к животным, напротив, на север. Что же касается последовательности приручения животных, которое Ф. Флор вопреки Э. Хану связывал с высшими охотниками, с их бродячим образом жизни, то она представлялась этому исследователю в следующем виде. Первоначально, еще в конце верхнего палеолита, в прибалтийско-арктической области предками эскимосов и самодийцев были одомашнены собаки и возникло упряжное собаководство. Позже протосамодийцы, познавшие таким образом принцип скотоводства, одомашнили в Саянах северного оленя, что, в свою очередь, повлекло domestикацию лошади в Центральной Азии и яка в Тибете. Так были заложены основы древнейшего скотоводства, которое с этого момента стало передаваться от одного народа к другому.

Эта надуманная схема оказалась в целом малопродуктивной и была довольно прохладно встречена мировой наукой. Однако отдельные положения, высказанные Ф. Флором, сохраняют свое значение и до сих пор. К ним относится мысль о возникновении оленеводства в саянском центре, о появлении упряжного оленеводства под влиянием собачьих упряжек, о большой роли в первичном пороодообразовании гибридации интродуцированных домашних животных с местными дикими, о domestикации местных диких видов фауны пришлыми скотоводами и т. д.

Важное место в дискуссии о происхождении скотоводства занимал вопрос о причинах приручения животных. Ученые XVIII и большей части XIX в. принимали как само собой разумеющееся идею о том, что скотоводство возникло прежде всего из хозяйственных потребностей. Однако развитие этнографических знаний показало, что это решение вопроса не настолько очевидно, чтобы быть принятым без всяких оговорок. Уже Ф. Гэлтон [593, с. 243—271] показал, что содержание животных встречается на весьма низком уровне развития культуры, хотя и отмечал, что бродячие охотники, которые постоянно находятся на грани голода, неспособны держать пойманных

животных в качестве «любимчиков» [593, с. 250]. Ф. Гэлтон предполагал, что domestикация выросла из целой серии полубесознательных действий и не имела своим прямым мотивом хозяйственные цели. Вместе с тем лишь немногие животные превратились из таких животных-«любимчиков», которых держали ради удовольствия, в настоящих домашних животных. Для этого пойманные особи должны были быть неприхотливыми и без труда приспособляться к новым условиям жизни, легко привязываться к человеку, быть ему полезными, свободно размножаться в неволе, обладать стадным чувством, облегчающим их выпас. Ф. Гэлтон положил начало теории симбиоза, отметив, что некоторые животные сами идут навстречу domestикации.

Поиски причин одомашнивания, не связанных с интересами хозяйства, привели некоторых ученых к утверждению о том, что большую роль в этом сыграла религиозная практика первобытного человека. Постановка проблемы в такой форме возникла в конце XIX в., когда интерес к ней вспыхнул в связи с открытием тотемизма. Впервые вопрос о возможной связи domestикации животных с тотемизмом был поставлен в 1887 г. Дж. Фрэзером, однако позже, не найдя подтверждений в этнографических материалах, этот автор рассматривал такую связь как маловероятную [584, с. 87; 585, с. 20—23]. Развернутую аргументацию тотемическая теория domestикации получила в работах Ф. Джевонса [707, с. 113—120] и С. Рейнака [281, с. 34, 35]. Будучи убежден в том, что скотоводство возникло из бродячей охоты, Ф. Джевонс полагал, что единственным стимулом для продолжительного и сложного труда по domestикации могли быть те религиозные установки, которые он отождествлял с тотемизмом. Отмечая характерный для последнего запрет причинять зло тотемным животным, он считал, что они могли свободно обитать на племенной территории в течение многих поколений, становясь в итоге ручными или домашними. Пережиток этих отношений ученый видел в широко известном у скотоводов обычае по возможности не резать домашних животных специально ради мяса. Регулярное поедание мяса домашних животных, по его мнению, началось с развитием земледелия, когда пищевых ресурсов стало больше, а тотемизм исчез.

Принципиально той же системы аргументации придерживался и С. Рейнак. Правда, он отказался от представления о том, что скотоводство возникло на базе бродячей охоты ранее земледелия, допустив возможность комплексного становления производящего хозяйства в рамках одного этноса. Он уточнил также и тезис о свободном размножении тотемов на племенной территории, указав, что для этого не только члены рода, обладающие данным тотемом, не должны были использовать его в пищу, но и их соседи не могли на него покушаться. Переход к поеданию тотемов С. Рейнак связывал с возникновением идеи

обретения таким способом священной силы, которая будто бы переходила с тотема на человека. Он считал, что мысль о хозяйственной полезности домашних животных явилась следствием развития этой практики. М. Панкрициус, которая также пыталась обосновать тотемическую теорию domestikации, привлекла для этого широкие фольклорные материалы и образцы палеолитического пещерного искусства [851, с. 338—350].

Искусственность построения тотемической теории domestikации не позволила ей сколько-нибудь прочно укрепиться в науке. Гораздо больше последователей нашлось у другой теории, которая утверждала, что первоначально domestikация животных имела своей целью их содержание ради жертвоприношений богам или духам. Как отмечалось выше, автор этой теории Э. Хан указывал на ту большую роль, которую жертвоприношения быков играли в древних религиях, и ставил эту практику в прямую связь с культом луны. Правильно отмечая тот факт, что использование домашних животных в качестве тягловой силы и для получения ряда важных вторичных продуктов скотоводства стало возможным лишь через длительное время после завершения domestikации, Э. Хан не находил иной причины для одомашнивания животных, кроме религиозной. Он утверждал, что молочное хозяйство, обычай кастрации быков, земледелие и плуг также возникли из ритуалов [621]. Тем самым этот исследователь положил начало иррациональному объяснению происхождения различных элементов культуры (см. об этом [698, с. 18—26]). Его главный аргумент, который до сих пор находит место в работах его последователей, заключался в том, что древнейшие письменные и изобразительные свидетельства о скотоводстве в странах древнего Востока дошли до нас в религиозном контексте.

Другие сторонники религиозной теории domestikации пытались расширить ее фактологическую базу и, привлекая этнографические данные, доказывали, что примитивное скотоводство имеет якобы прежде всего не хозяйственное, а религиозное значение. Так, Б. Лауфер подчеркивал, что народы Восточной и Юго-Восточной Азии не используют многих продуктов скотоводства, тогда как домашние животные и птицы играют огромную роль в их религиозной практике (гадания, жертвоприношения) [735, с. 251—255]. К. Майнхоф на африканских этнографических материалах стремился обосновать идею, согласно которой скотоводство возникло тогда, когда человеческие жертвоприношения стали сменяться жертвоприношениями скота, причем для основных культовых целей был приручен бык, а для мелких жертвоприношений и праздников — овцы и козы. Вслед за Э. Ханом возникновение обычая кастрации скота он также связывал с ритуалом [793, с. 72—74].

Таким образом, в начале XX в. оформилось четыре подхода к объяснению причин возникновения скотоводства: 1) одомаш-

нивание животных для хозяйственных нужд; 2) содержание животных-«любимчиков» для удовольствия; 3) теория симбиоза; 4) религиозная теория domestикации. С тех пор и поныне в работах многих зарубежных авторов часто встречаются элементы всех или по меньшей мере двух из этих теорий в разном соотношении. Так, Ф. Гребнер реконструировал механизм возникновения скотоводства в условиях симбиоза между животными и охотниками, следовавшими за их стадами. Он считал, что такая охота порождала в человеческих коллективах особые чувства к животным, связанные с тотемизмом. Однако в отличие от Ф. Джевонса и С. Рейнака Ф. Гребнер рассматривал религиозное отношение к животным как духовную оболочку процесса domestикации, а не как главную его причину [617, с. 1030]. Б. Клатт отвергал идею domestикации по хозяйственным мотивам, как анахронизм, ссылаясь на содержание животных якобы исключительно для удовольствия у многих отставших в своем развитии народов, а также сочувственно излагая положения религиозной теории domestикации [715, с. 6—7]. Соглашаясь с Э. Ханом в том, что домашние животные широко используются в ритуалах, С. Д. Форд писал, что domestикация могла иметь своей целью обеспечение бесперебойного снабжения людей мясом, а ритуал, независимо от того, возник он до или после нее, мог служить той же цели [582, с. 457]. К. Вейлэ считал, что первоначальное приручение происходило по самым разнообразным мотивам, не связанным с желанием человека извлечь какую-либо хозяйственную пользу из него. Лишь в обстановке оседлоземледельческого быта могла возникнуть мысль о полезности прирученных животных [76, с. 108]. С другой стороны, Л. Крживицкий допускал возможность domestикации животных-тотемов [172, с. 91, 92].

Наиболее последовательными противниками религиозной теории domestикации в зарубежной науке довоенного времени были У. Сирелиус и представители Венской культурно-исторической школы. У. Сирелиус [937] указывал, что древнейшим способом использования прирученных животных была их дрессировка для целей охоты, приводя в пример охоту с соколами, бакланами, гепардами и т. д. В соответствии с этим У. Сирелиус считал, что древнейшие домашние олени выполняли функцию манщиков, прежде чем они стали служить для транспортных нужд. И лишь много позже возникло кочевое оленеводство. В то же время он справедливо делал оговорку, что охотничьи животные зачастую не оставляют потомства и поэтому не могут основать домашнюю популяцию. Поэтому в качестве одного из возможных путей приручения оленей он называл загонную охоту с изгородями. В противовес Э. Хану и его последователям У. Сирелиус выдвинул рациональное объяснение появлению кастрации животных, в которой он видел средство уменьшить напряженность в стаде. Пытаясь обосновать идею очень ранне-

го появления упряжного оленеводства, У Сирелиус указывал на находки полозьев саней будто бы каменного века. Однако датировка этих находок впоследствии была признана спорной, равно как и связь их с оленьей упряжкой, с чем согласился и сам У Сирелиус (см. об этом [193, с. 87, 88; 828, с. 99—100]).

Отрицание религиозной теории доместикации было одним из принципиальных моментов в исторических построениях В. Шмидта и В. Копперса, которые считали культ животных чертой, характерной исключительно для южного культурного круга. Они не видели истоков доместикации и в институте «любимчиков», правильно подчеркивая, что наличие «любимчиков» не ведет автоматически к возникновению скотоводства. Вместе с тем первоначально они отрицали и хозяйственные основы доместикации, полагая, что оленеводство родилось на базе симбиоза, возникшего в условиях специализированной охоты [925, с. 509, 510]. Однако после исследования Ф. Флора, утверждавшего, что лишь собака и свинья могли быть приручены в результате симбиотических связей с человеком, тогда как другие животные были одомашнены по хозяйственным соображениям (олени, в частности, ради мяса и под вьюк) [581, с. 44, 92, 93], В. Копперс изменил свое мнение. Отметив, что охотники никогда не практикуют бесполезное истребление животных, В. Копперс доказывал теперь, что главной причиной доместикации была хозяйственная необходимость [721, с. 179—185].

Если не считать попытки В. Шмидта и В. Копперса обосновать с помощью идеи прямого перехода охотников к кочевому скотоводству реконструируемую ими линию развития от тотемических экзогамных патриархальных обществ к большесемейным патриархальным группам, то окажется, что зарубежная наука весьма мало внимания уделяла социальным последствиям доместикации животных. Лишь Л. Крживицкий высказал несколько ценных соображений о возникновении частной собственности на скот, пытаясь найти предпосылки для этого в обычаях охотников. Он был первым, кто указал на ее большое своеобразие в древнейший период, заключавшееся в том, что «частная собственность на скот не мешала коллективному его потреблению» [172, с. 91, 92].

Итоговыми для зарубежной науки довоенного периода можно считать работы Р. Лоуи [762, с. 282—316; 763, с. 37—52] и К. Уисслера [1038, с. 200—206]. Р. Лоуи подчеркивал, что при всей важности конкретного анализа всего многообразия хозяйственных систем первобытности эта задача еще далеко не решена, вследствие чего картина становления производящего хозяйства остается туманной. Вопрос о соотношении процессов самостоятельной доместикации и заимствования решался Р. Лоуи правильно. Он выделял несколько независимых очагов доместикации в Старом и Новом Свете. В то же время Р. Лоуи считал, что хотя видовое разнообразие культурных растений и

домашних животных и может быть связано своими истоками с разными биологическими центрами их domestikации, однако часть из этих центров могла послужить основой для возникновения не первичных, а вторичных очагов domestikации. Он подчеркивал творческий характер заимствования. Вместе с тем Р. Лоуи придерживался идеалистической религиозной теории domestikации, видя в ней опровержение материалистической исторической концепции. Касаясь вопроса о генезисе кочевого скотоводства, этот исследователь склонялся к мысли о том, что крупные копытные животные могли быть одомашнены охотниками.

К. Уисслер, подобно Р. Лоуи, придерживался полицентрической концепции становления скотоводства. Он считал, что в разных условиях разные животные могли быть одомашнены разными путями. Так, собак и свиней могли приручить в условиях симбиоза. Тур, лошадь и другие крупные копытные стали домашними, возможно, при тех же обстоятельствах, что и олень, т. е. к их разведению перешли следующие за стадами охотники. В то же время не исключалась и domestikация животных, противших поля ранних земледельцев. В любом случае, по мнению К. Уисслера, новые, более тесные взаимоотношения между людьми и животными возникали неосознанно, симбиотически.

В России интерес к истории домашних животных возник сразу же вслед за выходом в свет исследований Л. Рютимейера и Г. Натузиуса. Одной из первых работ на эту тему была статья К. Ф. Кесслера, в которой автор знакомил русского читателя с новейшими достижениями западных специалистов и вносил некоторые предложения по усовершенствованию методики изучения костного материала [142, с. 1—27]. В начале XX в. уже имелись обобщающие произведения русских авторов, посвященные происхождению домашних животных, как, например, книги Е. Елачича [118] и особенно Е. А. Богданова [36]. Однако основные достижения в области изучения проблем древнего скотоводства связаны уже с советским периодом.

Советская наука 20-х и отчасти 30-х годов, еще только овладевавшая марксистской методологией, испытывала влияние тех общих тенденций, которые характеризовали европейскую науку в целом. В ней также наметились две линии. Сторонники первой, соглашаясь во многом с Э. Ханом, считали, что производящее хозяйство родилось в комплексной форме, а кочевое скотоводство выделилось из него лишь позже (многие зоологи, см. ниже). Их противники связывали становление скотоводства с приручением животных в условиях охотничьего быта (В. Г. Богораз-Тан, В. В. Гольмстен, С. Н. Быковский, В. И. Равдоникас и др.). Вместе с тем в советской науке тех лет имелась и еще одна, марристская, тенденция, в силу которой потенции местного развития где бы то ни было гипертрофировались, а роль культурных влияний сводилась на нет, что особенно про-

явилось в 30-е годы. Поэтому целесообразно историю науки 20-х и 30-х годов рассматривать отдельно.

Уже в 20-е годы зоологи и ботаники сделали важные шаги в изучении проблем domestikации. В это время были разработаны методические основы изучения domestikации животных, причем эта проблема рассматривалась как комплексная, решение которой возможно лишь при содружестве многих наук. Некоторые ученые пытались выявить очаги domestikации отдельных видов, а также начали глубокое изучение последствий содержания домашних животных в домашних условиях и механизмов пороодообразования [45; 329; 294; 36]. Д. Д. Букинич, занимавшийся главным образом происхождением земледелия, независимо от Г. Чайлда пришел к сходному с ним пониманию роли оазисов в пустынных районах как стимуляторов перехода к производящему хозяйству [50, с. 101, 102, 112]. Он полагал, что domestikация быка была вызвана потребностями плужного земледелия, а за быком последовали и другие животные. Д. Д. Букинич считал, что domestikация началась в условиях преследования диких животных охотниками. В те же годы вышла в свет работа В. А. Городцова, где были обобщены данные по археологии каменного века, которые свидетельствовали, в частности, о том, что производящее хозяйство проникло в Европу из Азии [91, с. 309, 310, 367—369]. Последнее подтверждали и специалисты-зоологи.

В конце 20-х годов были опубликованы работы этнографа А. Н. Максимова, в которых наряду с рядом спорных положений содержались ценные мысли и замечания, проливавшие свет на проблему domestikации. Этот исследователь, как никто другой из профессиональных этнографов до него, подчеркнул высокую социальную роль раннего скотоводства, значение стада как показателя персонального престижа и богатства, а также как важнейшего средства установления социальных контактов [205, с. 4—10]. Вместе с тем, не проводя четкого различия между приручением и одомашниванием, ученый не нашел и рационального объяснения происхождения последнего. А. Н. Максимов не видел разницы между современным промышленным мясным животноводством и примитивным разведением животных на мясо, как правильно указывал полемизировавший с ним С. Н. Быковский [53, с. 21]. Следствием такого подхода стал парадоксальный вывод о том, что молочное использование животных предшествовало мясному [205, с. 16, 17, 21].

А. Н. Максимов внес большой вклад в изучение вопроса о происхождении оленеводства [206, с. 3—32]. Проанализировав типы оленеводства в Евразии, ученый пришел к заключению о существовании двух независимых центров domestikации северного оленя (скандинавский и саяно-тунгусский). В обоих случаях, по его мнению, domestikация происходила под влиянием развитых скотоводов, что позволило отвергнуть идею самостоя-

тельного одомашнивания оленя бродячими охотниками. Весьма ценными представляются аргументы А. Н. Максимова, направленные против теории симбиоза. Он показал, что дикий олень не только не идет навстречу человеку, но оказывает ему всяческое сопротивление.

В этот же период В. Г. Богораз-Тан выдвинул гипотезу о двух моделях становления скотоводства, которая существенно повлияла на распространение в советской науке идеи о самостоятельной domestикации оленей охотниками Севера. Ученый считал, что скотоводство возникло, во-первых, для «забавы» у примитивных земледельцев, приручавших разных птиц, грызунов и т. д. (мелкое скотоводство), во-вторых, у степных охотников на крупных травоядных (крупное скотоводство) [42, с. 81—84].

Первое автор связывал с оседлостью, второе — с подвижным образом жизни; первое — с domestикацией отдельных особей, второе — целых стад. Главным механизмом domestикации у охотников он считал загонную охоту и содержание животных за изгородами, не указывая, однако, как последнее могло сочетаться с подвижным образом жизни. Слабость аргументов В. Г. Богораз-Тана заключалась и в том, что приводимые им примеры относились к высокоразвитым земледельческо-скотоводческим обществам. По мысли этого автора, вторая модель породила кочевое скотоводство. Он считал, что лишь в дальнейшем произошла интеграция обеих систем хозяйства. Важным представляется введенное этим исследователем деление скотоводства на более раннее мясо-шкурное и более позднее молочно-шерстяное. Определенную (хотя и не основную) роль в процессе domestикации он отводил тотемическим воззрениям древних. Он допускал возможность распространения домашних животных из первичных центров путем обмена или похищения.

Вначале В. Г. Богораз-Тан считал, что оленеводство распространилось из единого саянского центра [42, с. 91], но позже изменил свое мнение, указав, что оленеводство «явилось оригинальным достижением так называемых малых народностей, живущих на севере и северо-востоке СССР», и возведя его древность к концу ледникового периода, когда к нему будто бы перешли охотники, следовавшие за оленьими стадами [43, с. 219, 246]. Основанием для такого утверждения явился примитивный облик оленеводства, в котором автор видел доказательство местного самостоятельного одомашнивания. Лишь много позже было выяснено, что этот факт следует связывать с особенностями адаптации оленеводства в новых экологических условиях.

Поворотный этап в развитии советской науки начался в 30-х годах. Именно в это время работы Н. И. Вавилова и его учеников, посвященные происхождению и распространению культурных растений, открыли новую страницу в истории изу-

чения проблемы становления и развития производящего хозяйства. Новые веяния охватили и зоологию, которая вплотную приблизилась к решению коренных вопросов доместикиции и пороодообразования домашних животных, о чем свидетельствуют материалы двух специальных совещаний [270; 271]. Однако в 30-е годы возникла и другая тенденция, в силу которой многие специалисты по истории первобытности вступили на путь «гипертрофированного автохтонизма» [175, с. 3; 272]. Для этого имелся ряд причин, важнейшими из которых следует признать упрощенные представления многих исследователей о марксистском учении и в связи с этим их некритический подход к «новому учению о языке» Н. Я. Марра, а также реакцию советской науки на весьма популярные на Западе в то время теории миграционизма.

Сначала следует остановиться на первой тенденции. Работами советских ботаников было доказано, что каждый древний вид культурных растений, полученный в результате долгого периода гибридизации, происходит из строго определенного района, где имелись все компоненты, участвовавшие в гибридизации [156, с. 58—64]. Поэтому древнейшие очаги доместикиции следовало искать в районах с наибольшим сортовым разнообразием. Они локализовались в горных областях, которые и стали предметом пристального внимания советских растениеводов во главе с Н. И. Вавиловым [57, с. 169—171]. Тем самым была подтверждена возможность заимствования. Работы Н. И. Вавилова по выявлению первичных очагов земледелия стали одним из крупнейших достижений XX в. и, несмотря на ряд уточнений, внесенных в последние годы, остаются ценнейшим руководством для всех, кто занимается проблемами первобытного хозяйства.

Правда, надо заметить, что в них не учитывалась возможность изменения природных условий на протяжении голоцена, что могло повлечь некоторые несоответствия в современных и древних границах ареалов различных видов фауны и флоры. Кроме того, хотя Н. И. Вавилов и предусматривал вероятность возникновения вторичных очагов сортового разнообразия, на практике еще не всегда удавалось отличить первичные очаги от вторичных из-за недостаточной изученности отдельных регионов.

Под влиянием работ Н. И. Вавилова и по его инициативе начала работать группа советских зоологов, пытавшихся применить его идеи для изучения истории домашних животных [38, с. 4]. Была разработана интереснейшая программа изучения процессов доместикиции, включавшая как экспериментальное изучение современных пород домашних и диких животных, так и исследование костных остатков [40; 46; 92] (программу археологического изучения см. [247, с. 548]).

В итоге появилась возможность выделения мировых центров происхождения домашних животных, началась более глубо-

кая разработка проблем зоологической систематики, был поставлен вопрос о передаче домашних животных от одних народов к другим. К первичным очагам происхождения домашних животных ученые относили «китайско-малайский, индийский, юго-западноазиатский, средиземноморский и андийский», а к дополнительным — «тибето-памирский, восточнотуркестанский, восточносуданский и южноаравийский, абиссинский, южноафриканский и саяно-алтайский». Эти очаги частично совпадали с центрами происхождения мирового земледелия, выделенными Н. И. Вавиловым, однако полного тождества не было. Любопытно, что зоологи связывали доместикацию северного оленя с единым Саяно-алтайским центром [39, с. 25—28]. Изучение остеологических материалов Восточной Европы привело В. И. Громову к мысли о том, что многие домашние животные появились здесь извне, так как биологические предпосылки для их местной доместикации отсутствовали. Полемизируя с защитниками идеи автохтонизма, исследовательница писала: «Я останавливаюсь подробнее на разбираемом вопросе, сравнительно ясном для зоолога, ввиду того, что специалисты по истории культуры не склонны допускать возможности передачи на большие расстояния культурных приобретений на очень ранних стадиях от одной народности к другой» [93, с. 107].

Известную роль в распространении упомянутой В. И. Громовой тенденции сыграло «новое учение о языке» Н. Я. Марра. Как считают современные ученые, выдвинутый Н. Я. Марром принцип «стадиального развития языка» [211] был не более чем новой попыткой наметить структурную (типологическую) классификацию языков [117, с. 10]. Однако сам Н. Я. Марр и особенно его последователи придали ему гораздо более широкое содержание. Выдвинутое им положение о том, что языковые системы представляют собой хронологический ряд [211, с. 48, 61, 90, 205], трактовалось таким образом, что все культурные явления стали сводиться к исключительно местному развитию. Исходя из потенциальных способностей отдельных человеческих коллективов к изобретениям, часто делался необоснованный вывод о том, что все изобретения действительно совершались повсюду. В частности, это касалось истории возникновения производящего хозяйства (см., например, [260]).

Поскольку население ряда районов СССР уже в эпохи неолита и ранней бронзы имело домашних животных, тогда как четких свидетельств наличия земледелия здесь не было, сторонники автохтонизма считали, что переход к скотоводству совершился в среде охотников и рыболовов. При этом одни ученые реконструировали процесс доместикации в условиях оседлости (М. И. Артамонов, В. В. Гольмстен, М. П. Грязнов, Г. П. Соосновский и, видимо, С. Н. Быковский [88; 306; 53]), другие же защищали тезис о доместикации в ходе преследования стад диких животных охотниками, ссылаясь главным образом на при-

мер оленеводства (В. Г. Богораз-Тан, В. И. Равдоникас, А. М. Золотарев, М. Г. Левин [43; 273; 274; 127]).

Стройная теория доместикиции и развития скотоводства была выдвинута группой ученых, в которую входили М. И. Артамонов, В. В. Гольмстен, М. П. Грязнов и Г. П. Сосновский [88]. Эти ученые четко различали приручение, которое имело нерегулярный характер у охотников и производилось по самым разным причинам, и доместикицию, которая имела дело лишь с немногими видами животных, наиболее полезными с хозяйственной точки зрения. Важными предпосылками доместикиции они называли более устойчивые, чем в палеолите, источники питания и оседлость, которые могли быть связаны не только с земледелием, но и с высокопродуктивными охотой и рыболовством. Авторы допускали возможность доместикиции собаки в условиях симбиоза, однако не распространяли это на других животных. Критикуя теорию приручения стад бродячими охотниками, они указывали, что доместикиции подвергались отдельные особи, а не стада. Начало доместикиции они связывали с содержанием в неволе молодых особей мелких видов животных и считали, что древнейшими домашними животными в лесной полосе Восточной Европы были свиньи и козы, а в степной — овцы. Известный схематизм, присущий их взглядам, имел своей объективной основой неполноту данных, которыми располагала наука того времени. Исследователи отрицали идею распространения домашних животных, понимая под ней исключительно миграцию. Правда, позже В. В. Гольмстен признала, что домашние козы и крупный рогатый скот могли появиться в Восточной Европе в ходе заимствования [89, с. 123, 124].

Заслугой названных ученых надо признать первую периодизацию развития скотоводства, увязанную с конкретно-историческим материалом. Они полагали, что на первой стадии скотоводство имело только мясной характер и было тесно связано с охотой (степные культуры раннего бронзового века), а на второй — стало пастушеским с использованием собаки. На второй стадии появились заготовки кормов на зиму, чему способствовало земледелие, возникшее в среде местных племен в конце первой стадии. Вторая стадия датировалась поздним бронзовым веком. Наконец, на третьей стадии (ранний железный век) совершился переход к кочевому скотоводству. Авторы попытались также наметить эволюцию права собственности на домашних животных, которое, по их мнению, на первых порах принадлежало женщинам, а позже перешло к мужчинам.

Публикация рассмотренной работы вызвала полемику в советской науке. Широко привлекая археологический материал, С. Н. Быковский и В. И. Равдоникас показали, что крупный рогатый скот появился в Европе и некоторых других районах не позже чем остальные домашние животные [53, с. 8—12; 273, с. 31—34]. Они утверждали, что доместикатором и первым соб-

ственником скота был мужчина; роль женщин в скотоводстве возрастала лишь постепенно. Вместе с тем в решении вопроса о ранних функциях домашних животных, а также о времени и последовательности домостикации эти авторы расходились. По С. Н. Быковскому, домашние животные (крупный рогатый скот, свиньи, козы) появились «на грани неолита и медно-бронзового века» и играли сначала роль мясного запаса [53, с. 24]. Напротив, В. И. Равдоникас вслед за И. И. Мещаниновым считал, что древнейшие домашние животные (собака, олень и, возможно, бык) имелись уже у верхнепалеолитического населения, которое использовало их главным образом как средство охоты [226, с. 13; 274, с. 563, 564]. Заслуживает внимания указание В. И. Равдоникаса на необходимость критического подхода к этнографическим источникам и конкретно-исторического анализа истории скотоводства в разных районах мира.

Особое внимание этот исследователь уделил оленеводству, рассматривая его как один из древнейших видов скотоводства. Он выдвинул свою периодизацию развития скотоводства, ранний этап которого (верхний палеолит) был связан с транспортными и охотничьими животными, иногда использовавшимися и на мясо. Позже возникло мясное скотоводство (мезолит — неолит) с содержанием животных в загонах, но без заготовок кормов. В это время собственность на животных принадлежала родовым или локальным группам. На третьей стадии возникло молочное скотоводство с содержанием животных в закрытых хлевах и стойлах и заготовкой кормов на зиму (бронзовый век). Тогда же возник патриархальный род, а животные перешли в собственность мужчин [274, с. 566, 576, 577]. Интересной представляется попытка С. Н. Быковского и В. И. Равдоникаса выявить методы охоты, наиболее способствующие домостикации, — загон, облава, ямы-западни, охота с манщиком [274, с. 557; 53, с. 19—24].

В конце 30-х годов идею домостикации стад диких животных бродячими охотниками отстаивали А. М. Золотарев и М. Г. Левин [127], которые реконструировали процесс самостоятельного возникновения оленеводства у охотников, приняв конкретно-историческую специфику различных типов оленеводства за стадиальную, от чего М. Г. Левин позже отказался [64, с. 63—87].

Таким образом, советские ученые 20—30-х годов, усвоившие то лучшее, что характеризовало мировую науку конца XIX — начала XX в., гораздо конкретнее и историчнее подходили к решению проблемы происхождения скотоводства. Этому способствовал и тот факт, что на территории СССР скотоводство развивалось на протяжении длительного времени в самых различных экологических и исторических условиях, что повлекло возникновение целого ряда его типов. Некоторые из них дожили до наших дней в традиционном хозяйстве народов нашей

страны. Последнее создавало широкие возможности для комплексного археолого-этнографического исследования, база для которого и была создана вышеназванными учеными. Вместе с тем широкое распространение идей гипертрофированного автотонизма тормозило развитие советской науки. Но и здесь с ростом остеологических исследований наметился прогресс. В новой работе В. В. Гольмстен указывала, что для решения вопроса о domestикации надо прежде всего установить наличие в данном районе животных, подходящих для одомашнивания [89, с. 127].

Послевоенный период в зарубежной науке был отмечен, в-первых, постепенным отказом многих, хотя и не всех, исследователей от крайних взглядов (как, например, диффузионизм в его крайних формах), во-вторых, колоссальными масштабами конкретных исследований, в том числе и в предполагаемых первичных очагах domestикации, что потребовало разработки новых методов и поставило новые вопросы, связанные прежде всего с механизмом domestикации и процессом распространения новых достижений в конкретной географической и исторической среде. В последние годы, кроме того, наметился принципиально новый подход к использованию этнографических данных для реконструкции явлений первобытной истории: На этой базе оказалась возможной более глубокая разработка поставленных проблем, которые сейчас рассматриваются в иной плоскости, что связано с новым уровнем поисков причинно-следственных связей.

Начало указанного периода ознаменовалось обострением дискуссии между представителями Венской культурно-исторической школы и их оппонентами, результатом чего явился отход первых от ортодоксальной точки зрения и поиски иных путей решения проблемы происхождения скотоводства. Так, если В. Шмидт продолжал считать древнейшим видом скотоводства оленеводство [924], а Г. Польхаузен пытался подтвердить это привлечением данных о специализированной охоте на оленя, которая будто бы переросла в скотоводство в Центральной Европе в конце верхнего палеолита [878], то другие специалисты либо сомневались в том, что оленеводство могло породить domestикацию других животных (М. Херманнс, Г. Хэтт [647; 516]), либо даже доказывали его недавнее возникновение, которое они связывали с влиянием на охотников соседних земледельческо-скотоводческих народов (К. Йеттмар, Ф. Ханчар, К. Нарр, К. Диттмер, Л. Вайда [702; 703; 629; 821; 530; 982]).

В то же время почти все эти исследователи в той или иной мере разделяли идею о самостоятельной domestикации животных охотниками и о возникновении комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства в результате смешения культур северных скотоводов и южных земледельцев. В пользу этого, казалось бы, говорили раскопки К. Куна в Южном Прикаспии,

на материалах которых и основывались те, кто считал, что здесь разведение мелкого рогатого скота появилось вне связи с земледелием (Г. Польшаузен, М. Херманнс, Г. Хэтт, К. Йеттмар, Ю. Липс [879; 647; 516; 705; 197]). Позже Г. Польшаузен попытался привлечь для обоснования своей теории и материалы некоторых других памятников эпохи мезолита (Зави Чемы Шанидар, Ла Адам, Шатонеп-ле-Мартигю, Руфиньяк и т. д.) [880], однако, как показал К. Нарр [821; 822; 823; 825], все они с еще большей долей вероятности могут быть интерпретированы и иначе.

Таким образом, одна из сложившихся к началу 50-х годов теорий заключалась в том, что важнейший центр становления скотоводства располагался в пределах Средней Азии и Ирана, хотя некоторые исследователи раздвигали его границы до Тибета [Ю. Липс], Инда и Нила [Г. Хэтт]. Как правило, сторонники этой точки зрения понимали под скотоводством именно кочевое скотоводство, выросшее будто бы из сопровождения стад копытных животных охотниками, и протестовали против применения термина «скотоводство» в отношении разведения собак, свиней и кур у мотыжных земледельцев тропических районов. Правда, так считали не все. М. Херманнс, например, предполагал, что охотники ловили и приручали молодых особей, что требовало по крайней мере полуседлого образа жизни [647, с. 212—213].

К. Йеттмар в поисках компромиссного решения между теориями Э. Хана и Венской культурно-исторической школы высказал соображение о том, что спорадическое содержание индивидуальных особей могло возникнуть у охотников, тогда как их регулярное разведение появилось лишь впоследствии, когда охотники заимствовали земледелие у соседей [704, с. 11—12]. Другой сторонник компромиссного решения — И. Амшлер считал, что стадные животные были одомашнены в северных районах охотниками, а все другие нестатные — земледельцами тропического и субтропического поясов [398, с. 20]. По Ф. Цейнеру, в доземледельческий период были одомашнены собака, овца и коза, тогда как domestикация других животных была прямо или косвенно связана с земледельцами [1055, с. 23—28].

Другая точка зрения, которая выкристаллизовалась к 50-м годам, а впоследствии находила все большее подтверждение в археологических материалах, заключалась в том, что domestикация животных могла произойти только в оседлой среде мотыжных земледельцев при их относительно стабильных ресурсах, позволяющих не убивать сразу пойманных молодых особей (П. Лавиоза Замботти, К. Соэр, Е. Верт, К. Диттмер, Г. фон Висман, Р. Кулборн, Е. Айзек, и др. [737; 920; 1015; 529; 1039; 508; 684; 685]). Ее сторонники в большинстве своем реконструировали древнейшее скотоводство по этнографическим данным из Южной и Юго-Восточной Азии и считали первыми домашними

видами собак, свиней и кур. Опираясь прежде всего на материалы этнографии, некоторые из этих специалистов утверждали, что происхождение земледелия и разведения животных в Старом Свете связано с одним-единственным центром, который они помещали в Южной (Е. Верт) или Юго-Восточной Азии (К. Соэр, Г. фон Виссман). В другую крайность впадали те, кто пытался вывести производящее хозяйство в Старом, а порой даже и в Новом Свете из единого очага, расположенного в Передней Азии (П. Лавиоза Замботти, Р. Кулборн, Е. Айзек).

Среди сторонников рассмотренной точки зрения находились и такие, которые не связывали жестко становление скотоводства с земледелием. Так, П. Лавиоза-Замботти считала, что начало domestikации животных было положено еще в доземледельческий период, тогда как ее окончание происходило уже в земледельческих обществах [737, с. 175, 176]. Что же касается возникновения кочевого скотоводства, то побудительную причину к нему К. Соэр и К. Диттмер видели в росте стад, который заставил пастухов отгонять скот все дальше от поселка, что в итоге привело к появлению постоянно кочующих коллективов [920, с. 97; 529, с. 257—260]. На примере Африки К. Диттмер продемонстрировал, что скотоводство и земледелие долгое время сосуществовали в единой хозяйственной системе и лишь много позже некоторые народы забросили разведение растений [530]. В качестве другого пути формирования кочевого хозяйства К. Соэр называл заимствование домашних животных охотниками [920, с. 97], в чем с ним соглашался и К. Нарр [825, с. 376].

Представление о механизме становления скотоводства обычно неразрывно связывалось у исследователей с решением вопроса о ранних функциях домашних животных. Те из авторов, кто видел в древнейших домашних животных прежде всего источник мяса или сырья для производства или вообще предполагал их прежде всего хозяйственное использование (В. Шмидт, Г. Польшаузен, М. Херманнс, Г. Хэтт, К. Йеттмар, Е. Верт), как правило, реконструировали процесс domestikации в условиях хозяйственного кризиса. Так, В. Шмидт полагал, что в ледниковый период люди вынуждены были спуститься с гор Центральной Азии в степи, где повстречали стада копытных и начали охотиться на них, что и привело к domestikации [924].

Г. Польшаузен, напротив, считал главной причиной одомашнивания потепление, которое принудило людей вступить в более тесный контакт со стадами оленей с целью препятствовать их миграции на север [878, с. 156]. По М. Херманнсу, скотоводство возникло у охотников, оттесненных в малоблагоприятные степные районы в результате роста населения, что заставило этих охотников более бережно относиться к немногочисленным обитавшим там диким животным [647, с. 212, 213]. Г. Хэтт вслед за Г. Чайлдом придерживался «оазисной теории» [516, с. 278].

Напротив, К. Соэр и некоторые другие специалисты (К. Дитмер, Й. Амшлер, Е. Айзек, Ф. Симунс), считавшие, что доместикация не могла возникнуть в условиях хозяйственного кризиса, поскольку требовала известного избытка пищи, обуславливавшего возможность экспериментаторства, не находили другой причины для разведения животных, кроме культовой [920, с. 28—32, 88, 89; 529, с. 246—257; 398, с. 20; 684, с. 197—199; 685, с. 105—114; 934]. Реже они называли в качестве одного из источников скотоводства содержание животных-«любимчиков» (К. Соэр). В то же время Ю. Липс, выдвинувший оригинальную концепцию о том, что у истоков и земледелия, и скотоводства стояли народы — собиратели урожая, которые умели делать запасы и поэтому испытывали нужду и голод в гораздо меньшей степени, чем простые охотники, не придерживался религиозной теории доместикации [197, с. 107, 108]. Большое значение симбиотическим отношениям и содержанию животных-«любимчиков» как источникам возникновения скотоводства придавал Ф. Цейнер [1055, с. 23—28].

Надо сказать, что все рассмотренные теории опирались прежде всего на этнографические данные. Археологии в них отводилось весьма скромное место, хоть и несравненно более значительное, чем в довоенные годы. Между тем уже работы К. Нарра показали, как часто бывают уязвимы этнографические, равно как и чисто археологические, реконструкции, что сделало настоятельной потребностью более глубокую разработку тех основ, на которых только и возможно содружество археологов и этнографов, работающих над проблемами первобытной истории.

Тем временем археология делала огромные успехи. На рубеже 40—50-х годов в Передней Азии и одновременно в Мезоамерике и Перу начались исследования памятников, имеющих прямое отношение к проблеме происхождения и ранней истории производящего хозяйства. В Передней Азии эти работы были связаны с именем Р. Брейдвуда, труды которого сыграли выдающуюся роль в развитии концепции Г. Чайлда о неолитической революции [439; 445; 440, с. 115—125], а в Мезоамерике — с именами Р. Макнейша и его коллег, чья деятельность способствовала созданию новой методики изучения первобытного хозяйства и его взаимоотношений с окружающей природной средой [767; 888]. В 50—60-е годы исследования широких масштабов были проведены в Китае и Южной Америке, а на рубеже 60—70-х годов был открыт самостоятельный очаг доместикации в Андах. В это же время необычайно ранние данные о производящем хозяйстве удалось обнаружить в Юго-Восточной Азии.

Все эти исследования значительно усилили интерес ученых к изучению первобытного хозяйства и стимулировали развитие так называемого экологического направления в науке, кото-

рое стало одной из основ возникшей в 60-е годы «новой археологии». Теоретически необходимость экологического подхода в современной зарубежной науке была обоснована Г. Кларком [148], Дж. Стюардом [954] и Л. Уайтом [1020]¹. Большой вклад в развитие подобного рода исследований внес К. Флэннери, разработавший оригинальную концепцию происхождения производящего хозяйства, основываясь на данных о взаимоотношениях природы и общества в Передней Азии и в Мезоамерике [575, с. 1247—1256; 577, с. 80—96].

В целом для последнего двадцатилетия характерен повышенный интерес к комплексному археолого-этнографическому анализу, основанному на понимании культуры как адаптивного механизма, что позволяет широко привлекать этнографические материалы для реконструкции процесса приспособления того или иного древнего общества к окружающей среде. Особое значение этот подход имеет для проблемы происхождения и распространения производящего хозяйства, и в частности скотоводства, так как археологические данные о ранних этапах этих процессов весьма скудны и противоречивы и поэтому не могут служить прочной основой для однозначных заключений.

Это делает весьма плодотворным изучение адаптивных механизмов, применяемых современными отставшими в своем развитии обществами, которое позволяет наметить определенные границы и даже направление развития хозяйства в данной природной среде в зависимости от его технической оснащенности. Такой подход к изучению конкретной истории древних культур намечался уже у Г. Чайлда [484, с. 193—207]. Развитию его во многом способствовали международные конференции, посвященные проблемам становления производящего хозяйства (в особенности скотоводства), а также взаимоотношений человека и природной среды (в частности, человека и животных) на ранних этапах истории [712; 775; 776; 777; 531; 403; 778; 532; 404; 844; 844a]. Тем самым изучение процесса эволюции раннего скотоводства стало гораздо более конкретным. В рассматриваемый период появились хорошие сводки остеологических данных, которые позволяют вплотную приблизиться к решению вопроса о том, где, когда и какие именно животные были одомашнены [549; 897; 1057; 563].

Новые данные обусловили тенденцию, в силу которой многие зарубежные исследователи в последние годы стали решать вопросы становления производящего хозяйства с позиций полицентризма. Однако при этом некоторые из них впадают в другую крайность, либо вообще отказываясь от идеи центров возникновения земледелия и скотоводства, либо настолько расширяя границы выделенных центров, что идея центров теряет какой бы то ни было смысл [631; 656; 838]. В особенности это характерно для группы английских исследователей, работающих над проблемами происхождения производящего хозяйства

под руководством Э. Хиггса. По сути дела отрицая качественные различия между присваивающей и производящей экономикой, они видят в доместикации не более как интенсификацию охотничьей и собирательской деятельности и возводят ее древность к плейстоцену [657, с. 12]. Впрочем, пытаясь обосновать свою концепцию фактическими данными о месте оленя и овцебыка в хозяйстве населения верхнего палеолита и мезолита [657, с. 13; 692; 1024; 959], они сталкиваются с такими трудностями, что в итоге не идут далее предположения о некоем гипотетическом «контроле за стадами диких копытных». Основываясь главным образом на археологических данных, эти специалисты сознают сложность интерпретации имеющихся в их распоряжении источников, которые не позволяют отличить специализированную охоту от скотоводства. Некоторые из них после известных колебаний все же отдают предпочтение охоте [1026], однако другие склонны рассматривать материалы о специализированной охоте как доказательство раннего скотоводства. Последнее особенно характерно для интерпретации большого количества костей газели на некоторых памятниках верхнего палеолита, мезолита и раннего неолита Передней Азии и Северной Африки.

Вместе с тем надо отметить, что работающие под руководством Э. Хиггса специалисты много делают по усовершенствованию методов изучения первобытного хозяйства. Их исследования, а также специальные биологические и этнографические наблюдения других авторов позволяют лучше понять сам механизм доместикации. Четче становятся и представления о его последствиях [534; 627; 649; 852; 850]. Правда, к сожалению, работы, посвященные становлению производящего хозяйства, имеют ярко выраженный земледельческий акцент. Происхождению скотоводства в них уделяется гораздо меньше внимания (см. об этом [377]).

В советской науке во второй половине 40-х годов наметился отказ от «гипертрофированного автохтонизма». Преуменьшение значения общения и связей в первобытный период сменилось пониманием того, что они представляют одну из внутренних закономерностей развития первобытного общества [175, с. 5; 275, с. 166]. В силу этого допускалось распространение отдельных видов домашних животных и культурных растений путем заимствования [175, с. 9; 275, с. 166; 19, с. 28]. В то же время значение миграций преуменьшалось. Считалось, что доместикация могла произойти и происходила самостоятельно везде, где обитали дикие предки домашних животных и растений, однако в связи с малой разработанностью этих вопросов биологами границы областей их обитания чересчур расширялись (Е. Ю. Кричевский, В. И. Равдоникас, А. В. Арциховский [175, с. 9; 275, с. 15; 19, с. 28]). В 50-е годы указанные взгляды отстаивали М. О. Косвен и А. Я. Брюсов [165; 47; 48; 49].

С конца 50-х годов в советской археологической науке стало утверждаться мнение о необходимости разграничения первичных и вторичных очагов возникновения производящего хозяйства. Впервые наиболее четко оно было высказано В. С. Титовым [319], а позже нашло отражение в ряде сводных работ [12; 13; 69; 98; 110; 198; 215; 217; 290; 363]. Одновременно были сделаны попытки выявить соотношение между первичными и вторичными очагами и определить механизм проникновения земледелия и скотоводства в новые районы [319; 320; 342; 334; 335; 169; 336]. Большим подспорьем в этом послужили работы советских биологов, в особенности С. Н. Боголюбского [41] и В. И. Цалкина [351; 353].

Значительным вкладом в развитие марксистской теории исторического прогресса явились работы советских этнографов, которые конкретизировали картину перехода от дикости к варварству, намеченную еще Ф. Энгельсом. Благодаря им понимание качественно новых, в особенности социально-экономических, явлений, порожденных переходом к производящему хозяйству, стало более глубоким [325; 25; 52; 261; 292]. Весьма важные выводы были получены кочевниковедами, показавшими, что кочевое скотоводство развилось на базе предшествовавшего комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Правда, механизм и время возникновения номадизма разные ученые представляют себе весьма по-разному [324; 268; 95; 96; 262; 122; 284; 326; 9; 224; 369; 209; 15].

Вместе с тем эта точка зрения не является сейчас единственной в советской науке. Некоторые зоологи и ныне пытаются отстаивать положение о том, что стадные копытные были одомашнены следовавшими за их стадами охотниками (Л. М. Баскин [23; 24]).

В последние годы вновь была выдвинута идея, согласно которой кочевая экономика, по крайней мере частично, могла возникнуть как результат заимствования домашних животных охотниками (С. И. Вайнштейн [60]). Одним из оснований для этого, как и прежде, служат наблюдения над процессом распространения оленеводства у народов Сибири. Вместе с тем вопрос о происхождении оленеводства до сих пор является предметом дискуссии в советской науке. Некоторые советские ученые считают, что приручение оленя совершилось на юге Сибири самодийцами или же независимо самодийцами и тунгусами (Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Л. В. Хомич, С. И. Вайнштейн и др. [62; 64; 343; 59]). Другие настаивают на самостоятельности перехода к разведению оленей в Северной Азии (И. С. Вдовин, Н. Н. Диков, Ю. Б. Симченко [73; 113; 296]). Принятие того или иного решения имеет принципиальную важность для изучения проблемы возникновения скотоводства, поэтому вопрос о происхождении оленеводства будет подробно рассмотрен ниже.

Наконец, безусловным достижением советской науки была и остается разработка учения о хозяйственно-культурных типах (С. П. Толстов, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров [323; 194; 357]), которое открыло новые возможности для использования этнографических данных для реконструкции первобытной истории.

Вместе с тем значение и последствия перехода к производящему хозяйству до сих пор не получили еще достаточно развернутого анализа, учитывающего как общие закономерности развития, так и те особенности конкретной его картины, которые были порождены первичностью или вторичностью процесса. Причем если по отношению к земледелию эти проблемы в какой-то мере все же затрагивались, то вопрос о раннем скотоводстве и его роли в древнейших земледельческих обществах и сейчас остается открытым.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКОТОВОДСТВА
ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ*Источники и методы их анализа*

Археология предоставляет два рода источников для изучения ранней истории скотоводства: костные останки и некоторые предметы материальной культуры, причем ценность их различна. Ясно, что наиболее фундаментальные выводы можно получить при анализе костных материалов, тогда как культурные остатки допускают большую свободу истолкования. Поэтому вопрос о методике изучения костных материалов заслуживает специального разбора.

Первым требованием, без выполнения которого костные материалы неспособны служить серьезным историческим источником, является полное описание остеологических коллекций, и, уж во всяком случае, определение животных до вида. Такие определения, как *Bos sp.*, *Ovis/Carpa* и им подобные, мало что дают, так как далеко не все представители подсемейства быков или же подсемейства коз и овец дали домашних потомков. Так, домашние овцы произошли именно от муфлонов, а не от диких овец вообще. Между тем в литературе часто встречаются утверждения, скажем, о местной domestикации овец, «аргументированные» указанием на находки костей *Ovis/Carpa*. Небрежные остеологические определения были одной из основ для возникновения теории о domestикации северных оленей в верхнем палеолите, выдвинутой представителями «культурно-исторической школы». К сожалению, остеологические критерии domestикации северных оленей, верблюдов и лошадей остаются в основном неразработанными до сих пор. Во всяком случае, ранняя domestикация лошади надежно документирована пока что только на Украине (Дереивка) в силу уникальности обстоятельств находки костных останков [34, с. 106—117].

Морфологические изменения, свидетельствующие о domestикации животных, появляются далеко не сразу, что заставляет искать для изучения более ранней стадии какие-то иные критерии. Последние были суммированы А. В. Арциховским, который отмечал, что «1) позвонки и прудные кости диких животных в стоянках редки, для домашних животных представлены все части скелета; 2) среди диких животных есть очень старые

индивидуумы, среди домашних их нет; 3) диких самцов и самок поровну, среди домашних преобладают самки» [19, с. 27]. Позже Г. Польшаузен высказал предположение, что о наличии домашних животных свидетельствует появление «потенциально домашних животных»¹ в необычном для них биотипе, куда они могли попасть только с людьми [879, с. 4]. Наконец, Р. Дайсон, посвятивший данной проблеме специальную работу, выделил два основных критерия. Это, во-первых, тенденция к росту со временем относительного количества костей «потенциально домашних животных»; во-вторых, постепенное увеличение среди них удельного веса костей молодых особей [549, с. 662, 663; 431, с. 221].

Дальнейшие исследования показали, что все указанные критерии в той или иной степени уязвимы. Так, отсутствие полного набора костей скелета может быть следствием не только охотничьего образа жизни, а и того, что, во-первых, костные останки разных видов и различные кости одного вида сохраняются по-разному; во-вторых, кости всегда растаскиваются собаками и хищниками [256, с. 278]. Кроме того, кости полных скелетов могут встречаться на стоянках бродячих охотников, которые располагались на месте главной охоты [518, с. 149]. Наличие же их на долговременных поселениях не всегда связано с убоим домашних животных, так как если убитое дикое животное было не очень велико, его приносили целиком. Появление животного в новом для него биотипе также далеко не всегда указывает на скотоводство. В отдельных случаях его удается связать с изменением климатических условий, благоприятным для расширения ареала дикого вида. Недавние исследования показали, что изменения характера фаунистических остатков в Южном Прикаспии (в том числе периодическое появление и исчезновение овец и коз) четко коррелируются с колебанием уровня моря и вызваны прежде всего природными процессами [786, с. 391—399], а не приходом скотоводов, как доказывал Г. Польшаузен. Рост количества «потенциально домашних животных» может свидетельствовать о начальной стадии доместикизации только в том случае, если ему сопутствует появление морфологических признаков одомашнивания. Изучение половозрастных характеристик животных интересно и перспективно, однако тенденции их изменений требуют глубокого анализа, который еще предстоит сделать. Уже не раз отмечалось, что кости молодых животных могут преобладать не только на скотоводческих, но и на охотничьих стоянках [353, с. 50, 51; 658, с. 19; 656, с. 35, 36; 435, с. 73; 544, с. 82]. Такой авторитетный специалист, как венгерский ученый Ш. Бекени, считает, что в начальный период доместикизации, напротив, могли убивать взрослых самцов, оставляя молодняк для одомашнивания [431, с. 224, 225]. Теоретическое предположение Ш. Бекени звучит весьма правдоподобно, так как, судя по этнографическим дан-

ным, массовые убои молодняка (первогодков) характерны лишь для развитых скотоводческих обществ и не встречаются у наиболее отсталых скотоводов, которые если и режут домашних животных, то, как правило, больных и старых. Однако на практике по одному только половозрастному соотношению костных останков отличить хозяйство специализированных охотников от хозяйства самых ранних скотоводов невозможно, как признает и сам Ш. Бекени [437, с. 21]. Таким образом, использование половозрастных характеристик для выводов о доместикации требует особой осторожности и сочетания с другими показателями.

Недавно группой американских ученых был предложен совершенно иной метод определения признаков доместикации, основанный на том, что микроскопическая структура костной ткани на распилах изменяется в ходе доместикации гораздо раньше, чем появляются сколько-нибудь внятные морфологические показатели [538, с. 280, 281; 519, с. 157—161]. Этот метод весьма перспективен, хотя его малая разработанность уже вызвала нарекания со стороны ряда специалистов [497, с. 143]. Однако успешное применение его для определения доместикации гуанако в Южной Америке [881, с. 299—300] позволяет надеяться на то, что в процессе дальнейшего усовершенствования он станет важным орудием познания в руках остеологов. Для различения костей дикого тура и домашнего крупного рогатого скота венгерские ученые применили метод рентгенографии [431, с. 223], который также еще не получил широкого признания.

Данные об охоте на «потенциально домашних животных» и сейчас еще служат многим исследователям достаточным основанием для утверждения о том, что появление в соответствующих районах первых домашних животных следует связывать непременно с независимой от внешних влияний доместикационной активностью местного населения. Эти авторы не учитывают того, что само по себе наличие подходящих биологических ресурсов далеко не достаточно для доместикации, которая требует определенных культурных предпосылок. Не учитывают они и той огромной роли, которую сыграли в распространении производящего хозяйства передвижения и контакты между различными племенами, что уже не раз отмечалось в литературе [825, с. 371; 701, с. 224].

Интересную работу по выявлению вторичной доместикации у населения, которое уже знало домашних животных, проделал Ш. Бекени [434, с. 111, 112]. Насколько эта работа сложна, показывает скрупулезный анализ, проведенный В. И. Цалкиным, который пришел к выводу об отсутствии каких-либо данных, подтверждающих вывод о доместикации тура в Европе [351, с. 130—165]. Разные исходные посылки привели этих двух авторитетных специалистов к разному истолкованию одних и тех же фактов. Так, если Ш. Бекени считал, что отсутствие четкой границы между дикими и домашними особями свидетель-

ствует о domestикации, то В. И. Цалкин относил это за счет вариабельности размеров отдельных особей в пределах изучаемых популяций, вследствие чего на ранних этапах скотоводства размеры костей у части диких и домашних животных могли совпадать.

Как бы то ни было, морфологические показатели до сих пор являются решающими при определении костей домашних животных. Весь вопрос заключается в том, в какой мере по ним можно судить о начале domestикации. К сожалению, науке неизвестно, сколько времени необходимо было держать животных в домашнем состоянии, прежде чем появились эти признаки. Одни ученые считают, что процесс domestикации охватывал тысячелетия, другие говорят о более коротких сроках. Недавно ряд английских исследователей, исходя из того, что для примитивного скотоводства характерен вольный выпас и свободное скрещивание домашних животных с дикими, высказал замечание о наличии такой ситуации и в обществах древнейших скотоводов. Так как, по мнению этих специалистов, в условиях вольного выпаса никаких морфологических изменений не наблюдается, логическим следствием такого предположения является утверждение о начале domestикации задолго до их возникновения [657, с. 6, 7; 694, с. 88].

На самом деле изоляция, которую как будто бы исключает вольный выпас, является лишь одним из факторов, влекущих за собой морфологические изменения. Другими не менее важными факторами являются мутация, селекция, а также ослабление механизма стабилизирующего отбора, неизбежное в условиях одомашнивания [368, с. 13—17; 952, с. 355; 627, с. 34 сл.]. Кроме того, на ранних этапах domestикации изоляция могла выражаться не столько в содержании прирученных животных в загонах, сколько в создании таких условий их обитания, которые изменяли их повадки и образ жизни (например, делали их более оседлыми) и, таким образом, затрудняли свободное скрещивание с дикими сородичами. Конечно, это правило относится не ко всем животным. Так, оно не подходит к свиньям тропических широт, отличающимся оседлым образом жизни, который в условиях domestикации поначалу принципиально не изменился. Напротив, прекращение сезонных миграций вследствие domestикации не могло не отразиться на козах и овцах².

Как известно, морфологические изменения в условиях одомашнивания заключаются прежде всего в уменьшении размеров животных, или в «захудалости», как определял это явление Л. Адамец [7, с. 88 сл.]. Причину мельчания ранних домашних животных зоологи видят, во-первых, в плохих кормовых условиях [718, с. 94—97] и, во-вторых, в некотором искусственном отборе, проводимом часто бессознательно [649, с. 66]. Как бы то ни было, судя по этнографическим данным, практика вольного выпаса ни в коей мере не препятствует процессу морфоло-

гических изменений. Прирученные собаки и у австралийцев, и у тасманийцев хирели и тощали, хотя люди несколько не ограничивали свободу их передвижения. То же самое характерно и для гаялов (михтенов), которых разводят народы Ассама. В большей мере явление «захудалости» проявляется там, где человек переводит животных в новые биотипы. Очевидно, именно такие миграции служили главным механизмом первичного пороодообразования.

Во всяком случае, примитивные породы в своем распространении четко связаны с определенными биотипами. По мнению зоологов, такое первичное пороодообразование представляет собой не что иное, как следствие естественного отбора в новой среде обитания. Намеренное, целенаправленное чистопородное разведение животных возникло значительно позже [649, с. 135]. Этнографическим примером рассмотренного явления может служить выведение «индейской» породы лошади в Северной Америке, которое потребовало не более 200 лет [907, с. 72]. Эти данные согласуются с расчетами Ш. Бекени, по которым морфологические изменения у мелких животных (собак, коз, овец, свиней) требуют примерно 60—90 лет, а у более крупных (тур, лошадь и др.) — 150—180 лет [437, с. 21]. По мнению известных зоологов В. Херре и М. Рерса, морфологические признаки доместикации появляются через несколько поколений, число которых у разных видов различно [649а, с. 249]. По-видимому, выработка этих признаков требовала не более чем несколько столетий. Таким образом, мнение о гораздо более длительных сроках (тысячелетиях), необходимых будто бы для морфологических изменений животных в процессе доместикации, представляется неверным.

При использовании морфологического критерия для определения доместикации следует иметь в виду одно обстоятельство. Как теперь окончательно установлено, в конце плейстоцена изменение температурного режима повлекло мельчание многих видов диких животных [729, с. 244, 245], причем на Кавказе это достоверно установлено для зубров, козлов, серн, косуль [77, с. 125], а в Передней Азии для лисиц, онагров, палестинских волков и других животных [978, с. 100, 115; 983, с. 24]. Следовательно, сам по себе морфологический критерий тоже не во всех случаях может служить надежным индикатором доместикации.

Таким образом, методика выявления древнейших очагов первичной доместикации по необходимости должна быть комплексной. Для взаимной проверки полученных выводов должны использоваться разные методы. О предпосылках местной доместикации можно говорить лишь в том случае, если наличие диких предков домашних животных надежно зафиксировано для предшествовавшего доместикации периода и если они в то же время служили важным источником пищи местному населению.

Сам процесс доместикиации может найти отражение в определенных сдвигах, наблюдаемых при исследовании половозрастных категорий животных. Однако прежде чем трактовать эти сдвиги как доказательство доместикиации, следует убедиться в том, что они никак не могут отражать особенности поведения диких животных или же особенности охоты на них. Иными словами, применение этого метода требует хорошего знания повадок изучаемых животных в данном районе, а также приемов охоты на них, известных по этнографическим данным. Если в следующий исторический период фиксируются и морфологические изменения, можно считать, что отмеченные сдвиги свидетельствуют о доместикиации. Другим критерием доместикиации служит появление животных в необычном для них биотипе. Однако и здесь надо проявлять максимум осторожности, так как в ряде случаев это может быть увязано с климатическими изменениями или же с первобытным обменом.

Не менее важен и не менее дискуссионен вопрос о составе стада у ранних скотоводов. Его решение тесно связано с решением другого вопроса: насколько и каким образом костные останки могут отражать реальную картину? В настоящее время принято два способа обработки костных материалов с этой целью: о видовом соотношении домашних животных в стаде судят, либо учитывая все кости, либо исходя из «минимального количества особей» (МКО). Оба способа имеют свои недостатки. Поэтому за последние 20 лет многие исследователи пробовали усовершенствовать методику изучения костного материала [256, с. 277—287; 518, с. 149, 150; 430, с. 291, 292; 497, с. 140—143; 618, с. 433 сл.; 866, с. 367—369; 979, с. 391, 392], однако до сих пор какого-либо единого подхода выработано не было.

Некоторые исследователи придают необоснованно большое значение соотношению костей домашних животных из погребений, считая, что оно верно отражает состав стада. Однако этнографические материалы показывают, что у многих народов животные, представляющие большую ритуальную или престижную ценность, не являются наиболее важными с хозяйственной точки зрения [512, с. 249—250]. Та же картина известна в энеолите Венгрии, где в погребениях часто находят кости иных животных, нежели те, которые доминируют на поселениях [819, с. 93, 94]. Поэтому при изучении раннего скотоводства следует полагаться в первую очередь на данные, происходящие из поселений. Но и они требуют к себе критического отношения. Так, изучение трех стоянок современных скотоводов Северной Африки показало, что на расстоянии всего 30 км характер костных останков значительно меняется: у постоянных источников воды наблюдался высокий процент костей крупного рогатого скота, на аридных склонах преобладали кости овец и верблюдов, далее к югу росло количество костей газелей [655, с. 155]. При этом все стоянки принадлежали одному и тому же населению,

хотя и разным его группам, которые в различных условиях пасли разных животных, а также в разной степени сочетали скотоводство с охотой.

Следует также учитывать, что соотношение костных останков отражает картину хозяйственной важности отдельных видов лишь в условиях мясного скотоводства. Если же имелись и другие хозяйственные направления, или в скотоводстве преобладал престижный момент, или большую роль играл обмеч домашних животных на другие продукты, то картина, полученная по остеологическим данным, будет, очевидно, искаженной (важные замечания о возможностях интерпретации костного материала см. [856, с. 65—79]).

Гораздо менее информативны, нежели кости, предметы материальной культуры и сюжеты изобразительного искусства. Относительно важные сведения, которые можно почерпнуть из них, связаны с довольно поздними периодами развития скотоводства. Для изучения процесса доместикации они не дают ничего [694, с. 84]. Так, по мнению некоторых специалистов, различные предметы, надетые на шею или помещенные на голове животных, на изображениях древней Сахары служат бесспорным доказательством процесса доместикации. Однако, как теперь установлено, подобные же атрибуты связаны и с несомненно дикими животными (носорогами, слонами, жирафами). Поэтому аналогичные сюжеты правильнее трактовать как отражение каких-то культовых представлений, не более того [677, с. 195].

Следует особо подчеркнуть, что выводы о составе стада, полученные при анализе сюжетов искусства, также весьма неудовлетворительны. Так, судя по остеологическим данным и по письменным источникам, в древнем Египте мелкого рогатого скота в стаде было значительно больше, чем крупного. Однако в египетском искусстве изображения последнего значительно преобладают [146, с. 193]. Аналогичная ситуация сложилась в Нубии, где масса изображений крупного рогатого скота одно время воспринималась как указание на его преимущественное разведение носителями культуры нубийской группы С. Сделанные впоследствии остеологические анализы заставили пересмотреть этот вывод, так как большинство найденных костей принадлежало овцам. Выяснилось также, что нубийские пастбища более приспособлены для овцеводства, чем для выпаса крупного рогатого скота. Преобладание изображений быков в Нубии надо объяснять скорее высоким престижным значением этих животных, а не преобладанием их в стаде [973, с. 52]. В наскальном искусстве Зимбабве, Намибии и ЮАР тысячелетнее разведение крупного рогатого скота местным населением, напротив, не нашло почти никакого отражения в отличие от овцеводства, которое представлено десятками изображений. Между тем крупный рогатый скот играл здесь не меньшую роль, чем овцы. Изучавший эти сюжеты А. Уилкоккс пришел к выводу, что создавшие

их бушмены интересовались главным образом овцами [1028, с. 44—47]. Как бы то ни было, все приведенные примеры красноречиво предупреждают против чересчур прямолинейной трактовки сюжетов наскального искусства.

Теоретически весьма важные данные о хозяйственной деятельности людей можно получить, анализируя систему их расселения [657, с. 8, 9]. Однако известные в настоящий момент поселки и стоянки, относящиеся к периоду доместикации животных или к непосредственно следующему за ним периоду, настолько немногочисленны, что эти материалы пока что возможно использовать не более чем для построения гипотетических моделей [812, с. 293—296].

Неразработанность методики чрезвычайно осложняет проблему изучения раннего скотоводства и требует особой осторожности при интерпретации известных данных. Представляется, что главная задача сейчас заключается в том, чтобы правильно локализовать первичные очаги доместикации и наметить направления распространения домашних животных в другие районы. Решение ее в целом возможно, хотя недостаточная изученность некоторых областей заставляет порой прибегать к гипотезам. Сложнее обстоит дело с реконструкцией других аспектов раннего скотоводства, которая невозможна в узких рамках археологии и заставляет прибегать к помощи ряда других наук.

Климатические изменения конца плейстоцена и раннего и среднего голоцена

Тесные связи, которые существовали между формами первобытного хозяйства и окружающей природной средой, заставляют уделить особое внимание изучению последней. Это тем более необходимо, что, как теперь выясняется, переход к производящему хозяйству зачастую происходил на фоне изменений окружающей среды и тем самым мог представлять собой один из способов активной адаптации отдельных человеческих коллективов к этим изменениям. Работами палеогеографов было установлено, что начиная с конца плейстоцена имело место несколько важных общемировых климатических колебаний, на фоне которых происходило формирование современного ландшафта. Начало им положили повышение температуры и отступление ледника в период беллинг по европейской шкале (XV—XIV [XIV—XIII] тысячелетия до н. э.). В раннем дриасе (XIII [XII] тысячелетие до н. э.) наблюдался временный ледниковый рецидив, после которого прежние тенденции вновь возобладали в период аллереда (XII—XI [XI—X] тысячелетия до н. э.), отличавшегося относительно теплым и влажным климатом. Последнее короткое похолодание, сопровождавшееся сухостью, наступило в позднем дриасе (X [IX] тысячелетие до н. э. в Европе

и Передней Азии и IX [VIII] тысячелетие до н. э. в Америке). Затем последовало длительное всеобщее потепление на протяжении пребореального и бореального (IX—VIII [VIII—VII] тысячелетия до н. э.), а также атлантического периодов (VII—IV [VI—IV] тысячелетия до н. э.). Смена сухих и влажных условий наблюдалась кое-где и в это время, но она имела локальный характер. Так, на Русской равнине и Тихоокеанском побережье СССР первая половина последнеледникового отличалась умеренной или недостаточной влажностью, а в континентальных районах Сибири этот период, напротив, был ознаменован влажной фазой. Зато в последующее время наблюдалась прямо противоположная картина. Начиная с III (второй половины III) тысячелетия до н. э. отмечалось некоторое похолодание, которое местами сопровождалось установлением более сухого климата [245; 246; 346; 468; 1041]. Отмеченные колебания в той или иной степени затронули все районы мира, однако их последствия в разных областях были далеко не однозначны. Наиболее чувствительно они отражались на пограничных районах, лежащих на стыке разных природных зон. Особым образом таяние ледника отразилось на прибрежных территориях, так как оно повлекло за собой подъем уровня Мирового океана, который за последние 10 тыс. лет повысился на 30—45 м, в результате чего многие древние побережья были затоплены, а на месте крупных перешейков образовались островные цепи [695, с. 54—65; 697, с. 4—10].

Влияние климатических изменений на первобытное хозяйство заключалось не только в том, что последнее должно было так или иначе трансформироваться, но и в том, что эти изменения создавали определенный биологический фон, характер которого обуславливал сам облик новых форм хозяйства. К сожалению, при современном уровне знаний этот биологический фон далеко не всегда удается воссоздать. Однако есть ряд любопытных гипотез, исходящих из того, что некоторые подходящие для доместикации виды возникли лишь в конце плейстоцена. Так, С. Пейн предположил, что овца появилась в результате мутации только в этот период, а выжить ей помогло вмешательство со стороны человека [857, с. 381, 382]. Есть также мнение, по которому однолетние злаки представляют собой продукт мутаций и гибридизаций, вызванных потеплением в конце плейстоцена [892, с. 133—134; 1022, с. 141—143]. При весьма слабой изученности фауны и флоры плейстоцена сейчас трудно проверить, насколько эти гипотезы справедливы. Все же нельзя не отметить, что расширение ареала диких хлебных злаков как будто бы фиксируется пыльцевыми диаграммами в конце ледникового периода. В это же время завершился процесс образования леса, лесовые области окончательно локализовались, став одним из наиболее перспективных для примитивного земледелия районов (недаром именно с ними связано развитие та-

ких важнейших раннеземледельческих культур, как яншао в Восточной Азии и культура линейно-ленточной керамики в Европе).

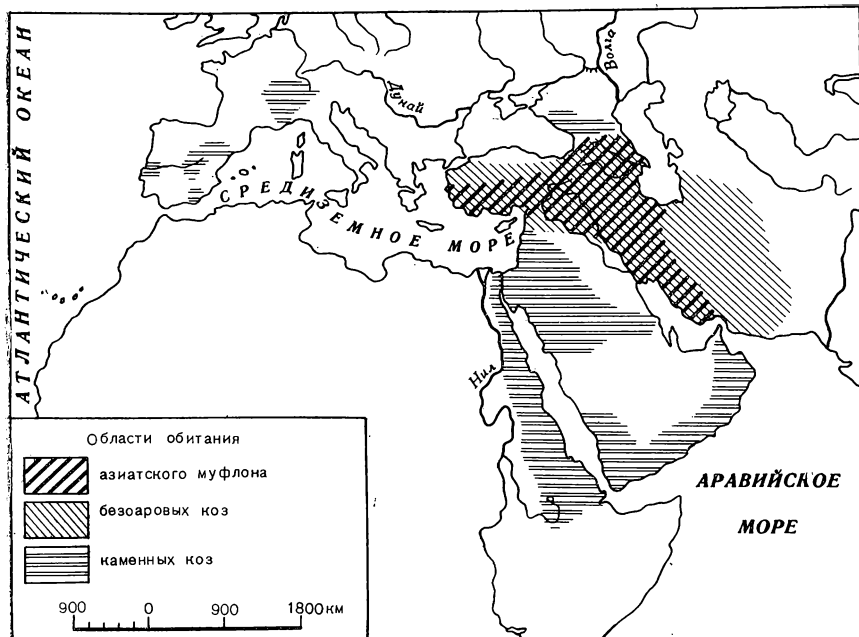
Все отмеченное выше заставляет видеть в переходе от плейстоцена к голоцену важный рубеж, который был отмечен сложением существенных биологических предпосылок для перехода к производящему хозяйству.

Передняя Азия

Передняя Азия справедливо считается одним из главных очагов происхождения скотоводства. До сих пор здесь водятся дикie козы, овцы, свиньи, а в прошлом водился первобытный бык (тур). Для понимания процесса доместикиации необходимо остановиться на вопросах систематики и некоторых биологических особенностях этих животных.

Известные сейчас науке дикie козы представлены несколькими видами: безоаровые козы (*Capra hircus aegagrus*), винторогие козы (*C. falconeri*), ископаемый козел (*C. prisca* Adametz-Niezabidowski), несколько видов каменных коз (*C. ibex*, *C. caucasica*, *C. cylindricornis*, *C. sibirica* и др.), а также одичавшие популяции, встречающиеся в некоторых изолированных районах материковой Европы (Юра) и на островах Средиземноморья (Северные Спорады) (*C. dogas*). В свое время Л. Адамец считал, что первые три вида дали домашних потомков [7, с. 40—45]. Позже был поставлен вопрос о том, что домашние козы типа *prisca* могли произойти и от безоаровых коз [93, с. 110]. В современной науке наибольшее распространение получил взгляд, согласно которому основным диким предком домашней популяции были безоаровые козы [897, с. 130; 1057, с. 130; 563, II, с. 224 и сл.; 649, с. 50]. Винторогие козы если и были приручены, то под влиянием уже существующего козоводства [563, II, с. 284—286; 706, с. 149—158]. С помощью цитогенетики удалось выявить сходство кариотипов домашних коз и диких каменных коз ($2N=60$), а от их скрещивания было получено плодовитое потомство [641, с. 176]. Это не позволяет полностью отрицать какую бы то ни было роль каменных коз в развитии домашней популяции, по крайней мере в образовании новых пород. Однако до сих пор никаких свидетельств доместикиации каменных коз обнаружить не удалось. И ныне сохраняется мнение о происхождении домашних коз Юго-Восточной Европы от *C. prisca* [779, с. 233], но доводы его сторонников пока что малоубедительны.

Безоаровые козы в настоящее время обитают на обширной территории от островов Эгейского моря до западных отрогов Гималаев. Это типичные жители скалистых ландшафтов. Они превосходно чувствуют себя и в высокогорьях (до высоты

Области обитания азиатских муфлонов, безоаровых коз и каменных коз:
 1 — ареал азиатского муфлона; 2 — ареал безоаровой козы; 3 — ареал каменной козы

2500 м над уровнем моря), и у подножия гор, как, например, в Больших Балханах. Безоаровые козы экологически более пластичны, чем другие виды диких коз, и обладают способностью к значительному расселению. Решающим в выборе ими места обитания является наличие крутых обрывистых скал и ущелий; важное значение имеет и близость леса, хотя они прекрасно уживаются и в безлесных районах. Сезонность обитания не везде выражена достаточно четко. Вместе с тем в Передней Азии удалось установить, что зимой все половозрастные группы пасутся в одних и тех же стадах на высотах 600—900 м, весной взрослые самцы уходят вверх в горы, а самки с козлятами, напротив, спускаются ниже. До поздней осени самцы и самки с детенышами обитают врозь. В настоящее время чаще всего встречаются небольшие группы этих животных по 7—10 голов, а также пары и индивидуальные особи, но еще в XIX в. в Колет-Даге встречались стада по 90 голов, а в Малой Азии — и по 100 голов. В спокойной обстановке козы движутся шагом, а от опасности уходят, с легкостью вскарабкиваясь на труднодоступные крутые скалы и утесы. Напротив, на ровной местности они легко становятся добычей хищников, так как быстро бежать не могут. Питание диких коз составляют главным образом травы,

листва и молодые побеги [303, с. 412—416; 637, с. 337—339]. В осторожности и сообразительности безоаровые козы значительно уступают другим представителям вида. Эта особенность могла сыграть известную роль в процессе доместикации, так как сообразительность является отрицательным качеством домашних животных. Поэтому, как показывают исследования, со степенью доместикации вес мозга уменьшается [908, с. 127—132]. В Леванте сейчас безоаровых коз нет. Здесь их сменяют каменные козы (*C. ibex*), ареал которых локализуется в основном в Аравии и Палестине, но на севере достигает Северной Сирии [637, с. 330—335].

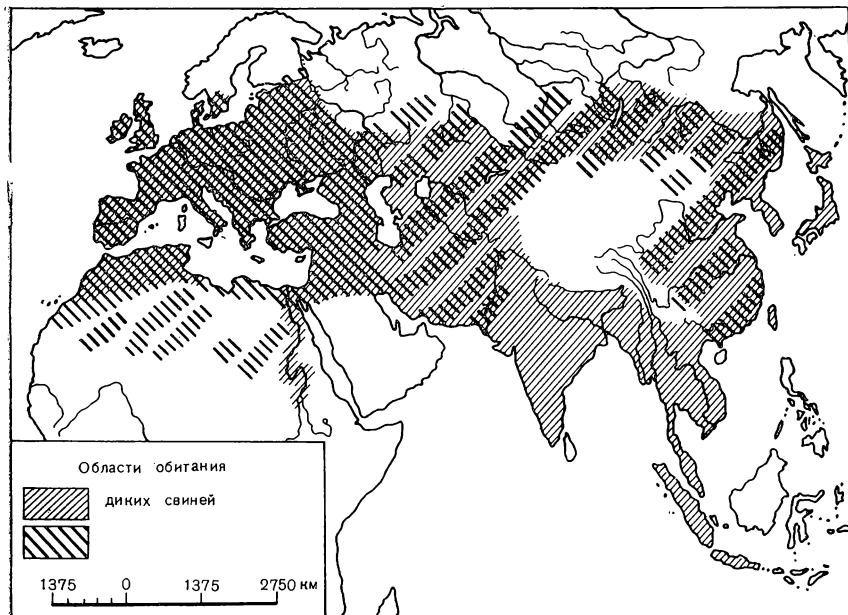
До недавнего времени вопрос о диких предках домашней овцы и даже о систематике диких овец вызывал бурные дискуссии. Однако в последние годы, благодаря развитию цитогенетики, удалось убедительно показать справедливость выдвинутого когда-то Л. Адамецом [7, с. 36—39] деления диких овец Старого Света на следующие основные виды: европейские (*Ovis timon*) и азиатские (*O. orientalis*) муфлоны, уриалы (*O. vignei*), архары и аргали (*O. ammon*) [79, с. 76, 78]. Однако в отличие от Л. Адамеца цитогенетики пришли к выводу, что не все эти виды, а лишь муфлоны стали родоначальниками домашней популяции [79, с. 77]. Был окончательно решен и вопрос о роли гривистых баранов Северной Африки (*Ammotragus lewyia*) в доместикации овцы, роли, которая некоторыми авторами необоснованно преувеличивалась. Обследование показало несходство кариотипов гривистых баранов ($2N=58$) и домашних овец ($2N=54$) [926, с. 183], а попытка их скрещивания оказалась абсолютно безуспешной [641, с. 176].

Сейчас европейские муфлоны сохраняются лишь на о-ве Сардиния и на Корсике. Небольшая популяция азиатских муфлонов обитает в Малой Азии, но их основной ареал располагается в Восточном Ираке, Западном Иране, Южном Закавказье и Южном Прикаспии. По приведенному выше мнению С. Пейна, овца как вид появилась лишь в позднем плейстоцене в какой-то узкой области Передней Азии в результате мутации группы козлообразных и выжила лишь благодаря вмешательству человека [857, с. 369—382]. С этим трудно согласиться. Во-первых, по утверждению зоологов, различия между козами и овцами настолько значительны, что они не могли образоваться в столь короткий срок [515, с. 303]. Во-вторых, как показывают археологические данные, в некоторых местах овцы были обычной добычей охотников доскоководческого периода.

Современные азиатские муфлоны — звери горных ландшафтов, но так было не всегда. Как указывал еще Н. А. Северцев, а вслед за ним и В. И. Цалкин, крутые склоны и скалы служат диким баранам лишь убежищем от врагов. Их далекие предки предпочитали обширные открытые пастбища и были позднее отеснены в горы домашним скотом [348, с. 283]. Последние

исследования в Передней Азии все больше подтверждают эту идею, свидетельствуя о широком расселении овец в степях далеко за пределами их современного ареала в раннем голоцене. Сейчас азиатские муфлоны обитают на высоте 100—3000 м над уровнем моря. Они и ныне в отличие от коз предпочитают плато, пологие склоны, закругленные вершины, но не избегают также ущелий и глухих оврагов, которые служат им местом отдыха. При преследовании они больше рассчитывают на быстроту ног, чем на способность вскарабкаться на склоны. В большинстве районов сезонные дальние миграции отсутствуют или выражены слабо. Перемещение животных обычно совершается в вертикальном направлении: летом — в горы, зимой — в предгорья. Однако в ряде районов были зафиксированы их значительные миграции. Так, овцы Закавказья зимой внедряются глубоко на территорию Ирана и Турции, а на лето возвращаются назад. Впрочем, гораздо более характерны для миграционного цикла диких баранов различия в направлении движения животных разных половозрастных категорий. В конце осени и зимой самцы и самки обитают на одних и тех же высотах, образуя стада, достигающие 100—200 голов. Весной стада распадаются: взрослые бараны поднимаются высоко в горы, а самки с детенышами и частью молодняка, напротив, спускаются в более низменные районы. Поэтому летом те и другие пасутся мелкими группами по 5—20 голов. В пределах особенно удобных территорий овцы предпочитают малоподвижную жизнь и пользуются постоянными тропами. Главной пищей им служат травы, причем в особенности они любят злаки. Пойманные в молодом возрасте, дикие овцы легко приручаются [348, с. 283, 284; 303, с. 504—516; 637, с. 340—343].

В прошлом специалисты выделяли два основных вида диких предков крупного рогатого скота: дикий евро-африканский тур (*Bos primigenius*) и найденный лишь в плейстоценовых отложениях Индии азиатский (индийский) бык (*Bos nomadicus*) [7, с. 8—23]. В настоящее время считается, что у крупного рогатого скота был один дикий видовой предок *B. primigenius*, который включал ряд подвидов: европейский *B.p.primigenius* Bojanus, азиатский *B.p.nomadicus* Falconer et Cautley, североафриканский *B.p.opisthonomus* Pomel и камбоджийский *B.p.sauveli* [1056, с. 160; 1057, с. 201; 563, I, с. 226; 351, с. 126]. По сути дела, это чисто географическое разделение, так как внутри подвидов наблюдается значительное разнообразие [1057, с. 207; 563, I, с. 226]. Считается, что обыкновенный крупный рогатый скот произошел от европейского и североафриканского подвидов, однако не все детали этого процесса достаточно ясны, вызывая споры, касающиеся в особенности роли африканской разновидности [ср. 7, с. 12, 13; 429, с. 106; 563, I, с. 235—241]. От *B.p.nomadicus* происходит индийский горбатый скот, зебу. Тур теперь полностью вымер. В древности он обитал от Тихого до Ат-

Области обитания кабанов и туров:

1 — ареал кабанов; 2 — ареал туров (прерывистой линией обозначены малоизученные районы)

лантического океана, от северной тундры до Индии и Северной Африки. Трудно что-либо точно сказать о его повадках и особенностях обитания. По всей видимости, тур предпочитал увлажненные участки степей и открытых лиственных лесов с умеренным и теплым климатом. Вместе с тем его широкое распространение говорит о способности приспосабливаться к весьма различной природной обстановке. Так, родоначальником зебу стал пустынный подвид тура, хорошо переносивший сухой жаркий климат и живший, по мнению Г. Эпштейна, на окраинах пустынь Гельманд, Лут и Большой Солончаковой [563, I, с. 518]. Летом туры питались травой, молодыми побегами и листьями, осенью большую роль в их питании играли желуди, а зимой им приходилось довольствоваться сухими ветвями и листвою. Тур представлял собой сильного, быстрого и свирепого зверя, и приручить его было довольно сложно [303, с. 600—616].

Точная систематика диких свиней до сих пор не выработана. В прошлом наблюдалась тенденция выделять несколько видов этих животных. Л. Адамец называл три вида: северо- и центральноевропейский (*Sus scrofa ferus*), средиземноморский (*S. mediterraneus*) и азиатский вид Южной и Восточной Азии (*S. vittatus*), [7, с. 45—48]. Г. П. Адлерберг объединял европейских, средиземноморских и восточноазиатских свиней в один

вид (*Sus scrofa*), выделяя внутри него ряд подвигов. Он считал, что дикие свиньи Южной Азии относятся к особым видам: *S. cristatus* и *S. vittatus* [8, с. 202—206]. Подобным же образом Ф. Цейнер еще недавно выделял в особый вид *Sus scrofa* с подвидами *S.s. scrofa* (кабаны Северной Европы), *S.s. meridionalis* (средиземноморский подвид, включающий также и североафриканского *S.s. barbarus*) и *S.s. attila* (евро-азиатские кабаны), а также вслед за Г. П. Адлербергом он группировал свиней Юго-Восточной Азии в два особых вида. По мнению Ф. Цейнера, европейские домашние свиньи произошли от *S. scrofa*, а китайские от *S. vittatus* [1057, с. 256]. Сейчас считается, что все современные дикие свиньи относятся к одному виду *S. scrofa*, который делится на ряд подвигов [897, с. 139; 563, II, с. 316]. Так, Г. Эпштейн выделяет следующие подвиды: свиньи Юго-Восточной Азии (*S.s. vittatus* и *S.s. cristatus*), Центральной Европы (*S.s. scrofa*), Северной Африки (*S.s. barbarus*) и Северо-Восточной Африки (*S.s. senpaagensis*) [563, II, 316]. Впрочем, общепринятой внутривидовой систематики до сих пор нет.

Дикие свиньи ныне широко распространены от Атлантического океана до Тихого и обитают в самых разнообразных природных условиях. Они населяют долины и дельты больших и малых рек, приморские низменности, леса, горы вплоть до альпийской зоны. В определенные сезоны они не избегают и пустынных ландшафтов. Все же, где бы они ни обитали, они всегда держатся вблизи сырых болотистых мест, у водоемов. Для укрытия свиньи используют кустарники, заросли камыша, молодую поросль хвойного леса. В горах они придерживаются лесной зоны. В случае опасности животные мчатся напролом и свободно проходят там, где не только человеку, но и собаке пройти невозможно. В горных районах жизнь свиней отличается сезонностью. Лето они проводят в нижнем поясе леса, зимой часть популяции (молодые и холостые самцы) поднимается высоко в горы. В конце лета — осенью кабаны концентрируются в рощах диких фруктовых и ореховоплодных деревьев. Кабаны — всеядные животные, однако они предпочитают травянистые растения (злаки и др.), которые составляют их основную пищу весной — в начале лета. Дикие свиньи держатся, как правило, небольшими группами, редко превышающими 10—20 голов [303, с. 74—96; 637, с. 372—376]. Свиньи Южной и Восточной Азии отличаются скороспелостью и способностью к откорму, а свиньи Европы — крупными размерами и плодовитостью [7, с. 47]. Пойманные в молодом возрасте поросята диких свиней легко становятся ручными [303, с. 96].

Так как одним из важных источников питания всех названных животных являются дикие злаки, неудивительно, что ареалы тех и других во многом совпадают. Для диких хлебных злаков границы ареалов в последние годы были установлены довольно точно [1060, с. 48—66]. Дикая однозернянка (*Triticum*

boeoticum) в своих двух разновидностях встречается от Балкан до Палестины и гор Загроса, эммер (*Triticum dicoccoides*) концентрируется в Леванте, а ячмень (*Hordeum spontaneum*) растет от Палестины до Юго-Западного Ирана. Все эти растения тяготеют к дубово-фисташковой лесостепи, однако местами заходят глубоко в степи, что особенно характерно для засухоустойчивого ячменя. В этих же районах локализуется первичный ареал диких бобовых, которые наряду со злаками составили тот биологический фонд, который лег в основу древнейшего земледелия [1061, с. 887—893]. Совпадение областей обитания диких сородичей домашних животных и культурных растений во многом объясняет то, почему производящее хозяйство возникло в Передней Азии как комплексное, сочетающее в себе земледелие и скотоводство.

Данные о современном расположении растительных зон имеют лишь относительную ценность для изучения процесса перехода к производящему хозяйству, так как начиная с конца плейстоцена их границы колебались как в связи с климатическими изменениями, так и в связи с деятельностью человека [691, с. 21—25]. Поэтому огромное значение имеет вопрос о реконструкции природной обстановки конца плейстоцена — начала голоцена. К сожалению, данных для изучения древнего климата в Передней Азии еще немного, и они зачастую трактуются по-разному. Все же сопоставление результатов, полученных разными методами независимо друг от друга (изучение морских и озерных отложений, атмосферных данных, пыльцевых диаграмм, микрофауны и т. д.), позволяет представить общую картину изменений природных условий в конце плейстоцена и в раннем и среднем голоцене (обзорные работы см. [372; 1049; 570; 468, с. 547—551; 513; 1052; 840]).

Теперь можно считать окончательно установленным, что примерно с XIV (XIII) тысячелетия до н. э. наблюдался длительный период потепления. Если в начале этого периода среднегодовая температура в Передней Азии была на 5—7° ниже современной [570, с. 557; 840, с. 12], то 10(9) тыс. лет назад она достигла современного уровня, а 6,5 (6) тыс. лет назад она превысила его на 3° [513, с. 320; 840, с. 19]. Аналогичная последовательность отмечается и при изучении уровня влажности с той лишь разницей, что изменения влажности следовали за температурными изменениями с некоторым отставанием (в несколько сотен или тысяч лет?) [840, с. 15, 16]. Процесс потепления не был непрерывным. Временами он сменялся относительно короткими периодами похолодания, которые, правда, не были столь резко выражены, как в Европе, и поэтому фиксируются не во всех районах Передней Азии. Лучшее всего сейчас известно похолодание, наступившее в позднем дриасе в X (IX) тысячелетии до н. э. В это время в Анатолии наблюдалось короткое наступление ледника [798, с. 222], а в Пале-

стине и Южном Прикаспии проходила очередная регрессия [786, с. 391—399; 983, с. 40]. Пыльцевая диаграмма из пещеры Шанидар тоже свидетельствует о более холодном и влажном климате в этот период [947, с. 736]. Изучение микрофауны с некоторых памятников Палестины, а также пыльцевой анализ, проведенный в пустыне Негев, показывают, что по крайней мере частично натуфийцы жили в период, более влажный, чем сейчас [983, с. 36, 39]. Наконец, данные, собранные У Нютцелем, также подтверждают, что в X (IX) тысячелетии до н. э. в Передней Азии наблюдалось временное похолодание, хотя количество осадков продолжало расти [840, с. 13—17].

В соответствии с климатическими колебаниями изменялись и границы природных зон. Холодные степи позднего ледникового периода во многих районах в конце плейстоцена начали сменяться теплой саванной, за которой следовала дубово-фисташковая лесостепь, а в некоторых более гумидных областях, где в вюрме сохранялись островки леса, наблюдалась широкая экспансия древесной растительности. Исходя из того что ареал диких видов пшеницы и ячменя тяготеет к поясу дубово-фисташковой лесостепи, некоторые специалисты не без основания предполагают, что накануне периода потепления заросли диких хлебных злаков жались к узким полоскам леса и на большей территории Передней Азии отсутствовали [1051, с. 44, 45; 468, с. 550, 551; 578, с. 274; 372, с. 32]. Действительно, изучение имеющихся пыльцевых диаграмм, за редкими исключениями, позволяет проследить колебания в количестве пыльцы злаков, и в частности хлебных злаков, соответствующие климатическим колебаниям [1049, рис. 3; 833, рис. 3; 673, с. 267—273; 1052, с. 106—112, 124—128]. Лишь с началом потепления хлебные злаки и бобовые становились обычным компонентом предгорных и горных биоценозов. Тогда-то они и привлекли внимание человека, и роль их в первобытном хозяйстве с этих пор прогрессивно возрастала. Ясно, что в этих условиях колебания климата в аллереде, позднем дриасе и пребореале не могли не сказаться на хозяйственной деятельности человека, так как временное наступление более продолжительных сухих периодов летом [1052, с. 140] так или иначе отражалось на развитии диких хлебных злаков и бобовых, и их урожайность, по-видимому, не всегда оправдывала ожидания людей. Вряд ли стоит доказывать, что это явление могло сыграть не последнюю роль в становлении древнего земледелия (подробнее см. [372, с. 32, 33]).

Колебания климата в меньшей степени сказались на расселении животных, которые в целом обладают большей экологической пластичностью, чем растения. Поэтому неудивительно, что фауна позднего плейстоцена Передней Азии уже имела современный характер. Все же трудно представить себе, что границы районов обитания различных животных совершенно не менялись. В этом смысле кажется показательным факт широко-

го распространения охоты на газель в мезолите, что соответствовало общему потеплению климата [594, с. 149—154; 570, с. 554; 412, с. 364]. Ареал безоаровых коз и азиатских муфлонов был в мезолите шире, чем сейчас. Первые обитали не только в Северном, но и в Южном Загросе, а также проникали в Левант до Палестины, хотя, правда, в самой Палестине они встречались крайне редко. В Леванте ареал безоаровых коз накладывался на ареал каменных коз. По мнению специалистов, наиболее вероятное объяснение этому следует искать в различиях в повадках этих животных, занимавших разные экологические ниши в пределах единой географической зоны [1057, с. 131; 857, с. 373]. Центром концентрации азиатских муфлонов, как и ныне, являлся Северный Загрос. Кроме того, они встречались в степях Северной Сирии и даже достигали Палестины, хотя и в весьма малых количествах [544, с. 80, 81; 500а, с. 272, 273]. Теперь можно ставить вопрос и о распространении безоаровых коз и азиатских муфлонов в каменном веке до Гиндукуша, где их останки известны с позднего плейстоцена [864, с. 73]. Палеолит и мезолит Анатолии, к сожалению, остаются практически неизученными, фаунистических данных отсюда нет, и сказать что-либо об обитании там коз и овец в эти периоды сейчас невозможно.

Тур был постоянным объектом охоты мезолитического населения во всех степных и полустепных районах Передней Азии, однако сколько-нибудь важное значение в снабжении населения пищей он имел лишь в Северной Сирии и, видимо, в Анатолии, судя по его большой роли в охоте раннеолитического населения последней. Расселение кабанов в каменном веке вряд ли существенно отличалось от современного. Большой интерес представляют собой находки эквидов в Леванте и Сирии, где в отличие от Загроса и Анатолии встречались не только онагры, но и какие-то другие виды. В свое время Д. Бейт определила в пещерах г. Кармел лошадь, близкую лошади Пржевальского, а Р. Вофрей нашел нечто напоминающее зебру Северной Африки (об этом см. [983, с. 25]). Недавно в Ябруде У Леману также удалось обнаружить останки каких-то эквидов, отличающихся от ослов, однако они были надежно зафиксированы лишь в палеолитических слоях [751, с. 185]. В 60—70-е годы в Северной Палестине и Сирии на нескольких мезолитических и раннеолитических памятниках разными специалистами были определены кости дикого осла (*Equus asinus*) [541, с. 73; 542, с. 273—289; 751, с. 185, 186; 749, с. 75], который, как считалось ранее, обитал только в Африке. По мнению П. Дюкоса, его ареал в древности располагался на равнинах между Алеппо и Пальмирой и между горами Палестины и равнинами Джебзира. Установив, что Передняя Азия входила в зону обитания диких ослов, П. Дюкос не без основания предполагает, что в бронзовом веке в Месопотамии люди использовали в

транспортных целях не онагров, а одомашненных ослов [542, с. 287, 288; 544, с. 77—79] (кстати, эту идею в свое время высказал еще А. А. Браунер. См. [46, с. 126]).

В конце верхнего палеолита и в мезолите в пределах зоны, где складывались природные предпосылки для перехода к производящему хозяйству, археологические исследования последних лет позволяют выделить несколько культурно-исторических областей, к важнейшим из которых относятся горы Загроса, Юго-Восточная Анатолия и Северная Сирия, а также Палестина.

В горах Загроса в период позднего плейстоцена обитали охотники и собиратели культуры зарзи [445, с. 155—157; 668, с. 159; 943, с. 8]. Они вели подвижное сезонное хозяйство с использованием различных экологических ниш, о чем свидетельствует характер их расселения, связанного как с базовыми лагерями (пещеры, скальные навесы), так и с временными стоянками (открытые местонахождения). Они охотились главным образом на безоаровых коз и муфлонов, благородных оленей, диких свиней и местами на онагров. Можно предполагать, что в этот период рос интерес к собирательству диких хлебных злаков. У носителей культуры зарзи уже имелись домашние собаки [978, с. 96—140]. Существенные сдвиги в хозяйственной деятельности наступили в последующее время — в XI—X (X—IX) тысячелетиях до н. э., когда сезонные передвижения населения стали более правильными и регулярными, о чем говорят остатки жилищ-полуземлянок и хозяйственных ям на временных открытых поселениях.

Новый образ жизни, несомненно, базировался на более интенсивном использовании окружающих природных ресурсов, одним из важнейших направлений которого стало усложненное собирательство дикорастущих хлебных злаков и бобовых, на что указывает рост количества жатвенных и терочных орудий, а также некоторые палинологические данные [945, с. 182—192; 753, с. 143—147]. Другим важным видом хозяйства стала специализированная охота на безоаровых коз и муфлонов, которая создала предпосылки для их domestikации. Древнейшие следы последней обычно видят в материалах со стоянки Зави Чами Шанидар, где, по мнению их исследователя Д. Перкинса, уже имелись домашние овцы [861, с. 565; 865, с. 279]. Основанием для такого утверждения послужило то, что здесь со временем наблюдался относительный рост количества овец, а среди них отмечалась тенденция к преобладанию молодняка (до 50% всех костей в верхнем слое). Вывод о domestikации был как будто бы подтвержден и с помощью микроструктурного анализа [538, с. 280, 281]. Все же его нельзя считать окончательно обоснованным. Не раз отмечалось, что приводимые Д. Перкинсом статистические данные неравноценны, а их интерпретация допускает неоднозначное толкование [353, с. 50, 51; 435, с. 73; 544, с. 82]. Небезгрешны, по признанию самого Д. Перкинса, и микро-

структурные определения [865, с. 282] (см. также [497, с. 143]). Поэтому вопрос о доместикации овец в Зави Чеми Шанидар остается открытым. Столь же сложно интерпретировать скудные и фрагментарные материалы стоянки Карим Шахир, изучение которых не позволяет с уверенностью говорить о доместикации коз и овец [667, с. 143; 442, с. 71]. Более достоверны данные об одомашнивании коз в Асиабе, где Ш. Бекени удалось обнаружить слабые морфологические указания на это. Там же фиксируется огромное преобладание костей взрослых самцов, что, по мнению исследователя, тоже свидетельствует о процессе одомашнивания [435, с. 71—73]. Стоянка Асиаб относится к позднему мезолиту и может датироваться IX (VIII) тысячелетием до н. э.

Надо сказать, что в настоящее время памятники Загроса дают достаточно материала для окончательного выяснения вопроса о том, насколько данные о половозрастном соотношении добытых охотниками животных могут служить для установления процесса доместикации. Выше уже указывалось на особенности сезонных передвижений диких коз и овец, взрослые самки и самцы которых лишь в зимний период пасутся вместе, а в остальное время обитают на разных высотах. С учетом этого явления становится легко объяснимым, почему в Зави Чеми Шанидар (высота 426 м над уровнем моря) фиксируется большое количество молодняка, тогда как в Палегавре (965 м над уровнем моря) преобладают взрослые особи, а в Асиабе (1372 м над уровнем моря) подавляющее большинство костей принадлежит взрослым самцам. Дело в том, что Зави Чеми Шанидар располагается много ниже, а Палегавра и Асиаб — выше районов зимних пастбищ этих животных. К сожалению, сезон заселения Палегавры по археологическим материалам окончательно пока что не установлен. Правда, предполагается, что люди обитали там не в зимнее время года. Однако для Асиаба получены данные о том, что он заселялся между февралем и апрелем и много реже между августом и апрелем [433, с. 125]. Следовательно, охота на коз здесь велась главным образом весной, а поэтому не случайно основной жертвой охотников становились взрослые козлы. Что же касается стоянки Зави Чеми Шанидар, то, по мнению исследователей, она обживалась также лишь в теплое время года [946, с. 693], когда в ее окрестностях могли пастись только самки с молодняком. Таким образом, сейчас древнейшими данными о наличии домашнего мелкого рогатого скота в Загросе могут служить только находки с Асиаба, где доместикация фиксируется по морфологическим показателям. Сходная интерпретация материалов с синхронных или более ранних памятников пока что не выходит из разряда гипотез.

В Леванте памятники конца плейстоцена изучены неравномерно. Лучше всего они известны в южных районах, хуже — в северных. Основная их масса связана с двумя культурами: бо-

лее ранней кебаранской (XVI—XI [XV—X] тысячелетия до н. э.) и более поздней натуфийской (XI—IX [X—VIII] тысячелетия до н. э.) [371; 374; 412; 983]. Тенденции развития этих культур весьма показательны, так как здесь лучше, чем где бы то ни было в Передней Азии, прослеживаются изменения образа жизни местного населения на протяжении мезолита. Уже в кебаранский период наряду с пещерами встречается масса открытых стоянок, которые, судя по развитию жилищ, постепенно приобретают все более долговременный характер. Убедительным примером длительного обитания на одном месте служит натуфийское поселение Эйнан, где встречено несколько десятков домов-полуземлянок. Однако и в натуфе такие поселения еще не были круглогодичными [747, с. 102, 103]. Их развитие отражало становление правильного сезонного хозяйства с поочередным использованием самых различных природных ресурсов [992, с. 8—26]. Как и в Загросе, все большую роль со временем начинало играть усложненное собирательство растительной пищи. Натуфийцы имели уже для этого довольно разработанный комплекс орудий, корни которого уходят в предшествующий, кебаранский период. К последнему, кроме того, относятся древнейшие прямые свидетельства собирательства диких эммера, ячменя и бобовых [839, с. 91—93]. Теперь можно с полной уверенностью говорить, что возрастание роли собирательства этих растений на протяжении кебаранского и натуфийского периодов наряду с использованием в некоторых областях ресурсов водных резервуаров обусловило тенденцию к оседлости. Однако значение различных видов хозяйства в разных районах было неодинаковым. Изучение натуфийских памятников позволяет выделить несколько локальных вариантов, сложившихся в конкретной природной обстановке, которая обусловила хозяйственную специфику каждого из них. Не углубляясь в этот вопрос детально, следует заметить, что основу существования населения в северных районах составляла пища, связанная с водоемами и лесными ландшафтами, богатыми дичью, тогда как в более засушливых, южных областях особую роль играло собирательство дикорастущих хлебных злаков и бобовых, а также специализированная охота на отдельные виды животных. Именно на юге шло формирование комплекса жатвенных и терочных орудий, представленных там наиболее полно и в последующее время. Любопытно, что на юге (в Иудее) появились и древнейшие в Передней Азии наконечники стрел. В центральных и местах в северных районах Палестины в мезолите устраивались специализированные охоты на газелей, а к югу от Мертвого моря — на каменных коз. Казалось бы, такая обстановка благоприятствовала domestikации этих животных, однако ни те ни другие по-настоящему одомашнены никогда не были. Правда, в последние годы в литературе получило хождение мнение, согласно которому население мезолита могло приручать и пасти

газелей [448, с. 12—14; 748, с. 119—124; 839, с. 91, 96; 800, с. 22]. Его сторонники обычно исходят из того, что этот вид хозяйства возник естественным образом из сопровождения стад газелей бродячими охотниками. Однако, как было показано, ни кебаранцев, ни натуфийцев, ведших правильное сезонное хозяйство на четко очерченной территории, никак нельзя назвать бродячими охотниками. А если бы это даже было и не так, трудно представить себе мезолитических охотников, которые даже при всей своей ловкости и проворстве могли бы сколько-нибудь длительно преследовать таких пугливых и быстрых животных, как газели. В разных районах натуфийцы охотились на газелей в разные сезоны и, возможно, разными методами, чему соответствовали и различия в половозрастном составе добытых животных. Так, в Эйнане костей молодых животных (до 1 г.) было встречено очень мало [541, с. 124], зато в Вади Фалла кости молодняка преобладали (54,7%) [748, с. 121, 122]. Последнее иногда считают доказательством приручения газелей натуфийцами [748].

В принципе трудно оспорить положение о том, что натуфийцы кое-где могли спорадически приручать отдельных пойманных животных, которые легко привязываются к человеку, как показывают этнографические исследования [77, с. 355]. Однако ежегодные массовые убои молодняка фиксируются этнографами лишь у относительно развитых скотоводов, обладающих стадами домашних животных. В условиях Передней Азии владельцы таких стад должны были бы вести полукочевой или кочевой образ жизни, существенно отличающийся от того, который реконструируется по натуфийским и ранненеолитическим материалам. Таким образом, преобладание костей молодых газелей на некоторых натуфийских памятниках требует иного объяснения. Мы легко находим его в записках средневекового арабского автора Усамы ибн Мункыза, который, описывая охоту на газелей, в изобилии встречавшихся в области крепости Джабара, отмечал, что «в то время, когда газели приносят детенышей, охотники выходят на конях или пешком и забирают тех детенышей, которые родились в эту ночь, в предыдущую или за две-три ночи раньше. Они собирают их, как собирают хворост или сено». По словам этого автора, порой удавалось поймать до 3 тыс. детенышей газелей за один день [328, с. 319]. Близкое объяснение дает и специально изучавший поведение газелей Д. Хенри, который отмечает, что они пасутся обычно тремя группами: 1) самки с детенышами; 2) молодые самцы; 3) взрослые самцы. Следовательно, состав добычи во многом определялся тем, с какой из этих групп охотники имели дело [646, с. 380, 381].

Пример с газелью показывает, что не всегда специализированная охота вела к domestикации. В данном случае этому препятствовали поведенческие особенности самой газели: вы-

сокая требовательность, пугливость, наличие миграционного цикла. Вообще в Палестине, бедной подходящими для доместикации животными, отсутствовала сколько-нибудь серьезная база для самостоятельного возникновения скотоводства³. В свое время Р. Вофрей предполагал наличие домашних коз, крупного рогатого скота и свиней в Эль-Хиаме [1986, с. 215], а Д. Бейт писала о домашней собаке в пещерах Кармела [594, с. 153]. Более тщательные исследования натуфийских памятников, проведенные в последние годы, показали, что скотоводства натуфийцы еще не знали [897, с. 127; 498, с. 326—333; 541, с. 79; 983, с. 37, 38]. Сложнее обстоит дело с вопросом о наличии у них домашней собаки. Недавно в одном из погребений в Эйнане рядом с покойным был обнаружен полный скелет молодого животного, предварительно определенный как принадлежащий к роду *Canis* sp. [984, с. 42]. Таким образом, сейчас представляется преждевременным утверждать, что у натуфийцев собаки совсем отсутствовали.

По-иному шло развитие в Ливане, где наблюдались более гумидные условия, чем в Палестине [758, с. 125]. На протяжении всего верхнего палеолита Ливан представлял собой одну из немногих областей, где росли густые леса, предоставлявшие человеку богатую животную и растительную пищу. Любопытно, что при этом и здесь местное население кое-где занималось специализированной охотой, как показывают раскопки в Ксар Акиле, где в кебаранское время основным источником мяса служили лани и безоаровые козы (83% всех костей) [670, с. 4—62]. Никаких свидетельств зарождения производящего хозяйства в мезолите Ливана не найдено.

К позднемезолитическому и ранненеолитическому времени в Северной Сирии относится несколько памятников. Один из них, Мурейбит (конец X—IX) [IX—VIII] тысячелетие до н. э. [761, с. 265—282; 800, с. 42—48], представляет собой искусственный холм, образованный из остатков сменявших друг друга поселений. Эти поселения состояли из прочных домов из камня и глины, что свидетельствует о долговременности обитания. Жители Мурейбита были потомками пришедших сюда с юга натуфийцев. Они занимались охотой, собирательством и в очень малой степени рыболовством. Охота имела специализированный характер. В ранний период жители добывали главным образом диких ослов и в несколько меньшей степени газелей и ланей. В поздний период значение охоты на ослов усилилось, чаще стали охотиться на тура, тогда как роль газели и лани резко упала. Отмечая параллельное усовершенствование охотничьего инвентаря, П. Дюкос не без основания предполагает, что в поздний период устраивались более крупные и более успешные коллективные охоты. Кроме указанных животных охотники изредка добывали благородного оленя, муфлона, кабана и некоторых более мелких зверей [545, с. 193, 194; 546, с. 41, 42]. Однако не

охота обусловила оседлый образ жизни. Последний не был связан и с рыболовством, роль которого была невелика. Зато возрастание со временем количества жатвенных ножей, зернотерок, ступок и пестов, наличие многочисленных ям, служивших для обжаривания зерен, значительную долю которых составляли дикие однозернянка, ячмень и бобовые [1050, с. 167—176], позволяют не только говорить об усложненном собирательстве как о ведущем направлении в хозяйстве, но и предполагать самые начатки земледелия по крайней мере на поздних этапах истории памятника.

Неподалеку от Мурейбита, на противоположном берегу Евфрата, в мезолите обитала другая группа населения, видимо также генетически связанная с натуфийцами. И здесь основу оседлого или полуоседлого существования составляли усложненное собирательство диких хлебных злаков и бобовых (возможно, и начало их выращивания), а также специализированная охота на газелей, ослов и в некоторой степени на диких коз и овец.

Рыболовство большой роли не играло: никаких остатков рыбы в мезолите не найдено [806, с. 67; 749, с. 74—76].

Фрагментарность и нечеткость сведений о процессе становления производящего хозяйства в мезолите не должны вызывать удивления. На ранних стадиях domestikации и растения и животные еще ничем не отличались от своих диких сородичей, а по характеру инвентаря невозможно разделить комплексы, связанные с усложненным собирательством и ранним земледелием, которые практически идентичны. Поэтому в ряде случаев специализированную охоту на «потенциально домашних животных» и усложненное собирательство диких видов пшеницы, ячменя и бобовых следует расценивать как примеры domestikационной активности. Надо думать, что в некоторых местах в IX (VIII) тысячелетии до н. э. земледельческо-скотоводческое хозяйство стало уже свершившимся фактом, поскольку в последующий период раннего неолита (середина IX—VIII [середина VIII—VII] тысячелетие до н. э.) то тут, то там начали появляться прямые указания на это, фиксирующиеся морфологически. Не менее показателен и долговременный характер поселений раннего неолита с их прочными глинобитными или кирпичными домами.

В Загросе известно несколько ранненеолитических поселений носителей производящего хозяйства. Наиболее древним из них является Гандж Дарех, который датируется рубежом IX—VIII (VIII—VII) тысячелетий до н. э. Прямых свидетельств земледелия здесь еще не найдено, однако о нем говорит как общий облик поселения, так и некоторые характерные черты инвентаря. По костным останкам удалось определить наличие коз, овец, туров и кабанов. По определению остеологов, в поздний период здесь появились домашние козы. Можно думать, что

отпечатки следов копыт на кирпичках были сделаны именно ими [942, с. 179; 944, с. 179; 865, с. 280].

Гораздо дальше процесс доместикации зашел на таких земледельческих поселениях, как Али Кош (VIII — начало VII [VII — начало VI] тысячелетия до н. э.) и Джармо (вторая половина VIII [вторая половина VII] тысячелетия до н. э.), откуда происходят довольно представительные остеологические коллекции. Особенно интересны данные из Али Коша. Здесь уже в ранний период (Бус Мордех) коз было гораздо больше, чем овец. В последующее время отмечается множество переходных форм, постепенно происходят морфологические изменения рогов сначала козлов, потом баранов. Кроме того, поскольку равнинный ландшафт, окружающий Али Кош, мало благоприятствует обитанию диких коз и овец, то само их появление здесь, возможно, уже свидетельствует об их одомашнивании [669, с. 263; 353, с. 49—50].

В Джармо большая часть костных останков связана с домашними животными, подавляющее большинство которых составляют козы. О домашнем характере последних говорит ряд морфологических признаков. Менее ясен вопрос о наличии здесь домашних овец. В поздний период в Джармо внезапно появляются домашние свиньи, но их немного. О домашних собаках в Джармо иногда судят по отдельным маловыразительным глиняным фигуркам [897, с. 130, 131, 135, 142; 899, с. 370; 442, с. 77]. Вообще роль собак в неолитическом хозяйстве Загроса остается загадкой. В Юго-Западном Иране они появляются только в VII (VI) тысячелетии до н. э., однако в предшествующий период здесь отмечалось спорадическое поедание волков. Последнее имело место и на ранне-неолитическом Гуране [669, с. 311—315]. Поэтому не лишено оснований предположение о том, что сначала волков, а потом и собак использовали порой в пищу. Однако вряд ли в этом заключалось основное назначение собак. Пока что трудно судить о том, сыграли ли они какую-нибудь роль в процессе становления скотоводства.

Во второй половине IX—VIII (второй половине VIII—VII) тысячелетиях до н. э. производящее хозяйство возникло и в Анатолии. Процесс его становления прослежен на поселении Чайюню-Тепези (рубеж IX—VIII [VIII—VII] тысячелетий до н. э.) в Юго-Восточной Турции [443, с. 1236—1239], которое имело долговременный характер, на что указывают остатки прочных наземных домов. Интересно, что в ранний период единственным бесспорно домашним животным здесь была собака [738, с. 44—58], тогда как остальные виды фауны сохраняли дикий облик. Вместе с тем наличие культурных растений в ранних «слоях» позволяет считать Чайюню земледельческим поселением с самого начала [444, с. 571]. Первые его обитатели активно охотились на туров и оленей и в гораздо меньшей степени на коз и овец. Напротив, в поздний период основную мясную пищу им давали

kozy и овцы, многие из которых уже были домашними. По мнению исследователей, в Чайоню отсутствуют переходные формы от дикой овцы к домашней [444, с. 571]. Возможно, что по крайней мере частично домашние животные были приведены с востока, откуда сюда проникли и некоторые предметы материальной культуры. Наличие домашних свиней в Чайоню проблематично [444, с. 571; 865, с. 280].

На юге Центральной Анатолии в VIII (VII) тысячелетии до н. э. известно несколько поселений с глинобитной архитектурой, объединяемых в единую анатолийскую докерамическую общность [855, с. 191—194]. Это — Ашикли Гуюк [971, с. 139—162], Кан Хасан III [586, с. 181—190], Субердэ [427, с. 30—32; 428, с. 32, 33; 867, с. 97—106] и докерамический Хаджилар [799]. Они несколько различались обликом хозяйства, связанного с особенностями адаптации в разных природных условиях, а также с возрастом поселков и степенью их изученности. Хозяйственная база их в целом известна слабо. Растительные остатки, более или менее полно представленные лишь в Хаджиларе и Кан Хасане III, позволяют говорить о земледелии. Остеологические материалы детально изучены только в Субердэ, где основная масса фауны представлена козами и овцами, а кабаны, туры, олени, лани и другие животные встречаются гораздо реже. Д. Перкинс и П. Дейли признали всех этих животных, кроме собаки, дикими [867, с. 102—104]. Однако другие исследователи оспаривают этот вывод, против которого говорят как чисто зоологические соображения, так и облик самого поселения, который плохо вяжется с предполагаемой охотничье-собирательской экономикой [497, с. 148; 855, с. 193]. Еще хуже изучена фауна других поселений. На всех них встречаются кости туров, кабанов, коз, овец, оленей, ланей, хотя и в разном соотношении. Все же козы и овцы, как правило, преобладают над другими видами, причем овец встречается заметно больше, чем коз. На Кан Хасане III доминировала охота на тура, а в Субердэ также отмечается рост ее роли со временем. В Субердэ, Хаджиларе и, видимо, в Кан Хасане III имелись домашние собаки.

Приведенный обзор свидетельствует об отсутствии четких данных о domestикации основных хозяйственных животных в ранненеолитической Анатолии, что не означает отсутствия здесь этих животных. Действительно, местоположение памятников, которые находятся в аллювиальных горных долинах, и большая мощность их культурного слоя, говорящая о долговременности обитания, заставляют связывать эти памятники с земледельческо-скотоводческим населением. На то же указывает и тот факт, что жители этих поселков, расположенных у рек и озер, почти полностью пренебрегали рыбой и водоплавающей птицей, что было бы удивительно для неолитического доземледельческого населения [855, с. 193, 194]. Поэтому есть веские основания

предполагать, что козы и овцы, кости которых встречаются на ранненеолитических поселениях Анатолии, уже были домашними.

Дальнейшее развитие описанной культуры прослеживается в Чатал Гуюке (конец VIII — первая половина VII [конец VII — первая половина VI] тысячелетия до н. э.) [798], высокоразвитом поселении земледельцев и скотоводов. К сожалению, характер развития скотоводства здесь еще не совсем ясен. Путем предварительного анализа Ч. Рид обнаружил домашних коз, овец, крупный рогатый скот и собак [797, с. 55]. Он же впервые отметил преобладание крупного рогатого скота над другими видами, что позднее было подтверждено Д. Перкинсом, который доказал наличие здесь домашнего крупного рогатого скота с самого начала [863, с. 177—179]. Однако костей домашних коз и овец в ранних слоях Д. Перкинс не нашел. По-видимому, это связано с малочисленностью данных в целом, поскольку ранние слои были вскрыты на весьма незначительной площади. Трудно представить, что жители Чатал Гуюка в ранний период не имели овец и коз. Во-первых, как было показано выше, более чем вероятно, что последних знали в Анатолии в предшествующий период; во-вторых, вряд ли со сложностями доместикации тура могли справиться люди, незнакомые со скотоводством; в-третьих, в средних слоях Чатал Гуюка были встречены остатки тканей скорее животного, чем растительного происхождения [466, с. 169, 170; 800, с. 105]. Однако эффективное использование шерсти овец возможно только на относительно высокой стадии доместикации. Есть в Чатал Гуюке и другое важное свидетельство использования домашних животных. Это изображение охотничьей собаки, происходящее из дома одного из поздних слоев [798, с. 170].

Ранний неолит Леванта представлен двумя археологическими культурами. Памятники докерамического неолита А локализируются в Палестине и датируются IX — началом VIII (VIII — началом VII) тысячелетия до н. э. Их население генетически связано с местными натуфийцами. Докерамический неолит В является продуктом развития северных натуфийцев в Сирии. В VIII (VII) тысячелетии до н. э. происходит проникновение его носителей на юг, в Палестину, где в результате синтеза культур местного и пришлого населения возникает своеобразный вариант докерамического неолита В [800, с. 49—67].

Начало раннего неолита в Палестине было ознаменовано важными изменениями в экологической обстановке. Конец влажного позднедриасового времени и наступление пребореального и бореального периодов в IX—VIII (VIII—VII) тысячелетиях до н. э. привели к тому, что в ряде наиболее засушливых районов стало невозможным ведение полуседлого собирательского хозяйства. Так, количество поселений в пустыне Негев резко уменьшилось, причем в VIII (VII) тысячелетии до н. э.

здесь встречались лишь временные лагеря неолитических охотников [780, с. 1240]. То же произошло и в Иудейской пустыне, развитие которой в неолите начало отставать от других, более прогрессивных, областей [987, с. 13, 14]. Наоборот, в ряде центров, лежащих в несколько более благоприятных условиях, таких, как Бейда и Иерихон, в IX (VIII) тысячелетии до н. э. совершился переход к земледелию, возникли крупные долговременные поселения с прочной архитектурой.

Менее ясен вопрос о domestикации животных. Предположение Д. Перкинса о domestикации коз в Бейде имеет весьма шаткие основания, так как здесь не удалось отделить кости каменных коз от безоаровых, что значительно снижает ценность приводимой этим ученым статистики [862, с. 66, 67; 865, с. 280]. Мнение П. Дюкоса о наличии домашних коз в Эль-Хиаме было пересмотрено им самим, ибо оно плохо согласуется с данными предшествующего и последующего периодов [540, с. 395, 396; 541, с. 134, 135; 544, с. 82]. Кроме того, материалы Эль-Хиама, среди которых на 318 костей мелких копытных приходится лишь 28 костей безоаровых коз без каких-либо морфологических признаков domestикации, делают мнение о местном одомашнивании весьма проблематичным. Действительно, почти полное безразличие, которое проявляли охотники Палестины к безоаровым козам, вызванное малой распространенностью здесь последних, заставляет скептически относиться к идее местной domestикации этих животных. В период докерамического неолита В на поселениях Палестины количество безоаровых коз резко возрастает [541, с. 85; 748, с. 123], а в Иерихоне появляются уже бесспорно домашние козы [1054, с. 74, 75; 500, с. 50]. Так как в это время местная культура испытывала сильное влияние с севера, откуда сюда проникла, в частности, культурная одностернянка [672, с. 358], то и появление домашних коз следует связывать с тем же процессом. С севера в Палестину в конце VIII (VII) тысячелетия до н. э. попали и домашние овцы. Определение П. Дюкосом небольшого количества костей диких овец в натуфийском Эйнане и раннем неолите Вади Фаллы [541, с. 73, 76] требует проверки, поскольку более поздние работы в Вади Фалле показали, что там были не овцы, а козы [748, с. 121]. Отсутствие костей овец на многих других памятниках мезолита и раннего неолита тоже заставляет критически отнестись к выводам П. Дюкоса. Поэтому многочисленные кости овец (21,1% всех костей), найденные в Мунхатте [541, с. 85], можно объяснить только появлением домашних животных с севера.

Дискуссионен вопрос о domestикации тура в Палестине, причем разногласия между учеными вызваны различным подходом к критериям оценки нижнего предела variability размеров дикого тура: исходя из более низких цифр, П. Дюкос считает туров Иерихона дикими, тогда как Г. Нобис, беря более высокие

цифры, говорит об их domestикации (об этом см., например [497, с. 149]). Однако, если согласиться с Г. Нобисом [834, с. 414—415], придется признать, что домашний крупный рогатый скот появился уже у натуфийцев и разводился самыми ранними земледельцами Палестины, что не вяжется с нашими представлениями о хозяйстве этого населения, полученными при анализе археологических данных. Поэтому более приемлема идея П. Дюкоса о наличии в Палестине мелкой разновидности первобытного быка в отличие от сирийской или анатолийской, которые имели более крупные размеры [543, с. 298]. Остается присоединиться к мнению П. Дюкоса и Дж. Клаттон-Брок о том, что кости первобытных быков, найденные на памятниках раннего неолита Палестины, происходят от диких особей [541, с. 73—85; 500, с. 44—46]. Вместе с тем вряд ли можно отрицать, что попытки domestикации этих животных в указанный период имели место. В Иерихоне 90% костей туров принадлежит взрослым особям [500, с. 44], что, по критерию Ш. Бекени, свидетельствует о самом начальном этапе одомашнивания. Не исключено, что domestикация тура в Палестине была в какой-то степени стимулирована аналогичным процессом, протекавшим в это время в Анатолии. Дальнейшие ее этапы прослеживаются в Палестине в VII (VI) тысячелетии до н. э. на таких поселениях, как Бейсамун и Хагошрим [544, с. 83].

Не менее сложен вопрос о наличии домашних кошек и собак в Иерихоне. Если Ф. Цейнер писал о них с уверенностью [1053, с. 52—54], то Дж. Клаттон-Брок вначале обнаружить их останков не удалось. Зато она установила наличие костей арабского волка и шакала, а также множество костей лисицы. Ею найдены и кости предка домашней кошки *Felis lybica*, однако без каких-либо следов domestикации. Все эти материалы происходили из пищевых отбросов, что ясно указывает на поедание названных животных жителями Иерихона [499, с. 337—344]. Впоследствии Дж. Клаттон-Брок все же признала наличие домашних собак в Иерихоне. Б. Брентьес предполагает, что древние иерихонцы пасли газелей [450, с. 42]. Однако гораздо более правдоподобно, что последних добывали путем организации крупных ежегодных загонных охот.

Картина раннего скотоводства в Палестине в докерамический период В подтверждается материалами с синхронных памятников Сирии. Так, на раннеземледельческом поселении Рамад (вторая половина VIII [вторая половина VII] тысячелетия до н. э.) значительную долю животных составляли домашние козы и овцы. Более проблематично наличие здесь домашних свиней [671, с. 195; 865, с. 280]. Еще интереснее данные, полученные с поселения Букра (рубеж VIII—VII [VII—VI] тысячелетий до н. э.), расположенного в степном районе Северной Сирии. Большая часть найденных здесь фаунистических останков принадлежала туру и муфлону, кости безоаровых коз встречались

реже. По определению Д. Худжера [671, с. 193, 194], слабые морфологические указания на domestикацию козы отмечаются едва ли не с самого раннего периода. Позже они становятся гораздо более четкими. Таким образом, уже первые жители Букры имели домашних коз, причем эти животные были одомашнены где-то в другом месте, так как природная обстановка в районе Букры мало подходит для обитания диких коз. Туры раннего периода представлены дикими особями, но в поздний период (в начале VII [VI] тысячелетия до н. э.) здесь появляется одомашненный крупный рогатый скот. Что касается овец, то по костным останкам, к сожалению, не удалось установить, была она домашней или дикой. Все же есть основания полагать, что жители Букры пасли и овец. На это указывает, с одной стороны, обилие костей овец, а с другой — полное отсутствие костей газелей и почти полное — онагра (или дикого осла?), что было бы трудно объяснить, если бы жители Букры устраивали регулярные охоты, как считает А. Контенсон, видя в них «оседлых охотников» [503, с. 152—154]. Действительно, при раскопках расположенного несколько северо-западнее телля Абу Хурейра было установлено, что в сходных природных условиях население раннего неолита охотилось в первую очередь на газелей и в меньшей степени на диких ослов, муфлонов и, возможно, коз. Зато в поздний период раннего неолита здесь зафиксирована картина, в точности повторяющая ту, которая отмечалась в Букре: количество коз и овец резко возросло (с 6,2 до 70,5% всего костного материала) [749, с. 74, 75], что трудно связать с чем-нибудь иным, кроме как с развитием в Северной Сирии скотоводства. Жители Абу Хурейры с начала неолита (если не раньше) занимались, кроме того, и земледелием. Видимо, оно было известно и населению Букры, и лишь ограниченные масштабы археологических работ не позволили установить здесь его следы с достаточной точностью.

Трудно не связать окончание жизни на поселении Букра с потеплением в конце бореальной — начале атлантической фаз, когда наступление более засушливых условий могло привести к упадку ряда раннеземледельческих центров, результатом чего, возможно, и стал отлив населения из Палестины [868, с. 136; 807, с. 37, 38]. Именно в это время в некоторых местах Передней Азии возникло ирригационное земледелие, способное противостоять все более продолжительным летним засухам [643, с. 44—45]. Передвижения населения и интенсивное развитие обмена способствовали проникновению производящего хозяйства во все уголки Передней Азии. На протяжении VIII [VII] тысячелетия до н. э. и особенно VII [VI] тысячелетия до н. э. шло распространение культурных видов за пределы областей их происхождения. О появлении домашних коз и овец в Леванте уже упоминалось. Несколько позже, в VII [VI] тысячелетии до н. э., наблюдалось проникновение крупного рогатого скота на юг и

юго-восток. Сначала он появился в Северной Месопотамии [238, с. 101], а потом и в Юго-Западном Иране [669, с. 264]. Характерно, что крупный рогатый скот в отличие от коз и овец распространялся лишь по степным районам; в горы он не проникал.

Кавказ

О появлении производящего хозяйства на Кавказе до сих пор известно мало. Биологические данные как будто бы говорят о наличии здесь природных предпосылок для самостоятельного перехода к производящему хозяйству (наличие диких сородичей ряда культурных растений и домашних животных) [112, с. 227; 188, с. 103; 288, с. 43; 236, с. 76]. Однако к началу голоцена эти предпосылки сложились не на всей территории Кавказа. Так, область обитания тура охватывала лишь Южное и в некоторой степени Восточное Закавказье, безоаровые козы водились только в Южном Закавказье и в горах Большого Кавказа, а муфлонообразные бараны — в Южном Закавказье [77, с. 160, 172, 244; 222, с. 19—50]. Кроме того, само по себе наличие природных предпосылок, как уже не раз отмечалось в литературе [335, с. 48], не ведет автоматически к сложению производящего хозяйства без соответствующих предпосылок в культурно-исторической среде.

К сожалению, мезолит и неолит Закавказья изучены явно недостаточно для того, чтобы сколько-нибудь полно реконструировать процесс становления здесь земледелия и скотоводства (см., например [288, с. 41 сл.; 212, с. 255—262; 188, с. 103; 236, с. 55—79; 335, с. 46—49]). Видимо, наиболее интересные в этом отношении памятники расположены в Армении, однако они еще мало известны, а материалы о тех из них, которые были раскопаны [288, с. 44—54], опубликованы весьма плохо и практически недоступны для исследователей, среди которых по поводу их интерпретации возникают поэтому разногласия [ср. 188, с. 103; 236, с. 65]. В несколько лучшем состоянии находится изучение памятников мезолита в Грузии и Дагестане. Сейчас достоверно установлено, что никаких следов скотоводства на этих памятниках нет. В остеологических коллекциях из Западной (пещера Квачара) и Восточной Грузии (стоянка Зуртакети) встречаются кости козьих, но все они происходят от кавказских козрогов, а не от безоаровых коз. На стоянках Центрального Кавказа кости безоаровых коз либо не фиксируются вовсе (Сосруко), либо неотличимы от костей кавказского тура (Чохская). Лучше обстоит дело с армянским муфлоном, кости которого встречаются почти на всех этих памятниках (за исключением дагестанских), а их географическое распределение подтверждает вывод Н. К. Верещагина о тяготении муфлона к районам Южного Закавказья [354, с. 34; 80, с. 25; 77, с. 195]. Харак-

терно, что и в относительно полных коллекциях из более поздних комплексов Дагестана (III тысячелетие до н. э.—VIII в. н. э.) костей муфлона также обнаружено не было, зато встречались кости восточных баранов и безоаровых коз [128, с. 287]. Таким образом, несмотря на то что в некоторых районах Кавказа в мезолите велась специализированная охота на коз/овец [166, с. 169; 128, с. 287, 288; 77, с. 193, 195], пока что нет сколько-нибудь надежных оснований для суждения о ней как о реальной основе, на которой возникла domestикация животных и скотоводство. На некоторых памятниках Закавказья и Центрального Кавказа в мезолите и раннем неолите отмечалось формирование и развитие орудийного комплекса, свидетельствующего об усложненном собирательстве растительной пищи [187, с. 270]. Однако, к сожалению, этот путь развития населения Кавказа изучен еще крайне недостаточно. Лучше известна эволюция хозяйства мезолитических обитателей Западного Закавказья от охоты и собирательства к рыболовству [354, с. 135]. Присваивающее хозяйство, бесспорно, господствовало у потомков этого населения и в раннем неолите [244, с. 113, 118; 236, с. 66]. Напротив, о хозяйстве позднего неолита с той же уверенностью судить уже нельзя. В этот период здесь внезапно появился целый комплекс орудий, связанных со сбором и обработкой растительной пищи (вкладыши жатвенных ножей, ступки, терочки и т. д.), которые, по мнению некоторых специалистов, свидетельствуют о появлении земледелия [244, с. 118; 236, с. 68, 70]. Вместе с тем местные природные условия, неблагоприятные для посева пшеницы и ячменя, и малочисленность подобных орудий заставляют оставить открытым вопрос об обстоятельствах и времени возникновения земледелия в Западном Закавказье, где, кстати, в неолите оставались незаселенными районы, экологически наиболее подходящие для становления земледелия [111, с. XIV—XV; 144, с. 234]. Я. А. Киквидзе предполагает, что в неолите здесь возделывали просо и «гоми» [144, с. 234]. Однако эта гипотеза мало правдоподобна, так как в раннеземледельческих комплексах Кавказа, откуда происходят остатки зерен, просо встречается крайне редко и повсюду вместе с пшеницей, ячменем и другими растениями [198, с. 61 и сл.]. Отсутствие костей домашних животных в неолите Западной Грузии при наличии костей диких соответствует данным о том, что в тот период пастбищные угодья здесь были неблагоприятными (большая лесистость и т. д.) [144, с. 235]. Поэтому представляется справедливым мнение А. А. Формозова, который сомневается в земледельческом характере позднеолитических поселений Западного Закавказья [335, с. 46, 47]. Не проще обстоит дело и с вопросом о появлении скотоводства. Единственным памятником, расположенным к северу от Южного Кавказа, где в неолите надежно зафиксированы кости домашних животных (мелкого и крупного рогатого скота и свиней), является

Каменномоетская пещера [333]. Однако ее материалы допускают различную интерпретацию. Если Р. М. Мунчаев синхронизирует их с памятниками позднего неолита Западного Закавказья и считает возможным говорить о распространении скотоводства у поздненеолитического населения Кавказского Причерноморья [236, с. 70, 71], то А. А. Формозов допускает вероятность синхронизации неолитического слоя на этом памятнике энеолиту Южного Кавказа [335, с. 53], тем самым не исключая возможности заимствования скота с юга.

В Южном и Восточном Закавказье в позднем неолите и энеолите существовала относительно развитая земледельческо-скотоводческая шулавери-шомутепинская культура, которая сейчас известна в двух или, возможно, в трех вариантах [143]. Ранние носители этой культуры могли жить, по крайней мере частично, одновременно с населением позднего неолита Западного Закавказья, а ее истоки уходят в VII (VI) тысячелетие до н. э. [143, с. 169—171]. Генезис этой культуры еще не ясен. Ученые отмечают в инвентаре ее носителей некоторое сходство с более ранними неолитическими памятниками Закавказья [244, с. 113; 335, с. 50, 51], пишут о местной древней традиции строительства круглых домов [111]. И в то же время ряд характерных особенностей материальной культуры и неолитических и энеолитических памятников заставляет специалистов констатировать также и факт определенного переднеазиатского влияния [244, с. 117; 188, с. 171; 236, с. 75—79; 335, с. 52]. Как справедливо указывает Т. В. Кигурадзе, говоря о местной основе закавказского неолита—энеолита, следует учитывать и то несомненное влияние, которое оказывали на его развитие «значительные импульсы, шедшие из южных и юго-западных областей» [143, с. 172]. Г. А. Меликишвили даже предполагает наличие некоей лингвистической общности населения неолита и энеолита Закавказья и Передней Азии [795, с. 50].

Таким образом, можно утверждать, что становление производящего хозяйства в Закавказье происходило в условиях тесных контактов местного и переднеазиатского населения. Это, конечно, вовсе не означает, что земледельческо-скотоводческий комплекс в неизменном виде проник на Кавказ с юга. Последнее могло бы произойти лишь в случае широкой миграции, следов которой в Закавказье не обнаружено. По-видимому, речь может идти только об инфильтрации каких-то мелких южных групп, которые растворились в местной среде, распространяя навыки земледельческо-скотоводческого хозяйства. Широкий набор культурных растений, среди которых встречается ряд форм, неизвестных синхронным культурам Передней Азии [198, с. 42—43], свидетельствует о том, что древний местный земледельческо-скотоводческий комплекс во всей своей полноте сложился именно в Закавказье. В этом смысле и надо понимать выделение закавказского центра как особого очага древнего

производящего хозяйства, произведенное Г. Н. Лисицыной и Л. В. Прищепенко [198, с. 40 сл.], очага, который, в свою очередь, в определенные эпохи оказывал обратное влияние на переднеазиатские культуры (появление круглых домов в халифских комплексах, хирбет-керакская культура в Палестине и т. д.). Однако это отнюдь не означает, что становление данного очага произошло совершенно самостоятельно без каких-либо контактов с Передней Азией, где и земледелие и скотоводство возникли на два тысячелетия раньше и откуда в VII—VI (VI) тысячелетиях до н. э. население постепенно двигалось на север (поселки Хаджи Фирус и Яник Тепе в Северо-Западном Иране) [465, с. 32—34].

Таким образом, картина становления скотоводства в Закавказье была весьма сложной. По-видимому, домашние козы и овцы, по крайней мере частично, были приведены сюда с юга. Что же касается тура, то он мог, видимо, быть одомашнен местным населением самостоятельно, однако строгих доказательств в пользу этого предположения, высказанного С. К. Межлумян (222, с. 58—60), пока что нет (351, с. 122, 123). После возникновения производящего хозяйства domestикация коз и овец, видимо, также велась в Закавказье.

На Северный Кавказ земледельческо-скотоводческий комплекс в основном проник значительно позже, чем в Закавказье [237; 332].

Прикаспий и Средняя Азия

Вопрос о возникновении производящего хозяйства в Юго-Восточном Прикаспии и других районах Средней Азии требует особого рассмотрения в связи с тем, что происходящие отсюда материалы используются порой для чересчур широких построений без достаточных на то оснований. Первый исследователь пещер Южного Прикаспия К. Кун считал, что в позднем мезолите здесь началась domestикация коз и овец, которая привела к возникновению скотоводческой экономики в раннем неолите, тогда как земледелие появилось позже [505, с. 50]. Эта идея была развита Г. Польшаузенем, утверждавшим, что местные мезолитические охотники перешли к кочевому скотоводству, сопровождая стада диких животных [879, с. 1—17]. Произвольность и тенденциозность построений Г. Польшаузена не раз отмечалась в литературе [821, с. 421, 422; 822, с. 87, 88], что позволяет не останавливаться на них подробно. Важно лишь указать, что недавние исследования в Прикаспии показали слабость основного аргумента Г. Польшаузена, который считал, что местные природные условия не благоприятствовали обитанию диких коз и овец, и связывал появление здесь этих животных со скотоводством. Раскопки в пещере Али Таппех показали, что охо-

та на диких коз и овец велась в Южном Прикаспии по меньшей мере с XII (XI) тысячелетия до н. э. [786, с. 396, 397]. Колебания же роли различных видов животных в охоте, по этим данным, удалось связать с колебаниями уровня Каспийского моря, оказывавшими значительное воздействие на микроклимат и природное окружение и заставлявшими человека существенно видоизменять характер своей хозяйственной деятельности. Удельный вес основных объектов охоты (тюленей, газелей, коз и овец) жителей Южного Прикаспия в конце плейстоцена и начале голоцена постоянно менялся [786], причем в позднем мезолите главной добычей охотников стала газель, кости которой составляют более 70% всех костей в соответствующих слоях пещеры Белт, тогда как на кости коз/овец в тех же слоях приходилось всего 4,1% [505, табл. 4В.]. Приведенные цифры наглядно показывают, что ни о какой особой роли коз/овец в позднемезолитическом хозяйстве говорить не приходится. Ранний неолит пещеры Белт (сл. 8—10) известен слишком плохо, чтобы делать какие бы то ни было выводы о домостикации. Вообще следует обратить внимание на тот факт, хорошо известный специалистам, что остеологические материалы с этого памятника никогда серьезно не изучались [897, с. 127, 132; 1057, с. 133; 738, с. 57]. Выводы К. Куна об относительно «высоком» содержании костей молодых особей в слоях раннего неолита основываются на малопредставительной статистике (из 11 костей коз 3, а из 7 костей овец 1 принадлежали молодняку). Более правдоподобно наличие домашних коз/овец в период позднего неолита (сл. 1—7), когда кости этих животных преобладали. Однако и для этого периода сколько-нибудь детальные остеологические исследования отсутствуют. Что же касается крупного рогатого скота и свиней, то за неимением достаточных данных судить что-либо об их домостикации пока что рискованно. Данные из пещеры Хоту [506, с. 232—246; 507, с. 174—216] еще более фрагментарны, чтобы судить по ним о тенденциях развития местного хозяйства. Столь же мало изучен вопрос о появлении земледелия в Южном Прикаспии, что во многом связано с неразработанностью методов исследования раннего земледелия в период раскопок К. Куна. Хронология прикаспийских пещер также не была окончательно установлена К. Куном. Последняя попытка их синхронизации, предпринятая Ч. Макберни, показывает, что производящее хозяйство возникло здесь вряд ли ранее начала VII (VI) тысячелетия до н. э. [786, табл. V]. Таким образом, имеющиеся сейчас материалы из Южного Прикаспия требуют весьма осторожного к себе отношения. Не отрицая возможности появления здесь производящего хозяйства или хотя бы отдельных его элементов в раннем неолите, хочется подчеркнуть, что окончательное выяснение этого вопроса — дело будущего.

Наиболее ранние памятники оседлоземледельческого насе-

ления на территории Средней Азии представлены джейтунской культурой второй половины VII — начала VI (второй половины VI — начала V) тысячелетий до н. э., которая локализуется в подгорной полосе Копет-Дага [29; 217]. Происхождение джейтунской культуры до сих пор остается неясным. Одно время предполагалось, что предками джейтунов могли быть охотники и собиратели Южного Прикаспия или Туркмено-Хорасанских гор. Однако до сих пор поиски в этих направлениях ничего не дали, хотя, конечно, трудно отрицать некоторый вклад этого населения в формирование джейтунской культуры (см. об этом [217, с. 76, 77]). Не раз исследователи пытались обосновать наличие ее местных корней распространенностью диких видов пшеницы и ячменя, коз и овец в Туркмено-Хорасанских горах, что будто бы обусловило их domestикацию автохтонным населением [214, с. 90; 159, с. 196; 119, с. 218—225]. Слабость этих аргументов заключается в том, что сами по себе биологические предпосылки не порождают производящее хозяйство автоматически, а поиски предков джейтунов в близлежащих горах так и не увенчались успехом. Кроме того, судя по данным биологов, ни ячмень, ни пшеница не являются исконно дикими в Северо-Восточном Иране, Средней Азии и Афганистане [1060, с. 53]. Обнаружение среди древнейших культурных растений джейтунов мягкой и карликовой пшеницы [29, с. 64; 217, с. 79] свидетельствует о том, что их земледелие было не так уж примитивно, поскольку оба вида произошли не непосредственно от диких, а от уже культурных растений, эволюция которых наблюдалась в Передней Азии, где они имелись в VIII—VII (VII—VI) тысячелетиях до н. э. [1060, с. 60—63; 903, с. 47; 198, с. 97].

Не менее поучительна история сложения скотоводства у джейтунов. Изучавший остеологическую коллекцию В. И. Цалкин пришел к заключению, что на самом раннем этапе у них уже имелись по крайней мере домашние козы, а на позднем — овцы [352, II, с. 123—126]. Признаки domestикации были установлены им прежде всего по морфологическим критериям, а поэтому его выводы особенно надежны. Впрочем, не исключена возможность, что в дальнейшем удастся обнаружить кости домашних овец и на памятниках раннего периода. В поздний период, по мнению В. И. Цалкина, у джейтунов имелся и крупный рогатый скот [352, II, с. 148]. В. И. Цалкин убедительно показал, что домашние овцы джейтунов родственны диким овцам Передней Азии, а не местному афганскому барану [352, II, с. 135].

Таким образом, одно только изучение биологических основ производящего хозяйства позволяет установить какие-то связи джейтунов с Передней Азией. О том же говорит и характер их материальной культуры [217, с. 64—77]. В свете отмеченного было бы естественным открытие в Северном Иране памятников,

более ранних, чем джейтунская культура, и генетически с ней связанных. И действительно, в начале 70-х годов в этом направлении были сделаны некоторые шаги, давшие весьма обнадеживающие результаты. Недавние раскопки в Тепе Загех в Северном Иране показали, что движение земледельцев и скотоводов из загросского центра на северо-восток и восток, в сторону Прикаспия, к последней трети VIII (VII) тысячелетия до н. э. было уже в разгаре [827, с. 216]. Исследования в долине Гюргена и у южных отрогов Эльбруса расширили ареал джейтунской культуры, которая, как выяснилось, располагалась не только на территории Южной Туркмении, но и в сопредельных районах Северного Ирана [217, с. 77; 781, с. 222, 223; 800, с. 194]. Учитывая северо-западное и юго-восточное направления расселения джейтунцев в известный нам период [29, с. 22], вполне возможно предположить появление их предков с юго-запада. Представляется правомерным видеть этих протоджейтунцев в земледельческо-скотоводческих группах, продвигавшихся на восток по территории Северного Ирана и захватывавших по пути местных охотников и собирателей, передавая им навыки ведения производящего хозяйства. Возможно, что культура непосредственных предшественников джейтунцев представлена на западном тепе Санг-е Чаксамак, где обнаружено близкое по облику поселение, но почти без керамики [781, с. 222, 223]. Таким образом, можно предполагать переселение отдельных групп из Ирана в Южную Туркмению в начале VII (VI) тысячелетия до н. э., что и привело к возникновению там земледелия и скотоводства. Если домашних коз и овец пришельцы пригнали с собой, то тур теоретически мог быть одомашнен ими на месте, так как в неолите он еще встречался в Средней Азии [258, с. 247]. Однако известно, что охота на тура не играла сколько-нибудь существенной роли у джейтунцев. Поэтому справедливым представляется предположение В. И. Цалкина о заимствовании крупного рогатого скота из Передней Азии [352, II, с. 135]. Кроме указанных домашних животных у джейтунцев была собака [217, с. 87].

Процесс проникновения домашних животных в другие районы Средней Азии известен плохо. В Больших Балханах жили дикие козы и овцы, которые наряду с джейранами составляли основную добычу местных охотников начиная с мезолита. Однако здешние овцы имеют иной кариотип, чем азиатские муфлонны, и не могут считаться предками домашних. Кроме того, тесные контакты с южным населением и частые перемещения отдельных коллективов в южных и восточных районах Прикаспия позволяют предполагать проникновение сюда домашних животных извне. Видимо, не случайно древнейшие данные о домашних козах происходят из слоя IV (по-видимому, из верхней его части) Дам-Дам-Чешме 2. В это время, во-первых, количество костей коз (или овец) внезапно возрастает, а во-вторых, фиксируется сильное влияние с юга, которое Г. Ф. Коробкова

даже склонна связывать с приходом нового населения. Любопытно, что в этом слое отмечаются параллели с ранней джейтунской культурой [208, с. 119, 123; 161, с. 22], а возможно, он оставлен каким-то предджейтунским населением [217, с. 63]. Севернее, в Джебеле, в этот период смены населения не наблюдается, нет там и домашних коз, которые появляются позже (слои 3—4) [349, с. 220, 221].

Имея в виду указанные памятники, В. М. Массон выделяет скотоводческий путь становления производящего хозяйства. Он отмечает его сложность и длительность, избегая, однако, характеризовать его более детально [216, с. 112]. Заполняя этот пробел, надо отметить, что скотоводческий путь, о котором сейчас часто пишут, был связан либо с земледельческо-скотоводческими группами, в силу тех или иных обстоятельств оторвавшимися от своих земледельческих баз, либо с проникновением отдельных домашних животных к охотникам, рыболовам и собирателям. Но в условиях неразработанности скотоводческих методов и малочисленности стад скотоводство не могло существовать без поддержки со стороны земледелия. Поэтому так называемые преимущественно скотоводческие группы очень быстро теряли скот и возвращались к охоте, рыболовству и собирательству. Еще скорее домашних животных, попавших к ним, съедали охотники. Именно поэтому так редки сведения о появлении домашних животных на большей части Средней Азии в VII — первой половине III (VI—III) тысячелетия до н. э.

Иная ситуация складывалась на протяжении большей части III тысячелетия до н. э., когда кости домашних животных начали появляться то тут, то там в районах, ранее занятых охотниками, рыболовами и собирателями, а также в сопредельных областях. Впервые такие находки были сделаны в Усть-Нарыме (первая четверть III [третья четверть III] тысячелетия до н. э.) в Восточном Казахстане [360, с. 6] и на развеечных позднекельтеминарских стоянках у ст. Саксаульской (третья четверть III [конец III] тысячелетия до н. э.) в Северном Приаралье [330, с. 7, 10; 335, с. 118]. На первом памятнике были встречены кости, «возможно, домашних коз или овец», а на втором — крупного рогатого скота и овец. Хотя связь этих находок с поздним неолитом вызывает у некоторых специалистов сомнение, последние археологические исследования в Казахстане в целом подтверждают мнение А. А. Формозова о том, что к концу III (началу II) тысячелетия до н. э. скотоводство и, возможно, земледелие широко распространились в Северном Казахстане [330, с. 11]. О том же свидетельствуют многочисленные находки костей крупного рогатого скота, лошадей и реже мелкого рогатого скота в энеолите Южного Зауралья [219, с. 122] и аналогичные открытия на поселениях лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху ранней бронзы [230, с. 66; 174, с. 107—109]. Выводы Г. Н. Матюшина о возникновении скотоводства на

Южном Урале в неолите в бореале или начале атлантического периода [220, с. 92] резко расходятся с материалами со всех сопредельных территорий и требуют проверки. Полное отсутствие на названных выше памятниках свидетельств о синхронном со скотоводством появлении земледелия связано, возможно, с гораздо большими сложностями, которые стоят перед исследователем при поисках данных о раннем земледелии, требующих частую особую, к сожалению, еще мало разработанных приемов. Первый этап распространения производящего хозяйства по территории Средней Азии с юга на север был, видимо, связан с расселением южных земледельческо-скотоводческих племен и их смешением с местным охотничье-рыболовческим населением или же их влиянием на последнее. Во всяком случае, раскопки на территории Узбекистана на таких памятниках, как Заман-Баба и Сапалли-тепе, полностью подтверждают эту картину [342, с. 105—109; 134, с. 174, 175; 20, с. 5, 116]. Однако только в ходе дальнейших исследований удастся, видимо, установить механизм этого процесса и причину, которая привела его в действие именно в III тысячелетии до н. э.

Особый интерес в связи с проблемой раннего скотоводства представляет гиссарская культура VI — первой половины V (конец VI—V) тысячелетия до н. э., распространенная в подгорных лессовых районах Таджикской депрессии и кое-где заходящая на территорию Афганистана. Вопрос о хозяйстве ее носителей дискусионен. В. М. Массон считает гиссарцев бродячими охотниками, собирателями или в лучшем случае скотоводами [216, с. 116]. По мнению А. П. Окладникова и В. А. Ранова, основу их хозяйства составляли земледелие и скотоводство [250, с. 11—71; 133, с. 89—92; 277, с. 24—26], тогда как Г. Ф. Коробкова доказывает, что они занимались главным образом отгонным скотоводством [160, с. 207—210]. Окончательно решить этот спор по одним только археологическим материалам сейчас невозможно, так как их немного и они допускают разное толкование. Неверно считать гиссарцев бродячим населением. Каменные выкладки и толстые обмазки полов, обнаруженные на некоторых памятниках, свидетельствуют если не о полной, то по крайней мере об относительной оседлости. В последние годы удалось выяснить, что ежегодные передвижения гиссарцев имели правильный сезонный характер, так как их памятники четко делятся на две группы: многослойные базовые поселения и временные лагеря [387, с. 145, 146]. Попытка Г. Ф. Коробковой обосновать свою точку зрения привлечением экологических данных не увенчалась успехом: вопреки ее мнению, как подчеркивает В. А. Ранов, тяготение гиссарских поселений к лессовой зоне весьма показательно в том отношении, что отгонное скотоводство в Средней Азии может существовать вне этой зоны, а богарное земледелие не может [278, с. 51]. Малочисленность земледельческого инвентаря (зернотерок, вкладышей жатвенных

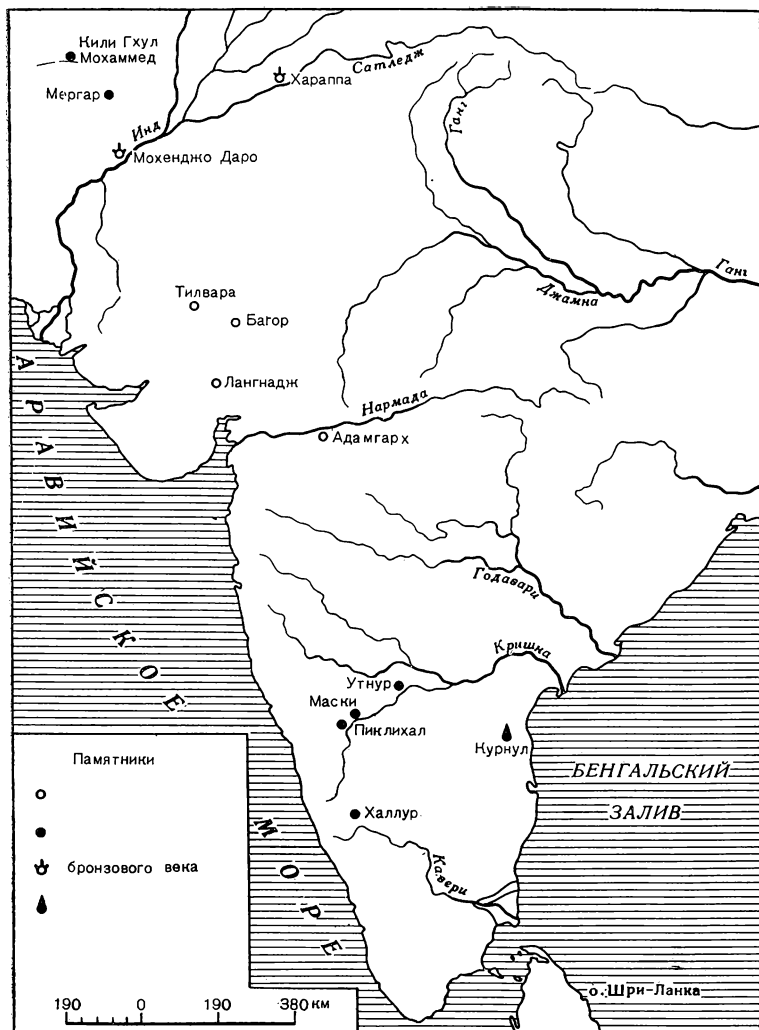
ножей) у гиссарцев Таджикистана объясняется, вероятно, их недостаточной изученностью, поскольку у родственного им населения Северного Афганистана в неолите жатвенные орудия встречались во множестве [887, с. 28]. Сами гиссарцы в ранний период уже использовали мотыги [162, с. 77—80], которые могли служить им и для земледелия. Исследователи гиссарской культуры, по-видимому, еще не использовали в полной мере возможности метода споро-пыльцевого анализа, который в сходных условиях помог выявить наличие земледелия у носителей культуры бурзахом (Северная Индия) ранее считавшихся охотниками, рыбаками и собирателями [990, с. 8]. Изучение костей животных показало, что у населения Южного Таджикистана и Северного Афганистана в неолите имелись домашние козы и овцы⁴. К сожалению, их роль в системе хозяйства остается невыясненной, так как костный материал был либо очень малочисленным, либо смешанным с более поздним [258, с. 246, 247; 864, с. 73, табл. 16]. Все это не позволяет согласиться с мнением о том, что в рассматриваемых районах совершился самостоятельный переход от охоты к скотоводству, а от него к примитивному земледелию в период XI—VI (X—V) тысячелетий до н. э. [279, с. 146; 887, с. 80]. Облик предшествующих гиссарской культуре пластинчатых индустрий, вызывающих в памяти западные аналогии, а также западные контакты самих гиссарцев, о которых не раз писали исследователи [133, с. 91; 307, с. 148],— все это делает весьма правдоподобной гипотезу о проникновении домашних животных с запада. Отсутствие представительной статистики не позволяет судить о том, идет ли здесь речь о скотоводческом хозяйстве или о проникновении домашних животных к охотникам и собирателям. Столь же мало можно сейчас сказать о том, знали ли гиссарцы земледелие. Остается согласиться с мнением А. Х. Юсупова, справедливо считающего, что вопрос о характере хозяйства гиссарцев остается пока что открытым [388, с. 34].

Южная Азия

Считается почти общепризнанным, что производящее хозяйство проникло в долину Инда с северо-запада. Однако по вопросу о механизме этого процесса мнения специалистов расходятся. Одни из них отводят главную роль медленной инфильтрации небольших групп земледельцев и скотоводов и смешению их с местным населением, другие пишут о передаче земледельческо-скотоводческих навыков путем заимствования [613, с. 33 и сл.; 772, с. 110 и сл.; 391, с. 100 и сл.; 569, с. 102 и сл.; 411, с. 170, 171; 918, с. 87, 88]. Хотя и немногочисленные, антропологические данные как будто бы свидетельствуют о первом [411, с. 170, 171]. Постепенный процесс проникновения земледельче-

ско-скотоводческих групп через горные районы Белуджистана в долину Инда шел в течение VII — первой половины IV (VI—IV) тысячелетия до н. э. К концу этого периода вся долина вплоть до низовьев Инда была густо заселена. В литературе порой встречается утверждение о том, что пришельцы были прежде всего скотоводами, которые лишь позже перешли к земледелию. Оно основано на некритическом подходе к интерпретации данных из древнейших горизонтов теллей, которых при современной технике раскопок удается достичь на чрезвычайно ограниченной площади. Так, У Феарсервис, исследовавший поселение Кили Гхул Мохаммед, одно время считал, что здесь первоначально обитали скотоводы. Однако позже он пересмотрел свою концепцию, указав на то, что она мало обоснована материалом, так как древнейшие слои были открыты на площади всего 1 м² [ср. 568, с. 359; 569, с. 137]. И действительно, недавние исследования на древнейшем в Белуджистане неолитическом поселении Мергар показали, что его население было оседлым и занималось комплексным земледельческо-скотоводческим хозяйством по меньшей мере с VII (VI) тысячелетия до н. э.⁵

Ранние земледельцы Белуджистана и долины Инда пасли мелкий и крупный рогатый скот. Ясно, что домашних коз и овец они привели с собой, так как ни те ни другие не имели диких предков в самой Индии⁶. Сложнее обстоит дело с крупным рогатым скотом. Все его останки, происходящие с памятников древнеиндийской цивилизации, принадлежат зебу [826, с. 214—217]. К сожалению, костный материал более ранних периодов изучен очень слабо, что отчасти объясняется его большой фрагментарностью. Однако уже с самых ранних неолитических памятников происходят глиняные фигурки, которые Ф. Р. Оллчин справедливо рассматривает как доказательство того, что их обитателям были известны зебу [393, с. 318]. Впрочем, по изображениям на печатях и по терракотам древнеиндийской цивилизации реконструируется и какая-то форма безгорбого быка [394, с. 71]. Вопрос о месте и времени domestикации зебу до сих пор остается нерешенным. Один из ведущих специалистов по истории скотоводства, Г. Эпштейн, считает, что зебу, пустынная разновидность *Bos taurus*, был одомашнен на северных окраинах пустынь Лут и Великой Соленой. Горб возник у него в ходе domestикации [563, I, с. 518—520]. Можно только предполагать, что переселенцы одомашнили зебу в аридных районах, где дальнейшее разведение крупного рогатого скота оказалось малоподходящим занятием, так как он с трудом переносит жару. Судя по новым данным из Мергара, домашних зебу и буйволы, видимо, имелись уже у древнейшего неолитического населения Белуджистана. В самой долине Инда, а впоследствии и в Индостане могли одомашниваться такие новые животные, как индийский буйвол (*Bubalus bubalis*) и местная разновид-

Некоторые памятники верхнего палеолита, мезолита, неолита и бронзового века Южной Азии

ность свиньи (*Sus scrofa cristatus*) [563, I, с. 571; 826, с. 214—217]. Возможно, что domestикация зебу также продолжалась в Индостане.

Процесс распространения производящего хозяйства в Индостане изучен еще недостаточно. Большой интерес в этом отношении представляют стоянки позднего каменного века в долине Гуджарата и в Центральной Индии. Одно время считалось,

что многие из них были оставлены местными охотниками и собирателями, жившими по соседству с земледельцами и скотоводами [391, с. 78—88; 569, с. 93—100]. Однако после того, как выяснилось, что на стоянках Адамгарх, Багор, Тилвара добрую половину остеологических коллекций составляли кости домашних животных (зебу, коз, овец, собак, а кое-где — буйволов и свиней) [969, с. 322—327], это мнение было поколеблено. Б. Олчин, которая прежде была склонна видеть здесь охотников, отбивавших скот у соседнего населения [391, с. 82—88], поставила вопрос о том, не имеем ли мы здесь дела с кочевыми скотоводами [390, с. 115—118]. С другой стороны, Р. Джоши по-прежнему приписывает эти стоянки охотникам, заимствовавшим домашних животных у соседнего населения — носителя еще не изученной неолитической традиции [709а, с. 84].

К сожалению, для окончательного решения вопроса о характере местного хозяйства материалов еще нет, как нет и четкого представления о хронологии рассматриваемых стоянок. Единственная более или менее надежная серия дат, хорошо увязанная со стратиграфией, происходит со стоянки Багор. Здесь средний слой (сл. 2) датируется четвертой четвертью IV — четвертой четвертью III (второй половиной III — началом II) тысячелетия до н. э., что согласуется, во-первых, с единственной датой со стоянки Лангнадж (конец III [начало II] тысячелетия до н. э.), а во-вторых, с указаниями на связь слоя 2 с синхронными материалами из области древнеиндийской цивилизации [969, с. 322—324; 803, с. 98, 99, 107]. Более ранний слой Багора (сл. 1) датируется второй половиной V — первой половиной IV (IV) тысячелетия до н. э., а возможно, поселение возникло и на рубеже VI—V (во второй половине V) тысячелетия до н. э. Это, пожалуй, самые ранние даты для появления производящего хозяйства в Индостане. Однако в них нет ничего необычного, так как самые ранние этапы проникновения земледелия и скотоводства в Индию остаются еще малоизученными. Зато известно, что со второй половины V (IV) тысячелетия до н. э. этот процесс уже был в полном разгаре. Гораздо более проблематично утверждение о том, что население Багора вначале занималось только охотой и скотоводством и лишь со второй фазы начало постепенно переходить к земледелию [803, с. 106, 107].

Обычно основанием для предположения о скотоводческой ориентации носителей микролитических комплексов Центральной Индии некоторым специалистам служат данные о современных засушливых природных условиях этого района, которые в настоящее время заставляют многие этнографические группы вести скотоводческий образ жизни [390, с. 117, 118; 754, с. 157]. Однако стоянка Багор расположена в плодородной долине с количеством осадков до 600—750 мм в год, вполне позволяющим заниматься земледелием. Кроме того, палеоклиматические дан-

ные свидетельствуют о довольно влажных условиях в Индии во второй половине IV — первой половине III (III) тысячелетия до н. э., а возможно, и ранее. Аридизация здесь началась лишь на протяжении первой четверти II (второй четверти II) тысячелетия до н. э. [892, с. 155—167; 936, с. 186]. Что же касается отсутствия надежных данных о раннем земледелии в микролитических комплексах Центральной Индии, то оно, видимо, связано с их малой изученностью и с тем, что такие данные некоторые исследователи до сих пор все еще стараются искать прежде всего в каменной индустрии, тогда как последняя зачастую не позволяет отличить собирательство от раннего земледелия. Вместе с тем работающие в Индии специалисты не раз подчеркивали тот факт, что здесь во многих районах микролитические комплексы доживают едва ли не до XVIII в. н. э. и связаны с различными видами хозяйственной деятельности [754, с. 155]. По свидетельству В. Мисры, в Багоре на протяжении всего периода его существования никаких типологических изменений в микролитической технике не прослеживается [803, с. 96]. Поэтому Л. Лешник, как представляется, вполне справедливо находит возможным говорить о каких-то подвижных формах скотоводства в Центральной Индии лишь для периода раннего железного века [754, с. 157]. Таким образом, окончательно решить проблему микролитических комплексов Центральной Индии можно будет лишь в ходе дальнейших раскопок. Как бы то ни было, наскальные изображения в здешних местах содержат массу информации о набегах с целью угона скота [391, с. 86—88].

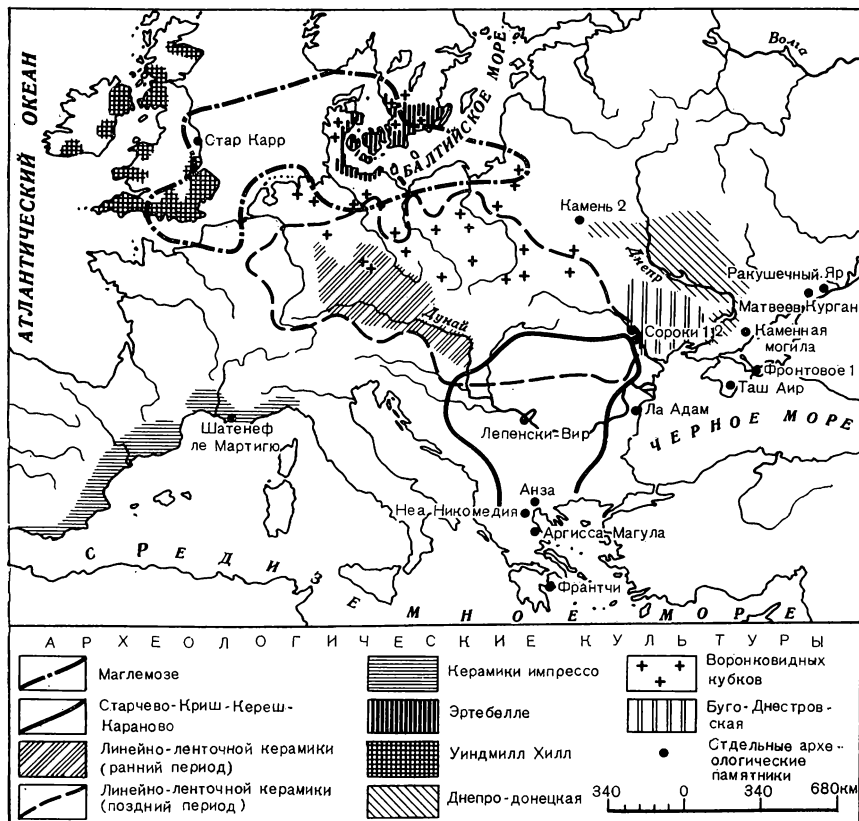
Много лучше изучены земледельческо-скотоводческие культуры энеолита Центральной и неолита Южной Индии. Их происхождение, правда, до конца неясно, однако для всех них характерно смешение древних местных традиций с рядом привнесенных элементов, свидетельствующее об их формировании под сильным влиянием с севера. Действительно, как полагает А. Я. Щетенко, распространение производящего хозяйства по Индостану явилось следствием экспансии земледельческо-скотоводческой культуры долины Инда [384, с. 61, 62]. Судя по данным, приведенным выше, впервые производящее хозяйство проникло на Индостан в период, предшествовавший возникновению древнеиндийской цивилизации. Тем не менее направление влияний с севера на юг было в принципе тем же, хотя их интенсивность, по-видимому, была много ниже. С экспансией древнеиндийской цивилизации надо поэтому связывать скорее второй этап распространения земледелия и скотоводства, который охватил, несомненно, более широкие площади и более крупные массы населения. В ходе смешения пришельцев с местным населением в Центральной Индии сложились оседлоземледельческие культуры.

В Южной Индии с ее менее плодородными почвами особое

развитие получило скотоводство, а связанный с ним образ жизни определенным образом отразился на облике поселений, часть из которых имела долговременный характер, а часть представляла собой временные скотоводческие лагеря [392; 391, с. 161—169; 569, с. 323—329]. Впрочем, нет никаких оснований считать носителей неолита Южной Индии скотоводами-кочевниками. Против этого говорит, во-первых, сам набор их домашних животных, так как среди последних встречались не только зебу, козы, овцы, собаки и ослы, но и буйволы, свиньи и даже куры [848, с. 330, 331]. Во-вторых, местному населению было известно ирригационное земледелие [848, с. 332], наряду с которым оно занималось и отгонно-пастбищным скотоводством. Скотоводы разводили главным образом зебу: их кости решительно преобладали над костями всех других животных на раскопанных памятниках. Любопытно, что в Южной Индии четко различались две породы зебу, одна из которых резко отличалась от другой, известной на севере [848, с. 331; 394, с. 72]. Более того, анализ остеологических материалов позволил выявить наличие и диких быков, и переходных от диких к домашним видам, что заставило поставить вопрос о местном приручении зебу скотоводами. С этих позиций удалось объяснить находки остатков мощных деревянных строений, которые ранее считались загонами для скота, служившими временными убежищами при перемещении скотоводов с места на место. По выдвинутой недавно новой гипотезе, такие сооружения могли использоваться для ловли диких быков, часть из которых убивали на мясо, а часть приручали [394, с. 73—76]. Это, однако, не означает, что скотоводство в Южной Индии возникло самостоятельно. Описанный метод приручения, судя по этнографическим аналогиям, можно связывать только с относительно развитыми скотоводами, обладающими большим опытом обращения с животными. Первичная domestикация производилась совершенно иным способом, о чем пойдет речь ниже.

Европа

В начале голоцена по всей Европе наблюдался процесс перестройки образа жизни и хозяйства охотников на стадных животных. Все большее значение приобретало многоресурсное сезонное присваивающее хозяйство, в некоторых районах постепенно возрастала роль рыболовства и собирательства [489, с. 91—103; 838, с. 49—63; 1003, с. 1094, 1095]. Относительная оседлость, все более интенсивное использование локальных ресурсов, развитие точных знаний о жизненном цикле и свойствах местных растений и животных — все это, несомненно, создавало культурные предпосылки для возникновения земледелия и скотоводства. Делает ли это, однако, абсурдной и бессмысленной

Археологические культуры и отдельные памятники Европы эпох мезолита и неолита:

1 — маглемозе; 2 — старчево-криш-кереш-караново; 3 — культура линейно-ленточной керамики (ранний период); 4 — культура линейно-ленточной керамики (поздний период); 5 — культура керамики импрессо; 6 — эртебелле; 7 — уиндмилл хилл; 8 — днепро-донецкая культура; 9 — культура воронковидных кубков; 10 — буго-днестровская культура.

проблему выявления первичных очагов возникновения производящей экономики, как считают некоторые исследователи? [656, с. 31—40; 838, с. 50—55]. Многочисленные этнографические данные об охотниках, собирателях и рыбаках, до мельчайших деталей изучивших окружающий природный мир, что придает гибкость их хозяйству, приспособленному к любым сезонным колебаниям, но не делает их автоматически земледельцами и скотоводами, заставляют критически отнестись к подобным утверждениям. Действительно, предков большинства культурных злаков, которые выявлены в древнейших земледельческих комплексах, в Европе не было. Исключение составляла лишь дикая од-

нозернянка, растущая на Балканах. Правда, достоверно известно, что туры и кабаны обитали в Европе в период мезолита. Сложнее обстояло дело с козами и овцами, находки костей которых в «мезолитических» комплексах зачастую используются в качестве доказательства их местной доместикации в Европе (например, находки костей овец под скальным навесом Шато-неф-ле-Мартигю в Южной Франции [838, с. 54] и в пещере Ла-Адам в Румынии [891, с. 282—315]). После тщательной проверки многих из подобного рода заявлений, как правило, оказывается, что в предшествующий «доместикации» период овец в данном месте либо вообще не было, либо они встречались крайне редко и не играли сколько-нибудь важной роли в хозяйстве. Часто выясняется, что такие памятники плохо датированы или же имеют поврежденный культурный слой. В некоторых случаях обнаруживается, что полученные данные отражают картину влияния земледельцев и скотоводов на обитавших по соседству охотников, рыболовов и собирателей (подробную критику рассматриваемых взглядов см. [823, с. 43—46; 825, с. 371, 372; 819, с. 20; 976, с. 52; 419, с. 97; 434, с. 165, 166]). Специальные исследования показали, что в позднем плейстоцене муфлоны обитали в основном в Италии, а в других районах Европы встречались крайне редко. Безоаровых коз в Европе в плейстоцене вообще не было [729, с. 180—183]. В голоцене ареал муфлонов также тяготел к Италии и Южной Франции, где прибрежное мезолитическое население время от времени охотилось на этих животных [819, с. 24—27; 692, с. 130; 872, с. 36, 38]. Однако никаких данных, надежно подтверждающих их местную доместикацию, до сих пор не обнаружено. Что же касается диких коз, то повсюду где удастся установить их видовую принадлежность, они оказываются козерогами, а не безоаровыми козами. Поэтому сейчас нет оснований считать, что в материковой Европе водились дикие безоаровые козы.

Выдвинутое в свое время Г. Польшаузенем предположение о приручении северного оленя мадленскими охотниками с накоплением фактического материала все менее себя оправдывает. Детальное изучение охотничьей практики центральноевропейского населения в конце верхнего палеолита не дает никаких позитивных оснований для утверждений о выпасе оленьих стад. В лучшем случае речь может идти о развитой высокоспециализированной охоте [959, с. 55—94]. Любопытны сообщаемые М. Джерманом сведения о том, что среди убитых оленей на мезолитических стоянках часто преобладают молодые самцы, однако вряд ли стоит вслед за автором видеть в этом доказательство разведения благородного оленя [692, с. 125—135]. Много правдоподобнее, что зафиксированная тенденция характеризует особенности охотничьей практики. Равным образом одно только изучение соотношения костей молодых и взрослых особей кажется недостаточным для установления процесса доместика-

ции диких свиней. Тот факт, что в мезолите главными объектами охоты стали благородный олень и кабан [692, с. 126], несомненно, связан с распространением лесных массивов и жизнью людей по берегам рек и озер, где водились эти животные.

Единственным животным, одомашненным местным доземледельческим населением в Европе, была собака. Она появилась в Восточной Европе, возможно, еще в верхнем палеолите, хотя этот вопрос остается мало изученным [380, с. 101, 102]. Более надежны данные о наличии домашней собаки в мезолите. Интересно, что ее появление связано не с теми мезолитическими группами, которые продолжали развивать прежние традиции охоты на северного оленя, а с более или менее оседлыми охотничье-рыболовческими коллективами. Древнейшие находки ее костей происходят с поселения Стар Карр (Великобритания, IX [VIII] тысячелетие до н. э.) и поселков североевропейской культуры маглемозе (VIII [VII] тысячелетие до н. э.) [523, с. 35—53; 522, с. 334—341; 489, с. 92—98]. Их анализ показал, что собак использовали в пищу. Однако вряд ли это послужило причиной их domestikации. К. Нарр справедливо отметил, что крайняя малочисленность костей собак, а также отсутствие какого-либо интереса к волкам у верхнепалеолитических охотников свидетельствуют против такого предположения [824, с. 342]. Можно также разделить скепсис Г Мюллера по поводу идеи приручения собак для охоты [815, с. 96]. Скорее собак держали прежде всего в качестве «любимчиков», как подтверждают многочисленные этнографические материалы. Вместе с тем трудно согласиться с мнением, по которому это мезолитическое «собаководство» стимулировало одомашнивание других животных [815, с. 96]. Ведь последние впервые появились в Юго-Восточной Европе, а на север проникли гораздо позже.

Другой центр domestikации собак располагался в Юго-Восточной Европе и в отличие от первого сформировался, безусловно, под влиянием земледельско-скотоводческого населения. Здесь древнейшие собаки встречались в двух синхронных, но типологически разнородных культурных комплексах: во-первых, наряду с другими животными у ранних земледельцев и скотоводов, а во-вторых, на некоторых поселениях местных охотников, рыболовов и собирателей, причем порой в качестве единственного домашнего животного. Есть все основания считать, что местное население заимствовало домашних собак у пришельцев. Об этом свидетельствует, например, полное сходство древнейших собак охотничье-рыболовческой культуры лепенски вир с собаками соседней земледельческой культуры старчево-кереш [436, с. 176]. В то же время на поселениях культуры лепенски вир попадают и останки собак иного облика, близкого к местным волкам. Это позволило Ш. Бекени высказать весьма правдоподобное предположение о том, что охотники-рыболовы начали и сами одомашнивать волков [436, с. 172—

176]. Подобно населению северного мезолита, носители культуры лепенски вир были в значительной мере оседлы и отличались относительно высоким уровнем развития, вполне позволявшим им содержать отдельных прирученных мелких животных. Поэтому неудивительно, что на некоторых поселениях, где особое значение имела охота на диких свиней, фиксируются морфологические признаки одомашнивания и этих животных [426, с. 200]. В самом Лепенски Вире охота на свиней отступала на задний план перед охотой на благородного оленя. Однако и здесь в поздний период наблюдался процесс одомашнивания местных свиней. Характерно, что он происходил именно тогда, когда местное население уже заимствовало южный земледельческо-скотоводческий комплекс. Здесь же фиксируется и domestикация местного тура, хотя самые ранние кости крупного рогатого скота относились к особям, приведенным с юга [432, с. 1703, 1704].

Древнейшие свидетельства появления производящего хозяйства в Европе относятся к концу VIII — первой половине VII (конец VII — первая половина VI) тысячелетия до н. э. и происходят с Балканского полуострова и о-ва Крит. Некоторые исследователи включают Балканы в область первичной domestикации. Однако независимость этого процесса здесь вызывает сомнения. Ведь домашние козы и овцы появились на Балканах и в Греции внезапно в раннем неолите и сразу же стали основным источником мяса, тогда как в предшествующий период мясо поступало в значительной мере от охоты на благородного оленя и тура [689, с. 8; 692, с. 129]. Наличие среди древнейших культурных растений эммера и ячменя тоже указывает на внешние связи. О том же говорит облик культуры ранних земледельцев Юго-Восточной Европы, сохраняющий четкие следы анатолийского влияния. По всей видимости становление производящего хозяйства здесь шло в ходе инфильтрации земледельческо-скотоводческих групп из Анатолии [976, с. 68—71; 320, с. 25—29; 321, с. 179; 1003, с. 1095, 1096; 855, с. 194; 903, с. 203; 800, с. 244, 260—262].

Вместе с тем уже древнейшие земледельцы начали одомашнивать местные виды растений и животных. Процесс этот, к сожалению, мало изучен. Поэтому сейчас трудно сказать, был ли первый крупный рогатый скот приведен в Европу из Малой Азии или же он произошел от местного, европейского тура. Более надежно предположение о местной domestикации свиней на Балканах, где они появились в домашнем состоянии в конце VIII (VII) тысячелетия до н. э., тогда как достоверных данных о наличии их в это время в Анатолии нет. Вряд ли прав Ш. Бекени, утверждая, что и домашние свиньи были приведены в Европу извне [434, с. 208—211].

Древнейшие земледельческо-скотоводческие коллективы в Европе появились в Македонии и Фессалии, где известны такие

их поселения, как Неа Никомедия, Аргисса Магула, Анза и другие, возникшие в конце VIII — первой половине VII (конец VII — первая половина VI) тысячелетия до н. э. Характерно, что производящее хозяйство в них было представлено уже относительно развитыми формами земледелия и скотоводства. В стаде повсюду доминировали козы и овцы с ярко выраженными доместикационными признаками, тогда как немногочисленные особи крупного рогатого скота и свиней зачастую относились к переходным от диких к одомашненным видам. Последнее может свидетельствовать о местной доместикации или же, во всяком случае, о том, что доместикация этих видов только еще начиналась [906, с. 271—273; 425, с. 39—41; 602, с. 117].

VII (VI) тысячелетие до н. э. — время постепенного упрочения позиций производящего хозяйства на Балканах и начала его проникновения в остальную Европу. Интересная картина, характеризующая этот процесс, была встречена недавно в Южной Греции при раскопках пещеры Франчти. Мезолитические обитатели пещеры охотились главным образом на благородного оленя, а в позднем мезолите существенным источником питания для них стало рыболовство. С переходом к неолиту в начале VII (VI) тысячелетия до н. э. в хозяйстве наступили резкие изменения, свидетельствующие о появлении скотоводства и, видимо, земледелия. Основную массу костного материала теперь составляли останки коз и овец. Ко второй половине VI (V) тысячелетия до н. э. здесь относятся уже прямые свидетельства наличия земледелия: находки зерен эммера и ячменя [690, с. 350—353; 858, с. 120—131].

В Центральной и Западной Европе производящее хозяйство распространялось благодаря деятельности главным образом носителей трех культур: культуры старчево-криш-кереш-караново I, локализовавшейся в VI (второй половине VI — первой половине V) тысячелетия до н. э. на территории Болгарии, Югославии, Венгрии и Румынии [819, с. 32—34; 976, с. 78—96]; культуры керамики импрессо, памятники которой в VII — начале V (VI—V) тысячелетия до н. э. располагались вдоль северного побережья Адриатического и Средиземного морей [819, с. 34, 35; 872, с. 44—74]; культуры линейно-ленточной керамики последней четверти VI — первой половины V (второй половины V — начала IV) тысячелетия до н. э., с носителями которой земледелие и скотоводство появились в Центральной Европе от Восточной Франции до западных рубежей СССР и от Венгрии и Румынии до Голландии [320, с. 30—33; 819, с. 35—42; 976, с. 114—133]. Как теперь выяснено, формирование культуры линейно-ленточной керамики проходило под непосредственным воздействием культуры кереш [976, с. 125]. Вопреки встречающимся порой и до сих пор утверждениям о наличии производящего хозяйства у носителей мезолитической культуры эртебелле [977, с. 522, 523] ныне установлено, что сложение земледелия и ското-

водства в Дании и на юге Скандинавского полуострова происходило в первой половине IV (второй половине IV — начале III) тысячелетия до н. э. под влиянием южных культур, причем основную роль в этом сыграла развитая земледельческо-скотоводческая культура воронковидных кубков [320, с. 33, 34; 752, с. 115—122; 819, с. 27—29; 835, с. 160—163]. В Великобританию земледелие и скотоводство попали вместе с культурой уиндмилл-хилл во второй четверти IV (последней четверти IV) тысячелетия до н. э. [819, с. 72—74].

Процесс возникновения производящего хозяйства в южных районах Восточной Европы изучен недостаточно. Его ранние этапы известны на памятниках буго-днестровской культуры второй половины VII — первой половины V (второй половины VI — начала IV) тысячелетия до н. э. [102, с. 148—174; 257, с. 122—126]. Древнейшие из них были раскопаны на Среднем Днестре (поселения Сороки II, сл. 3—2 и Сороки I, сл. 2). Они принадлежали относительно оседлым общинам рыболовов, охотников и собирателей, которые являлись, по-видимому, потомками местного мезолитического населения, поддерживавшими активные контакты с балканской культурой лепенски вир [207, с. 131, 132]. Уже в докерамическую эпоху у жителей поселков Сороки имелись сначала домашние собаки и свиньи, а позже к ним прибавился и крупный рогатый скот. Первоначально исследователи считали, что эти животные были одомашнены в самой Молдавии в раннем неолите или даже в мезолите [101, с. 66, 67]. Однако данные фаунистического анализа заставляют в этом усомниться. Действительно, в палеолите и мезолите тура в Молдавии вовсе не было, а кабан встречался крайне редко [100, с. 3—53]. В раннем мезолите здесь встречался не то тур, не то зубр. В любом случае он не привлекал большого внимания мезолитических охотников. Ненамного чаще они добывали и кабанов. Главным объектом охоты им служили косули и благородные олени [207, с. 148, 149, табл. 7]. Таким образом, местная база для самостоятельной доместикиции представляется недостаточной. Напротив, наличие устойчивых контактов с культурой лепенски вир прямо указывает на наиболее вероятный источник проникновения в Молдавию первых домашних животных. Это позволяет согласиться с В. И. Маркевичем в том, что неолитическая культура и производящее хозяйство складывались на Среднем Днестре под влиянием с Балкан, которое особенно усилилось в середине VI (начале V) тысячелетия до н. э. в связи с экспансией культуры старчево-криш-кереш [207, с. 133, 151].

В настоящее время некоторые исследователи отстаивают мнение, согласно которому скотоводство будто бы возникло у охотников и рыболовов юга Восточной Европы весьма рано и долгое время развивалось в отрыве от земледелия [102; 104, с. 25—29; 315, с. 21]. Основой для такой точки зрения служат будто бы данные об азовской, крымской и сурско-днепровской культу-

рах. При ближайшем рассмотрении этих материалов оказывается, что они не могут служить для столь однозначных заключений. Так, идея самостоятельной доместикиции свиней, овец, туров, лошадей и ослов в горном Крыму; выдвинутая Д. А. Крайновым [168], была подвергнута убедительной критике со стороны ряда специалистов [351, с. 259—265; 331, с. 116, 117; 334, с. 23; 120, с. 19; 975, с. 381—384; 819, с. 21]. В. И. Цалкин справедливо полагал, что имеющиеся данные не дают права говорить даже о доместикиции свиней [351, с. 264]. Действительно, большой процент костей молодняка в мезолите мог отражать особенности охоты на диких свиней. Что же касается мелких размеров крымских свиней, то это могло отражать особенности физического облика местной дикой популяции. Наличия же доместикационных признаков на зубах этих животных, которое является наиболее надежным критерием одомашнивания свиней, в Крыму не прослежено.

Недавно вопрос о самостоятельной доместикиции некоторых животных в Крыму был вновь поднят Л. Г. Мацкевым, обнаружившим кости домашних особей на ранних стоянках Керченского полуострова [221, с. 132—134], однако приводимые этим автором фактические материалы не позволяют с ним согласиться [221, с. 16, 17, табл. III]. Действительно, ни диких овец и коз, ни диких свиней, судя по его данным, в степных районах Керченского полуострова не было. Кости коз/овец и свиней происходят только из поздних слоев, которые автор относит к позднему неолиту и датирует второй половиной V — первой половиной IV (IV — началом III) тысячелетия до н. э. [221, с. 159, 160]. В единственном случае массового обнаружения бесспорных костей овец они происходили из слоя, сильно потревоженного в раннем железном веке и средневековье [221, с. 82, 90]. Несмотря на то что кости дикой лошади были обычной находкой на всех поселениях в разные исторические периоды, кости домашней лошади удалось выявить лишь в одном случае, в позднем слое поселения Фронтное I. Но как раз в материалах этого слоя, по утверждению Л. Г. Мацкевого, обнаруживаются следы внешнего влияния [221, с. 81, 82].

Наконец, несколько слов о «доместикиции» тура. Как показывает практика, процесс местной доместикиции надежно фиксируется лишь в том случае, когда костный материал отличается большой вариабельностью и происходит от переходных от дикого к одомашненному видов. Ничего подобного в Крыму не фиксируется. И. Г. Пидопличко определил здесь кости либо «дикого», либо уже «одомашненного» быка. Поэтому сейчас без дополнительной проверки этих сведений не представляется возможным делать заключения о доместикиции тура в Крыму. Еще меньше оснований для такого рода заключений дают рассмотренные выше материалы о других животных. Вообще следует отметить, что для мезолитических и неолитических поселков,

раскопанных Л. Г. Мацкевым, ни абсолютная хронология, ни синхронизация с соседними культурами окончательно не установлены, а вопрос о направлении и характере внешних влияний нуждается в дополнительном анализе [335, с. 66].

Использование данных из Каменной могилы (Приазовье) и памятников сурско-днепровской культуры требует весьма критического подхода, так как они почти не опубликованы, плохо датированы, а правильность определения костного материала с них вызывает серьезные сомнения [102, с. 9—26; 266, с. 16—18, 21, 22, 54; критику см. 331, с. 89—91; 334, с. 22; 335, с. 67, 68; 975, с. 384—387]. Общая же картина, выявленная по широкому кругу археологических и палеозоологических источников, показывает, что появление домашних животных в южных районах Восточной Европы скорее всего было связано с культурными влияниями, идущими с запада [334, с. 19—24]. Это подтверждается последними исследованиями в Приазовье, где раскопано уже несколько поселков оседлых охотников, рыболовов и собирателей (поселения Матвеев Курган 1 и 2, Ракушечный Яр), которые постепенно переходили к скотоводству и земледелию, заимствуя навыки у соседей [173, с. 49—52; 28, с. 23—28]. На указанных памятниках Приазовья с самого начала встречаются, хотя и в малом количестве, кости домашних животных (крупного рогатого скота, овец, коз, свиней и собак), а также косвенные показатели земледелия (роговые мотыги, зернотерки, вкладыши жатвенных ножей). Абсолютная хронология этих поселений и источники внешних влияний пока что до конца не ясны. Вместе с тем, по предварительным данным, речь может идти о контактах с буго-днестровской культурой на протяжении VI—первой половины V (второй половины VI—V) тысячелетия до н. э. В этом нет ничего удивительного, так как с течением времени носители буго-днестровской культуры постепенно расселялись все дальше на восток. Наиболее восточное из их поселений было недавно раскопано в Николаевской области (Новорозановское поселение). Оно датируется второй половиной VI (серединой V) тысячелетия до н. э. [367, с. 52—64].

Под влиянием буго-днестровской культуры началось становление производящего хозяйства и в более северных районах. К началу V (концу V) тысячелетия до н. э. от ее носителей получили первых домашних животных (крупный рогатый скот, свиней, коз и овец) племена днепро-донецкой культуры, а во второй половине V—первой половине IV (IV) тысячелетия до н. э. они уже занимались земледелием и скотоводством [315, с. 9—11; 17, с. 112—128]. Любопытно, что раньше всего новые формы хозяйства победили в южной степной и лесостепной зонах расселения днепро-донецкого населения, тогда как в северной, лесной зоне охота и рыболовство доминировали до самого конца существования этой культуры. Этот факт показывает те очевидные трудности, с которыми сталкивалось производящее

хозяйство в лесных областях, где местному населению было проще заниматься охотой и рыболовством. Поэтому оно было мало заинтересовано в переходе к земледелию и скотоводству, так как в лесной зоне это требовало выработки особых приемов, приспособленных к специфическим условиям местной природной среды. Поэтому глубокое проникновение производящего хозяйства в лесную полосу произошло довольно поздно.

В связи с исследованиями неолитических памятников в Белорусском Полесье некоторыми исследователями была выдвинута идея о возможности местной самостоятельной доместики тура здесь в раннем неолите [922, с. 197]. Основанием для этого послужили находки на поселении Камень 2. Однако на этом поселении, содержащем два неолитических слоя, разорванных во времени, остеологическая коллекция не была соответствующим образом расчленена. Весьма вероятно, что обнаруженные кости домашних животных относились к слою позднего неолита, когда местное население испытывало сильное влияние со стороны пришлых земледельцев и скотоводов культуры шнуровой керамики (подробно см. [378]). Впрочем, отдельные домашние животные могли проникать сюда и раньше, так как связи с южными культурами, и в частности с буго-днестровской, фиксируются в Южной Белоруссии едва ли не с раннего неолита [132, с. 56, 57] ⁷.

В целом на южных границах лесной зоны земледелие и скотоводство появились во второй четверти IV (рубеже IV—III) тысячелетия до н. э. под явным влиянием со стороны южных племен. Мощный импульс этот процесс получил во второй половине III—II (конец III—II) тысячелетиях до н. э. в связи с последовательными миграциями носителей ряда культур шнуровой керамики и боевых топоров (подробно о проникновении производящего хозяйства в лесную зону см. [169, с. 149—163; 297, с. 181—192; 734, с. 50]). В ходе их расселения происходило знакомство аборигенов с новыми видами хозяйства, однако, как свидетельствуют материалы, кропотливо собранные Ю. А. Красновым, процесс заимствования шел весьма медленно.

Если Передняя Азия является классическим образцом местного становления производящего хозяйства, то европейские материалы дают наиболее полную картину его распространения и позволяют довольно подробно изучить механизм этого процесса. Сейчас выяснено, что крупные миграции больших масс населения на сравнительно далекие расстояния в неолите если и происходили, то крайне редко. В гораздо большей степени распространение производящего хозяйства было связано не с ними, а с медленным расселением земледельческо-скотоводческих групп в процессе сегментации [488, с. 45—48; 474, с. 176—180; 397, с. 674—687; 224а]. Причины расселения имели прежде всего социально-экономический характер (рост населения, нехватка земли, необходимость расширения процесса производст-

ва и т. д.), однако его направление и границы во многом определялись экологическими факторами. Эти факторы были весьма удачно сформулированы К. Бутцером [468, с. 573—581], который подчеркнул следующие важные закономерности в расселении древних земледельцев по территории Европы. Первоначально ранние земледельцы селились в Юго-Восточной Европе в районах, в целом сходных по природной обстановке с переднеазиатскими. Их миграция в Центральную Европу происходила в период максимально теплой фазы атлантического времени. Она была направлена на очень плодородные лессовые равнины, обработка которых могла вестись крайне примитивными средствами, давая при этом обильные урожаи. Начало миграции потребовало существенных изменений в материальной культуре и образе жизни и выработки их новых форм, более подходящих к обитанию в новой природной среде. Заселение холмистых районов с более кислыми и частично щелочными лесными почвами произошло еще позже, когда были выведены менее прихотливые сорта культурных злаков. Еще позже земледельцы появились на болотистых влажных почвах. На севере границы раннеземледельческой области надолго установилась у глинистых морен, оставленных последним ледником. Теми же основными принципами ранние земледельцы руководствовались и при заселении лессовых степей Восточной Европы и прибрежных районов Западной Европы.

Почти во всех отмеченных случаях заселению подвергались пустующие земли, которых избегало мезолитическое население. Так было на лессовых и аллювиальных равнинах крупных рек Центральной и Восточной Европы [976, с. 68], так было и на больших равнинах в некоторых других районах (например, на равнине Тавольере в Южной Италии [693, с. 187—191]). Напротив, в областях, ранее заселенных мезолитическими охотниками, рыболовами и собирателями, наблюдалась гораздо более сложная картина. Во многих из них появление неолитической техники, а вместе с ней земледелия и скотоводства не нарушало плавного развития местных культурных традиций, которые во многом оставались прежними. Такая картина сплошь и рядом встречалась в средиземноморской зоне и в некоторых областях Восточной Европы [335, с. 63—79; 976, с. 96, 102—105; 872, с. 44; 413, с. 131—150]. В этом случае, по-видимому, если и можно говорить о миграции ранних земледельцев, то лишь имея в виду инфильтрацию мелких коллективов, быстро растворявшихся в местной культурной среде, передавая новые знания и идеи вместе с их материальным воплощением (культурные растения и домашние животные и в меньшей степени орудия труда) аборигенам. Таким образом, главный механизм описываемого процесса заключался в активном заимствовании, или диффузии. Процесс заимствования был специально рассмотрен Р. Уайтхауз на материалах Южной Италии [1021, с. 239—252].

По мнению этой исследовательницы, главную роль в нем сыграло косвенное влияние земледельческо-скотоводческого населения, само присутствие которого оказывало существенное воздействие на местную природную среду (истребление диких животных и растений или же оттеснение их в другие места). В итоге условия для ведения прежнего образа жизни аборигенами значительно ухудшались. Наиболее перспективный выход из создавшейся кризисной ситуации заключался для них в постепенном заимствовании новых методов ведения хозяйства у соседей. Причем в первую очередь произошло их знакомство с домашними животными, и лишь позже совершился переход к комплексному земледельческо-скотоводческому хозяйству. Очевидно, первых домашних животных они добывали путем охоты и грабежа, чему есть масса этнографических аналогов. К собственному разведению скота они перешли, видимо, много позже.

Рассмотренные процессы, несомненно, вели к тому, что характер производящего хозяйства с переносом в новую природную или культурную среду так или иначе видоизменялся: менялось соотношение между различными его формами, происходила доместикация местных видов растений и животных. На Балканах и в Греции, а также во многих районах Средиземноморья, благоприятных для выпаса мелкого рогатого скота, он сохранял ведущее положение в стадах ранних земледельцев, тогда как крупный рогатый скот и свиньи занимали подчиненное место, хотя в ряде случаев и прослеживался процесс их местной доместикации. Напротив, носители культуры линейно-ленточной керамики разводили прежде всего крупный рогатый скот. Со временем в ходе их адаптации к местным условиям в хозяйстве возрастала и роль свиноводства, а значение коз и овец, наоборот, постепенно уменьшалось. В Северной Европе главными сельскохозяйственными животными с самого начала были крупный рогатый скот и свиньи, а мелкий рогатый скот встречался много реже. В Восточной Европе на первых порах наблюдалось то же самое. В дальнейшем эта стройная картина много раз нарушалась в связи с появлением новых пришлых культур, с проникновением населения в степи, с некоторой переориентацией хозяйства ряда этнических массивов, достигших более высокой технической оснащенности, и т. д. (подробно об этом см. [819]).

В последние годы в литературе появилось мнение о наличии особого пути развития, который будто бы проходят охотники-рыболовы, занимающиеся также и скотоводством [159, с. 180—181; 217, с. 124—126; 104, с. 25—29]. Выше уже отмечалось полное отсутствие каких-либо бесспорных данных о самостоятельной доместикации большинства сельскохозяйственных животных у такого населения. Домашние животные, как правило, попадали к нему разными способами от соседних земледельцев и скотоводов. Ниже будут рассмотрены этнографические примеры этого процесса. Здесь же следует отметить, что проникно-

вение земледельческо-скотоводческого комплекса к охотничье-рыболовческому населению порой действительно начиналось с появления у него домашних животных как более мобильной части этого комплекса. Именно такая картина встречается порой в раннем неолите на юге Восточной Европы, а также в некоторых других районах Европы. Однако само по себе наличие многочисленных домашних животных еще не свидетельствует о скотоводстве, так как этих животных люди могли получать с помощью обмена или же грабежа. С другой стороны, якобы полное отсутствие следов земледелия далеко не всегда означает его действительное отсутствие. Дело в том, что весьма примитивное раннее земледелие не требовало сколько-нибудь сложного орудийного комплекса и часто имело дело с теми же орудиями, что и собирательство. В то же время зерна культурных растений обладают гораздо худшей сохранностью, чем кости животных, и обычно обнаруживаются в особо благоприятных условиях, которые встречаются не так уж часто. Поэтому на многих ранне-неолитических памятниках Европы единственным доказательством наличия земледелия зачастую служат находки черепков посуды с отпечатками зерен культурных растений. Ясно, что в докерамических слоях исчезает и этот наиболее надежный источник, однако вряд ли такую картину всегда безоговорочно надо расценивать как доказательство отсутствия земледелия в соответствующую эпоху. Не случайно на памятниках, где в ранний период фиксируются кости домашних животных, в последующую эпоху неизбежно обнаруживаются и свидетельства земледелия. Это означает только одно: для ранней эпохи таких свидетельств еще найти не удалось, но, возможно, с развитием техники исследования удастся найти в будущем. Поэтому сейчас трудно безоговорочно разделить точку зрения тех специалистов, которые считают, что, по современным данным, можно с уверенностью утверждать приоритет проникновения скотоводства перед земледелием для различных районов Европы.

Африка

Колебания мирового климата конца плейстоцена — голоцена оказали важное воздействие на ландшафт и гидрографический режим большей части Африки. Как и в других районах мира, в последний ледниковый период здесь наблюдалась температура, на 5—8° более низкая, чем сейчас [1059, с. 44, 45]. Затем наступило длительное потепление, изредка прерывавшееся временными холодными интервалами. Начиная с конца плейстоцена Африка пережила несколько гумидных фаз, в течение которых осадки были более обильны, а уровень воды в реках и озерах — выше современного. В эти периоды площади, занимаемые пустынями, сокращались до минимума. Хуже всего извест-

на ранняя гумидная фаза. В Верхнем Египте и в Нубии она датируется концом верхнего палеолита, когда климат был несколько холоднее и влажнее, чем сейчас [469, с. 182, 183; 1010, с. 245]. В последующем наблюдались две или три влажные фазы, разделенные сухими промежутками. Точная датировка этих фаз и сведение их локальных проявлений в единую непротиворечивую картину представляет большие сложности, так как соответствующие работы еще только начинаются. Поэтому выводы разных специалистов, пытавшихся нарисовать общую картину, пока что несколько разнятся между собой. Так, К. Бутцер отмечает три влажных периода в голоцене и датирует их 9250 (8250) или 10 700 (9700) — 7400 (6400) гг. до н. э., 6000—2650 (5100—2200) гг. до н. э. и 1800—480 (1600—500) гг. до н. э. [468, с. 581—585]. Дж. Саттон пишет о двух фазах: X — начало VII (IX — начало VI) тысячелетия до н. э. и середина V — середина III (IV—III) тысячелетия до н. э. [962, с. 527—529]. Е. фон Циндерен Бэккер также выделяет две фазы: 9500—4600 (8500—4000) гг. до н. э. и 3640—1140 (3000—1000) гг. до н. э., разделенные, по его мнению, более холодным и сухим промежутком [1059, с. 47, 48]. Судя по результатам изучения озерных отложений Восточной Африки, две ранние влажные фазы охватывали периоды 11 000—9500 (10 000—8500) гг. до н. э. и 9000—7000 (8000—6000) гг. до н. э. [470, с. 1069—1076]. Причины разногласий между исследователями заключаются, по-видимому, во-первых, в недостаточной разработанности методов абсолютного датирования, а во-вторых, в разнообразии локальных природных условий в Африке, которое оставляло свой отпечаток на общей картине, вследствие чего общемировые климатические изменения по-разному отражались в различных районах континента. Как бы то ни было, большинство специалистов сейчас сходится в том, что в интересующий нас период в Северной Африке и Сахаре наблюдалась влажная фаза в конце плейстоцена и две влажные фазы в раннем и среднем голоцене, причем последняя из этих фаз имела более умеренный характер, чем первые. Наличие полноводных рек и озер, связывавших удаленные друг от друга районы, значительно облегчало контакты между людьми и приводило к формированию культурного единства на обширных территориях. В этом, по справедливому мнению Дж. Саттона, заключалось важное значение влажных периодов голоцена для населения Сахары [962, с. 529].

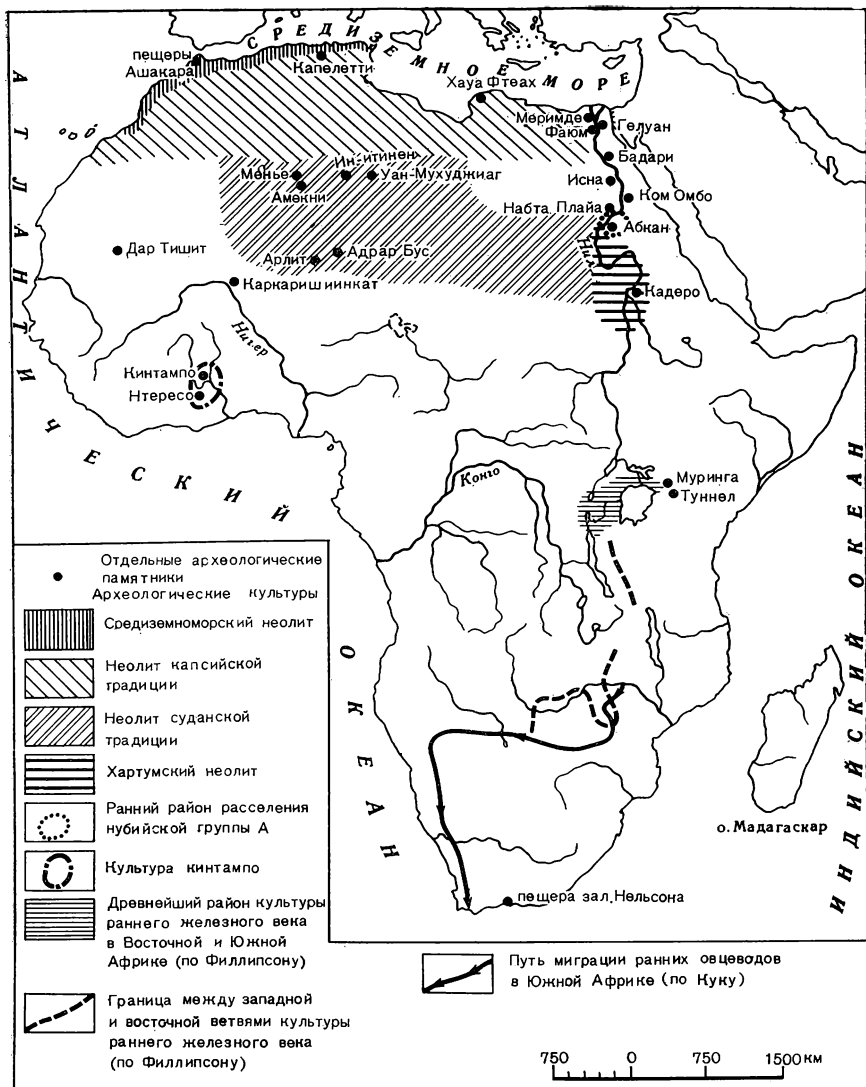
Таким образом, в известные промежутки времени многие ныне пустынные области представляли собой цветущие оазисы, где первобытная культура могла успешно развиваться. Означает ли это, что тогда здесь обитали предки культурных пшениц и ячменя и домашних коз и овец, которые послужили основой формирования местного производящего хозяйства, как иногда предполагают [145, с. 142, 149—151]? Недавние исследования в Нубии и Египте действительно позволили обнаружить остатки ди-

кой пшеницы и, возможно, ячменя в комплексах, датированных 13 000—11 500 (12 000—10 500) гг. до н. э. [1013, с. 270—274], и остатки дикого ячменя в раннем неолите в конце VIII — второй половине V (конце VII — начале IV) тысячелетия до н. э. [1014, с. 224]. Следовательно, природные предпосылки для перехода к земледелию в этих районах имелись. Некоторые египтологи считают, что домашние породы коз и овец также возникли в Африке и произошли от местных вымерших видов или по крайней мере что гривистая порода древнеегипетских овец могла возникнуть в условиях domestikации африканских гривистых баранов [145, с. 151; 184, с. 78]. Однако бесспорных останков диких безоаровых коз или муфлонов в Африке до сих пор обнаружить не удалось. Единственными видами, входящими в подсемейство овец и коз, в Северной Африке издавна были гривистые бараны и каменные козы, причем из них лишь гривистые бараны хорошо представлены в остеологических коллекциях с первобытных памятников. Еще в довоенный период зоологи указывали на невозможность domestikации гривистых баранов и на неравномерность идентификации с ними некоторых изображений овец в древнем Египте [36, с. 168—194]. Изучение кариотипов этих животных позволило окончательно исключить их из числа предков домашних овец [641, с. 176].

Конечно, Северная Африка и Сахара, в особенности во влажные фазы, обладали целым набором местных съедобных растений, которые использовали древние египтяне и которые до сих пор служат пищей некоторым народам (список растений см. [679, с. 485—487; 492, с. 64—70; 290, с. 54, 55]). Кроме того, в древности здесь в больших количествах водились туры, ослы и другие животные, причем, как полагают специалисты, многие из них были приручены, по крайней мере в древнем Египте исторического периода, а возможно, и раньше (см., например, [31, с. 392—408]). Однако до сих пор остается неясным, сложился ли земледельческо-скотоводческий комплекс в Африке самостоятельно, или же на его становление повлияли импульсы, исходившие из Азии.

Интересная картина была обнаружена на Ниле при изучении верхнепалеолитических комплексов 13 000—10 000 (12 000—9000) гг. до н. э. в Верхнем Египте и Нубии. Выяснилось, что в этот период здесь обитали многочисленные коллективы охотников, рыболовов и собирателей, различавшиеся по характеру материальной культуры и хозяйственной ориентации. Некоторые из них представляли крупные оседлые общины, главной сферой деятельности которых было рыболовство и/или собирательство диких хлебных злаков. На нескольких особенно крупных поселениях в районе Исны собирательство растений составляло основу существования, а роль рыболовства была необычайно мала [1012, с. 145—153; 1013, с. 276—282]. Мысль о том, что жители Верхнего Египта в позднем палеолите занимались соби-

Археологические культуры и памятники неолита и раннего железного века Африки:

1 — средиземноморский неолит; 2 — неолит капсийской традиции; 3 — неолит суданской традиции; 4 — хартумский неолит; 5 — ранний район расселения нубийской группы А; 6 — культура кинтампо; 7 — древнейший район расселения культуры раннего железного века Восточной и Южной Африки (по Филлипсону); 8 — граница между западной и восточной ветвями культуры раннего железного века (по Филлипсону); 9 — путь миграции ранних овцеводов в Южной Африке (по Куку)

рательством съедобных растений, не нова. Об этом говорили находки терочников, известные со времен открытия себильской культуры. Можно ли видеть в подобных находках свидетельства древнейшего земледелия, возникшего на Ниле на местной основе, как считают некоторые специалисты? (см., например, [469, с. 188; 664, с. 124—129]).

Последние исследования показывают, что процесс становления производящего хозяйства в Нильской долине шел весьма сложным и извилистым путем. В этой связи стоит сослаться на весьма поучительный пример с Ф. Уэндорфом, который, воодушевившись нубийскими находками, перенес свои исследования в Верхний Египет, ожидая найти там поселки древнейших местных культиваторов. Однако его ожидания долго не оправдывались. Выяснилось, что усложненное собирательство верхнепалеолитического населения Египта, равно как и Нубии, далеко не сразу и не везде переросло в земледелие. Специально изучавшие этот вопрос ученые считают, что последующее потепление создало неблагоприятную обстановку для диких хлебных злаков. Поэтому в раннем и среднем голоцене в прилегающих к среднему течению Нила районах площадь многих поселков резко сократилась, протоземледельческий инвентарь (терочники и жатвенные ножи) постепенно исчез, а рыболовство надолго стало основным источником питания [1012, с. 153, 159—161; 1013, с. 283, 284]. Впрочем, в период раннеголоценовой гумидной фазы в некоторых оазисах Ливийской пустыни снова временно возникло хозяйство с упором на усложненное собирательство диких растений [664, с. 124—129; 923, с. 141—147]. Именно здесь многолетние целенаправленные поиски древнейших следов земледелия, проводившиеся Ф. Уэндорфом и его коллегами, наконец-то увенчались успехом. Ученым удалось обнаружить серию поселков ранней фазы неолита суданской традиции (ранний хартумский неолит), датированных концом VIII — второй половиной V (концом VII — началом IV) тысячелетия до н. э. и расположенных в оазисе Харга и во впадине Набта Плайя в ныне пустынных районах. Раскопки одного из них в районе Набта Плайя дали массу растительных остатков, в том числе здесь были зафиксированы дикая и культурная разновидности ячменя [1014, с. 224, 228, 232].

Таким образом, уже с конца верхнего палеолита в Северо-Восточной Африке обитало относительно развитое население, которое умело манипулировало своими хозяйственными возможностями и чутко реагировало на изменения природной обстановки, ориентируя хозяйство в соответствии с требованиями максимально эффективного использования окружающих ресурсов. Как справедливо указывает Дж. Кларк [494, с. 71, 72], эта практика, несомненно, подготовила почву для возникновения производящего хозяйства, переход к которому в свете находок в Набта Плайя можно с большой долей вероятности связывать с деятель-

ностью местного раннеолитического населения. Более сложным представляется вопрос об истоках местного скотоводства. Дж. Кларк предположил, что уже собиратели Северной Африки начали приручать животных [492, с. 62, 63]. Судя по остеологическим данным, с конца верхнего палеолита население Верхнего Египта и Нубии охотилось прежде всего на тура, коровью антилопу (бубала) и газель, несколько меньше — на ослов и гиппопотамов и много реже — на гривистых баранов и других животных [596, с. 97; 486, с. 259—261]. Казалось бы, при этом имелись возможности для приручения некоторых животных, однако сейчас трудно судить, были ли они полностью реализованы. На протяжении раннего и среднего голоцена роль охоты в хозяйстве падала, а роль рыболовства, как отмечалось, наоборот, возрастала. К середине VI (началу V) тысячелетия до н. э. многие районы Верхнего Египта и Нубии были населены рыбаками, которые занимались также в некоторой степени охотой и собирательством, но домашних животных не имели [1011, с. 1168; 837, с. 6—17]. Только на раннеолитических поселениях оазиса Харга и впадины Набта Плайна Ф. Уэндорфу и его коллегам удалось вроде бы обнаружить немногочисленные кости, принадлежавшие, по предварительным данным, домашним козам и овцам и, возможно, крупному рогатому скоту [1014, с. 224, 228, 232]. Однако при малой разработанности методики определения костей в Северной Африке следует воздержаться от преждевременных выводов до полной публикации материалов с подробным обоснованием сделанных заключений. Если они подтвердятся, можно будет говорить о культурном импульсе, исходившем из Палестины периода докерамического неолита В или раннего керамического неолита, откуда только и могли сюда попасть домашние козы и овцы.

Несмотря на то что древнейшие неолитические поселки (Меримде, Фаум, Бадари и др.) были открыты в Египте еще в 20—30-е годы, вопрос об их происхождении до сих пор остается открытым (последние сводки по этому вопросу см. [407; 972; 416, с. 463—484; 490, с. 187—194; 727]). Все они в большей или меньшей степени были связаны с земледельческо-скотоводческим населением, в той или иной мере оседлым в зависимости от окружающей природной обстановки. Их обычно датируют второй половиной VI—V (второй половиной V — началом IV) тысячелетием до н. э. [528, с. 279; 475, с. 89—97], причем, по справедливому мнению некоторых специалистов, эти поселки не являются древнейшими. Их предшественники, видимо, скрываются под толщей нильского аллювия. Неолитические поселки Египта не дали такой прочной глинобитной архитектуры, как переднеазиатские. Однако ясные свидетельства развитого земледелия (ямы-хранилища с остатками эммера и ячменя, земледельческие орудия) и рыболовства заставляют говорить об оседлом образе жизни их насельников. Менее изучен вопрос о скотоводстве, так

как в довоенный период здесь не только не пытались выявить наличие доместикационных признаков у потенциально домашних животных, но и сами виды животных определялись часто довольно неточно [897, с. 124, 125, 133 135]. В свете данных критического анализа материалов старых раскопок, проведенного Ч. Ридом, выяснилось, что наиболее ранние из надежных остеологических свидетельств доместикации относятся к довольно позднему времени. Древнейшие домашние свиньи были зафиксированы у бадарийцев, а козы и овцы — только у населения IV тысячелетия до н. э. [897, с. 133, 135; 898, с. 33]. Мало кто из египтологов всерьез полагался на эти факты, значительно искажавшие реальную картину, искусственно омолаживая процесс возникновения скотоводства в Египте. Только недавно, с оживлением исследований в области первобытной истории Египта, появилась надежная основа для установления процессов, сопровождавших становление производящего хозяйства. Обработка материалов из Фаюма середины V (начала IV) тысячелетия до н. э. показала наличие там домашних овец и крупного рогатого скота [639, с. 198], а приведенные выше результаты раскопок в оазисах Ливийской пустыни позволяют предполагать и более раннее появление домашних животных в Египте.

До недавнего времени процесс возникновения производящего хозяйства в Египте представлялся в виде заимствования переднеазиатского комплекса местными рыболовами и собирателями. В свете новейших находок постановка вопроса в такой форме кажется уже неправомерной. Теперь ясно, что не все афро-азиатские параллели следует объяснять культурными контактами. Так, дикий ячмень рос в Северо-Восточной Африке, где, по-видимому, и сложился самостоятельный очаг его культивации. Вот почему импульсы, исходившие из Азии, не привели к коренной перестройке местной хозяйственной системы, а материальная культура неолита Египта имела традиционно африканский облик — факт, давно подмеченный специалистами [355, с. 89—91; 415, II, с. 140; 490, с. 191, 192].

Это, конечно, не означает, что вопрос о древних афро-азиатских контактах стал неактуален. Контакты эти, несомненно, имели место и прослеживаются по меньшей мере с мезолита. О них говорят материалы, обнаруженные на многочисленных мезолитических стоянках внутренних районов Синая [514, с. 505]. На разветвленных стоянках под Хелуаном еще в 20-е годы были встречены разновременные натуфийские орудия [886, с. 35—42]. О контактах более поздних периодов известно меньше, возможно из-за ухудшения природной обстановки на Синае. Все же там найдено несколько памятников докерамического неолита. О связях в период позднего (керамического) неолита Палестины середины VI — конца V (V — первой половины IV) тысячелетия до н. э. свидетельствуют находки некоторых палестинских форм орудий в Фаюме А и в Меримде. В Южной Пале-

стине сейчас известны поздненеолитические поселки, с которых открывается беспрепятственный путь в Египет [807, с. 57]. Как ни малочисленны эти данные, они недвусмысленно свидетельствуют о контактах, издавна связывавших Египет и Переднюю Азию. Сопутствовавший им обмен информацией, несомненно, сыграл не последнюю роль в сложении земледельческо-скотоводческого комплекса в обоих регионах.

Переход к производящему хозяйству в долине Нила произошел не позднее второй половины VI (первой половины V) тысячелетия до н. э., когда различные группы земледельцев и скотоводов уже обитали на обширной территории от Дельты до Верхнего Египта. В некоторых областях, как, например, в Фаюмском оазисе, неолитический комплекс появился внезапно в развитом виде, сменив к середине V (концу V) тысячелетия до н. э. местных рыболовов с их совершенно иными традициями [1012, с. 161].

Изученность неолита Северной Африки оставляет желать лучшего. Лишь в последнее время его удалось расчлениить на несколько отдельных культур, взаимоотношения между которыми до конца еще не ясны [473, с. 22—25; 406, с. 221, 222; 680, с. 87 и сл.; 771; 472, с. 221—260]. В Южной и Центральной Сахаре от Нила до Мавритании ученые обычно выделяют область неолита суданской традиции, во внутренних районах Северной Африки и кое-где на побережье, а также в некоторых районах Северной Сахары — неолит капсийской традиции, на побережье Северо-Западной Африки — средиземноморский неолит. Некоторые специалисты полагают, что следует ввести еще более дробное деление. Датировка и хозяйственная характеристика этих комплексов широко дискутируются и пока что не могут быть определены сколько-нибудь однозначно. Поэтому нельзя разделить оптимизм тех исследователей, которые уверенно говорят о самостоятельном переходе местного населения к земледелию или скотоводству одновременно с переднеазиатским [471; 528, с. 271—291] (более трезвый подход см. [491, с. 621; 679, с. 484, 485]). Критический анализ имеющихся данных заставляет отнестись к этой возможности более сдержанно.

Несмотря на то что памятники неолита капсийской традиции вошли в научный обиход довольно давно, их изученность остается далеко не полной. Это касается прежде всего таких важнейших проблем, как абсолютная датировка и характеристика хозяйства. До недавнего времени неолит капсийской традиции датировался последней четвертью VI — серединой III (серединой V—III) тысячелетия до н. э. [909, с. 553—574; 472, с. 309; 528, с. 288], однако в последние годы были получены новые даты, возводящие его начало к VII (VI) тысячелетию до н. э. [680, с. 114; 882, с. 174]. По-видимому, на ранних этапах памятники неолита капсийской традиции сосуществовали с памятниками верхнего капсия. Вместе с тем, заключение о том, что первые в

целом сформировались на базе вторых, остается в силе и сейчас. Поэтому особый интерес представляет сравнение хозяйства населения верхнего капсия и носителей неолита капсийской традиции. Оно показывает, что основа хозяйства с переходом к неолиту мало изменилась. И в эпипалеолите и в неолите люди жили главным образом собирательством растительной пищи, изредка устраивая крупные сезонные охоты; роль рыболовства была крайне незначительной [909, с. 571—572; 808, с. 316—318; 923, с. 141—147]. Богатые фаунистические коллекции из пещеры Хауа Фтеах (Киренаика) и со стоянки Дра-мта-эль-ма-эль-абуд (Южный Алжир) говорят о высокоспециализированной охоте капсийцев. В первом случае главную добычу охотников составляли гривистые бараны, что, кстати, вообще характерно для пещер Северной Африки [785, с. 18, табл. II, 2], а во втором — коровьи антилопы (бубалы) [808, с. 299—318]. Пораженный большим количеством костей антилоп в Южном Алжире [66,9%], Ж. Морель предположил, что этих животных могли содержать за изгородью [808, с. 315], но это, конечно, явное преувеличение.

Более или менее надежные данные о появлении домашних коз и овец в неолите капсийской традиции происходят из двух пещер: Хауа Фтеах (Киренаика) и Капелетти (Магриб). К сожалению, характер данных не позволяет точно установить место домашних животных в хозяйстве аборигенов и время их появления. Этот вопрос заслуживает более подробного обсуждения, так как полученная картина вообще типична для современного состояния остеологических определений в Северной Африке и Сахаре. Как уже указывалось, единственным диким представителем породы овец в Северной Африке является гривистый баран. Поэтому само по себе появление здесь других пород овец и коз свидетельствует о проникновении домашних животных.

К сожалению, точная идентификация весьма схожих костей домашних коз и овец и гривистых баранов представляет собой сложную задачу. Во всяком случае, Э. Хиггсу, определявшему кости из Хауа Фтеах, полностью справиться с ней не удалось. Наличие домашних животных ему пришлось устанавливать чисто статистическим путем [654, с. 165—171; 785, с. 313—317]. В результате удельный вес домашних животных в хозяйстве неолитических обитателей пещеры остался неизвестным. Неясна и дата их появления. В одной из своих работ Э. Хиггс сообщает, что уменьшение размеров костей фиксируется уже в слое либико-капсия, где обнаружены две относительно мелкие метаподии, и делает заключение о проникновении домашних животных в период между 7450 и 5400 (6450 и 4800) гг. до н. э. [654, с. 166, 169]. Но из другой его работы следует, что лишь в позднем неолите найден один фрагмент рога, несомненно принадлежавший козе, тогда как некоторые фрагменты метаподий в неолитических слоях, возможно, принадлежали овце [785, с. 18]. Та-

ким образом, сообщаемые Э. Хиггсом данные представляются недостаточными для датирования процесса проникновения домашних животных к носителям неолита капсийской традиции. Неясным остается и источник культурного влияния. Теоретически его следует искать либо в Нижнем Египте, либо на островах Средиземного моря, где в VII — первой половине V (VI—V) тысячелетия до н. э. уже возникло скотоводство [785, с. 313].

Еще менее информативны данные из пещеры Капелетти, которые пока что остаются неопубликованными. Вначале общий облик культуры неолита, начавшегося здесь в середине V (на рубеже V—IV) тысячелетия до н. э., был воспринят исследователями как яркое свидетельство продолжения местных эппалеолитических традиций [909, с. 555—564]. Однако впоследствии обработка костного материала выявила будто бы огромное преобладание останков домашних коз и овец (до 90%) [494, с. 73]. Приведенные выше данные из пещеры Хауа Фтеах заставляют воздержаться от чересчур поспешных выводов до полной публикации остеологической коллекции из Капелетти. Если заключение о наличии домашних животных подтвердится, шансы сторонников решения об островном пути миграции производящего хозяйства необычайно возрастут.

Ж. Кан попытался обосновать идею о скотоводстве в неолите капсийской традиции находками изображений барана с солярным диском на голове в горах Атласа. Он датировал их ранним неолитом, когда, по его мнению, здесь и появилось овцеводство. Его главный аргумент заключается в том, что вид изображенного барана (*Ovis longipes*) неизвестен в диком состоянии в Сахаре и мог быть приведен сюда только человеком [472, с. 327—336]. Как сейчас установлено, само по себе изображение диска на голове не свидетельствует о домашнем состоянии животного, а рисунки баранов с дисками на голове не характерны для скотоводческого периода [677, с. 195, 206], что было бы странно, если бы они действительно имели отношение к скотоводческой культуре. Видовая идентификация изображений требует дополнительного анализа, так как останки названного Ж. Каном вида полностью отсутствуют в остеологических коллекциях с первобытных памятников. Поэтому представляется более правомерным отождествление изображенного животного с диким бараном, как это делает А. Лот [757, с. 109].

Область средиземноморского неолита включает памятники с различной хозяйственной ориентацией, датированные в пределах 5350—1300 (4730—1142) гг. до н. э. О некоторых из них сложилось мнение, что они принадлежали скотоводам, разводившим овец и свиней (например, пещеры Ашакара в Северном Марокко). К сожалению, характер данных, способных пролить свет на динамику хозяйственной жизни неолитического населения Северного Марокко, остается неудовлетворительным. Во-первых, полученные костные материалы происходят из смешан-

ных или нерасчлененных слоев пещер [599, с. 14—17, 20]. Вторых, мнения зоологов по вопросу об идентификации костей диаметрально расходятся [599, с. 88—92; 472, с. 275]. В-третьих, не исключена возможность, что кости овец принадлежали одичавшим особям [599, с. 131]. Поэтому сейчас наиболее вероятным кажется предположение о проникновении скотоводства или отдельных домашних животных в Северное Марокко начиная с середины III (конца III) тысячелетия до н. э., когда отмечались оживленные контакты местного позднеолитического населения с носителями культур энеолита и бронзового века Иберии.

Таково современное состояние наших знаний о хозяйственной картине неолитической Северной Африки. Ясно, что оно еще не позволяет говорить о сколько-нибудь заметной роли производящего хозяйства, следы которого на большинстве памятников полностью отсутствуют. Изложенные соображения заставляют пока что воздержаться от отождествления носителей неолита капсийской традиции с историческими скотоводами Ливии, с которыми, как это хорошо известно египтологам, египтяне вели войны по меньшей мере с первой половины III тысячелетия до н. э. [1031, с. 439].

Неолит суданской традиции представляет собой единую хозяйственно-культурную область, образовавшуюся в Центральной и Южной Сахаре во влажный период, когда природная обстановка обусловила развитие оседлого рыболовства [490, с. 171, 172; 962, с. 527—539]. Лучше всего он изучен в Нубии и в Судане, где в середине VI—середине IV (V—IV) тысячелетия до н. э. обитали различные группы рыболовов, которые в несколько меньшей степени занимались также охотой и собирательством [405; 837]. Вместе с тем, как показали упоминавшиеся выше исследования в районе Набта Плайя, некоторые из этих групп весьма рано перешли к земледелию. Есть бесспорные свидетельства того, что многие из восточных поселков неолита суданской традиции развивались в тесной связи с Египтом, где одновременно с ними жили земледельцы и скотоводы. Поэтому неудивительно, что сюда спорадически проникали домашние животные (козы и овцы), редкие останки которых найдены в хартумском неолите [405, с. 15, 16] и на одной из поздних стоянок группы абкан [837, с. 16]. Они попадали сюда путем обмена или грабежа и вряд ли свидетельствуют о сложении скотоводческого хозяйства. Иную картину дает так называемая нубийская группа А, сформировавшаяся на местной основе под сильным египетским влиянием и относящаяся к середине V—середине IV (IV) тысячелетиям до н. э. [837, с. 17—29; 973, с. 31—35]. Это были земледельцы, выращивавшие эммер, ячмень и бобы. Кроме того, уже с конца V (второй половины IV) тысячелетия до н. э. они разводили крупный и мелкий рогатый скот и, возможно, начали одомашнивать ослов [973, с. 35]. В первой

половине IV (второй половине IV) тысячелетия до н. э. поселки ранних земледельцев и скотоводов распространились на юг до Хартума, как показали недавние раскопки в Кадеро [726, с. 159—172].

Менее изучен вопрос о хозяйстве более западных областей, неолитической культуры которых родственна восточносуданской и уходит корнями в VII (VI) тысячелетие до н. э., а возможно, и в VIII (VII) тысячелетие до н. э., когда где-то в Судане или в районе оз. Чад у оседлых рыболовов, охотников и собирателей впервые появилась характерная керамика со штампованным волнистым орнаментом [473, с. 22—25; 837, с. 12; 962, с. 529—533]. Однако само по себе появление керамики отнюдь не свидетельствует о возникновении земледелия, как иногда полагают [471, с. 204]. Вообще вопрос о времени и обстоятельствах появления земледелия в Сахаре является остродискуссионным. Еще недавно некоторые специалисты возводили его древность едва ли не к началу неолита, указывая на наличие оседлости, керамики, специфического орудийного комплекса (терочники, зернотерки, жатвенные ножи и т. д.) и некоторые палеоботанические находки. Однако, как показал детальный критический анализ, древнейшие надежные сведения о земледелии в Сахаре происходят только из Дар Тишитта третьей четверти II (конца II) тысячелетия до н. э. [930, с. 113]. Что же касается «земледельческого» инвентаря и «земледельческих» сцен в искусстве Сахары, то сейчас появилась тенденция трактовать их как показатели собирательской активности, и не более того [494, с. 77, 78; 757, с. 85, 86, 228].

По-видимому, и утверждение об очень раннем возникновении земледелия в Сахаре, и утверждение о его позднем возникновении равным образом неверны. Конечно, орудийный комплекс и сцены жатвы не обязательно могут быть связаны с земледелием. Однако отсутствие палеоботанических указаний на земледелие в Сахаре во второй половине IV—III (III) тысячелетии до н. э., а возможно и во второй половине V—начале IV (IV) тысячелетия до н. э., объясняется, видимо, не столько его действительным отсутствием, сколько зачаточным состоянием соответствующих исследований, на что совершенно справедливо сетует А. Юго [680, с. 130; 172]. Немного лучше обстоит дело и с остеологическими определениями. В сводной работе, посвященной возникновению скотоводства в Северной Африке и Сахаре, Дж. Кларк смог назвать лишь шесть памятников в Центральной и Южной Сахаре, а также соседних южных районах, где были найдены кости домашних животных. Это Уан Мухуджиаг (4600 [4002] г. до н. э.), Адрар Бу (4470 [3810] г. до н. э.), Арлит (3770 [3200] г. до н. э.), Менье (4100 [3450] г. до н. э.), Каркаришинкат (2400—1570 [2000—1360] гг. до н. э.) и Дар Тишитт (1700 [1500] г. до н. э.). На всех этих памятниках, по его словам, были обнаружены кости крупного рогатого

скота, а в Тишитте — и коз [494, с. 75]. Роль указанных находок для характеристики хозяйства носителей неолита суданской традиции заслуживает специального рассмотрения.

В Уан Мухуджиаг в Ахаггаре остеологические материалы дали будто бы много останков быков, а также коз/овец [811, с. 225]. Однако недоумение вызывает тот факт, что все животные здесь, кроме «немногочисленных антилоп», были определены исключительно как домашний крупный рогатый скот, козы и овцы. Это удивляло и самого руководителя работ Ф. Мори [809, с. 238, 239]. Скорее всего этот факт следует объяснять неудовлетворительностью определений фауны. В публикации не приводится ни статистика, ни критерии определения видов животных и степени их доместикации, а вид «коз/овец» остается неустановленным. В число последних могли благополучно входить гривистые бараны, на которых до сих пор охотятся туареги Ахаггара [831, с. 157]. Что же касается костей быков, то лишь один экземпляр, датированный 4600 ± 120 (4002) г. до н. э., может быть отнесен к домашней особи [811, с. 225].

Адрар Бу является наиболее интересным памятником культуры Тенере (6360—2950 [5360—2400] гг. до н. э.), одна из отличительных особенностей которой заключается в наличии массы терочников и зернотерок. Судя по остеологическим данным, в раннем неолите местное население жило охотой, собирательством и рыболовством и в огромных количествах питалось мясом гиппопотамов [680, с. 179—196; 493, с. 456]. В середине V (IV) тысячелетия до н. э. начался поздний неолит Тенере, культура несколько видоизменилась. К этому-то периоду и относится находка полного скелета домашнего быка, датированного 4470 (3810) г. до н. э. [493, с. 457]. По предварительным сообщениям, здесь, возможно, имелся и мелкий рогатый скот [882, с. 182].

Недавно начатые исследования в Арлите позволили обнаружить несколько поселений и могильник, сходные по культуре с Адрар Бу [882, с. 182]. С поселений имеется единственная дата — 2570 (2130) год до н. э., а могильник датируется 4340—3400 (3600—2800) гг. до н. э. [757, с. 164, 218]. Среди костей предварительно удалось установить образцы, принадлежавшие двум породам крупного рогатого скота, карликовым козам и овцам [757, с. 164, 165; 494, с. 83].

В Менье никаких костей домашних животных установлено не было [678, с. 149].

При раскопках в Ин-Итинен (Тассили) в слое, датированном второй половиной IV (первой половиной III) тысячелетия до н. э., был найден целый череп козы [757, с. 99, 100].

Поселки Қарқаришинкат были обнаружены в Мали. Они исследовались пока что лишь предварительно с помощью небольших шурфов. Поэтому выводы об их населении и его образе жизни также имеют лишь самый предварительный характер.

Люди здесь жили более или менее оседло и занимались охотой, рыболовством и собирательством. По-видимому, они знали и скотоводство, анализ которого крайне затруднен малоудовлетворительными остеологическими определениями. Подавляющее большинство костей принадлежало быкам, однако ни их видовая принадлежность, ни степень доместикации установлены не были. В стаде имелись и козы, но их кости не удалось отделить от костей газелей. Вопрос о земледелии вопреки его отрицательному решению автором раскопок А. Смитом следует пока оставить открытым [940, с. 33—54].

В Южной Мавритании поселки Дар Тишитт возникли в конце III (начале II) тысячелетия до н. э. К 1700 (1500) г. до н. э. их обитатели уже, бесспорно, были скотоводами и пасли крупный рогатый скот и коз [816, с. 191].

Как ни скудны приведенные выше материалы, они недвусмысленно свидетельствуют о двух обстоятельствах, чрезвычайно важных для характеристики хозяйства неолитических обитателей Сахары. Во-первых, уже во второй половине V (IV) тысячелетия до н. э. или несколько раньше здесь возникло скотоводство. Во-вторых, в стадах помимо крупного рогатого скота имелся и мелкий рогатый скот. Значение этих фактов для уяснения картины становления производящего хозяйства весьма велико, тем более что они наконец-то позволяют оценить место сахарского наскального искусства как источника для изучения первобытного хозяйства.

Древние гравировки и росписи, в большом количестве встречающиеся в ныне пустынных районах, издавна использовались различными специалистами для изучения динамики развития сахарского общества, причем главным образом анализировалась его хозяйственная основа. Как ни странно, критическое рассмотрение степени информативности изучаемых сюжетов, которое, казалось бы, должно было предшествовать подобного рода работе, никем из исследователей проведено не было. Поэтому недостаточно критический подход к интерпретации наскальных изображений уже давно породил мнение о существовании в неолите скотоводов-кочевников, разводивших крупный рогатый скот. Этот вывод настолько укоренился в науке, что зачастую воспринимается как надежно установленный факт, не вызывающий никаких сомнений. В действительности, как известно, памятники первобытного искусства требуют особых критериев оценки, и, уж во всяком случае, при их использовании для реконструкции различных явлений первобытной жизни следует проявлять максимальную осторожность. Ведь явления реальной действительности отражались в первобытном искусстве не прямо, а через призму специфических представлений древних людей, которые при оценке этих явлений пользовались совершенно иными критериями, чем изучающие их специалисты. Помимо общих логических аргументов в пользу этого заключения можно привести

массу фактов, накопленных современной этнографией, которые свидетельствуют о несовпадении или неполном совпадении картины хозяйственной жизни народа, полученной непосредственным наблюдением с применением новейшей методики исследования, и той, которая выявляется путем опроса населения.

Все это необходимо учитывать при анализе сюжетов древнего искусства. Против мнения о кочевниках-коровопасах в неолите говорит целый ряд наблюдений. Во-первых, кроме коров на изображениях «скотоводческого периода» имеются козы и овцы, что мало кем из исследователей учитывается. Великолепные панно с изображениями крупных стад, состоящих не только из крупного рогатого скота, но в не меньшей степени из коз и овец, опубликованы А. Лотом. Представляется существенным, что они относятся не только к поздним, но и к ранним фазам «скотоводческого» периода [757, с. 250, рис. 44, с. 153, 154, рис. 55; 472, с. 260; 680, с. 270]. Во-вторых, крупный рогатый скот, как показывают этнографические данные (прежде всего африканские), с давних пор имел важное культовое и престижное значение, что не позволяет понимать многочисленность его изображений как указание на его ведущую роль в хозяйстве. По тем же соображениям превалирование скотоводческих сцен нельзя интерпретировать как свидетельство отсутствия земледелия, так как вообще земледельческий быт находит в искусстве иное отражение, чем скотоводство. В сахарском искусстве известны сцены жатвы. Одно время А. Лот считал их доказательством земледелия, однако позже изменил свое мнение, поскольку они в той же степени могут свидетельствовать и о собирательстве. По-видимому, окончательный ответ на вопрос о древности земледелия в Сахаре сможет дать только археология. Наконец, следует отметить, что датировка рассматриваемых сюжетов до сих пор дискутируется. Ф. Мори, пытавшийся возвести начало скотоводческого периода к VII (VI) тысячелетию до н. э., основываясь на единичной радиоуглеродной дате, кажется, отказался от этого под влиянием критики со стороны А. Лота [811, с. 241; 809; 756; 810]. Последнему в 60—70-х годах удалось получить целую серию дат, хорошо укладывающихся в пределах второй половины V—III (IV—II) тысячелетий до н. э. [757, с. 67, 68, 99, 100, 155]. Поэтому в настоящее время нет оснований датировать начало «скотоводческого периода» ранее середины V (IV) тысячелетия до н. э.

Не лучше обстоит дело и с антропологическим материалом. Изучение искусства «скотоводческого периода» показывает доминирование протосредиземноморского расового типа при почти полном отсутствии негроидного [202, с. 47, 124—127; 811, с. 56]. Вместе с тем антропологические данные позволяют увязывать неолит суданской традиции именно с негроидами [471, с. 202; 676, с. 100, 101]. Означает ли это, что искусство «скотоводческого периода» принадлежит полностью протосредиземномор-

дам? Мнения ученых на этот счет коренным образом расходятся [471, с. 202; 676, с. 100, 101]. Окончательно установлено лишь то, что протосредиземноморцы и негроиды жили бок о бок в Северной Африке еще в эпипалеолите, когда ни земледелия, ни скотоводства здесь не было [108, с. 395, 396]. Поэтому было бы неверным утверждать, что производящее хозяйство было привнесено сюда в ходе большой миграции переднеазиатского населения. Противопоставление северных скотоводов-средиземноморцев южным негроидам, земледельцам и рыбакам, которое порой и ныне встречается в литературе [591, с. 166—168; 472, с. 259], не имеет серьезных оснований, так как и скотоводы Нубии второй половины V—IV (IV) тысячелетия до н. э., и скотоводы Арлита второй половины V—первой половины III (IV—III) тысячелетия до н. э., как выяснилось, были в основной своей массе негроидами [550, с. 586; 757, с. 221].

Приведенный критический обзор показывает, что окончательное выяснение вопроса о генезисе неолитического хозяйства в Сахаре является делом будущего. Вместе с тем уже сейчас можно наметить некоторые пути его решения. Собственно говоря, в литературе уже выкристаллизовались две гипотезы, наиболее последовательно с учетом новейших данных отраженные в работах Т. Хейса и Дж. Кларка. Первый считает, что сахарское население перешло к скотоводству самостоятельно, одомашнив местного тура [639, с. 193—201], тогда как второй допускает проникновение первых домашних животных извне (из Европы или из Египта), которое наряду с последующей доместикацией местных животных привело к сложению скотоводческого уклада [494, с. 78]. Т. Хейс основывается главным образом на данных остеологии, по которым сахарские и египетские скотоводы выпасали будто бы разные породы крупного рогатого скота: в Фаюме встречен длиннорогий скот, а в Уан Мухуджиаг и Адгар Бу — короткорогий. Но на двух последних памятниках видовое определение удалось сделать только для двух образцов (!), что ни в коей мере не исключает элемент случайности. Действительно, на росписях «скотоводческого периода» встречался равным образом и длиннорогий и короткорогий скот [811, рис. 105; 757, с. 149]. Недавно достоверность их идентификации была подтверждена остеологическими исследованиями в Арлите, где удалось зафиксировать оба вида [757, с. 224]. Более того, по заключению Г. Эпштейна, короткорогий скот произошел от домашнего длиннорогого [563, I, с. 307—326].

Все это, конечно, не исключает вероятности одомашнивания местного африканского тура, которое, вне всякого сомнения, осуществлялось скотоводами Сахары. Вместе с тем в пользу решающей роли внешнего импульса в сложении сахарского скотоводства свидетельствует наличие здесь с самого раннего периода коз и овец, которые не могли быть одомашнены в Сахаре. Надо ли связывать этот импульс непосредственно с египет-

ским влиянием? В свете последних исследований, не подтверждающих распространенное одно время мнение об интенсивных прямых контактах Египта и Сахары в додинастический период, это направление поисков становится все менее перспективным. Напротив, с развитием археологических исследований в Нубии вырисовывается все более важная ее роль как центра формирования чисто африканских систем производящего хозяйства. Проникновение производящего хозяйства из Египта в Нубию не привело к сколько-нибудь заметной смене населения; оно как бы наслоилось на местный субстрат, традиции которого во многом определяли развитие здешней культуры и впоследствии. Именно в Нубии и, возможно, в Верхнем Египте на этой синтетической основе могла совершиться domestикация африканских растений. Некоторые намеки на это уже имеются. При исследовании бадарийских памятников в Верхнем Египте наряду с ячменем и эммером часто встречались и остатки проса [640, с. 552—554]. Гипотеза некоторых специалистов о ранней domestикации сорго в Нубии [494, с. 82, 83; 973, с. 30, 31] как будто бы подтверждается раскопками в Кадеро, где на стенках глиняных сосудов были обнаружены отпечатки сорго и реже — проса [726, с. 166]. Что же касается данных о контактах древних нубийцев с западными соседями, то их более чем достаточно. Ведь неолитические общества Нубии в целом входили в массив неолита суданской традиции, состоявший из родственного населения с едиными в своей основе традициями материальной культуры и быта, различавшимися лишь в деталях. Значение нубийского центра подтверждается и некоторыми лингвистическими данными. Как сообщает Ч. Ригли, во многих суданских и восточноафриканских языках термин «крупный рогатый скот» происходит от нубийской формы «ти» [1043, с. 69].

Распространение производящего хозяйства из Сахары в южные саванны и в лесную зону началось во второй половине IV—первой половине III (III) тысячелетия до н. э. Оно особенно усилилось в первой половине III (второй половине III) тысячелетия до н. э., когда происходило несколько волн миграций, хорошо зафиксированных археологически [558]. С этими процессами и было связано появление таких поселков, как Дар Тишитт и Каркаришинкат, расположенных в северной части саванны. В конце первой половины II (начале второй половины II) тысячелетия до н. э. пришедшая земледельческо-скотоводческая культура кинтампо внезапно сменила культуру местных охотников и собирателей в южной части саванны в Гане. Пришельцы привели с собой карликовую козу и мелкий вид крупного рогатого скота [580, с. 211—220]. В середине I тысячелетия до н. э. крупный рогатый скот, козы и овцы выпасались также населением Северного Камеруна. Следовательно, в конце первой половины II—первой половине I тысячелетия до н. э. крупный рогатый скот заходил в зону современного распространения му-

ли цеце. По предположению Дж. Кларка, в этот период и были выведены такие его породы, как ндама и западноафриканская короткорогая [494, с. 87, 88].

Распространение производящего хозяйства к югу и юго-востоку от Нубии началось примерно с начала II тысячелетия до н. э. Особенностью этого процесса было то, что он происходил в период, когда основные материальные предпосылки кочевого скотоводства уже сформировались и в Северной Африке обитали отдельные группы подвижных скотоводов, о чем пойдет речь ниже (в гл. IV). Некоторые из этих групп, возможно, принимали участие в распространении производящего хозяйства в Восточной Африке, где поэтому относительно рано мог сформироваться культурно-хозяйственный тип, основанный главным образом на скотоводстве. Скотоводство и земледелие проникали в Эфиопию несколькими волнами на протяжении II тысячелетия до н. э. В Эфиопии процесс доместикиции местных видов растений, несомненно, продолжился, и именно здесь сформировался один из специфически африканских типов земледелия, который и попал в дальнейшем в Восточную Африку. Археологические раскопки последних лет позволили обнаружить в Кении и Северной Танзании поселения и могильники скотоводов и, возможно, земледельцев, которые мигрировали сюда из Южной Эфиопии не позднее начала I тысячелетия до н. э. Они привели с собой длиннорогий и безгорбый крупный рогатый скот, овец и, возможно, коз [961, с. 144; 961а, с. 35—38, 80, 81; 927, с. 489—494; 905, с. 363—365; 948, с. 179; 688, с. 410]. Наиболее древние поселки южноафриканского раннего железного века возникли к северу и западу от оз. Виктория во второй половине I тысячелетия до н. э. [873, с. 66].

Именно с продвижением на юг населения раннего железного века и следует связывать проникновение отдельных элементов производящего хозяйства к местным охотникам и собирателям Южной Африки. Изучение этого процесса дает ключ к решению вопроса о становлении скотоводческого хозяйства у готтентотов. Судя по археологическим данным, ко времени формирования культур раннего железного века Южную Африку, включая Замбию и Зимбабве, населяли охотники и собиратели, оставившие памятники типа Уилтон и Смитфилд. Население раннего железного века, вступающее в контакты с аборигенами, двигалось на юг двумя путями. Более ранний путь (первая половина I тысячелетия н. э.) вел на юг через территорию Малави, Восточную Замбию, Зимбабве и Трансвааль, причем мигранты сначала имели только коз или овец; коровы появились у них много позже. Второй путь пролегал через Центральную Замбию. По нему начиная с V в. н. э. двинулось население, знакомое уже и с мелким и с крупным рогатым скотом [873, с. 66—68; 847, с. 30, 31]. Недавние раскопки в Северо-Восточном Трансваале позволили выявить новую культуру раннего железного века, носители

кōторой в первой половине I тысячелетия н. э. выращивали про-
сō [714, с. 19—22].

Под влиянием пришельцев культура контактировавших с ни-
мй охотников и собирателей начала видоизменяться; на их сто-
янках постепенно стали появляться керамика, бусы, металличе-
ские изделия и кости домашних животных. Наиболее ранние
свидетельства этих контактов происходят из Зимбабве и с запад-
ного и южного побережья ЮАР. Существенным представляется
тот факт, что на памятниках аборигенного населения побережья
ЮАР с рубежа новой эры фиксируются древнейшие здесь остан-
ки овец [948, с. 180; 770, с. 171, 172; 494, с. 95; 919, с. 367, 368].
Крупный рогатый скот появился у аборигенов мыса Кейп мно-
го позже, не ранее конца I тысячелетия н. э. [948, с. 180].

Все же влияние земледельцев и скотоводов в I тысячелетии
н. э. было еще невелико, так как бōльшая часть местного насе-
ления Южной Африки продолжала традиционный образ жизни.
Ситуация стала меняться начиная с первой половины II тысячел-
етия н. э., когда количество поселков культур железного века
значительно возросло, а многие охотничье-собирательские кол-
лективы были оттеснены на менее благоприятные для жизни
территории, причем часть из них была поглощена пришельцами,
часть подверглась сильной аккультурации и лишь немногие
группы сохранили прежнюю культуру и продолжали жить ис-
ключительно охотой и собирательством [919, с. 372].

Возможна ли в настоящее время какая-либо этническая ин-
терпретация описанных процессов? К сожалению, задача эта и
сейчас представляет известные трудности, так как проблема
этнической принадлежности археологических культур является
крайне дискуссионной, а лингвистические данные еще только
начинают изучаться. Все же, судя по антропологическим дан-
ным, и бушмены, и готтентоты генетически связаны с автохтон-
ным южноафриканским населением позднего каменного века
[847, с. 23, 24; 653, с. 98—111]. Вместе с тем удлиненные про-
порции физического типа позволяют сближать готтентотов и с
восто́чноафриканскими народами, в том числе с восточными бан-
ту [653, с. 62, 63, 111]. Казалось бы, в совокупности с данными
о том, что носителями культур раннего железного века в Юж-
ной Африке, как считают многие специалисты, были банту
[873], эти факты позволяют считать культуру банту тем источ-
ником, которому готтентоты обязаны скотоводческим хозяйст-
вом. Однако все обстоит гораздо сложнее. Дело в том, что при
всей неясности вопроса о наличии овец у древних банту козы,
безусловно, входили в их ранний земледельческо-скотоводческий
комплекс [517, с. 18; 19]. Овцы, даже если они и были у бан-
ту в древний период, относились к волосатой тонкохвостой
породе, которая дожила до недавнего времени [563, II, с. 156].
Напротив, в традиционном скотоводческом хозяйстве готтенто-
тов имелись исключительно жирнохвостые овцы, которые много

позже именно от них попали к банту. Зато козы появились у готтентотов не ранее XIX в. [563, II, с. 150—159]. Эти сведения полностью совпадают с археологическими данными, по которым древнейшие овцы, распространившиеся в Южной Африке до мыса Кейп, были жирнохвостыми, факт, хорошо документированный произведениями древнего наскального искусства [504, с. 268, 269; 1027, с. 437; 847, с. 30].

Более того, анализ наскальных изображений позволил установить и путь распространения овцеводства, и в известной степени физический облик пастухов. Методом картографирования изображений было выяснено, что этот путь проходил по Зимбабве сначала на юг, а потом резко на запад и, пересекая Ботсвану, вел далее в Намибию, где снова поворачивал на юг и вдоль атлантического побережья достигал южной оконечности Африки. Повсюду он пролегал по хорошим пастбищным угодьям, фигуры пастухов часто отличались выраженной стеатопигией, которая в Африке характерна исключительно для койсанцев (встречались, правда, и изображения без нее) [504, с. 263—283; 1027, с. 437]. Таким образом, можно считать установленным, что предки скотоводов-готтентотов заимствовали первых овец в северо-восточных районах Южной Африки.

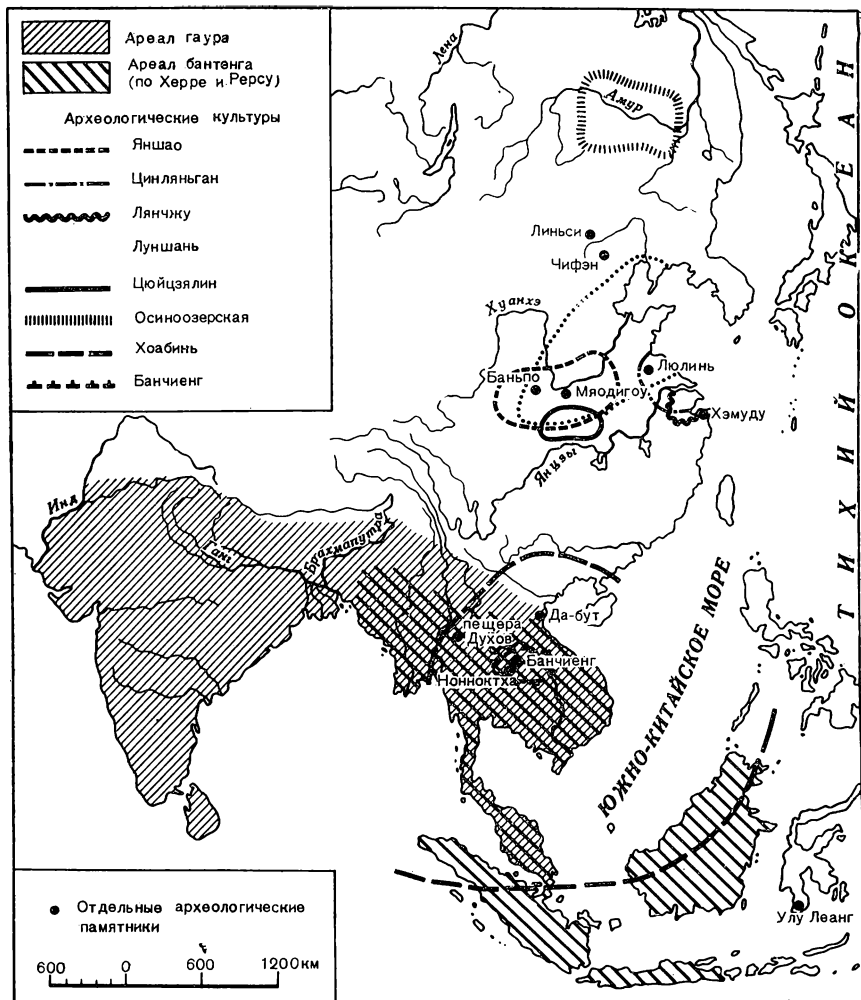
Сложнее решить вопрос об источнике заимствования. Лингвистические исследования Ч. Эрета позволяют предполагать небантускую основу древней овцеводческой терминологии банту. По мнению этого исследователя, термин «овца» впервые попал в Южную Африку благодаря носителям центральносуданских языков [552, с. 217—220], которые проникли сюда за несколько веков до банту, приведя с собой кроме овец и крупный рогатый скот. Они занимались также земледелием и, возможно, металлургией. Именно им койсанцы, по мнению Ч. Эрета, обязаны всей древнейшей терминологией, связанной с производящим хозяйством [553, с. 13—25]. Реконструкции, сделанные Ч. Эретом, были встречены в науке довольно настороженно [517, с. 18, 19; 873, с. 72—74], так как не все его выводы хорошо согласуются с археологическими, этнографическими и даже отчасти лингвистическими фактами. Так, если идея заимствования жирнохвостых овец у добантуского населения раннего железного века может быть принята [847, с. 37], то иначе обстоит дело с крупным рогатым скотом, попавшим к готтентотам, судя по различного рода археологическим источникам, много позже, чем овцы. Традиционный крупный рогатый скот готтентотов принадлежал к зебувидной породе, близкой к породе санга, которая появилась в северо-восточных районах Южной Африки примерно во второй половине I тысячелетия н. э., а к протототтентотам проникла на рубеже I—II тысячелетий н. э. [847, с. 31; 1028, с. 45]. В этот период койсанцы граничили исключительно с банту, и ни о каких контактах с центральносуданцами не могло быть и речи. Таким образом, окончательно решить вопрос об источ-

нике (или источниках) становления скотоводческого хозяйства у готтентотов и изучить механизмы этого процесса современный уровень наших знаний пока что не позволяет.

Восточная и Юго-Восточная Азия

В Восточной и Юго-Восточной Азии климатические изменения имели менее резкий характер, чем в более северных областях. Тем не менее они привели к весьма существенной перестройке экологических систем во многих районах. Детальная картина этих изменений еще далеко не ясна. Однако в целом можно считать установленным, что в плейстоцене среднегодовая температура была на 4—6° (или на 5—7°) ниже современной, а климат отличался большей сухостью [479, с. 2; 870, с. 67—79]. В конце плейстоцена, раннем и среднем голоцене отмечалась тенденция к росту температуры, которая в период климатического оптимума VI—IV (V—III) тысячелетий до н. э. на 2—3° превышала современный уровень [479, с. 3]. Одновременно происходил подъем уровня Мирового океана и, как следствие, бурное формирование островной части Юго-Восточной Азии. В этот период многие области прежде единой суши превратились в географические изоляты [697, с. 4—10; 547, с. 1044]. Отступление ледника привело также к завершению образования обширного лессового района в Северном Китае, ставшего колыбелью древнекитайской цивилизации [939, с. 225—239; 663, с. 21—35]. Такова самая общая картина климатических колебаний и их последствий. Более детально реконструировать ее сейчас не представляется возможным из-за малочисленности и противоречивости данных. Так, до сих пор ведутся споры о палеоклиматических условиях в среднем течении р. Хуанхэ. По мнению Хэ Пинди, здесь начиная с конца плейстоцена преобладала полупустынная степь, кое-где перемежавшаяся с мелкими островками леса, тяготевшими к водным источникам. Напротив, Р. Пирсон считает, что значительные районы лесса были в неолите заняты открытыми широколиственными лесами, соседствовавшими со степью [860, с. 226—228]. Некоторые данные позволяют предполагать, что периоды неолита и ранней бронзы в Северном Китае определялись субтропическими условиями, несколько более теплыми и влажными, чем сейчас [485, с. 228—230]. Решить этот спор станет возможным лишь с получением новых, более полных данных. Как бы то ни было, ясно, что климатическая картина в Восточной и Юго-Восточной Азии не была неизменной. Она отличалась и во времени и в пространстве (в разных районах климатические колебания проявлялись по-разному).

Возможности населения Восточной и Юго-Восточной Азии в одомашнивании животных были весьма ограниченны, так как

Области обитания гаура и бантенга и археологические культуры в Восточной и Южной Азии:

1 — ареал гаура; 2 — ареал бантенга; 3 — яншао; 4 — цинляньган; 5 — лянчжу; 6 — луншань; 7 — цюйцзялин; 8 — осиноозерская культура; 9 — хоабинь; 10 — банчиенг

лишь немногие местные дикие виды поддаются domestikации. К древнейшим местным домашним животным относятся собаки и свиньи, которых в раннеземледельческий период разводили практически везде. Гораздо хуже известны обстоятельства domestikации местных быков. Ясно лишь, что такие домашние ви-

ды, как балийский скот и гаял, произошли соответственно от диких бантенга и гаура [573, с. 52—56]. История скотоводства в Восточной и Юго-Восточной Азии была тесно связана с историей земледелия, поэтому нехватка данных о первом отчасти компенсируется материалами о развитии последнего. Современные ботаники вслед за Н. И. Вавиловым выделяют два района происхождения культурных растений: Северный Китай с прилегающими к нему районами, с одной стороны, и Южный Китай и Юго-Восточную Азию — с другой [55, с. 353—360, 365—368; 478, с. 179]. При этом наиболее вероятным центром доместикиции проса считается Северный и Северо-Восточный Китай, а также горные районы Монголии [57, с. 124—127; 123, с. 9, 204—206; 663, с. 57—61], а риса — Восточные Гималаи от Бенгалии до Южного Китая [27, с. 17, 18; 362, с. 3]. Такие культуры, как таро и ямс были одомашнены скорее всего где-то в Южном Китае и Юго-Восточной Азии [478, табл. 1; 634, с. 187].

С конца плейстоцена в Юго-Восточной Азии широко распространилась хоабиньская культура [44, с. 72—107; 783, с. 89—94; 615, с. 300—316], носители которой вели правильный сезонный образ жизни, чередуя обитание в пещерах и на открытых прибрежных стоянках. Главным объектом охоты хоабиньцев были дикие свиньи, на втором месте шли олени. В меньшей степени охотились на других животных, из которых следует особо отметить диких буйволов (*Bubalus bubalis*) и гауров (*Bibos frontalis*). [615, с. 307—310]. Хоабиньцы занимались также рыболовством, особенно в прибрежных районах, однако главной сферой их деятельности было собирательство, о чем говорит как своеобразный облик их материальной культуры, так и отсутствие зооморфных изображений в искусстве [44, с. 94]. Не так давно ученым удалось обнаружить остатки растений, которые они собирали. Факт этот первоначально был расценен как указание на земледелие [614, с. 102], что встретило вполне обоснованные возражения со стороны ряда специалистов [1045, с. 4; 578, с. 284—286; 632, с. 52; 991, с. 19]. Сейчас нет оснований видеть в хозяйстве хоабиньцев конца плейстоцена — начала голоцена нечто большее, чем собирательство, охоту и рыболовство. Столь же осторожно надо оценивать единичную находку кости «домашней свиньи» в «Пещере духов» в Таиланде, тем более что костный материал более позднего времени как будто не подтверждает наличия здесь скотоводства [614, с. 95, 98]. Не менее ошибочно отрицание потенциальных возможностей хоабиньцев, которые, несомненно, заложили основы доместикиции растений и животных. К сожалению, о степени реализации этих возможностей в настоящий момент судить трудно, так как поздний период развития хоабиньской культуры плохо изучен и плохо датирован. В целом эта культура относится к XI—VII (X—VI) тысячелетиям до н. э., но в отдельных местах ее носители

дожили, видимо, до IV (III) тысячелетия до н. э. [614, с. 98, табл. 1; 615; с. 303; 950, с. 166].

Несомненно, одной из древнейших земледельческо-скотоводческих культур Юго-Восточной Азии является открытая недавно в северной части плато Корат в Таиланде культура банчиенг. Сейчас помимо уже известного с конца 60-х годов поселения Ноннокхта зафиксировано еще несколько памятников, часть из которых (и в первую очередь Банчиенг) подверглась более или менее систематическим раскопкам. Серия радиоуглеродных и термолюминесцентных дат позволяет датировать ранний этап этой культуры IV (серединой IV — началом III) тысячелетием до н. э. [616, с. 15—17; 660, с. 3]. К сожалению, этот этап изучен пока что недостаточно. Относящиеся к нему нижние слои изученных памятников представлены исключительно погребениями; остатки поселений, также прорезанных многочисленными погребениями, появляются позже. Как бы то ни было, самые ранние памятники уже бесспорно связаны с земледельческо-скотоводческим населением. Об этом говорит развитой характер культуры, топография памятников и самое главное — многочисленные отпечатки риса на сосудах. Более того, уже самые ранние слои Банчиенга дали многочисленные находки бронзовых изделий. Костный материал весьма детально изучен на поселении Ноннокхта [660], где, как выяснилось, главным источником мяса являлись быковые, свиные и в несколько меньшей степени олени. Любопытно, что из погребений происходили в основном кости быковых и свиней, тогда как основная масса костей оленей и других животных встречена вне погребений. Население Ноннокхта уже имело домашних животных. Это прежде всего собаки и свиные, domestикация которых надежно установлена по морфологическим показателям [660, с. 72 сл.]. Сложнее оказалось идентифицировать кости быковых. Первоначально исследователи сочли их мелкие кости принадлежащими зебу [661, с. 54—56]. Однако в самой Юго-Восточной Азии местной основы для domestикации зебу не было и, коль скоро определения оказались бы верными, следовало бы говорить, о контактах с Индией, свидетельств которых ни в Ноннокхта, ни в других местах обнаружить не удалось. Кроме того, сами авторы этих определений (Ч. Хаем и Б. Лич) не были в них полностью уверены. Поэтому пересмотр первоначальных выводов Ч. Хаемом, детально изучившим коллекцию из Ноннокхта, не оказался неожиданным. Ч. Хаем пришел к заключению, что останки быковых принадлежали преимущественно гауру и бантенгу; кости буйвола встречались крайне редко, а зебу не было вовсе. При этом вне погребений кости принадлежали крупным особям, сходным с дикими, а в погребениях — более мелким. По предположениям Ч. Хаема, жители Ноннокхта клали с умершим мясом исключительно домашних животных [660, с. 44—69, 134—139]. Таким образом, население культуры Банчиенг представлено рисо-

водами, разводившими свиней и одомашненных гаура и бантенга (гаяла и балийский скот).

Во Вьетнаме производящее хозяйство возникло, видимо, несколько позднее. Правда, некоторые специалисты считают, что домашние животные и птицы (буйволы, свиньи, собаки, куры) уже представлены в материалах раковинной кучи Да-Бут в период среднего неолита [760, с. 41], однако, по мнению советских ученых, здесь была домашней лишь собака [44, с. 119—122; 239, с. 29]. Напротив, в позднем неолите население Вьетнама уже знало рисоводство и обладало домашними животными (буйволами, свиньями и крупным рогатым скотом). Вьетнамские исследователи датируют этот период серединой V—серединой III (IV—III) тысячелетия до н. э. [760, с. 46], однако не менее вероятно более поздняя датировка (вторая половина III—II [II] тысячелетия до н. э.) [44, с. 129].

В Китае наиболее ранние рисоводческие культуры известны в устье р. Янцзы и в соседних районах. Наиболее древняя из них — недавно открытая культура хэмуду, датированная первой половиной V (второй половиной V) тысячелетия до н. э.⁸ Позже ее сменила культура цинлянган, относившаяся ко второй половине V — первой половине IV (IV) тысячелетия до н. э. [186, с. 39—42]. Другие рисоводческие культуры Китая (лянчжу, цюйцзялин, паомалин) также располагались вдоль р. Янцзы от ее среднего течения до устья, но в более поздний период (конец IV—III [III] тысячелетия до н. э.) [186, с. 42—45; 477, с. 527]. Все они являются древнейшими известными раннеземледельческими культурами Южного Китая. К сожалению, сколько-нибудь надежных сведений о domestикации животных в Китае почти нет. Детальное изучение результатов остеологических определений, проведенное Хэ Пинди, показало, что в лучшем случае китайские специалисты определяют животных до вида, тогда как критерии domestикации ими, как правило, не анализируются [663, с. 91, 92]. Среди костного материала на памятниках культуры цинлянган попадались останки таких «потенциально домашних» животных, как свиньи, собаки, крупный рогатый скот, буйволы, овцы. Некоторые из китайских ученых считают этих животных уже, несомненно, домашними, однако другие, как, например, Хэ Пинди, предупреждают против скоропалительных выводов, указывая на отсутствие обстоятельной публикации остеологических коллекций [663, с. 98—100]. Эту осторожность можно только приветствовать. Как бы ни трактовать указанные данные, они, безусловно, свидетельствуют о том, что большинство из перечисленных животных водилось в низовьях Янцзы и теоретически они могли быть одомашнены местным населением. Оговорки требует лишь утверждение Хэ Пинди об автохтонной domestикации овцы в Китае [663, с. 107]. По твердо установленным зоологами данным, муфлоны границ Восточной Азии никогда не достигали. Овцы в Китае представлены

лишь разновидностями архаров, ареал которых захватывает северные районы Северного Китая, нигде не приближаясь к Янцзы [79, с. 78]. Данные о наличии «домашних» овец в культуре цинлянган тем подозрительнее, что они происходят лишь с одного из четырех поселений, откуда имеется остеологический материал. Более того, на этом поселении (Люлинь) кости овец составляют всего около 3%, подавляющее большинство материалов происходит от свиней (61%), на втором месте идут олени (21%), на третьем — быки (11%) [663, с. 99]. Поэтому вопрос о том, каким образом восемь костей овец попали на поселение Люлинь, еще предстоит тщательно изучить. Во всяком случае, их принадлежность домашним животным пока что представляется сомнительной, тем более что из всех синхронных цинлянгану культур только в яншао в двух случаях удалось зафиксировать кости овец, которые, более чем вероятно, принадлежали диким животным [663, с. 93—95]. Для более позднего периода кости овец были обнаружены только на поселениях культуры луншань. Вопрос об их происхождении будет рассмотрен ниже. Что же касается свиней и собак, то об их разведении носителями древних рисоводческих культур Китая можно говорить с гораздо большим основанием. Во всяком случае, судя по определениям палеозоологов, домашних свиней и собак знали уже носители культуры хэмуду.

Картина происхождения производящего хозяйства в Северном Китае, Монголии, Манчжурии и Приморье до сих пор окончательно не выяснена. Эта проблема в значительной мере связана с вопросом о происхождении раннеземледельческой культуры яншао, который разные исследователи сейчас решают по-разному. В зарубежной науке долгое время господствовало убеждение, что истоки культуры яншао следует искать на западе. В настоящее время этой точки зрения придерживается Л. С. Васильев [69, с. 146—151]. Китайские археологи издавна отстаивали теорию о сугубо местных северокитайских корнях яншао, к чему сейчас склоняются и некоторые другие специалисты, не обнаруживающие никаких контактов с западными регионами в раннем неолите [479, с. 5, 6; 1006, с. 23—29; 481, с. 204—206]. Странники обеих точек зрения в основной своей массе предполагают, что в остальные районы Китая и примыкающие к нему области земледелие и скотоводство попали вместе с расселявшимися из Северного Китая мигрантами-луншаноидами, потомками яншаосцев. Впрочем, после получения необычно ранних дат для древнеземледельческих культур Южного Китая и Юго-Восточной Азии в лагере сторонников этой концепции возникли некоторые колебания. Так, Чжан Гуанчжи, хотя и продолжает в целом придерживаться концепции о распространении луншаноидов с севера на юг, уже не настаивает на ней столь категорично, как раньше, и допускает возможность альтернативного решения, признавая, что они могли равным образом дви-

гаться и в обратном направлении [ср. 479, с. 5, 6; 477, с. 527]. Действительно, с развитием археологических исследований все более перспективным становится поиск истоков культуры яншао, а вместе с ней и так называемых луншаноидных культур в Южном Китае, на территории которого складывались многие из культурных элементов, вошедшие в самые различные неолитические комплексы Китая [180, с. 147; 356, с. 88, 89; 364, с. 119—122; 139, с. 154, 155; 417, с. 167; 663, с. 37—40].

Впрочем, как бы ни были близки и взаимосвязанны проблемы происхождения культуры яншао и возникновения производящего хозяйства в Северном Китае, решения их ни в коей мере не могут подменять друг друга. В самом деле, признание южных корней яншао само по себе еще не дает права судить о хозяйстве и образе жизни пришельцев. Поэтому за неимением четких археологических данных, которые могли бы прояснить картину, специалистам пока что приходится ограничиваться гипотезами. Одна из гипотез гласит, что пришельцы, будучи выходцами из восточногогималайского очага доместикации, принесли с собой земледельческие навыки, в частности они еще до прихода в лесовой район умели выращивать просо [362, с. 10—12]. Вторая гипотеза, наоборот, утверждает приоритет лесового района в возникновении просяного земледелия у мигрантов, которые до прихода на север занимались охотой, рыболовством и собирательством [663, с. 40—42]. Слабость первой гипотезы заключается в основном в отсутствии сколько-нибудь убедительных доказательств в пользу южного происхождения просяных культур. Нельзя, конечно, не признать всей сложности проблемы поиска центров происхождения культурных видов проса, так как ареалы диких сородичей этих растений остаются в значительной степени неизученными. И все же трудно согласиться с теми, кто стремится выводить просяное земледелие с тропического юга, природная обстановка которого мало благоприятствовала обитанию таких ярко выраженных ксерофильных растений, как просо. Напротив, гораздо более аридные условия Северного Китая и соседних с ним территорий⁹ несравненно лучше подходили для диких видов проса, и не случайно именно здесь ботаники локализируют гипотетический центр их доместикации [663, с. 57, 58]. Эта идея кажется тем более справедливой, что ареалы известных ныне в Евразии диких просяных культур тяготеют к поясу степей, протянувшихся от Европы до Тихого океана.

Слабость второй гипотезы состоит в полной неразработанности проблемы становления земледелия в лесовом районе. Мало правдоподобно, что охотники, рыболовы и собиратели, придя в бассейн Хуанхэ, молниеносно перешли к земледелию на основе просяных культур, совершенно незнакомых им в предшествовавший период. Другое дело, если их миграция совершилась значительно ранее первой половины V (V) тысячелетия до н. э. и они относительно долго занимались усложненным собиратель-

ством проса. Теоретически это не противоречит мнению о южном происхождении пришельцев, так как и южномонголоидный антропологический тип, и шнуровая керамика — факты, имеющие решающее значение для поиска южных корней яншао, — появились в Южном Китае не позднее раннего голоцена и, видимо, до возникновения производящего хозяйства. Распад сино-тибетской языковой семьи начался также, очевидно, раньше V тысячелетия до н. э. [389, с. 101, 103]. По предположению Чжан Гуанчжи, шнуровая керамика Северного Китая уходит корнями в столь же отдаленную эпоху, как в Юго-Восточной Азии и Японии [479, с. 4, 5]. Однако фактических подтверждений этого тезиса пока не найдено, и хотя в бассейне Хуанхэ известны немногочисленные микролитические памятники, очевидно, более ранние, чем культура яншао, их связи с ней остаются неизученными [186, с. 20—24, 52, 53]. Как бы то ни было, твердо установлено сейчас лишь одно: во второй половине V — первой половине IV (IV) тысячелетия до н. э. в среднем течении Хуанхэ обитало относительно развитое население, которое уже выращивало просо и разводило свиней и собак [186, с. 24—30; 69, с. 152 и сл.; 663, с. 43—95].

С гораздо большей уверенностью можно говорить о местном субстрате древнейших земледельческих культур Северо-Восточного Китая и Среднего Амура, которые восходят своими корнями к автохтонным микролитическим культурам оседлых рыболовов, охотников и собирателей, перешедшим со временем к выращиванию проса и разведению свиней и собак. В Северо-Восточном Китае эти культуры (линьси — чифэн) возникли в первой половине IV — первой половине III (IV—III) тысячелетия до н. э. [186, с. 19], а в среднем течении Амура (осиноозерская культура) — в первой половине III (второй половине III) тысячелетия до н. э. [251, с. 3—4; 110, с. 236].

Взаимоотношения указанных культур с яншао изучены недостаточно. Некоторые специалисты считают отмеченные районы весьма благоприятными для становления производящего хозяйства и на этом основании выделяют особый дальневосточный очаг, включая в него Монголию, южную часть советского Дальнего Востока, Внутреннюю Монголию, Северо-Восточный Китай и Корею [251, с. 11—14; ср. 1006, с. 23]. По мнению других исследователей, «выделение самостоятельного дальневосточного очага вряд ли оправдано» [110, с. 239]. Казалось бы, черты сходства с яншао, встречающиеся на неолитических памятниках Северо-Восточного Китая, можно трактовать как свидетельство продвижения на север южных земледельцев, передавших земледельческо-скотоводческие навыки своим северным соседям [191, с. 59; 69, с. 217; 1006, с. 27—29]. Однако С. Кучера показал возможность альтернативного решения вопроса: по его мнению, микролитические культуры Северо-Восточного Китая продвигались на юг, будучи уже земледельческими, и столкнулись

с носителями культуры яншао лишь на позднем этапе своего развития, в результате чего в пограничной зоне и возникли памятники смешанного характера [186, с. 19—20].

Таким образом, в настоящий момент представляется весьма затруднительным сколько-нибудь детально реконструировать процесс становления производящего хозяйства в Северном Китае и на соседних территориях. Соблюдая известную осторожность, можно пока что говорить лишь об очаге возникновения земледелия и скотоводства в Восточной Азии в широком смысле, понимая под ним обширную территорию Северного и Северо-Восточного Китая, Монголии и южной части советского Дальнего Востока. Судя по имеющимся данным, неолитические культуры этих районов развивались во взаимодействии, обмениваясь различными достижениями. В процессе контактов ранний земледельческо-скотоводческий комплекс (просо, собаки, свиньи) постепенно проникал из первичного очага своего возникновения в окружающие области, где творчески воспринимался местным населением. Известную роль в становлении неолита Северного Китая сыграли миграции с юга, детальную картину которых еще предстоит восстановить.

История неолитических культур Восточной и Юго-Восточной Азии свидетельствует о том, что они развивались в условиях тесных контактов, которые облегчали распространение отдельных достижений на опромные расстояния. Именно эти контакты создавали условия для проникновения древнейшего скотоводческого комплекса, включавшего свиней и собак, в новые районы. Как уже отмечалось, этот комплекс был характерен для всех раннеземледельческих культур. Вряд ли следует считать, что в каждой из них процесс доместикации происходил самостоятельно и независимо. В то же время нет также оснований говорить о западном происхождении местных домашних свиней, как это делает, например, Г. Эпштейн [563, II, с. 360, 361, 371, 372]. Во-первых, свинья неспособна на дальние переходы, особенно через горные перевалы. Во-вторых, разведение свиней играло подсобную роль в скотоводстве Индии, Передней и Средней Азии. Если бы в ранний период имелись контакты с западом, то в первую очередь в Китай проникли бы домашние козы и овцы, чего, однако, не отмечается. Тот факт, что свиньи, останки которых были найдены на яншаоском поселении Баньпо, отличались от местных диких [1007, с. 294], следует скорее относить за счет плохой изученности диких свиней и сложности костных определений, нежели за счет диффузии с запада. Впрочем, не исключена возможность принадлежности баньпоских находок южной разновидности восточноазиатских свиней, которая и была приведена сюда предками яншаосцев с юга. О предпосылках зарождения свиноводства твердо можно говорить лишь для Юго-Восточной Азии, где еще у хоабиньцев охота на кабанов играла важную роль. Судя по ряду косвенных данных, эти предпо-

сылки имелись и в Восточной Азии, где многие мезолитические и неолитические культуры были связаны главным образом с биотипами, подходящими для обитания диких свиней. Вместе с тем скудность данных не позволяет в настоящее время наметить какие-либо очаги domestikации свиней в Восточной и Юго-Восточной Азии.

Древнейшие находки одомашненных гауров и бантенгов происходят из Таиланда (культура банчиенг). О domestikации буйволов, безусловно, свидетельствуют материалы культуры лянчжу в низовьях Янцзы, а возможно, и предшествующих ей культур хэмуду и цинляньган [663, с. 96—100]. В Северный Китай и рис, и одомашненные буйволы, и куры попали с юга в период культуры луншань во второй половине III (конце III — начале II) тысячелетия до н. э. Вместе с тем в этот период, как справедливо подчеркивает Л. С. Васильев [69, с. 208—219], Северный Китай испытывал и сильное влияние с севера или северо-запада. Именно луншаньцы были первыми из предков китайцев, которые познакомились с пшеницей и ячменем и начали разводить овец и коз.

Выше отмечалось, что вопреки мнению Хэ Пинди биологической базы для domestikации овец в Китае не было. Не считая спорных находок костей овец в низовьях Янцзы и нескольких костей диких овец в Яншао, основная масса их останков происходит из луншаньских поселений Северного Китая [663, с. 96, табл. 5]. Так как в этот период здесь начали появляться козы, можно допустить, что по меньшей мере часть находок принадлежала домашним овцам, которые сплошь и рядом выпасались скотоводами степного пояса в одном стаде с козами и были пригнаны в Китай, видимо, вместе с ними. Бесспорные находки костей домашних овец и крупного рогатого скота на поселении Далиталиха культуры номухун (провинция Цинхай) датированы 2080 (1720) ± 90 г. до н. э. [477, с. 527], а древнейшие находки пшеницы на Среднем Амуре появляются во второй половине III (первой половине II) тысячелетия до н. э. [110, с. 241, 242]. К еще более раннему времени относятся кости коз в Мяодигоу II (2620 [2190] ± 90 г. до н. э.) [663, с. 406]. Таким образом, импульсы, исходившие с запада, достигли Северного Китая и Дальнего Востока ко второй половине III (концу III — первой половине II) тысячелетия до н. э. В среднем течении Янцзы домашние овцы появились, видимо, у носителей культуры цюйцзялин также в середине III (конце III) тысячелетия до н. э. [663, с. 97].

Как ни скудны современные данные о ранних этапах развития земледельческо-скотоводческой культуры в восточных районах Старого Света, они все же позволяют наметить по меньшей мере один мощный центр становления производящего хозяйства, оказавший заметное влияние на весь ход дальнейшей истории этих регионов. Это восточногоималайский очаг, где рисоводство

возникло не позднее VI (рубежа VI—V) тысячелетия до н. э. и было разнесено в соседние области (Таиланд, Вьетнам, Юго-Восточный Китай, Индия и т. д.) расселявшимися отсюда во все стороны носителями сино-тибетских языков [362, с. 1—16]. Косвенно об этом свидетельствуют не только данные лингвистики [389, с. 100 и сл.], но и данные палеоантропологии, локализирующие центр формирования южных монголоидов в Южном Китае, откуда они в период неолита постепенно проникали на север (культура яншао) и на юг (неолитические культуры Юго-Восточной Азии) [356, с. 82—89; 239, с. 48, 72, 73].

Много сложнее решить проблему о возникновении клубнеплодного земледелия и его взаимоотношениях с рисоводством. До недавнего времени она представлялась относительно простой: вначале население Юго-Восточной Азии научилось выращивать таро и ямс, а потом перешло к разведению риса, который встречался на огородах таро в качестве сорняка [414, с. 341]. Этому, казалось бы, соответствовали и данные из Океании, где широко распространилось клубнеплодное земледелие, тогда как рисоводство не пересекло линии Уоллеса, хотя, по мнению специалистов, для этого не имелось никаких природных барьеров [1045, с. 4]. Обнаружение раннего очага domestikации риса, возникшего, очевидно, задолго до распространения земледельческой культуры в Океанию, заставляет взглянуть на рассматриваемую проблему под иным углом зрения. Весьма вероятно, что некоторые из групп поздних хоабиньцев перешли к возделыванию таро и ямса примерно одновременно с сино-тибетскими народами (возможно, тоже частично хоабиньцами), которые начали заниматься рисоводством. Впоследствии движение рисоводов в Юго-Восточную Азию привело к тому, что первые частью переняли у них новые навыки, а частью мигрировали в Океанию. Действительно, зерновое земледелие в отличие от клубнеплодного вообще имеет тенденцию к экспансии. Судя по ботаническим и историческим данным, в прошлом разведение таро и ямса было распространено несравненно шире [634, с. 190]. По словам Я. В. Чеснова, «у ряда народов, прежде всего индонезийских, рис появился после овладения ими клубне- и корнеплодным земледелием» [362, с. 13].

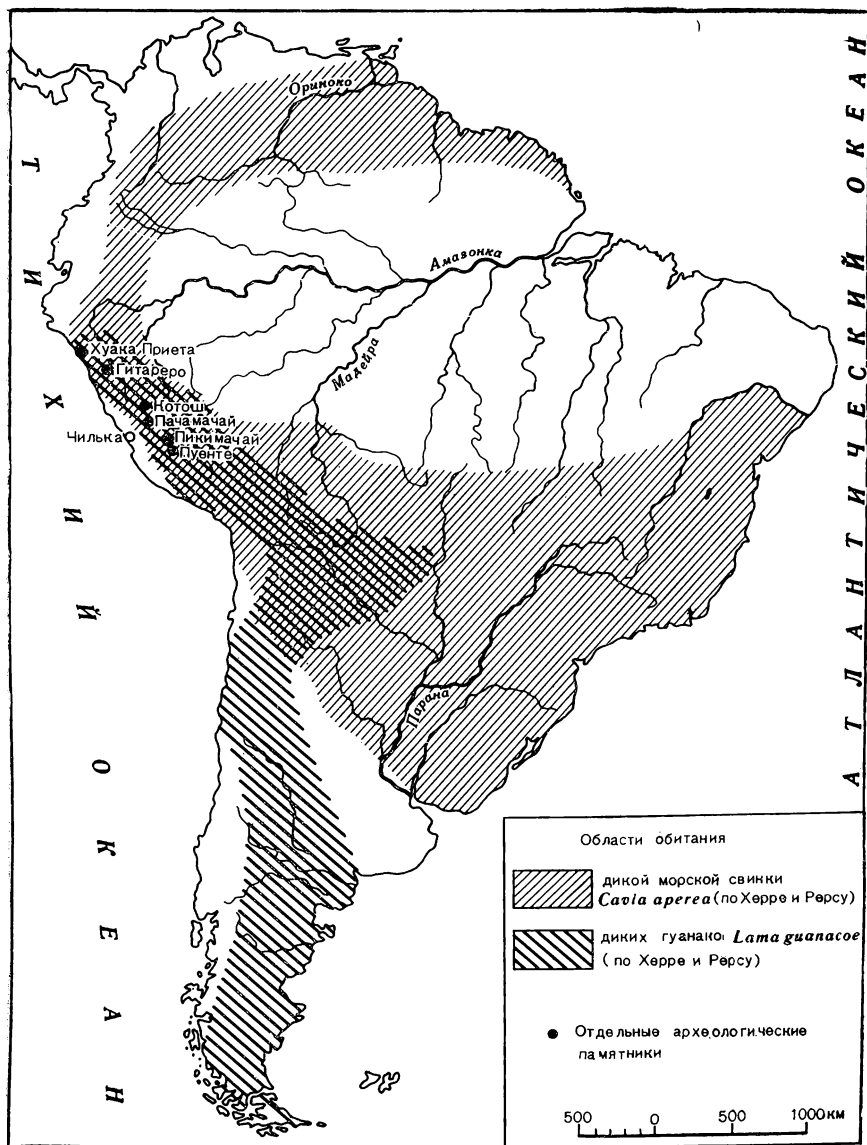
Как единодушно утверждают лингвисты, протоаустронезийцы, безусловно, были знакомы с ямсом, таро и многими тропическими растениями, рано вошедшими в культуру [548, с. 10; 424, с. 22]. Что же касается риса, то здесь единодушие кончается. Р. Бласт пишет о знакомстве протоаустронезийцев с рисом и просом [424, с. 31—33], а А. Дайен это категорически отрицает, допуская, правда, что часть аустронезийцев в поздний период перешла к рисоводству [548, с. 7]. Проверить справедливость этих суждений археологически в настоящее время почти невозможно. Данные о возникновении производящего хозяйства в Океании необычайно скудны и сводятся главным образом к

нескольким находкам костей «потенциально домашних» животных, которые вроде бы косвенно свидетельствуют о появлении земледелия¹⁰. Наиболее ранние останки свиней, несомненно приведенных сюда человеком, датируются на Новой Гвинее третьей четвертью IV (началом III) тысячелетия до н. э. [462, с. 504, 505] и последней четвертью VI (серединой V) тысячелетия до н. э. [1018, с. 142]. Правда, последняя дата небеспорна. На о-ве Тимор свиньи появились не позднее второй половины IV (первой половины III) тысячелетия до н. э. [606, с. 176]. Наиболее ранние прямые сведения о земледелии в островной части Юго-Восточной Азии происходят с о-ва Сулавеси, где в среднем слое пещеры Улу Леанг, относящемся ко второй половине V—IV (IV — первой половине III) тысячелетия до н. э., удалось обнаружить остатки риса. Предполагается, что здесь имелись и одомашненные свиньи [607, с. 51, 52]. И на о-ве Тимор, и на о-ве Сулавеси ранние данные о производящем хозяйстве сопутствуют существенным изменениям в материальной культуре: появлению орудий на пластинах, геометрических микролитов, керамики и т. д., позволяющим говорить о волне мигрантов из материковой Азии [607, с. 43, 51].

Связать эту миграцию с какими-то лингвистическими построениями пока что не представляется возможным Индикатором следующей волны мигрантов, которые разнесли производящее хозяйство в более восточные районы Океании, является керамика лапита, широко распространившаяся начиная со второй четверти II (середины II) тысячелетия до н. э. от Западной Меланезии до Западной Полинезии [932, с. 57]. Ее носители, часто отождествляющиеся с протополинезийцами, появились первоначально на побережье островов в западной части этого региона. Они занимались главным образом рыболовством и морским промыслом и имели домашних животных (собаки, свиньи, куры), хотя и в небольшом количестве. По-видимому, они знали и земледелие, имевшее, правда, подсобный характер. Тот же образ жизни фиксируется у носителей керамики лапита, проникших позднее в Западную Полинезию, где их поселки являются древнейшими в этих местах памятниками человеческой культуры. К рубежу новой эры во многих районах и керамика лапита, и домашние животные исчезли, так что ко времени прихода сюда европейцев на некоторых островах от них не осталось и воспоминаний [511, с. 315—318].

Америка

В древней Америке скотоводство получило гораздо меньшее распространение, чем в Старом Свете. Изучение его тем не менее представляет исключительный теоретический интерес, так как в сравнении с картиной, полученной для Старого Света, позволяет выявить некоторые общие закономерности.

Области обитания морских свинок и гуанако и некоторые ранние археологические памятники Южной Америки:
 1 — ареал морских свинок; 2 — ареал гуанако

Палеоклиматические исследования показывают, что природная среда как Северной, так и Южной Америки начиная с конца плейстоцена претерпела столь же серьезные изменения, как

и в других районах мира. Формирование современных природных условий началось здесь в IX—VIII (VIII—VII) тысячелетиях до н. э., причем в среднем голоцене (VII—первая половина V [VI—V] тысячелетия до н. э.) в Андах отмечался влажный период [651, с. 124—140; 769, с. 18; 782, с. 44]. К началу голоцена вымерли многие важные для первобытных охотников дикие животные: лошади, антилопы, крупные кролики и лисицы в Центральной Америке [576, с. 140—144] и ленивцы, лошади и некоторые виды оленей в Андах [768, с. 33—36]. Приспосабливаясь к новым условиям, люди стали все больше внимания уделять собирательству и рыболовству [1029, с. 72, 73; 447, с. 182—229; 788, с. 18—29]. В итоге в некоторых местах возникло примитивное земледелие, а на его основе и domestикация животных. Однако благоприятный биологический фон для последней имелся далеко не везде. Из-за его отсутствия в Мезоамерике в доколумбову эпоху скотоводства не знали. Единственным важным первичным очагом скотоводства стали Анды, где были одомашнены гуанако и морские свинки.

Вплоть до недавнего времени археологические работы в Андах почти не велись, а относительно хорошая изученность прибрежных районов Перу создавала иллюзию того, что земледелие появилось здесь самостоятельно на базе рыболовства и морского промысла. Первыми отказались от этой идеи ботаники, показавшие, что древнейшие культурные растения попали на побережье из предгорий и горных районов [56, с. 287—289; 874, с. 54—58; 941, с. 253]. В горах локализуется и ареал диких гуанако, от которых произошли домашние ламы и альпака. Любопытно, что именно в горах Центрального и Южного Перу, Юго-Западной Боливии и Северного Чили предположительная область domestикации растений совпадает с районом обитания диких гуанако. Эти животные пасутся стадами по нескольку особей: обычное стадо состоит из самца, 5—6 самок и нескольких детенышей, но порой встречаются и более крупные стада (до 100 особей). Гуанако хорошо переносят разные природные условия: они встречаются и на пустынных низменностях и высоко в горах, достигая отметки 4000 м. Их образ жизни отличается ярко выраженной сезонностью: они проводят лето в горных долинах, а зиму в низменных районах, где местоположение их пастбищ определяется близостью водных источников. Поскольку разные экологические ниши располагаются в Андах недалеко друг от друга, то эти миграции, как правило, очень недалекие [337, с. 295—298; 648, с. 256, 257]. В доколумбову эпоху охота на гуанако была главным источником мясной пищи для населения Аргентины и Чили, которое ко времени появления европейцев умело приручать их и практиковало охоту с маншиком [265, с. 53, 54]. Однако одомашнивание гуанако совершилось только в Андах, в районах возникновения древнейшего земледелия, как показывают исследования последних лет.

Выяснено, что на протяжении позднего плейстоцена в Андах обитали охотники на гуанако и других животных, многие из которых вымерли к концу ледникового времени, что повлекло перестройку хозяйственной системы. В X—VIII (IX—VII) тысячелетиях до н. э. и в горных Андах, и на тихоокеанском побережье происходило формирование правильного сезонного хозяйства; к этому периоду относится и зарождение обменной сети, связавшей впоследствии указанные области в единую систему [769, с. 20]. Люди использовали ресурсы разных биотипов, охотясь на оленей, гуанако и мелких животных и усиленно занимаясь собирательством различных растений на разных высотах. С развитием археологических исследований все большее подтверждение находит высказанное более полувека назад Г. Тримборном предположение о том, что основой становления производящего хозяйства в Андах было усложненное собирательство клубнеплодов, и прежде всего картофеля [974, с. 659, 660; 700, с. 46—51]. Теперь в Андах известны поселки раннего и среднего голоцена, жители которых регулярно собирали такие клубнеплоды, как картофель, улюкю, хикама и другие, причем со временем жизнь в этих поселках становилась все более продолжительной, а их размеры увеличивались [561, с. 96, 97]. К VII — первой половине V (VI—V) тысячелетия до н. э. в горных районах Северного (пещера Гитареро) и Центрального Перу (пещера Пикимачай) относятся древнейшие находки культурных растений (напр., тыква, фасоль) [710, с. 76, 77; 769, с. 26]. В следующий период (вторая половина V—IV [конец V—первая половина III] тысячелетия до н. э.), земледельческий уклад в Андах сложился окончательно; появилась масса новых видов культурных растений, в том числе маис (к концу периода); поселки стали несравненно крупнее, часть их имела уже круглогодичный характер [769, с. 30]. Именно в это время первые культурные растения проникли к оседлорыболовческому населению перуанского побережья, хотя, к сожалению, обстоятельства этого процесса еще мало изучены и плохо датированы: датировка ранних находок колеблется от конца V (середины IV) тысячелетия до н. э. [32, с. 4, 5; 853, с. 298; 561, с. 102] до конца IV (середины III) тысячелетия до н. э. [854, с. 318; 769, с. 29].

Одновременно с земледелием в Андах формировался и скотоводческий уклад. Изучение этапов его становления затруднено в настоящий момент тем, что критерии различения костей диких и домашних верблюдовых остаются неразработанными. Поэтому исследователи прибегают к иным приемам, фиксируя изменения видового состава животных, с которыми имели дело первобытные охотники, во времени, а также анализируя возрастные соотношения в пределах отдельных видов. Как теперь установлено, в VII — первой половине IV (VI—IV) тысячелетия до н. э. в Центральных Андах все большую роль в охоте мест-

ных общин играли верблюдовые, тогда как интерес к оленям со временем падал [1033, с. 305]. В пещерах района Хунин, откуда происходит массовый костный материал, в слоях конца V—первой половины III (второй половины IV—III) тысячелетия до н. э. кости верблюдовых неизменно решительно преобладают в остеологических коллекциях [782, с. 51—53; 1034, с. 79, 80; 1016, с. 120—127]. Та же картина отмечена исследователями в Северном Чили во второй половине V (первой половине IV) тысячелетия до н. э. [700, с. 45, 46]. К сожалению, вопрос о доместикации гуанако на всех этих памятниках остается открытым. Анализ возрастного состава животных в пещерах Хунина показал, что в одних случаях преобладали взрослые особи, в других — молодые [1034, с. 79; 1016, с. 127]. Все же, учитывая факт огромного преобладания костей верблюдовых на памятниках конца V—первой половины III (второй половины IV—III) тысячелетия до н. э., а также появление шкур верблюдовых, а кое-где и их костей на перуанском побережье во второй половине IV (III) тысячелетия до н. э. [32, с. 4, 5; 769, с. 29], можно, видимо, датировать начало приручения гуанако V—IV (IV) тысячелетиями до н. э. Морские свинки, приручение которых требовало гораздо меньше усилий, были одомашнены в горах, очевидно, раньше, чем гуанако. Во всяком случае, со второй половины VII (второй половины VI) тысячелетия до н. э. на памятниках района Аякучо встречаются сотни костей морских свинок, часть из которых, как предполагают специалисты, была в это время уже прирученной [769, с. 26—28]. Во второй половине V—первой половине III (IV—III) тысячелетия до н. э. кости морских свинок происходят уже из районов, удаленных от первичного очага доместикации, в частности они обнаружены на перуанском побережье [769, с. 32]. Особенности поведения морских свинок, не приспособленных к подвижной жизни охотников и собирателей и требующих регулярной подкормки, проливают свет на проблему сложения земледельческого хозяйства в Андах. Последнее должно было превратиться в устойчивую систему, прежде чем приручение морских свинок могло стать реальностью. Это подтверждает правомерность отнесения начала андийского земледелия к VII (VI) тысячелетию.

В III (второй половине III—первой четверти II) тысячелетии до н. э. в горных Андах окончательно сложилось комплексное хозяйство, основанное на выращивании клубнеплодов и некоторых других растений и разведении лам и морских свинок, а на побережье сформировалась система оседлорыболовческих и земледельческих общин, поддерживающих постоянные контакты друг с другом [769, с. 33, 35, 36]. В этот период между горами и побережьем наблюдался бурный обмен культурными ценностями: ламы, морские свинки и многие культурные растения распространялись далеко за пределы очагов доместикации [769, с. 36, 37].

РАННЕЕ СКОТОВОДСТВО
ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ

*Методика использования этнографических данных
для реконструкции истории
первобытного общества*

Несмотря на то что некоторые этнографы и археологи выражают скептическое отношение к возможности использования этнографических материалов для реконструкции истории первобытного общества, любая такая реконструкция не может обойтись без учета данных этнографии, ее концепций и терминологического аппарата. Сознательно или неосознанно специалисты-первобытники, какой бы концепции они ни придерживались, всегда вынуждены оперировать категориями, заимствованными из этнографии. И чем лучше они сознают это, тем плодотворнее оказываются результаты их работ.

В настоящее время советскими этнографами начата серьезная работа по улучшению методов использования этнографических данных для первобытноисторических реконструкций [135; 869а; 385]. Особое внимание уделяется проблеме репрезентативности данных о современных отставших в своем развитии обществах для такого рода исследований [869а; 259]. Важным шагом на этом пути явилось разделение первобытных обществ на апололитейные (АПО) и синполитейные (СПО), развитие которых происходило в разной исторической обстановке [869а, с. 42; 259, с. 5]. В ходе детального анализа выяснилось, что основным методом реконструкций и ныне остается сравнительно-исторический (или историко-типологический) метод, а его главные орудия составляют этнографические аналогии. Вместе с тем, как убедительно показал индийский ученый Гопала Шаранья [612], сравнительная процедура в каждом конкретном случае требует особых приемов, которые определяются предметом и задачей сравнения. Нет и не может быть каких-то единых критериев сравнения для всех времен и народов, равно как и для всех изучаемых явлений. Недопонимание этого положения ведет порой к преувеличению значения какого-то одного из возможных приемов сравнения в ущерб всем остальным. Так, в настоящее время многие специалисты вслед за Дж. Стюардом предпо-

читают сравнивать лишь общества, развивающиеся в сходной природной обстановке. Однако эта процедура не позволяет уловить стадиальные явления (например, промысловый культ и т. д.), свойственные не столько определенным хозяйственно-культурным типам, сколько определенному уровню развития общества.

Таким образом, любая реконструкция должна предваряться правильной постановкой ее задачи. Грубо говоря, реконструкции бывают двух типов: 1) реконструкции общих явлений и закономерностей первобытнообщинной формации или отдельных ее этапов; 2) реконструкции конкретной истории конкретного народа (или народов) или региона. В первом случае речь идет о статистических закономерностях, во втором — об уникальной специфической картине, свойственной лишь изучаемому объекту. Закономерности, выявленные в первом случае, нельзя механически безоговорочно применять ко второму. Равным образом нельзя полученную во втором случае картину отождествлять с первой. Смешение этих двух подходов, недооценка их качественных различий обесценивают полученные с их помощью данные. Неспособность понять это заставляет некоторых специалистов (например, П. Радина) отказываться от общих реконструкций истории первобытного общества.

Теоретически различия между стадиальными, характерными для первобытнообщинной формации или отдельных ее этапов закономерностями и закономерностями региональными или частными, связанными с особенностями данных ХКТ (хозяйственно-культурных типов) и ИЭО (историко-этнографических областей), вполне понятны. В каждой конкретной ситуации первые составляют субстрат, вторые — суперстрат. Вместе с тем отделение их друг от друга на практике требует известных усилий, так как стадиальные закономерности проявляются в той конкретно-исторической картине, которую предстоит исследовать, и, следовательно, выступают отчасти в виде региональных закономерностей. Стадиальные закономерности отражают логику внутреннего развития обществ и, таким образом, действуют относительно вне зависимости от внешних обстоятельств (относительно потому, что форма их проявления может определяться окружающей средой) до тех пор, пока общество не перейдет на новую ступень развития. Напротив, характер региональных закономерностей во многом зависит именно от внешних условий, которые и порождают картину значительной variability. Именно поэтому выделенные на материалах СПО стадиальные закономерности могут, очевидно, служить эквивалентом, а региональные — лишь аналогом тех закономерностей, которые наблюдались в АПО (ср. [259, с. 9]).

Тот факт, что стадиальные закономерности хорошо вычлениаются по имеющимся этнографическим материалам, делает последние вполне достаточными для построения общей теории пер-

вобытнообщинной формации. Не случайно в самых общих чертах представление о характере первобытного общества с его коллективистскими установками, родовой организацией, отсутствием частной собственности и т. д. сформировалось еще в XIX в., когда первобытная археология находилась в зачаточном состоянии и основной материал о первобытных народах давала этнография. Как успешно демонстрирует в своих последних работах Ю. И. Семенов, построение общей теории первобытной экономики тоже практически не требует привлечения каких-то иных данных, кроме этнографических. Напротив, для установления своеобразия действия стадиальных закономерностей в конкретно-исторической ситуации необходимо привлечение данных других наук, и прежде всего археологии (для дописьменного периода) и истории. Восстановив древние условия среды обитания и историческую обстановку, а также, конечно, уровень развития изучаемого общества по данным археологии, палеоклиматологии, палеозоологии, палеоботаники и т. д., можно реконструировать и процессы или тенденции развития по аналогии с уже известными региональными закономерностями, выявленными путем детального изучения СПО.

Следовательно, первостепенную важность имеет задача отделения стадиальных (общих) и региональных (частных) закономерностей. Как показали исследования советских ученых, далеко не все СПО в равной мере подходят для такого рода исследования [259, с. 8, 9]. Наибольшую важность для реконструкций имеют так называемые (условно) общества-стаagnаты и общества-лентаты, тогда как значение обществ-регрессатов оказывается более ограниченным. И, что важно подчеркнуть, не сами по себе взятые в отдельности СПО могут служить эквивалентами (по мнению одних исследователей) или же, правильнее, аналогами (по мнению других) АПО, а именно характерные для них закономерности развития. Но закономерности не вычлняются на единичных примерах — для этого нужен сравнительный анализ относительно представительной выборки.

Разграничение разного рода закономерностей требует процедуры, которая отчасти способна заменить этнографам эксперимент. Она должна заключаться в сравнении, с одной стороны, обществ, стадиально разнородных, но развивавшихся в сходной природной среде (для выявления роли природного фактора) и, если возможно, по соседству друг с другом, а таким образом, под воздействием одних и тех же исторических событий (для установления общих черт, порожденных общими конкретно-историческими причинами); с другой стороны, обществ, стадиально близких, но развивавшихся в разной природной и конкретно-исторической среде. Тем самым окажется возможным установление общих закономерностей и variability их проявлений, а также выяснение причин этой variability. Ценность описанной процедуры во много раз повышается, если есть

возможность рассмотреть изучаемые общества в динамике, ибо наиболее ярко действие тех или иных закономерностей проявляется именно в процессе развития; статичная картина дает для этого много меньше. В идеале такая методика позволяет выявить то общее и особенное, что характерно для стадияльно близких или же стадияльно разнородных обществ в наблюдаемых условиях экологической и конкретно-исторической variability. Надежность выводов зависит и от величины выборки: чем шире охват, тем с большим основанием можно полагаться на результаты сравнения, так как в этом случае особенно отчетливо будут выявляться деформированные структуры, представительность которых для реконструкций сомнительна. Например, при холическом подходе к обществам Новой Гвинеи из общей картины резко выпадают некоторые сильно деформированные внешним влиянием или регрессом группы (папуасы ва-ропен и др.).

Процедура конкретно-исторических реконструкций требует дифференцированного подхода к явлениям разных иерархических уровней в зависимости от степени их удаленности от базиса. Чем теснее связь с базисом, тем она более жестка, тем более сужаются границы variability явлений. Следовательно, реконструкция картины хозяйства, характера годового жизненного цикла, системы расселения, демографических показателей оказывается более простым делом, чем реконструкция социальной структуры, системы семейно-брачных норм, а тем более различного рода идеологических и прежде всего религиозных явлений. Практика показывает, что с изменением природных условий, демографической ситуации, с эволюцией техники соответственно так или иначе видоизменяется хозяйственная система и до некоторой степени социальная организация. Напротив, такого рода связи процессов, протекающих на уровне базиса, с идеологической надстройкой весьма опосредствованны. Поэтому прямых корреляций здесь зачастую не наблюдается. Следовательно, реконструкция базисных явлений допускает процедуру сравнительного исследования в рамках единого или же близких ХКТ¹, тогда как реконструкция особенностей идеологии требует применения более изощренных приемов. Ведь именно в сфере надстройки прежде всего проявляется этническая специфика, вследствие чего с распадом крупных этнических общностей на отдельные сегменты черты их прежнего родства сохраняются дольше всего именно в надстроечных явлениях, притом что хозяйственная специфика и социальная организация этих сегментов могут сильно различаться.

Для процедуры конкретно-исторических реконструкций весьма полезным оказывается вычленение отдельных функционально связанных между собой явлений, составляющих устойчивые блоки, не имеющие четкой формационной принадлежности (например, использование специфических природных ресурсов с

помощью особой технологии, требующей ведения вполне определенного образа жизни). Вообще вопрос о функциональной зависимости и взаимной обусловленности различных элементов общественной структуры, поставленный в свое время функционалистами, остается в значительной степени неизученным. Между тем с точки зрения разработки методов реконструкций древних общественных структур он является одним из фундаментальных.

В методическом отношении весьма важным представляется также вопрос о механизме взаимовлияний и в особенности о том, могут ли внешние влияния (а если могут, то какие именно и в какой степени) изменить действие закономерностей, присущих изучаемым обществам. Если археологические источники позволяют установить факт контактов, то сами по себе они часто не несут информации о характере и последствиях таких контактов. Кроме того, далеко не все контакты оставляют след в материальной культуре. Особенно трудно порой бывает обнаружить контакты в период каменного века, когда в условиях слабого развития техники один и тот же образец допускает взаимоисключающие выводы. Огромную роль в изучении проблемы контактов и их последствий может сыграть этнография, которая дает массу материалов о взаимоотношениях как между типологически однородными обществами, так и между типологически несходными [см. 259]. Выяснение механизмов и последствий контактов по этнографическим данным наряду с установлением функциональных связей между различными общественными структурами является одной из важнейших предпосылок использования сравнительно-исторического метода.

Существует еще одна проблема, которая пока что не привлекла должного внимания специалистов. Это проблема проверки правильности полученных реконструкций. Такую проверку можно осуществлять несколькими путями с учетом безусловного выполнения одного требования: выводы должны быть получены независимыми друг от друга способами, ибо в противном случае ценность взаимопроверки сводится к нулю. Выводы, сделанные на этнографических материалах, можно проверять, привлекая данные других наук. Так, раннескотоводческий комплекс (свиноводство), вычлененный по этнографическим материалам Новой Гвинеи и Меланезии, мог бы показаться уникальной чертой географически и культурно близких между собой регионов, если бы точно такой же комплекс не был обнаружен по историческим источникам в иньском и чжоусском Китае, где его специфические черты повторялись с завидным постоянством: 1) малочисленность свиней (в каждом дворе в среднем по две свиноматки); 2) при этом огромная социальная и религиозная роль свиноводства, развитая терминология; 3) обычай убивать животных лишь в редких случаях по каким-то особым поводам; 4) такие технические приемы, как кастрация и содержание свиней за изгородью [564, с. 68—84]. В Китае хорошо прослеживается,

как новые заимствованные домашние животные интегрировались в этот уже устоявшийся комплекс. Рассмотренный пример интересен и тем, что он демонстрирует блок явлений, а именно свиноводческий комплекс, не имеющий четкой формационной принадлежности, ибо он возникает на раннем этапе разложения первобытного общества и доживает до раннеклассовой формации.

Проверка может вестись и с помощью такого разрабатываемого в настоящее время археологами метода, как палеомоделирование. Правда, сфера действия этого способа ограничена, так как он используется в основном для реконструкции базисных явлений (система хозяйства и расселения, палеодемография, реконструкция технологических процессов и т. д.). Наконец, для проверки могут привлекаться и этнографические материалы из региона, не затронутого первичным исследованием, хотя, правда, в этом случае процедура становится весьма сложной, так как в новом регионе снова встает задача разделения общих и региональных закономерностей (опыт подобного исследования см. [375]). Кроме того, большое значение для проверки выводов имеет явление восстановимости одних и тех же структур, разрушенных в связи с какими-то конкретно-историческими событиями. Для многих обществ характерен по крайней мере частичный распад прежней социальной организации (в частности, дуально-родовой), например, в период миграций. Напротив, со стабилизацией положения социальная организация реконструируется в прежнем, соответствующем уровню развития общества виде. Нечто подобное происходит в экономике, как показал Ю. И. Семенов, назвав это явление «обратимостью эволюции производственных отношений» [293, с. 18].

В настоящем исследовании применяется в основном сравнительно-исторический метод в двух его формах, призванных решать разные задачи. На первом этапе исследования за единицу сравнения берутся отдельные этнические группы в рамках какого-либо более или менее однородного в культурном отношении региона. Тем самым решается задача изучения варибельности определенных явлений, устанавливаются границы этой варибельности, а следовательно, выявляются и частные закономерности развития данного региона. На втором этапе исследования сравниваются закономерности, характерные для разных регионов, устанавливаются и анализируются их сходства и различия и, наконец, выявляются общие закономерности, свойственные изучаемому историческому явлению или этапу.

*Приручение и содержание животных
в обществах охотников, собирателей и рыболовов*

Несмотря на то что вопросы приручения животных на ранних этапах человеческой истории издавна дискутировались учеными — представителями разных школ, до сих пор не было про-

ведено сколько-нибудь детального анализа положения прирученных животных в обществах охотников, собирателей и рыболовов. Между тем без такого анализа и условия domestikации, и ее механизмы, и отчасти даже ее последствия остаются малопонятными. К сожалению, этнографы и сейчас уделяют недостаточно внимания этим вопросам. Доступные материалы о приручении животных весьма отрывочны, неполны, а часто и противоречивы. Кроме того, порой они происходят из обществ, подвергшихся внешнему влиянию, что также усложняет задачу исследования.

Специалисты-австраловеды отмечают, что аборигены ловят на охоте и приводят в лагерь молодых эму и кенгуру, приносят разнообразных ящериц и других животных, которые становятся участниками детских игр. Однако эти идиллические отношения длятся недолго, так как вскоре либо животных съедают, либо они сами убегают из лагеря. «Традиционное аборигенное хозяйство не создает условий для откармливания бесполезных животных», — заключает по этому поводу А. Гамильтон [628, с. 288].

Ему вторит Р. Кимбер: «...даже в относительно статичной ситуации современных австралийских стоянок их (животных. — *В. Ш.*) сохранение было возможным лишь в течение весьма короткого времени — обычно 1—2 дня, после чего они убежали (ящерицы), попадали на зуб лагерным собакам или убивались и поедались». По мнению этого автора, в прошлом вероятность выживания пойманных особей была еще меньше [713, с. 143].

Гораздо более тесные отношения связывают австралийцев с собаками, и в частности с динго. В целом значение собак определяется тем, что они дают людям в случае необходимости мясо, зачастую помогают на охоте, сторожат лагерь, согревают людей холодными ночами, повышают престиж своих хозяев. Кроме того, с собаками связаны некоторые идеологические представления, что определяет их место в мифологии [789; 713, с. 142, 143]. Вместе с тем эти виды использования собак встречаются у австралийских племен в разном соотношении, а некоторые из них характерны не для всех племен.

Наибольшие споры в последние годы вызвал вопрос о степени использования австралийцами собак, в особенности динго, для охоты. Сложность его решения определяется во многом тем, что завозившиеся европейцами с 1788 г. собаки активно гибридизировались с динго, что привело к распространению смешанных пород, которые по своим качествам отличались от динго [789, с. 21]. Так, в частности, они больше динго подходили для целей охоты. Появление этих новых пород, которые быстро проникали в самые удаленные уголки континента, ставит важную источниковедческую проблему, так как в описаниях охот с собаками в XIX — начале XX в. порода собак, как правило, не

упоминалась. С большим трудом удается выяснить, что в прошлом не только европейские и гибридные породы, но и динго в некоторых районах Австралии (например, в Северном Квинсленде) более или менее успешно применялись аборигенами для охоты [789, с. 18; 638, с. 11, 12].

Вместе с тем сам по себе факт охотничьего использования динго в XIX в. еще не характеризует методы охоты австралийцев в предколониальный период. Поэтому представляется существенным анализ тенденций развития охоты у австралийцев в контактной ситуации. И. Уайт отмечает у бидьяндьяра Южной Австралии две породы собак: гончих и дворняг. Гончих аборигены держат для охоты, дворняг — в качестве «любимчиков»; за гончими осуществляется превосходный уход, дворняги же постоянно бродят голодными. Гончие прекрасно выдрессированы. Именно они доставляют людям основную долю дичи, практически каждый день снабжая их мясом. Переход к охоте с чистокровными гончими совершился у бидьяндьяра за последние 30 лет. В начале этого периода они предпочитали охотиться с гибридными породами, происходившими от динго и гончих. Таким образом, по мнению И. Уайта, переворот в охотничьих методах, значительно повысивший продуктивность охоты, произошел здесь сравнительно недавно и связан с активным заимствованием австралийцами гончих [1017, с. 202—204].

Иная картина наблюдается у аборигенов янкунтьяра, у которых специально обученных для охоты собак нет. Охота с собаками здесь малоэффективна. По расчетам А. Гамильтона, за 13 месяцев 1970—1971 гг. люди добыли с помощью собак всего 13 крупных животных, а без их помощи — 302. За вычетом мяса, ушедшего на корм собакам (2,5% всего мяса), чистый доход, принесенный собаками, оказался равным всего 64 кг из 5698 кг добытого мяса [628, с. 291]. Ту же картину отмечает и М. Меггит у валбири, которые за 12 месяцев 1953/54 гг. добыли с помощью собак всего 3 кенгуру и 6 крупных игуан [789, с. 18]. Следовательно, успех охоты во многом зависит от обученности собак, которые должны предварительно пройти особую тренировку. Однако последняя может вестись эффективно лишь при определенных условиях. Во-первых, собак должно быть относительно много, чтобы можно было отбирать более подходящих для охоты особей и чтобы имелась замена для погибших на охоте собак; во-вторых, они должны быть неплохо обеспечены кормом, чтобы сохранять силы для охоты; в-третьих, необходим известный контроль над их воспроизводством, обеспечивающий преемственность поколений. Некоторые имеющиеся цифры говорят о том, что современные группы аборигенов держат большое количество собак, которых, как правило, больше, чем людей [789, с. 16; 1017, с. 201; 628, с. 287]. По подсчетам Б. Хейдена, для охоты обучаются лишь одна-две собаки из своры в полдюжины голов, принадлежащей хозяйству [638,

с. 12]. В прошлом, в доколониальный период в хозяйстве возможно было держать максимум двух собак, а многие аборигены не имели собак вовсе [638, с. 12; 628, с. 287, 288]. Новых собак добывали главным образом на охоте: ловили новорожденных щенков, которых относили в лагерь и там воспитывали [628, с. 288]. Гораздо реже потребности в собаках восполнялись за счет потомства прирученных динго, так как по сравнению с дикими их плодовитость резко падала [789, с. 23]. Следовательно, в традиционном обществе австралийцев не было условий для воспитания особых охотничьих собак.

К щенкам аборигены относились с большой любовью и теплотой и хорошо их кормили, причем в некоторых случаях женщины давали им грудь. В целом со щенками обращались не хуже, чем с собственными детьми, давали им особые клички, предпринимали попытки защищать их с помощью магии от злых духов и т. д. Выросших собак тоже любили и ласкали, однако они полностью или почти полностью лишались поддержки человека и вынуждены были теперь сами добывать себе пищу. Попытки выклянчить или же стянуть пищу у людей кончались тем, что собак жестоко били и гнали прочь. При всем этом многие из них настолько привыкали к людям, что навсегда оставались с ними вследствие эффекта импринтинга [628, с. 288, 289; 789, с. 16, 17]. Все же в случае особо дурного обращения некоторые динго убегали и дичали [789, с. 22; 628, с. 288]. Причины плохого кормления собак в прошлом понятны. По расчетам А. Гамильтона, в группе янкунтьяра, где на человека приходилось примерно по одной собаке, даже при активных попытках аборигенов воспрепятствовать доступу собак к предназначенной для людей пище на питание этих животных уходило 10% всех пищевых запасов [628, с. 290]. В прошлом, когда обеспеченность аборигенов пищей была гораздо хуже и без строгой ее регламентации нормальная жизнь была невозможной, не было и условий для сколько-нибудь регулярного подкармливания прирученных динго. По той же причине в пустынных районах, небогатых дичью, люди предпочитали охоте с собакой хотя и более трудоемкую, но зато более надежную охоту с копьем из засады [638, с. 13]. Напротив, в более обильных пищевыми ресурсами областях, где результаты неудачной охоты были не столь губительными, аборигены издавна охотились с собаками и хорошо их кормили [789, с. 17, 18; 638, с. 13]. По мнению Б. Хейдена, с ростом оседлости и усилением контактов с европейцами аборигены стали все чаще охотиться с собаками, так как в случае неудачи могли получить пищу и иными способами [638, с. 14]. Таким образом, регулярная охота с собаками, характерная для некоторых племен австралийцев сейчас, представляет собой довольно позднее явление. В прошлом охота с собаками велась лишь случайно, спорадически, с чем согласен даже Б. Хейден, горячо отстаивающий тезис об использовании

аборигенами динго для охоты в доколониальный период [638, с. 14].

У различных австралийских племен ученые отмечают и различное отношение к мясу динго. Некоторые из них (валбири) проявляют крайнее пренебрежение к собачатине и едят ее только в случае сильного голода [789, с. 13, 14]; другие (янкунтьера), напротив, любят собачье мясо [628, с. 289, 290]. Однако даже в период бескормицы австралийцы не трогают прирученных собак, считая их, как и вообще прирученных животных, табу. Напротив, на поедание мяса диких или чужих собак никаких ограничений не накладывается [628, с. 287, 289, 290]. В этом обычае можно видеть зачатки системы, позже характерной для раннего скотоводства, которое запретом на убой и поедание своих животных стимулирует широкий обмен и сохраняет условия для воспроизводства стада. Важно отметить, что запрет на убой своих животных держится не на каком-то религиозном чувстве, а на родительском отношении к выращенным зверям, в которых аборигены видят своих детей [628, с. 294]. Этим же определяется и право обособленной индивидуальной собственности² на прирученных животных, и связанные с ним престижные отношения, которые проявляются как в особой гордости за своих собак, так и в праве охотника делить тушу животного, загнанного его собакой [1017, с. 203].

Таким образом, в прошлом собаки использовались австралийцами самым различным образом и ни в коей мере не могли считаться специализированными животными. Специализированные охотничьи собаки появились лишь недавно, в условиях контактов с европейцами. Одной из важных традиционных функций собак была охрана лагеря и защита его от внешней опасности. В особенности аборигены ценили в собаках способность будто бы распознавать и прогонять злых духов [720]. Поскольку злые духи и вообще враждебные силы, по мнению австралийцев, проникали в лагерь, как правило, извне, то и охрана от них лагеря собаками зачастую помогала предотвратить реальную опасность, исходящую от чужаков, приبلудных собак и т. д.

Тасманийцы впервые увидели собак лишь после появления на острове европейцев в конце XVIII в. Однако только после 1804 г., когда они получили возможность ознакомиться с европейскими методами охоты с собаками, они и сами стали использовать их для этого. Собак тасманийцы добывали обменом или кражей у европейцев, обменом между собой, а также нападая на одиноких охотников. Вскоре они научились также приручать щенков одичавших собак. Все же основным источником собак оставались европейские поселения. Исследования Р. Джонса показали, что количество собак у тасманийцев было прямо пропорционально степени их контактов с европейцами. Уже в 1816 г. встречались группы из 200 человек, обладавшие 50 собаками [709, с. 263, 264]. Охота с собаками привела к возрастанию в

рационе тасманийцев доли мяса крупных животных (кенгуру) [709, с. 267]. Кроме того, собаки служили сторожами, помогали выслеживать противника, спали вместе с хозяевами, согревая их своим теплом. Тасманийцы очень любили своих собак, никогда их не ели и сильно горевали в случае их смерти. Особенной заботой они окружали щенят, которых женщины порой вскармливали грудью. Взрослых собак, в особенности когда их было много, тасманийцы не могли прокормить. Поэтому собаки часто голодали и иногда даже поедали друг друга.

Собаки находились в обособленной индивидуальной собственности как мужчин, так и женщин и метились особыми знаками. Хозяин имел право распределять добычу, пойманную его собакой. К сожалению, нет сведений о судьбе собак после смерти хозяев, однако весьма симптоматично указание Р. Джонса на то, что, по поверьям тасманийцев, хозяин и после смерти мог влиять на собаку, например делать ее ленивой [709, с. 264, 265]. Большое хозяйственное и социальное значение собаководства сделало собак одним из важнейших видов богатства у тасманийцев наряду с охрой и раковинными бусами [709, с. 269].

Ученым уже давно были известны факты содержания прирученных молодых животных (поросят, обезьян, крыс, тигрят, белок, выдр и др.) у семангов и сеноев Малаккского полуострова [185, с. 427; 744, с. 178, 183]. Недавние исследования Р. Дентама позволили более детально изучить этот вопрос. Выяснилось, что до повзреления этих животных-«любимчиков» всячески обхаживают и даже кормят грудью, однако потом интерес к ним теряется и многие из них убегают обратно в джунгли. «Любимчиков» почти никогда не продают и никогда не едят [527, с. 34]. Впрочем, в случае необходимости их могут продать или обменять, так как никакого запрета на поедание животных, выращенных чужими руками, здесь нет. По свидетельству Р. Дентама, семай (сенои) сами не режут своих животных, но обменивают их, зная, что новый хозяин зарежет их на мясо [527, с. 33].

Аэта Филиппин приручают обезьян, кур, свиней. Однако сосуществование этих животных с человеком длится недолго. Как сообщает Дж. Гарван, если аэта не съедают их в случае нужды в сезон дождей, то они, как правило, убегают назад в джунгли [595, с. 33].

У андаманцев собаки появились в середине XIX в., когда их завезли сюда индийцы. У пришельцев же андаманцы обучились и методам охоты с собаками [487, с. 80, 81]. Собак андаманцы не едят, а используют главным образом для охоты на свиней, которая с помощью собак стала гораздо успешнее [487, с. 73; 890, с. 36]. Характер ухода за собаками отличается теми же чертами, что и у австралийцев: щенков очень любят, балуют и кормят грудью вместе с детьми, но взрослых собак часто держат в голоде [487, с. 21; 774, с. 341]. В начале XX в. собак у андаманцев было уже относительно много, не менее одной на

каждого женатого мужчину [890, с. 36]. Они находились в обособленной индивидуальной собственности. Богатство природных условий и благоприятный режим питания создали ситуацию, в которой, как отмечали исследователи XIX в., андаманцы могли ловить поросят и откармливать их на убой в загонах, сделанных из поваленных древесных стволов [774, с. 349; 185, с. 88].

В свое время представители Венской культурно-исторической школы предполагали очень раннее (чуть ли не с конца палеолита) появление собаководства, и в частности упряжного собаководства у народов Крайнего Севера. Напротив, этнографические данные о народах Крайнего Севера и Сибири говорят о том, что содержание крупных свор собак, необходимых для упряжек, требовало устойчивых и обильных пищевых ресурсов, которые стали доступны лишь на определенном этапе развития рыболовства и морского промысла. Так, по подсчетам Е. А. Крейновича, семья нивхов из 9 человек заготовила на зиму 11 520 штук юколы, третья часть которых предназначалась для собак [171, с. 465, примеч. 39]. Ненамного хуже заботились о своих собаках и оседлые коряки, которые заготавливали в течение рыболовного сезона по 1,5—2 тыс. штук юколы для собак в каждом хозяйстве [14, с. 43]. Обитатели р. Анадырь, для которых собачий транспорт был жизненной необходимостью, заготавливали на прокормление своры собак в 12 голов в среднем чуть больше 3 тыс. штук юколы [90, с. 127]. По словам И. С. Вдовина, становление упряжного собаководства у коряков и чукчей произошло сравнительно недавно и находилось в прямой зависимости от развития оседлого рыболовства и морского промысла [71, с. 43; 73, с. 29].

В принципе на той же хозяйственной основе у народов Амура и Сахалина (айнов, нивхов, ороков, орочей, ульчей, удэге и отчасти нанайцев) возник обычай выращивать медведей для медвежьего праздника и держать в клетках некоторых других животных. Действительно, как единодушно заключают все исследователи, выкармливание медведя стоит недешево и требует продолжительного труда в течение нескольких лет: нивхи выкармливают медведя до 3—4 лет, айны — до 2,5—3 лет, ульчи — до 5—6 лет [267, с. 83; 126, с. 105, 106; 171, с. 178—180]. Медведей стараются кормить не хуже, чем людей, что требует много рыбы. По-видимому, отдельному хозяйству, даже зажиточному, в одиночку это сделать не под силу. Поэтому сплошь и рядом в откорме медведя хозяину помогают родственники из его поселка, а порой даже родичи и друзья из соседних поселков [267, с. 83; 126, с. 106]. Однако и в таких условиях лишь немногие хозяйства способны кормить медведей. По данным Б. Пилсудского, в начале XX в. у айнов на поселок приходилось примерно по одному хозяйству, содержавшему медведя. Как правило, выкармливали единичных особей и много реже — пару [267, с. 154]. У нивхов забота о медведе возлагалась на

плечи мужчин, а у айнов — на женщин, которые в отдельных случаях даже кормили медвежат своим молоком. Вообще медвежат ласкали и баловали, как детей, чему в немалой степени способствовали, во-первых, отношение к медведям, как к людям (их считали «горными людьми»), а во-вторых, и тот факт, что медвежат часто брали на воспитание родители, потерявшие своего ребенка. Однако как бы ласково хозяева ни обращались с медвежатами, взрослых зверей ждала неизменная участь быть убитыми для устройства медвежьего праздника. Правила убоя и поедания мяса несколько различались у разных народов. Так, у нивхов ни хозяин, ни его близкие родичи не имели права ни убивать зверя, ни есть его мяса и нанимали для убоя специального человека со стороны [171, с. 181]. У айнов не только чужаки, но и родичи хозяина могли убить зверя, а его мясом лакомились все, включая и хозяев, кроме женщины, выкормившей медвежонка [267, с. 121; 126, с. 129]. У ульчей к поеданию мяса также допускались и хозяева и их гости, однако убивать медведя хозяевам запрещалось [126, с. 119, 129].

Медвежий праздник устраивался примерно раз в году и нес в себе несколько функций. По словам ульчей, он, во-первых, организовывался для получения свежего мяса, во-вторых, давал повод родичам съехаться вместе, в-третьих, приносил роду охотничью удачу и, наконец, в-четвертых, позволял почтить память умершего сородича [126, с. 122]. По поводу этого отношения к празднику А. М. Золотарев в свое время отмечал, что ульчи «вообще склонны умалять религиозное назначение медвежьего праздника» [126, с. 121]. Однако сводить это значение исключительно к религии было бы столь же неверным. Как отмечают все исследователи, медвежий праздник становился порой единственным поводом для родственников увидеться, обсудить свои дела, восстановить и укрепить ослабевшие связи. Одним из важных актов, закреплявших место человека в обществе, являлась раздача медвежатины, которая велась в строго определенном порядке [267, с. 136; 126, с. 119; 171, с. 215, 216]. Кроме мяса медведя подавалось и множество других угощений, поскольку с богатством стола был тесно связан престиж устроителя пиршества. Последний получал зачастую не только моральные, но и материальные выгоды в виде множества подарков, привезенных гостями. Как справедливо отмечал А. М. Золотарев, в «медвежьем празднике отчетливо заметны элементы потлача» [126, с. 135]. В то же время воспитание медвежонка и устройство медвежьего праздника рассматривались приамурскими и сахалинскими народами как дело, весьма удобное духам гор, которые ограждали от зла и способствовали успеху в охоте. Поэтому одной из функций медвежьего праздника являлось и коллективное моление об удаче [267, с. 146; 126, с. 125; 171, с. 232]. В прошлом аналогичные праздники устраивались айнами и по случаю убоя выращенной в клетке енотовидной со-

баки. Напротив, содержание лисиц преследовало какие-то другие, к сожалению, неизученные цели [267, с. 146, 151, 152].

Интересно, что медвежатина использовалась у некоторых амурских народов, например у ульчей, и для борьбы за престиж в «чистом» виде, которая велась между двумя богачами и не была связана ни с какими религиозными ритуалами [126, с. 120].

Единственными домашними животными в традиционном хозяйстве нивхов являлись собаки, значение которых было весьма велико во всех сферах жизни людей. Собаки служили важнейшим средством транспорта, намного усиливавшим мощь нивхского хозяйства. Они были одним из источников мяса и шкур, так как собак, не пригодных для работы, нивхи откармливали и убивали. Собаки являлись также одним из наиболее распространенных средств обмена и считались единственно возможным видом штрафа за нарушение религиозных предписаний. По количеству собак определялось богатство человека, состоявшее из упряжек, каждая из которых требовала девяти собак. Наконец, жертвоприношения собак служили важным средством общения с духами [171, с. 155—158].

Данные по айнам и приамурским народам вряд ли могут безоговорочно привлекаться для характеристики общей картины содержания животных у охотников, рыболовов и собирателей, не испытавших внешних влияний, так как, по заключению специалистов, в данном случае роль влияний с земледельческого юга была велика [65, с. 103, 104; 301, с. 342, 343]. Кроме того, есть данные, что приамурские тунгусо-манчжурские народы в прошлом знали земледелие и скотоводство (культура мохэ). Вместе с тем кажется вероятным, что результатом влияний в данном случае было не столько возникновение какого-то нового культурного комплекса, сколько усиление уже существующих тенденций, их усложнение и обогащение. Об этом свидетельствуют сравнительные материалы, приведенные в настоящей главе.

Путешественники XIX в., наблюдавшие жизнь индейцев Северной Америки, изредка упоминали о прирученных овцебыках, бизонах, волчатах, медвежатах и других животных. При этом речь шла исключительно о молодых особях [593, с. 246, 247]. К сожалению, достоверность этих данных трудно проверить, а их отрывочность не позволяет судить о характере содержания животных и об их дальнейшей судьбе. Гораздо более надежны сведения, собранные профессиональными этнографами. Так, известно, что некоторые из атапасков держат в клетках животных «любимчиков», чаще мелких птиц, реже — куропаток и кроликов, которых труднее прокормить. Иногда у них встречаются даже ручные лисята, норки, медвежата. Считается, что животные держат главным образом для детских игр, причем некоторые авторы видят в этом обычае своеобразную школу подготовки детей к охотничьему ремеслу [736, с. 309; 921, с. 191]. «Любимчиков» никогда не убивают на мясо и никогда не едят.

Однако выросших лисиц и норок умерщвляют ради получения меха. Медведей держат до двухлетнего возраста, строят для них берлогу и никак не ограничивают их передвижение. Но когда медведь вырастает и становится опасным, его прогоняют и лишь в том случае, если он не желает уходить, убивают. Важно подчеркнуть и такую особенность описанной практики у атапасков: они никогда не держат животных парами, считая размножение животных-«любимчиков» плохим знаком [845, с. 185, 186; 846, с. 259].

Обычай содержания животных характерен не для всех атапасков. Так, у атна, живущих в устье Медной реки, он, напротив, находится под строгим запретом, причем, по мнению Ф. де Лагуна, этот запрет отражает более типичную для традиционного общества ситуацию, тогда как рассказы о содержании медвежат относятся будто бы уже к новому времени [730, с. 26]. Трудно сказать, насколько это заключение истинно. Во всяком случае, бесспорно лишь то, что в прошлом возможность содержания прирученных животных была намного меньше, чем сейчас. Об этом свидетельствуют, например, данные по собаководству на Американском Севере. Ныне установлено, что в доколониальное и раннеколониальное время у северных индейцев и эскимосов имелось очень мало собак, так как их нечем было кормить. Поэтому и сани в этот период перевозили в основном женщины [921, с. 165]. Только с распространением пушной торговли, получением ружей и других европейских товаров местное население смогло регулярно содержать собачьи упряжки, в каждую из которых запрягалось в среднем 6—7 и, уж во всяком случае, не менее 4 собак. Для упряжек оставляли, как правило, самцов, во множестве истребляя новорожденных самок, которые ценились гораздо меньше. Кроме того, в летний период, когда нехватка пищи ощущалась особенно сильно, люди избавлялись от старых и больных животных, однако старались не убивать их самостоятельно, доверяя это кому-то другому. В то же время за щенятами и упряжными собаками ухаживали с большой заботой, а собачатину никогда не ели. Собаки у северных народов — источник престижа, который повышают путем дарения или обмена собаками, причем в данном случае материальная основа престижных отношений проявляется весьма отчетливо. По словам Дж. Савишински, «люди, имеющие мало собак, как и люди с малочисленной родней, считаются бедными и задавленными нуждой» [921, с. 168—183].

У некоторых племен Калифорнии известны случаи использования пойманных животных и птиц в целях культа. Так, в ритуалах, связанных с культом мертвых, индейцы Южной Калифорнии устраивали жертвоприношения кондоров или орлов, которых захоранивали в специальных местах. Среди археологических находок в Центральной Калифорнии встречались ритуальные захоронения медведей, койотов и оленей [725, с. 7; 698,

с. 104—106]. В известной степени эта практика была, видимо, связана с обычаем отождествления фратрий и других родственных подразделений с каким-либо животным или птицей. Например, у йокутсов тотемами одной из фратрий были орел и медведь, а другой — койот и сокол, причем в обоих случаях для их названия употребляли тот же термин, что и для домашней собаки [582, с. 43]. Тем не менее ни о какой домостикации этих птиц и животных говорить не приходится.

Таким образом, как свидетельствуют приведенные материалы, содержание прирученных животных, безусловно, требовало прочной материальной основы в виде излишков пищи, которые могли бы использоваться для их прокормления. Однако на уровне присваивающего хозяйства эта основа, как правило, либо отсутствовала, либо была недостаточно широка для того, чтобы содержать группу прирученных животных сколько-нибудь длительное время. Правда, при более детальном изучении вопроса оказывается возможным выявить хозяйственные системы, более приспособленные для содержания животных-«любимчиков». Так, совершенно очевидно, что хозяйство, ориентированное в основном на охоту, менее способствует этому, чем хозяйство, в котором преобладающим видом деятельности является рыболовство, либо, в особо благоприятной среде, собирательство. Там же, где этот комплекс дополняется также и земледелием, прирученные животные начинают встречаться почти в каждом домохозяйстве, как это наблюдается, например, у индейцев тропических лесов Южной Америки [600, с. 347; 630, с. 363, 413, 414, 570, 772; 828].

Содержание животных-«любимчиков» преследует самые разнообразные цели — от хозяйственных до социальных и ритуальных, причем повсеместно эти цели встречаются в едином нерасчленимом комплексе. Особенно значительной представляется социально-экономическая функция животных-«любимчиков», которых обменивают либо для получения жизненно важных предметов (особенно пищи), либо для установления и упрочения социальных связей, а также в некоторых случаях убивают для устройства пира, имеющего прежде всего социально-престижное значение. Впрочем, на уровне присваивающего хозяйства эти отношения находят еще в зачаточном состоянии, однако выявление их здесь имеет первостепенную важность, так как помогает найти корни тех социально-престижных отношений, которые становятся характерными для раннего скотоводства. Наличие в принципе одного и того же культурного комплекса, связанного с прирученными животными, у самых разнообразных народов, имеющих различную историю, весьма показательно. Оно лишний раз подчеркивает справедливость идеи стадильности общественного развития, так как может быть объяснено только единством внутренних закономерностей, действующих в стадильно близкой культурной среде.

Как показывают приведенные материалы, само по себе содержание животных-«любимчиков» не порождает скотоводства автоматически. Более того, у некоторых народов существуют обычаи, не только не способствующие, но даже препятствующие domestikации (содержание единичных особей в клетках, неодобрительное отношение к размножению прирученных животных, отпуск взрослых животных на волю и т. д.). Как правило, роль прирученных животных в жизни таких народов минимальна. Напротив, там, где содержание животных удовлетворяет жизненно важные потребности человека и органично вписывается в культурную систему, возникают и условия для превращения прирученных животных в домашних. Этот процесс мог происходить только на фоне роста эффективности первобытного хозяйства, в особенности в связи с возникновением и развитием раннего земледелия, а в отдельных случаях на базе развитого рыболовства или усложненного собирательства.

Свиноводство на Новой Гвинее и в Меланезии

Изучение характера свиноводства на Новой Гвинее представляет особый интерес, так как Новая Гвинея является одним из немногих районов, где до недавнего времени встречались общества, развивавшиеся в относительной изоляции от внешнего мира и в значительной степени сохранявшие свой первобытный облик. Конечно, это относится далеко не ко всем этническим группам. Так, многие из прибрежных обществ по крайней мере в течение века, а некоторые и гораздо дольше общались с европейцами, что весьма заметно отразилось на их культурном облике. Некоторые группы Западного Ириана (и не только прибрежные) на протяжении нескольких сотен лет прямо или косвенно контактировали с мусульманским миром островной части Юго-Восточной Азии. Напротив, папуасы Центральных нагорий впервые встретились с европейцами лишь в 30-е годы XX в., а процесс их вовлечения в систему капиталистического хозяйства начался лишь в 50—60-е годы. Однако модернизация аборигенной культуры под влиянием извне совершилась далеко не сразу. Первые иноземные товары, как правило, включались в систему местного хозяйства и в традиционную систему ценностей, принципиально мало что изменяя в образе жизни островитян. Даже батат, завезенный португальцами в XVI в. и совершивший, по мнению некоторых специалистов, целую революцию, с самого начала был интегрирован в местную систему хозяйства и социально-экономических отношений, а связанные с ним изменения происходили исключительно в рамках законов развития первобытного общества. Последнее дает в руки ученых уникальный материал, позволяющий проследить модификацию традиционного общества от классической первобытности до ранней

стадии ее разложения. Таким образом, изучение папуасов Новой Гвинеи требует дифференцированного подхода, а их сравнительное исследование может проводиться лишь с учетом исторической картины.

В целом общества папуасов Новой Гвинеи могут быть отнесены к хозяйственно-культурному типу ранних (мотыжных) земледельцев, однако следует иметь в виду, что, во-первых, характер земледелия в различных районах острова существенно различается, а во-вторых, для некоторых коллективов земледелие является подсобным занятием, тогда как основную пищу дают собирательство и рыболовство. Положив в основу критерия эволюции уровень развития хозяйства (изменение акцента хозяйственной деятельности от присваивающего к производящему хозяйству, переход от экстенсивного к интенсивному земледелию), удастся построить весьма правдоподобную схему развития хозяйства и общества папуасов Новой Гвинеи [455, с. 94 и сл.; 675, с. 55 и сл.; 1005, с. 57—68] и, что особенно важно, проследить этапы эволюции раннего скотоводства от доместикации отдельных животных до содержания стад животных и сложения особой системы их выпаса.

Папуасы держат домашних собак, кур и иногда прирученных местных животных, однако наиболее показательным для них является свиноводство. Зарождение свиноводства прослеживается у этнических групп, обитающих в северной части Западного Ириана в горной области в верховьях р. Тор. Основу местного хозяйства составляет собирательство саго, обильного в этих краях, и в меньшей степени рыболовство, тогда как роль земледелия второстепенна. Богатство окружающей природной среды позволяет населению жить более или менее оседло. В этих условиях оказывается возможным приручение поросят, которых мужчины ловят на охоте. Специальное разведение свиней у жителей р. Тор отсутствует. За поросятами ухаживают женщины, подкармливая их земледельческими продуктами. Поросят очень любят и считают их членами семьи, кровными родственниками. Таким образом, отношение к ним имеет черты, типичные для содержания животных-«любимчиков»³. Когда свинья вырастает, ее неизбежно убивают на мясо для совершения той или иной церемонии социального либо религиозного характера. Однако и здесь сохраняются черты, связанные с институтом «любимчиков». Ни хозяин, ни члены его семьи не имеют права, да и не стремятся сами убивать свинью и есть ее мясо, объясняя это обычно тем, что никто не смеет есть мясо сына или брата. Заколоть свинью приходится какому-то дальнему родственнику [843, с. 70, 71]. Любопытно, что этот порядок напоминает охотничью практику: ни охотник, добывший дикого кабана, ни его ближайшие родичи не имеют права есть мясо этого животного [843, с. 65]. Вместе с тем полного тождества между этими обычаями не наблюдается, так как свинину запрещается есть не

столько самому хозяину, сколько тому, кто ухаживал за прирученным животным. Поэтому хозяева порой отдают свинью на выпас в соседнюю общину своим или друзьям, вознаграждая их за работу рыбой, фруктами и различными предметами быта [843, с. 72].

Свиньи у населения р. Тор находятся в обособленной индивидуальной собственности их владельцев, мужчин и женщин. В случае смерти хозяев всех принадлежавших им свиней убивают, что соответствует традициям местного погребального обряда, требующего уничтожения личных вещей [843, с. 64, 70, 71]. Никому не позволено есть мясо таких свиней, и его выбрасывают собакам. Вместе с тем, получая куски свинины во всех остальных случаях убоя свиней, папуасы не без основания полагают, что свиньи выращиваются хозяевами на благо всей общины, и всегда подкармливают животных излишками пищи.

При запрете на мясо собственных свиней выгода от их содержания, казалось бы, весьма эфемерна. Однако это не так. Как правильно подчеркивает Г. Остервал, эта выгода заключается в том, что хозяин использует свинину для обмена, приносит ее в дар свойственникам, выполняя свои социальные обязанности перед ними, а также повышает свой престиж, деля мясо между сородичами и друзьями [843, с. 72]. За мясо, полученное на пиру, необходимо обязательно впоследствии отдаривать.

Прирученных свиней у жителей р. Тор очень мало. Видимо, поэтому для главного праздника, устраиваемого время от времени в мужском доме, мужчины специально добывают на охоте кабана. Облик праздника в целом типичен для Новой Гвинеи: он имеет ярко выраженный потлачевидный характер, и приглашенные гости в ответ устраивают позже еще более грандиозный пир [843, с. 237, 238].

Немного более развитой характер имеет свиноводство у квомы, обитающих в горном районе в среднем течении р. Сэпик. Они также приручают поросят диких свиней, хорошо откармливая их первое время около дома. Впоследствии они, как и жители р. Тор, отпускают их на вольный выпас. Квома холостят боровов, считая, что это уберегает их от одичания. Свиньи свободно бродят по округе, где их часто покрывают дикие кабаны. Таким образом, у квомы стадо частично пополняется за счет приплода прирученных свиноматок [1019, с. 117].

Многие отмеченные характеристики свиноводства типичны и для других папуасских групп. Повсюду уход за свиньями почти целиком ложится на плечи женщин, но иногда им в этом помогают дети. Особой заботой окружают поросят, которых хорошо кормят и постоянно носят с собой. В некоторых группах в прошлом женщины даже порой вскармливали их грудью (бонгу, медла, энга и др.) [327, с. 99; 989, с. 194; 603, с. 58]. В результате поросята настолько привыкают к своим хозяйкам, что постоянно сопровождают их, где бы они ни были. Таким обра-

зом, местное население неосознанно использует эффект импринтинга, привязывая животных к человеку, что препятствует их одичанию.

Уход за взрослыми животными сводится к обеспечению их кормом один или два раза в день и изредка к их лечению рациональными или чаще магическими способами. В течение дня свиньи пасутся сами по себе и бродят где им вздумается. Поэтому при относительно многочисленном поголовье они представляют реальную угрозу для огородов, и папуасы пытаются осуществлять некоторый контроль за стадом. Чаще всего огороды обносят для этого частоколом или каменным забором, а иногда окружают канавами, причем в прибрежных районах изгороди ставятся далеко не везде, тогда как в нагорьях они встречаются регулярно [675, с. 59, 64]. Иногда (в некоторых районах Центральных нагорий) изгородью обносят и поселки, чтобы днем держать свиней за их пределами [454, с. 54; 495, с. 74, 104, 106, 107; 446, с. 557; 1005, с. 66, 67], а дани долины Балем в некоторых случаях даже огораживают пастбища [642, с. 50; 446, с. 568]. Другим методом, который характерен лишь для наиболее развитых земледельцев нагорий, является выпас свиней, при котором дневной контроль за стадом поручается кому-либо из взрослых или старшим детям. Кое-где пастухами служат мужчины низкого статуса [989, с. 196; 603, с. 58; 571, с. 27; 792, с. 183; 642, с. 49]. Любопытно, что если в Центральных нагорьях на это, как правило, отваживаются лишь наиболее бедные люди, которых в результате начинают презирать еще больше, так как они взялись за женскую работу [603, с. 37], то в Западных нагорьях уход за поросятами, напротив, считается весьма почетным занятием и им не гнушаются даже зажиточные люди [884, с. 206]. В наиболее развитых районах заботятся также и о месте ночевки свиней. В Центральных нагорьях поросята до полуночи обычно ночуют в женских домах в тех же помещениях, что и люди, но для взрослых свиней в домах отводятся специальные отсеки — стойла [454, с. 57; 495, с. 105, рис. 5с; 895, с. 12; 894, с. 58; 603, с. 58; 989, с. 195; 571, с. 27; 555, с. 168]. Там же, где дома строятся на сваях, как, например, у экаги (капауку), свиньи ночуют под домами [884, с. 206]. У дани долины Балем и у населения о-ва Колепом свиней на ночь загоняют в специальные свинарники, где у каждого животного есть свое стойло [642, с. 49; 929, с. 230]. Свинарники известны и у медла в Центральных нагорьях. Здесь их возводят в районе пастбищ богачи, обладающие крупными стадами [989, с. 196]. Напротив, в более отсталых районах папуасы в меньшей степени заботятся о свиньях, которым зачастую приходится ночевать в кустах [917, с. 44].

Папуасы Новой Гвинеи почти повсеместно кастрируют боронов, считая, что тем самым животные, с одной стороны, становятся более спокойными и менее опасными, а с другой — скорее

жиреют и отрачивают более крупные клыки [571, с. 27; 642, с. 50; 894, с. 70]. Вследствие этой практики во многих районах рост стада возможен лишь в результате гибридизации одомашненных свиноматок с дикими кабанями (помимо уже упоминавшегося приручения диких поросят). Однако в Центральных и Западных нагорьях практикуется содержание боровов-производителей [989, с. 195; 603, с. 59; 895, с. 12; 454, с. 57; 642, с. 204; 605, с. 64], что повышает контроль за воспроизводством стада и ведет к сознательному искусственному отбору [642, с. 51]. Количество производителей всегда мало. Так, в центральной части долины Ваги каждая родовая община (150—200 человек) держала не более 1—2 производителей, соседская община у дани (300—400 человек) тоже 1—2, а у экаги 1—2 производителя приходилось на несколько соседских общин. За использование производителей всегда полагалась плата либо раковинами [603, с. 58], либо поросятами от приплода [895, с. 12; 454, с. 57]. Переход к содержанию производителей наблюдается у папуасов группы маринг. Некоторые из них (цембага) этой практики совершенно не знают [894, с. 70]. Напротив, другие (бомагаи-ангоянг) хотя и холостят всех боровов, но иногда позволяют домашнему борову до кастрации покрыть несколько самок [495, с. 84, 85].

Хотя обычно и считается, что свинья — весьма плодовитое животное, поголовье этих животных во многих районах Новой Гвинеи растет крайне медленно. Местные свиньи могут плодиться дважды в год [894, с. 70]. По данным Д. Хаулет, за один раз они приносят в среднем 2—4 поросят [675, с. 76; ср. 917, с. 91]. Однако в наиболее развитых районах свиньи, возможно, более плодовиты: средний приплод у свиной экаги составляет 6 поросят [884, с. 205]. Таким образом, в Западных нагорьях, где уход за поросятами лучше, стада размножаются быстрее, чем в Центральных и Восточных нагорьях. Для последних весьма типичной представляется картина, нарисованная Р. Раппартом. По его наблюдениям, в период полевого сезона у цембага было реализовано лишь 14 из 100 потенциальных беременностей свиной, причем в связи с высокой смертностью среди поросят к концу сезона от всего приплода осталось лишь 32 поросенка, т. е. чуть больше 2 поросят от каждой свиноматки [894, с. 70, 71, 156]. По данным Л. Посписила, у экаги 52% поросят не доживает до возмужания: 27% гибнет при рождении, а 25% — от болезней или режется на мясо для совершения каких-то церемоний [884, с. 207]. Большое влияние на скорость роста стада оказывают и некоторые обычаи. Так, в случае любых невзгод и бед (болезнь, смерть, неурожай и др.) полагается убивать одну или несколько свиной. Тем самым общество, постоянно страдающее от болезней и превратностей погоды, находится в гораздо худших условиях по сравнению с другими [894, с. 155, 156; 495, с. 85, 86]. Любопытно, что имен-

Характеристика убоя свиней для праздника

Этническая группа	Частота проведения праздников (в годах)	Количество убитых свиней	Количество участников
Форе	6	10—20	300—400
Телефолмин	?	до 20—25	до 600
Маринг	12—15	около 100	несколько сотен
Сиане	3	150—200	До 500—600
Кума	15	2000 и более	несколько сотен
Чимбу	7—10	2000—3000	1000—4000
Энга	3—5	500 и более	2000—3000
Дани	4—5	несколько сотен	до 1000
Экаги	несколько лет	несколько сотен	до 2000
Медлла	несколько лет	до 1100	500—7000
Хули	несколько лет	100—500	?

но таково соотношение между папуасами низменностей и нагорий: первые живут в гораздо менее здоровой природной обстановке, где свирепствуют малярия и другие болезни. Некоторые другие обычаи, встречающиеся у горных папуасов, также замедляют рост стада. Так, гадсуп выращивают лишь часть поросят, принесенных свиньей, тогда как остальных они неизменно отпускают на волю [539, с. 97]. Общее представление о скорости роста стада дают данные, полученные у цембага: в «хорошем» месте стадо в 60 поросят за шесть лет разрослось до 169 голов [894, с. 156].

Таким образом, следует ожидать, что стада у папуасов относительно немногочисленны, что и подтверждается прямыми статистическими подсчетами. Правда, прежде чем ими пользоваться, следует иметь в виду, во-первых, стремление папуасов скрывать от чужого глаза точное количество своих свиней, а во-вторых, цикличность колебаний состава стада от праздника до праздника. В среднем по Новой Гвинее эти колебания происходят в рамках от 0,2 до 2,5 животного на человека [455, с. 87]. В наиболее развитых свиноводческих районах накануне праздника на человека приходилось⁴: у чимбу [571, с. 28; ср. 454, с. 59] — 1,0, у райапу энга [571, с. 28] — 2,3—3,1, у дани [997, с. 211] — 3 свиньи. У мае энга, видимо, примерно в середине цикла насчитывалось 1,0—1,3 свиньи на человека [792, с. 168, примеч. 8]. Более скромные цифры получены у маринг: 0,3—0,5 в начале цикла и примерно 0,8—1,0 в конце [894, с. 57; 495, с. 84]. Эти данные становятся еще более показательными, если сопоставить их с частотой проведения праздников (табл. 1).

Центральное место в этих праздниках занимает убой свиней и распределение свинины, причем если на побережье и у более отсталых папуасов нагорий используют, как правило, еди-

ничных животных, то в Центральных и Западных нагорьях это число достигает нескольких сотен или даже тысяч голов. К сожалению, далеко не всегда удастся выяснить, сколько мяса реально получает каждый из участников праздника, и не только потому, что количество участников сильно колеблется, а главным образом потому, что гости зачастую относят полученные куски свинины в свои общины, где раздел мяса продолжается. Ясно, однако, то, что в период праздника люди получают мяса много больше, чем в будни. По описанию М. Рей, кума в такие периоды наедаются до рвоты и потом снова едят [895, с. 21]. У цембага во время праздника на человека приходилось по 5—6 кг свинины, которую съели за пять дней [894, с. 214]. У чимбу на одном из праздников присутствующим досталось по 2—3 кг мяса [454, с. 63, 64].

Конечно, свининой питаются не только на этих многочисленных праздниках. Однако убой свиней и поедание свинины, за редкими исключениями, обязательно сопутствуют той или иной церемонии (рождение, брак, смерть, обращение к духам, строительство дома, вынос судебного решения, прием гостей и т. д.). Малочисленное поголовье свиней неспособно регулярно снабжать население мясом; главной пищей островитян остается растительная. О роли мяса в их рационе можно судить по табл. 2, которая со всей очевидностью показывает, какой серьезной проблемой является нехватка белковой пищи для папуасов. Правда, включенные в таблицу данные о количестве животных белков требуют некоторых оговорок. Дело в том, что расчеты потребления свинины, которую едят нерегулярно, производить всегда крайне трудно. Поэтому некоторые авторы учитывают лишь данные о содержании в пище мяса диких животных и рыбы. Те же, кто пытается делать расчеты, исходя из потребления мяса домашних свиней, всегда предостерегают против абсолютизации своих показателей. Как бы то ни было, мясную пищу папуасы едят крайне редко. В дневном рационе бомагаи-ангоян она составляет 0,86%, у цембага — 1,0, у райапу энга — 1,5 (мясо и рыба), у сиане — 2,3, у чимбу — 0,5%. В период охотничьего сезона у населения о-ва Колепом лишь в 11% трапез входила пища, содержащая животные белки, причем мясо составляло лишь 3,0% [929, с. 60, таб. IV].

Как показал Р. Раппапорт, в некоторой мере нехватка животных белков компенсируется использованием в пищу широкого набора корне- и клубнеплодов [894, с. 74—76]. Однако это не решает проблемы полностью не только потому, что в мясе необходимые организму вещества содержатся в наиболее концентрированном виде, но и потому, что только в нем есть некоторые витамины, необходимые для нормального развития организма. Особенно остро белковая проблема стоит в нагорьях, так как возможности для рыболовства здесь весьма незначительны, а количество дичи прогрессивно убывает с ростом на-

Дневной пищевой рацион взрослого папуаса¹

Этническая группа	Белковый состав пищи (г)			Всего пищи (г)
	растительная	животная	всего	
Цембага	34,7—46,8	?	34,7—46,8+	2287
Бомагаи-ангоянг	49,2	2,8	52	3231
Чимбу	25	0,9	25,9	1746
Сиане	50	7,7 ²	57,7	1800
Райану энга	26,5—30,6	3,0—3,4 ³	29,5—33,4	1772—1911
Бусам ⁴	14,4	4,7	19,1	794
Каяпит ⁴	21,7	3,1	24,8	1013
Патеп	22,3	2,1	24,4	1387

¹ Таблица составлена по данным [894, с. 283, табл. 27; 495, с. 178, 179; 997, с. 125, рис. 14 А, с. 126, табл. 29].

² Цифра представляет чисто теоретический интерес, так как Р Сэлисбери получил ее, распределив количество свинины, ушедшее на праздник, по дням трехлетнего цикла [см. 917, с. 80].

³ Учитывалось лишь мясо диких животных. Из указанного количества 1,7 г происходит от мяса дикого кабана.

⁴ По мнению Р Раппарта, цифры сильно занижены.

селения и площадей, расчищенных из-под леса [1005, с. 61, 62]. Поэтому в районах с наибольшей плотностью населения свиньи представляют порой единственный более или менее надежный источник мясной пищи [642, с. 48; 884, с. 203; 454, с. 61; 895, с. 20]. Не менее важную роль свинина играет и в питании жителей ряда мелких островов и некоторых этнических групп нагорий, которые сами не разводят свиней, а получают свинину в обмен у соседей [773, с. 47; 915, с. 56].

В некоторых случаях свиньи и свинина служат важнейшими, а порой и единственными предметами обмена для получения жизненно важных вещей, отсутствующих в данном районе [1005, с. 65]. Так, необычайно крупные стада свиней (по 3 свиньи на 1 человека), разводимые корофейгу, служат, по мнению ряда специалистов, для того, чтобы выменивать у соседей растительную пищу в условиях периодически повторяющихся засух и голода [453, с. 24; 997, с. 210, примеч. 2; 957, с. 134]. У дани одни группы регулярно платили свиньями другим за позволение жить в их расположении или за право доступа к каким-либо ресурсам (например, к залежкам соли) [642, с. 85—88].

Другие важные хозяйственные назначения свиней заключаются в том, что они могут вскапывать землю на огородах, уничтожать сорняки и унавоживать почву. Поэтому после сбора урожая свиней, как правило, пускают в огород, причем эффект от этой практики тем выше, чем дольше люди пользуются ого-

родами. Он наиболее высок там, где огороды постоянны [ср. 894, с. 53, 54; 571, с. 25; 642, с. 39; 446, с. 568; 884, с. 206; см. также: 675, с. 63]. У чимбу навоз используется далеко не везде. В верхней части долины чимбу свиней выпускают в огород, и они удобряют почву. Напротив, в центральных и южных районах для свиней существуют отдельные пастбища, навоз с которых не собирают [454, с. 59]. Санитарная роль свиней, о которой иногда пишут, представляется весьма проблематичной. С одной стороны, они, конечно, поедают отбросы и фекалии [894, с. 58], но, с другой,—являются столь же очевидными разносчиками заразы [571, с. 25].

Наличие свиней ставит перед людьми важные проблемы, и прежде всего проблему кормов. Дело в том, что природные условия для развития традиционного свиноводства на Новой Гвинее малоблагоприятны. Здесь весьма остро стоит вопрос о пастбищах. В нагорьях под пастбища обычно отводятся открытые степные участки, слишком трудоемкие для земледелия. Однако площади степей относительно невелики, хотя они постоянно увеличиваются в результате деятельности людей [453, с. 32, 33; 455, с. 159; 675, с. 62]. Поэтому люди должны сами обеспечивать свиней основным кормом, причем прожорливость свиней делает эту задачу крайне обременительной. По подсчетам, произведенным у цембага [894, с. 60], райапу энга [997, с. 118] и экаги [884, с. 218], на прокорм свиней уходит до 49—73% всего урожая батата, так как для одной свиньи требуется примерно 1,4 кг батата в день⁵. Р. Рапппорт высчитал, что 13—15 свиней потребляют батата и маниока не меньше, чем 16 человек. Он же определил, что для прокорма одной свиньи требуется засадить участок в 600 м², т. е. такой же, как и для одного человека [894, с. 60—62]. Все это свидетельствует о том, что свиноводство существенно влияет на развитие местного земледелия и в особенности на объем труда женщин, которые ухаживают за свиньями и регулярно занимаются земледелием. Ясно, что размер стада зависит прежде всего от количества женщин в хозяйстве. Попытки определить предел, до которого может возрастать нагрузка женщин, показали, что в Центральных нагорьях одна взрослая женщина может прокормить максимум 8—9 животных [997, с. 191; 894, с. 158], однако, как заметил Р. Рапппорт, в этих случаях часть труда неизбежно перекладывается на плечи детей. Поэтому нормальной нагрузкой женщины является уход примерно за четырьмя свиньями [894, с. 158]. Еще меньше нагрузка у женщин экаги, где нормальным считается уход за двумя свиньями [884, с. 205]. Вот почему в наиболее развитых обществах нагорий огромную роль играет многоженство, характерное для 25—35% женатых мужчин. В более отсталых группах многоженцы встречаются гораздо реже (табл. 3). Отсутствие женщины в хозяйстве вообще не позволяет заниматься свиноводством. У цембага отмечен случай, ко-

гда смерть жены заставила мужчину убить всех своих сви-ней, так как о них некому стало заботиться [894, с. 83]. Впрочем, многоженство является лишь одним из способов увеличения поголовья свиней. Об этом говорит хотя бы тот факт, что у развитых земледельцев и свиноводов хули даже «большие люди» имеют, как правило, по одной жене [635, с. 315]. Другим способом служит отдача свиней на выпас в соседние общи-ны родичам, свойственникам или друзьям [956, с. 66; 917, с. 91, 92; 571, с. 29; 997, с. 62; 884, с. 200, 205; 539, с. 97; 454, с. 14]. Это делают также и для того, чтобы избежать больших потерь в случае эпидемий и вражеских нападений. Кроме того, к это-му особенно часто прибегают богачи, которые пытаются таким способом уклониться от обязанности отдавать свиней на кол-лективные нужды. Райапу энга обычно отдают своих свиней туда, где есть хорошие пастбища или же где поголовье свиней крайне малочисленно. За выпас свиней всегда полагается пла-та (раковинами или поросятами).

Наконец, еще одним способом избежать вредных последст-вий роста стад (одичание части особей, повышение вероятности краж, падежа, отравы и т. д.) является рассредоточение общи-ны и рассеянное расселение отдельных семейных групп по всей ее территории, что достигает своей кульминации к началу праздника [1005, с. 65]. Чем более развитой характер имеет свиноводство, тем больших масштабов достигает это явление. Так, если у сиане на основном поселении живет постоянно 70% населения [917, с. 12], то у цембага — лишь 10—30% [894, с. 69, 70].

Сопоставляя приведенные данные с материалами о геогра-фическом распространении интенсивных методов свиноводства (наличие пастухов, стойл, искусственного отбора и т. д.), не-трудно сделать вывод об относительно высоком уровне разви-тия свиноводства в Центральных и Западных нагорьях⁶, что прямо связано с наличием здесь наиболее высокопродуктивного на Новой Гвинее земледелия. Е. Уоддел не без основания связыва-ет возросший контроль за стадом с формированием в этих ме-стах системы постоянных полей [997, с. 211].

Помимо утилитарно-хозяйственной свиноводство играет ог-ромную роль в социальной жизни островитян. Ни одно сколько-нибудь существенное событие в их жизни не обходится без по-едания свинины. Свиней приносят в жертву духам предков в случае рождения, смерти, перехода в следующую возрастную категорию, вступления на новую ступень социальной лестницы; они неизменно входят в брачный выкуп; жертвоприношения свиней совершаются при объявлении войны и заключении мира. Свиньи или свинина составляют неотъемлемую часть всевоз-можных штрафов и выплат, а также считаются одним из на-иболее обычных предметов обмена и часто служат денежным эквивалентом. Наконец, наличие свиней говорит о социальном

статусе их владельца. Правда, эта характеристика является очень обобщенной. Некоторые из названных черт не характерны для отдельных папуасских групп, а облик других в конкретных условиях отличается значительной вариабельностью. Так, у нганг церемония нового урожая, видимо, обходится без поедания свинины [739, с. 210, 211], у дани магические обряды при строительстве мужского дома также не требуют использования продуктов свиноводства [642, с. 263], а у населения о-ва Колепом и у телефолмин свиньи не входят в брачный выкуп [929, с. 177; 510, с. 187]. Если убой свиней и поедание свинины у папуасов совершаются, как правило, в ритуальном обрамлении (зачастую религиозном), то в Западных нагорьях известны случаи убоя исключительно по хозяйственным соображениям. Так, у экаги хозяева порой режут свиней для того, чтобы избавиться от излишка поголовья и обменять свинину на раковинные деньги [884, с. 208, 333]. В других районах вне церемоний разрешается есть мясо только умерших или погибших свиней [642, с. 51, 52; 989, с. 193; 603, с. 58, 59; 957, с. 132, примеч. 2], у кума лишь естественная смерть свиньи дает хозяину право использовать все мясо для домашних нужд, ни с кем не делясь. Но на практике он и в этом случае делится с членами своей общины [895, с. 13]. То же известно и у чимбу [454, с. 61]. Количество свиней, входящих в брачный выкуп, тоже сильно варьируется в зависимости как от богатства общества, так и от социальной ценности свиней (см. табл. 3). Иногда в брачный выкуп входят не живые, а убитые и специально приготовленные свиньи [894, с. 103]. Обычно требуемый брачный выкуп может быть собран лишь совместными усилиями большой группы людей, главным образом родичами по отцовской линии, а также частично материнскими родичами и «друзьями» (обычно свойственниками) [791, с. 6]. Поэтому в течение длительного времени молодая семья тратит много усилий, чтобы выплатить этот долг.

Стержнем хозяйственного цикла папуасов Новой Гвинеи является или являлся до сих пор праздник, состоящий из нескольких стадий, на протяжении которых совершается прием новых членов в общину, возобновляются и укрепляются связи с дальними родственниками и союзниками, устанавливаются обменные отношения (происходит товарообмен и заключаются долгосрочные сделки), завязываются любовные связи и заключаются браки, совершаются инициации подростков, происходит смотр боевых сил, отменяются многие табу, кости умерших переносятся в особые святилища («раку»), исполняются ритуалы, связанные с культом плодородия. Праздник, с одной стороны, является показателем солидарности, могущества и престижа рода, а с другой — отражает процесс социальной и имущественной дифференциации, так как именно на празднике и при его подготовке особенно рельефно выступает роль «больших людей».

Вместе с тем и здесь отмечается значительная вариабель-

ность. Если в целом приведенная характеристика и справедлива для всех обществ, то в каждом конкретном случае исследователями отмечается особый акцент на те или иные отдельные ее элементы в ущерб всем остальным. Так, у нгаинг массовый убой свиней является центральным событием церемоний, связанных с ритуалами жизненного цикла [739, с. 211]; у некоторых групп Восточных (форе, камано, усуруфа, джате) и Централных нагорий (маринг) цель праздника заключается или до недавнего времени заключалась прежде всего в установлении мирных отношений с соседями и заключении военных союзов, хотя при этом большую роль играют также общение с духами предков, культ плодородия и инициации [421, с. 61—67; 949, с. 360; 894, с. 166—220; 495, с. 33—35, 168, 169]; у чимбу, кума и медлла на первое место выступают ритуалы, связанные с молением о повышении благосостояния и о благоденствии общества, причем немалое значение имеют умиловительные обряды, обращенные к духам предков [603, с. 53; 766, с. 68; 458, с. 49; 895, с. 102, 103]; у населения о-ва Колепом и у дани кульминация праздничного цикла приходится на погребальный обряд, а порой и на сопутствующие ему церемонии жизненного цикла (инициации, браки) [929, с. 215; 642, с. 162]; у сиане основная задача свинины приурочена к инициациям [917, с. 33]; наконец, у ряда наиболее развитых обществ, и прежде всего у экаги, на первый план выступает престижный характер праздника [884, с. 328—330]. Ритуально-престижный обмен наиболее разработан в районах с относительно развитым земледелием и свиноводством и высокой плотностью населения: у экаги [884], дани [642] и некоторых групп в Централных нагорьях (энга, медлла, каколи, менди) [792, с. 166; ср. 949, с. 361]. Только у последних встречаются такие весьма специфические виды дарообмена, как «мока» у населения горы Хаген (медлла и др.) [956] и «тее» у папуасов, живущих к западу от долины Ваги (энга и их соседи) [555, с. 163—200; 467, с. 814—824; 792, с. 165—195]. Со временем эти церемонии все более секуляризуются и приобретают характер чисто престижных состязаний между общинами или отдельными индивидами. Дальше всего этот процесс зашел у экаги, у которых наблюдается становление товарного производства, интересам которого и служат различного рода праздники и другие убой свиней [884, с. 329—333].

Другая тенденция, которая ярче всего видна у энга и медлла, заключается в росте значения обмена живыми свиньями в ущерб обмену свининой [ср. 958, с. 113; 792, с. 193]. Смысл ее состоит в том, что население все более начинает понимать выгоду от свиноводства, осознавать, что живые свиньи, размножаясь, могут значительно увеличивать благосостояние людей [792, с. 193]. Любопытно, что такое отношение к свиноводству встречено именно в тех районах, где техника разведения животных отличается наибольшей оснащенностью. Наконец, треть-

ей тенденцией, прямо связанной с двумя предыдущими, является стремление к сохранению свиней для участия в рассмотренных крупных престижных обменах. Это делается в ущерб другим церемониям, которые все чаще происходят без убоя свиней и без раздачи свинины. Отмеченная тенденция зафиксирована у каяка энга [460, с. 143]. Конечно, нельзя упускать из виду, что эти относительно новые тенденции могли возникнуть вследствие прямого или косвенного влияния процессов, сопутствовавших европейской колонизации. Действительно, многие специалисты прямо указывают на то, что до появления европейцев в нагорьях местное население имело гораздо меньше свиней. Однако следует заметить, что развитие свиноводства и связанных с ним социально-экономических отношений в течение нескольких десятилетий после начала колонизации продолжало идти в рамках традиционной системы хозяйства по законам эволюции первобытной экономики. Поэтому есть все основания считать, что вторжение европейцев лишь ускорило процессы, которые рано или поздно привели бы к тому же результату и без их влияния.

Характеризуя новогвинейский праздник, необходимо отметить еще одну его особенность, которая заключается в том, что он служит одним из важнейших механизмов этнической интеграции. По данным М. Рей, в средней части долины Ваги люди причисляют себя к единой этнической общности на том основании, что они едят один и тот же «бег». «Бег» — термин, обозначающий лист, который употребляют только при приготовлении свинины для праздника. Таким образом, этническое самосознание объединяет лишь тех людей, которые участвуют в одних и тех же праздниках [895, с. 2]. У мае энга совместный прием пищи, и в особенности свинины, также означает дружбу или родство и в любом случае устанавливает тесные социально-экономические связи (дарообмен) между партнерами [790, с. 120, 121]. В этой связи важно отметить, что в самых разных обществах Новой Гвинеи дарообмен чаще всего ведется со свойственниками или материнскими родичами [495, с. 33—35; 895, с. 21; 454, с. 13, 14, 63; 958, с. 48; 642, с. 27].

Прежде чем перейти к анализу прав собственности на домашних свиней, необходимо отметить, что в целом на Новой Гвинее повседневная жизнь папуасов проходит в рамках преимущественно родовых общин в восточной части острова и преимущественно соседских — в западной, однако и на востоке во многих местах родовые общины постепенно трансформируются в соседские. Вместе с тем вопрос о собственности на свиней повсюду разрешается на индивидуальном уровне. Основная масса свиней, как правило, принадлежит мужчинам, и лишь немногие особи — женщинам. По всеобщему признанию, мужчины получают право владеть свиньями, отбирая новорожденных поросят у свиноматок и принося их домой. В то же время ухаживающие за свиньями женщины порой также пытаются предъявить на них

какие-то права. Это ведет к бесконечным спорам между мужьями и женами, которые, правда, заканчиваются чаще всего в пользу мужчин. Однако в виде компенсации, используя свинью по своему усмотрению, муж обычно обязан сделать жене какой-нибудь подарок. Как бы то ни было, именно мужчина в первую очередь решает, когда и сколько свиней необходимо убить, а также кому и в каком порядке раздать свинину. Правда, на Новой Гвинее во многих местах сохраняется порядок, согласно которому ни хозяин, ни тот, кому свинья отдана на выпас, не имеет права ни убить свинью, ни есть ее мясо [1019, с. 117, 118; 929, с. 230; 731, с. 444; 539, с. 98; 917, с. 65]. Этот обычай генетически восходит к традиционному порядку раздела туши дикого кабана и действует по отношению к другим домашним животным, например к собакам [1019, с. 117, 118]. Обращая внимание на распространенность этого обычая у папуасов, некоторые исследователи находят возможным трактовать его как доказательство наличия коллективной собственности на домашних животных [26, с. 286, 306, 307; 539, с. 98; ср. 261, с. 160, 161]. Однако это не так. Во-первых, указанный порядок характерен далеко не для всех папуасов: в наиболее развитых районах он отсутствует. Во-вторых, что гораздо важнее, каким бы образом и при каких бы обстоятельствах ни «дарились» свиньи или свинина, получатель, как правило, принимает на себя обязательства вернуть ее дарителю в том же или в еще большем количестве в будущем, причем это требование распространяется не только на свойственников и друзей (торговых партнеров), но часто и на кровных родственников [510, с. 189; 603, с. 69; 956, с. 10; 895, с. 96, 98, 104; 1019, с. 114—117; 929, с. 119, 230; 539, с. 98, 158; 421, с. 64; 495, с. 33—35, 169—171; 917, с. 98—105; 454, с. 13, 14, 58, 63, 64]. Дальше всего эти своеобразные экономические отношения зашли у экаги, где существовала самая настоящая купля-продажа свиней и свинины, причем покупка и оплата порой совершались одновременно [884, с. 305—333].

Надо сказать, что наличие обособленной индивидуальной собственности на свиней находит отражение и в папуасской лексике. Так, у сиане различается несколько видов собственности, причем к одному из них («амфонка») относятся личные вещи, дом жены, выращиваемые деревья и свиньи, тогда как земля и огород попадают уже в другую категорию [917, с. 61—76]. Аналогичное разграничение проводят и дани, которые выражают отношение человека к земле словами «вен Ум'уе-ветекма», т. е. «огороды, где работает Ум'уе» (Ум'уе — имя одного из членов общины.— В. Ш.). Однако при наличии общего термина для свиньи («вам») чужую свинью дани называют «акхо» [642, с. 176, 177].

Признание обособленной индивидуальной собственности на свиней фиксируется и в папуасском обычном праве. Не случайно кража или увечье, нанесенное свинье, наряду с кражей женщин

Некоторые особенности положения «больших людей»

Этническая группа	Максимальный размер стада (головы)	Количество свиней в брачном выкупе	Максимальное количество жен у богатей	Многоженцы, %	Богачи от женатых мужчин, %
Тауна аве	3—4	?	1	—	?
Гадсуп	?	3—4	6	12,1	?
Форе	?	?	2	6—7	?
Телефолмин	11	—	3	14	?
Маринг	5—6	Несколько	2	15	13
Сиане	10—11	?	1	—	23
Корофейгу	?	10 и более	?	25—30	?
Хули	6—8	10—22	6	24—36	4,2
Менди	?	1—6	7	у 12% более двух жен	?
Кума	15—30	.	2—5	27	6
Чимбу	15 и более	6	?	11*	5
Райапу энга	50	?	3	29	?
Медлпа	30—40	10—15	8—10	15—19	8
Дани	10—15	6—7	4—5	25	2,7
Экаги	40	1—несколько	10	31,5	6,1

В прошлом у чимбу было гораздо больше многоженцев.

является одним из наиболее распространенных преступлений, поводов к войне, причин для ссор и стычек. На примере папуасов Восточных нагорий Р. Берндт убедительно показал, что за кражу свиней, совершенную даже близким родичем, полагается весьма суровое наказание [421, с. 372] ⁷. Наконец, обособленная индивидуальная собственность на свиней служит важнейшей основой для имущественной и социальной дифференциации и выделения прослойки зажиточных хозяев («больших людей»). В целом по Новой Гвинее авторитет отдельных общинников опирается на их личные качества (физическая сила, ораторские и организаторские способности, смелость и военное искусство, искусство магии) и богатство, а в особенности — на «щедрость» в его раздаче. Вместе с тем, чем более развитым является общество, тем большее значение приобретают богатство и щедрость. Богатство же, как правило, измеряется в количестве свиней, которыми обладает человек, и в количестве свиней, которое он может распределить на празднике или же во время иных церемоний. Правда, соотношение между высоким авторитетом и количеством имеющихся у человека свиней не так уж прямолинейно.

В ряде случаев «большому человеку» надо не столько иметь много собственных свиней, сколько быть связанным дарообменными отношениями с массой партнеров. Чем больше людей представляет «большой человек» на церемонии престижного обмена, тем больше у него должников и кредиторов, тем выше его

авторитет [917, с. 94, 100; 555, с. 177; 467, с. 815; 642, с. 92, 93; 895, с. 96; 956, с. 187; 571, с. 29]. Во многих обществах сила «большого человека» прямо связана с могуществом его общины, так как в межобщинных дарообменах именно он представляет свою общину и именно через его руки проходят все предметы обмена, следующие в том или ином направлении. Таким образом, до известной степени интересы «большого человека» могут совпадать с интересами общины, что бывает на руку «большим людям», которые под предлогом защиты общих интересов зачастую пытаются контролировать деятельность других общинников. Так, у райапу энга «большие люди» внимательно следят за тем, чтобы владельцы свиней были не слишком расточительны, поскольку перед лицом предстоящего обмена «те» община должна находиться во всеоружии. У мае энга «большие люди», пользуясь своим авторитетом и полномочиями, притесняют бедных общинников, устанавливая сроки выплат им долгов по своему усмотрению [792, с. 190, 191]. В некоторых районах нагорий в борьбе за авторитет богачи устраивают между собой престижные пиры-состязания.

Табл. 3 показывает устойчивые тенденции развития института «больших людей» в нагорьях. Чем более развитым является общество, тем больше богатства скапливается в руках «больших людей», тем больше жен они имеют, но в то же время тем уже становится круг «больших людей». Таким образом, с развитием общества богатство все более становится привилегией избранных, разрыв между богатством и бедностью нарастает.

Материалы, собранные у некоторых папуасских обществ, позволяют выявить и истоки статуса «большого человека». У квомы и у населения о-ва Колепом наивысшим авторитетом пользуется удачливый охотник, который чаще других снабжает общинников мясом диких животных, в особенности кабанов. Любопытно, что и здесь раздача мяса имеет потлачевидный характер и требует отдаривания впоследствии [1019, с. 114, 115; 929, с. 56].

К разведению свиней папуас приступает еще подростком, получая свиноматку в подарок от отца или какого-то другого родственника. За это он обязан в будущем вернуть одного или нескольких поросят от первого приплода [917, с. 91; 989, с. 194; 792, с. 183, 184; 956, с. 196; 642, с. 49]. Однако в основном папуасы начинают заниматься свиноводством уже после вступления в брак, причем одной из побудительных сил является стремление уплатить долг родичам, собравшим брачный выкуп [958, с. 19; 458, с. 41]. В некоторых случаях основу стада молодой семьи составляют свиньи, приведенные невестой, причем приданое становится собственностью мужа. Процесс становления индивидуального свиноводства весьма своеобразен у экаги, которые продают поросят только людям, уже зарекомендовавшим

себя опытными свиноводами. Поэтому, как правило, юноши нанимаются свинопасами к богачам, от которых они получают первых свиней в качестве платы за труд [884, с. 214, 215].

В целом после смерти хозяина свиньи разделяют судьбу других его личных вещей, хотя и не всегда. У некоторых групп папуасов зафиксирован весьма архаический порядок, по которому личные вещи ломались или оставлялись на могиле хозяина [843, с. 64; 929, с. 120, 121; 895, с. 96, 97]. У других групп это происходило лишь с частью личных вещей, тогда как остальные наследовались [731, с. 202], и, наконец, у третьих все личные вещи наследовались [539, с. 121—123]. По-видимому, это разнообразие отражает различные эволюционные стадии, которые были характерны и для собственности на свиней. Судить об этом позволяет отмеченная выше практика убоя всех прирученных свиней после смерти владельцев у населения р. Тор. Однако ценность домашних животных, способных размножаться, была, видимо, весьма рано осознана островитянами. Поэтому сейчас на Новой Гвинее свиньи сплошь и рядом передаются по наследству, причем, как правило, от отца к сыну. У некоторых групп предпочтение отдается старшему сыну, который и получает все стадо. Если же сына нет, то свиней наследуют брат или какой-то другой мужской родич, в чем можно видеть стремление рода не выпускать материальные ценности из сферы своего влияния [539, с. 76; 603, с. 90, 91; 956, с. 196; 458, с. 55; 895, с. 96; 642, с. 93, 94; 884, с. 209]. Зачастую умирающий делает устное завещание, причем в том случае, если мужчина экаги почему-либо недоволен своим сыном, он может завещать свиней не ему, а кому-то другому [884, с. 209].

Какой бы сильной ни выглядела обособленная индивидуальная собственность на свиней, ее нельзя абсолютизировать. Есть данные о том, что в некоторых случаях коллектив ограничивает право человека распоряжаться свиньями по своему усмотрению. Кроме того, отчуждение свинины происходит порой безвозмездно. Так, по наблюдениям Р. Сэлисбери, у сиане распределение свинины не создает каких-либо обязательств и не противопоставляет дарителя получателю тогда, когда больной раздает мясо животного агнатам или же отец делит свинину по поводу возмужания своего ребенка. И в том и в другом случае получателями являются кровные родичи, члены отцовского рода [917, с. 102]. По утверждению У Кларка, община в лице «больших людей» внимательно следит за тем, чтобы в ней не было чересчур резкой имущественной дифференциации [495, с. 171]. Поэтому по мере надобности (в случае уплаты различных штрафов и т. д.) свиней забирают прежде всего у наиболее богатых общинников. Наконец, известные преимущества родичей в использовании собственности друг друга закреплены, например, у дариби в родовой терминологии: члены рода определяются как те, которые «делят богатство» и «делят мясо», а

нечлены — те, с которыми обменивают богатство и мясо [998, с. 57, 58]. О том же свидетельствуют уже отмеченные выше правила наследования, отражающие стремление удержать материальные ценности в рамках рода.

Значение свиней для островитян не ограничивается их хозяйственной и престижной ценностью. Они занимают или до недавнего времени занимали важное место в идеологических, религиозных предствлениях. Любой убой свиней, за единичными исключениями, ставит одной из своих целей общение с духами, благосклонность которых можно снискать лишь частыми жертвоприношениями. Вместе с тем, как считают папуасы, духов интересует только душа свиней. Поэтому мясо в любом случае, так или иначе, делится между живыми людьми [603, с. 59; 766, с. 68]. Одной из важнейших функций праздника с массовым убоем свиней является умилоствление духов, от которых зависит благосостояние рода и счастье его членов. Любопытное описание механизма этого ритуала оставил А. Гитлоу. По его словам, медлла готовят свинину для праздника на особых священных камнях. Тем самым священная сила переходит в мясо, а из него в людей, которые в результате должны обрести богатство и счастье [603, с. 53]. Интересно, что у некоторых более отсталых групп папуасов праздничным блюдом считается мясо не домашних, а диких свиней. Так, у населения р. Тор и у киваи накануне праздника мужчины специально отправляются в лес на добычу кабана [843, с. 64, 65; 731, с. 11—13, 350, 351]. Однако это вовсе не означает, что domestикация свиней происходила по религиозным мотивам. Показательно, что и папуасы р. Тор, и киваи приручают диких свиней, но не используют их при организации праздника. Зато массовый убой домашних свиней для этой цели встречается у гораздо более развитых папуасов нагорий. Это доказывает, что домашние животные лишь постепенно, а далеко не на самом раннем этапе domestикации сменили диких в качестве источника продуктов для организации основных религиозных обрядов.

Та же линия эволюции выявляется и при анализе других символических действий. Так, если киваи при строительстве мужского дома используют для ритуалов части туши дикого кабана [731, с. 15, 360], то чимбу обмазывают «свиной дом» («болум») кровью и жиром домашних свиней [458, с. 49]. Смысл же ритуала в обоих случаях весьма близок и состоит в том, чтобы отвратить болезни от членов рода. С той же целью гадсуп смазывают тело кровью и салом домашних свиней [539, с. 148]. Киваи рассматривают дикого кабана как символ силы и здоровья, а его мясо в виде лекарства предлагают больным [731, с. 116]. У многих других групп папуасов целебной силой наделяется мясо домашних свиней, причем, по мнению Р. Раппапорта, в этом есть рациональное «зерно», так как в условиях скудного мясного рациона добавочная порция животных белков

действительно способна повышать сопротивляемость организма [894, с. 84—87]. На Новой Гвинее повсеместно известен обычай вывешивать на крышах мужских домов челюсти убитых диких и домашних свиней. Как правило, сейчас эта «выставка» имеет престижный характер. Однако в некоторых случаях удается выявить и другое ее значение: обеспечение успеха в охоте, а также вообще повышение благоденствия членов рода [843, с. 66]. У дани оберегом от злых духов служат свиные хвосты [642, с. 55].

Земледельческий культ плодородия тоже, вероятно, первоначально включал символические действия, связанные с дикими животными. Так, у киваи встречен обычай зарывания в землю костей жертвенного кабана для повышения урожая саго [731, с. 360]. Даже кума приносят в жертву хозяину огородов дикое животное (опоссума), хотя они используют для этого также и поросят от домашних свиней [766, с. 66]. Однако расцвет подобного рода ритуалов падает уже на земледельческо-скотоводческий период. Именно с ним связаны наиболее важные жертвоприношения домашних свиней у многих групп папуасов. В этот же период возникают специфические скотоводческие магические обряды, направленные на охрану здоровья свиней, препятствующие их одичанию и т. д. [731, с. 443; 571, с. 27, 28]. У кума одним из наиболее почитаемых духов является Геру, покровитель свиней [766, с. 68; 895, с. 22]. Ясно, что в обществе, которое связывает свое благосостояние с покровительством духов, тесное общение с последними считается немаловажным фактором, влияющим на успех задуманного предприятия. И действительно, высокое свиноводческое искусство и наличие крупных стад у отдельных индивидов папуасы рассматривают как доказательство особого благорасположения к ним со стороны духов [989, с. 197; 895, с. 21].

Таким образом, Новая Гвинея является одним из тех ныне уже крайне редких районов, где прослеживается эволюция раннего скотоводства от самых начальных этапов domestikации до относительно развитого направления в хозяйстве. Это относится не только к свиноводству, хотя оно, конечно, дает наиболее яркую картину. В восточной части Новой Гвинеи ведется также приручение казуаров. Охотники забирают их из гнезда еще птенцами и быстро приручают, используя технику импринтинга. Прирученных казуаров подкармливают сельскохозяйственными продуктами и до определенного возраста отпускают свободно бродить по поселку, лишь на ночь запирая их в клетки. Когда казуары взрослеют и становятся опасными, их привязывают к столбу и вскоре режут на мясо для устройства какой-либо церемонии или же используют для обмена. Кроме того, папуасы высоко ценят перья казуаров и скорлупу их яиц, из которой изготовляют разнообразные украшения [495, с. 89; 989, с. 198; 421, с. 5; 731, с. 441; 894, с. 56; 917, с. 44; 997, с. 60, 61]. В прин-

ципе казуары используются в тех же церемониях, что и свиньи, и занимают сходное место в обменной сети. Некоторые группы папуасов сами казуаров не приручают, а выменивают их у соседей [454, с. 57; 895, с. 6; 792, с. 170]. Не будь европейской колонизации, включившей в последние годы папуасское хозяйство в рамки капиталистической товарно-денежной экономики и деформировавшей нормальный ход его развития, казуары имели бы все шансы стать одним из видов домашней птицы. Кроме казуаров папуасы изредка приручают и некоторых других мелких животных и птиц.

Впрочем, если многие из горных папуасов и приручают казуаров, то встречаются и такие группы, у которых, напротив, эта практика находится под строгим запретом. Так, у папуасов карам существует табу на приручение и практически даже на ловлю живых казуаров. Нарушение запрета, по их убеждению, может принести бедствия: неурожай таро и бананов, а также падение плодovitости свиней [461, с. 12].

Свиноводство у меланезийцев в целом отличается теми же чертами, что и у папуасов. Повсюду уход за свиньями ложится на плечи женщин, хотя иногда им помогают и мужчины. Особой любовью и заботой окружены поросята. На о-ве Бугенвиль для них строят специальные загоны, тогда как взрослым свиньям приходится ночевать на улице [842, с. 32]. На островах Меланезии широко практикуется кастрация боровов, однако в некоторых случаях единичных особей оставляют в качестве производителей (ср. [1047, с. 51; 842, с. 32, 33]), а в других (на Новых Гебридах) довольно много нехолошенных самцов сохраняют из престижных соображений [741, с. 241]. Днем свиньи находятся на вольном выпасе. Поэтому для защиты от них повсюду вокруг огородов возводят изгороди, а иногда, кроме того, стараются расположить огороды подальше от поселка [970, с. 120; 686, с. 356; 842, с. 33; 885, с. 164]. Кое-где встречается, напротив, огораживание пастбищ при системе открытых полей [741, с. 248; 1032, с. 166, 167]. В некоторых случаях в целях защиты от свиней оградой обносятся отдельные дома [741, с. 248] или даже поселения [686, с. 30]. Строительство специальных стойл для свиней известно лишь в нескольких районах, в частности на Новых Гебридах [741, с. 248].

По подсчетам Д. Оливера, меланезийские свиньи требуют не менее 5 клубней таро в день, и, таким образом, 3 свиньи за неделю съедают урожай с одного огорода [842, с. 352]. Сами островитяне считают, что уберечь свинью от одичания можно, только если очень хорошо ее кормить (по 2,3—2,7 кг растительной пищи в день) [842, с. 32]. Ясно, что разведение свиней требует тяжелого труда, в особенности со стороны женщин. У сиуаи, например, средняя семья способна кормить лишь 1—2 взрослые свиньи, а всего содержать 3—4 животных [842, с. 32, 348]. На о-ве Малекула (Новые Гебриды) отмечены несколько более

высокие нормы. Там одна женщина выращивает 5—6 свиней [521, с. 165]. Напротив, у южных массим лишь богачи имеют примерно по 3 свиньи, тогда как в среднем на простого мужчину-общинника приходится 0,75 головы (или 0,17 головы на 1 человека) [1047, с. 87; 1048, с. 50].

Как и на Новой Гвинее, одним из способов увеличения рабочих рук для ухода за стадом в Меланезии служит многоженство. Оно повсеместно является признаком зажиточности, привилегией «больших людей», причем если на Соломоновых островах у богачей в начале и середине XX в. отмечалось до 4 жен [686, с. 127; 665, с. 62; 842, с. 138, 139, 348, 352], то на Новых Гебридах некоторые мужчины в 20—30-е годы имели по 8—12 и даже 20 жен [521, с. 164]. Многоженцы были способны держать относительно крупные стада. Так на Соломоновых островах у отдельных «больших людей» имелось по 10 и более свиней [665, с. 64]. Другую возможность держать крупное стадо открывала раздача животных на выпас в другие общины или же бедным членам своей общины, как правило, за плату, что получило особое распространение на Соломоновых островах [665, с. 64; 842, с. 351].

Развитие свиноводства в Меланезии существенно влияет на земледельческий цикл, создавая, в частности, предпосылки для рассеянной системы расселения, подобной новогвинейской [842, с. 126, 127, 164].

В некоторых районах Меланезии до недавнего времени наблюдалось приручение диких свиней [885, с. 155] и различных птиц [686, с. 406, 407].

Меланезийцы, как и папуасы, испытывают белковое голодание. Одним из способов решения этой проблемы является содержание домашних свиней. Однако небольшие стада домашних животных, конечно, неспособны снабжать островитян животными белками в достаточном количестве. Поэтому свиней высоко ценят, почти никогда не режут для того только, чтобы удовлетворить голод, а хранят для особых церемоний, совершаемых по всевозможным социальным или религиозным поводам. Свинина считается престижной пищей и подается на ритуалах жизненного цикла; в случае болезни или какого-то несчастья; ею платят за услуги; она составляет основу всевозможных социальных и ритуальных выплат (плата за кровь, за нарушение социальных норм, жертвоприношения духам, которые могут считаться одной из форм платы за услуги и т. д.) [928, с. 230—232, 268; 970, с. 123; 842, с. 126, 127; 741, с. 250, 251; 885, с. 60]. Большим своеобразием отличается дарообмен, входящий в брачную церемонию: если родители жениха передают родителям невесты много ценностей, среди которых главное место занимают раковинные деньги, то от родителей невесты они получают живых свиней [501, с. 239—242; 686, с. 71, 74; 665, с. 25—27]. Повсюду в Меланезии ведется широкий обмен свиньями, причем иногда он

служит единственным способом получить необходимые продукты или вещи [928, с. 93, 513; 842, с. 348, 349; 741, с. 248; 619, с. 156]. Во многих районах свиньи выполняют функцию денежного эквивалента, успешно конкурируя с раковинными «деньгами». Правда, это наблюдается не везде. В районах, где обмен достиг наивысшего развития (например, на Новых Гебридах), отмечена устойчивая тенденция, в силу которой денежным эквивалентом все чаще служили связки раковин или клыков собак, свиней и других животных. У толаев Новой Британии уже к концу XIX в. связки раковин («тамбу») в этой функции совершенно вытеснили свиней [562, с. 11, 14].

Раздача и поедание свинины играли огромную роль во время межобщинных праздников-пиров, которые проводились раз в несколько лет и, как у папуасов, имели полифункциональный характер [928, с. 145—150; 1047, с. 229, 230; 686, с. 160, 161; 619, с. 187, 188; 885, с. 121 и сл.]. Количество розданной на праздниках пищи зависело от богатства общества. Так, если у лезу Новой Ирландии Г Паудермейкер наблюдала пир с разделом 16 животных [885, с. 129], а у южных массим М. Янг зафиксировал случаи убоя от 10 до 26 свиней⁸ [1047, с. 265—267], то на Соломоновых островах и на Новых Гебридах распределялось несравненно большее количество мяса. Я. Хогбин отмечает, что во время пиров дело доходило до обжорства [665, с. 3, 66]. На особенно пышных погребальных пирах в честь богачей на Соломоновых островах умерщвлялось по 30—50 и более животных [686, с. 221; 970, с. 130], а на о-ве Малекула при обряде «маки» количество жертвенных свиней доходило порой до 200 [741, с. 14].

В некоторых районах Меланезии ценились не все свиньи, а лишь животные с особыми качествами. Так, на Банксовых островах, в северной и центральной частях Новых Гебридов и на о-ве Аруе к югу от Новой Британии престижную ценность представляли лишь боровы с завитыми клыками⁹. На о-ве Малекула свиноматок держали только для приплода. В случае их смерти мясо не ели, а выкидывали тушу в море [741, с. 242; 521, с. 17, 193]. Для получения боровов с завитыми клыками им удаляли верхние резцы, которые мешали клыкам расти. Чем длиннее становились клыки, тем больше имелось на них завитков, тем более престижным были их содержание и их убой для той или иной церемонии [741, с. 14, 249; 521, с. 193; 619, с. 155]. Вместе с тем к тому времени, когда клыки достигали желаемой длины, боров становился старым и тощим. Поэтому для обеспечения церемонии свининой на о-ве Малекула одновременно с ним убивали другого, уже холощеного борова [741, с. 241, 242]. На о-ве Пентекост, расположенном рядом, боровов ценили не только за клыки, но и равным образом за размеры туши и качество мяса, считая, что «клыки — это прекрасно, но их нельзя съесть» [732, с. 267]. По лингвистическим данным, подробно

проанализированным Дж. Лейардом, выращивание клыкастых боровов возникло относительно поздно [741, с. 245]. О том же говорит и узкая географическая локализация этого обычая. В других районах Меланезии ценность свиней определялась иными критериями. Так, у лезу Новой Ирландии, напротив, свиноматки ценились в два-три раза дороже боровов [885, с. 201].

Во многих местах Меланезии владельцы свиней не смели есть, а часто и убивать своих собственных животных. Как правило, это объяснялось отношением к свиньям как к «любимчикам», в которых видели своих «братьев». Однако такие представления нисколько не мешали использованию свинины в пищу. Не решаясь убивать своих свиней, хозяева широко практиковали обмен свиньями, прекрасно сознавая, что отданные животные попадут на праздничный стол [1048, с. 51; 970, с. 124; 842, с. 349, 350, 365; 741, с. 254; 885, с. 202, 203]. Указанный обычай не противоречил и тому, что свиньи повсюду находились в индивидуальной собственности: каким бы способом ни проводилось отчуждение свиней или свиноматок, получатель всегда обязан был в будущем вернуть долг [928, с. 229; 1047, с. 205; 741, с. 252; 521, с. 196, 197, 199, 200; 732, с. 267; 885, с. 197, 198]. Иногда островитяне, не чувствуя себя в силах вернуть полученное, отказывались принимать дар [885, с. 199]. На Новых Гебридах такой обмен породил самое настоящее ростовщичество, причем процент начислялся из расчета удлинения клыков проданного борова [521, с. 196, 197; 741, с. 252]. Однако и в этом случае борьба велась не столько за реальную материальную выгоду, сколько за повышение своего престижа. Поэтому на Новых Гебридах и у лезу Новой Ирландии богачи стремились вести обмен с некоторым убытком для себя, ибо, чем больше переплачивал покупатель, тем выше поднимался его престиж [521, с. 196, 197; 885, с. 201].

Одной из важных статей расхода свиней у меланезийцев в отличие от папуасов служили бесконечные взносы, вносимые в мужской союз для вступления в него и для продвижения по иерархической лестнице внутри него. Первые пиры, связанные со вступлением мальчика в такой союз, как правило, устраивал отец, но впоследствии мужчина уже сам заботился о повышении своего статуса, причем чем дальше, тем обременительнее становилось достижение более высокого ранга, которое требовало убоя множества свиней, обладавших зачастую особыми качествами (иногда приходилось истреблять до 100 животных) [501, с. 106; 842, с. 189; 619, с. 193; 521, с. 272, 348, 353].

Таким образом, в обществе меланезийцев богатство (в особенности свиньи) имело огромное социальное значение, а его приумножение было одной из постоянных забот людей (см., например, [842, с. 337]). Богатство являлось одним из основных путей стать «большим человеком», так как высокого авторитета чаще всего добивались именно те люди, которые более регуляр-

но, чем другие, устраивали пиры, участвовали в обменах, снабжали общинников средствами для разного рода выплат и т. д. Поэтому наличие «больших людей», кредитовавших общинников и организовывавших крупные празднества, повышавшие престиж общины, в некоторой степени отвечало интересам всей общины. Не довольствуясь престижем, добытым на общинных церемониях, «большие люди» зачастую устраивали престижные пиры-соревнования между собой, во время которых побеждал тот из них, кто мог снабдить другого большим количеством пищи, а в некоторых случаях — большим количеством живых свиней [928, с. 142—145, 584, 589 и сл.; 1047, с. 190; 842, с. 365; 686, с. 160; 619, с. 192]. У южных массим такой пир («абуту») организовывали в ответ на кровную обиду, нанесенную противником, заявившим, что у его соперника нет свиней [1048, с. 50].

Меланезийцы начинают заниматься свиноводством с детства. На о-ве Гуадалканал отец доверял восьмилетнему сыну пасти свинью, сохраняя за собой право собственности на нее [665, с. 163]. На Новых Гебридах отец дарил свинью новорожденному [501, с. 112, 114]. Однако по-настоящему к накоплению свиней приступали, лишь обзаведясь семьей. У сиуан о-ва Бугенвиль молодой муж получал свиноматку от отца или же покупал сам. Изредка свиней приводила с собой невеста [842, с. 163]. Свиньи могли переходить по наследству, хотя порядок наследования у меланезийцев, как и у папуасов, отличался разнообразием. В некоторых районах личные вещи умершего полностью или частично уничтожали или погребали с ним [928, с. 160, 174, 175; 686, с. 215—219]. У южных массим в начале XX в. в соответствии с этим обычаем всех свиней, принадлежавших умершему, съедали во время погребальных пиров [928, с. 620 и сл.]. Однако у большинства меланезийцев свиньи, равно как и другое личное имущество, переходили по наследству. Традиционный порядок наследования требовал, чтобы имущество покойного оставалось в его материнском роде. Однако уже во второй половине XIX в. наблюдалась тенденция к переходу имущества по отцовской линии, причем в первую очередь это относилось к личным вещам покойного [501, с. 66—68]. Развитие этой тенденции фиксировалось на протяжении XX в. Так, в начале XX в. у койта и южных массим основная масса личных вещей покойного наследовалась, причем наиболее ценные из них переходили к его материнским родичам, тогда как детям оставалось крайне мало [928, с. 88, 89, 521—523]. В 20-х годах у лезу Новой Ирландии [885, с. 43, 44] и на о-ве Малекула [521, с. 522, 523] основное наследство (в особенности свиньи) еще переходило к материнским родичам покойного, хотя у лезу на него в не меньшей степени претендовали и его дети. В середине XX в. на о-ве Гуадалканал большая часть наследства доставалась племянникам и меньшая — детям [665, с. 10, 11]. Зато у

ситуации о-ва Бугенвиль наследство уже полностью переходило к вдове и детям [842, с. 216].

Обособленная индивидуальная собственность на свиней строго охранялась обычным правом, налагавшим суровое наказание на похитителей животных (см., например, [1048, с. 51 и сл.]). По свидетельству А. Дикона, на о-ве Малекула взять чужую свинью без разрешения считалось воровством, даже если вор принадлежал к тому же роду, что и хозяин, и взял ее на время с намерением вернуть [521, с. 196].

Свиноводство играло огромную роль также и в религиозной обрядности меланезийцев. Ведь одна из функций всевозможных пиров с убоем свиней заключалась в умиловивлении духов, которые должны были обеспечить счастье и благоденствие людей. Считалось, что чем больше животных приносилось в жертву, тем больше шансов у жертвователя снискать благорасположение духов и гарантировать себе благополучие на этом и на том свете. Почти во всех случаях считалось, что духи довольствуются душой свиньи [741, с. 241, 242; 732, с. 268] или ее кровью [842, с. 373]. Поэтому мясо жертвы достается людям. Однако на Соломоновых островах встречались обряды, требовавшие сожжения свиней для духов [686, с. 180, 241].

Даже престижные пиры зачастую имели религиозную функцию. Наиболее показателен в этом отношении обряд «маки» на о-ве Малекула, который завершал пятнадцатилетний цикл церемоний, организуемых для получения высокого статуса. «Маки» требовал жертвоприношения десятков священных свиней, которые отождествлялись с охранительными духами. В момент жертвоприношения эти духи, по представлениям островитян, вселялись в жертвователя, придавали ему силу и гарантировали благополучие в потустороннем мире. Как сообщал Дж. Лейард, свиней жертвовали для того, чтобы злой дух не сожрал душу мертвого [741, с. 14, 256; ср. 732, с. 267]. По сообщениям исследователей, жертвоприношения свиней на Соломоновых островах также имели своей целью обретение овященной силы («мана») и обеспечение успешной хозяйственной деятельности [970, с. 139; 686, с. 186]. Тем самым признавалось, что богатство своей причиной и следствием тесно связано с общением с духами. Как показал Д. Оливер, у сиауи дух мужского дома был связан с богачом, который чаще других устраивал жертвоприношения свиней [842, с. 373, 374]. Впрочем, задолго до Д. Оливера эту связь подчеркнул Д. Кодрингтон, который указал, что «поскольку религиозная практика пронизывает всю жизнь людей и все успехи и достижения связываются с „мана“, сверхъестественной силой, то с помощью пиров, жертвоприношений и молитв ищут поддержку невидимых сил с целью достичь следующей ступени общественной лестницы». Поэтому, хотя мужские союзы и представляли собой прежде всего социальный, а не религиозный институт, участие в них прямо связывалось с

посмертной жизнью. По мнению островитян, душа человека, не убившего ни одной свиньи, будет после его смерти висеть на дереве, тогда как душа члена мужского союза обретет блаженство на священном острове [501, с. 103, 112]. Повсюду меланезийцы вывешивали челюсти убитых и съеденных свиней на карнизах мужских домов в знак успешного общения с духами, в престижных целях, а также порой как напоминание о долге, требовавшем уплаты [501, с. 101; 928, с. 229, 455, 459; 842, с. 372; 741, с. 249].

На о-ве Малекула имелись специальные колдуны, проводившие обряды умножения пищи и в том числе повышения плодovitости свиней [521, с. 611, 612].

Ламоводство в Андах

Вплоть до настоящего времени в горных Андах встречаются этнические группы, большую роль в хозяйстве которых играет разведение лам и альпака. Центр ламоводства локализуется в Южном Перу и Боливии и тяготеет к району оз. Титикака. Исследования, проведенные за последние годы в нагорьях, позволяют выделить две хозяйственные модели у андийских ламоводов [1008, с. 129]. В более благоприятных условиях с относительно высоким количеством осадков и разнообразием биотипов на относительно небольшой территории ламоводство сочетается с развитым земледелием. Любопытно, что при этом подвижный образ жизни диктуется интересами главным образом последнего. Действительно, приледниковые альпийские луга, представляющие собой превосходные круглогодичные пастбища, стимулируют оседлость; зато разбросанность полей и огородов вследствие обитания различных растений на разных высотах требует циклической подвижности. Этой системе соответствует и своеобразное разделение труда в семье, при котором забота о стаде осуществляется женщинами и детьми, живущими на базовом поселении, а земледелием занимаются взрослые мужчины [1008, с. 118, 119]. Несколько иная ситуация наблюдается в более засушливых районах пуны, где земледелие является второстепенным занятием из-за менее благоприятных природных условий, а скотоводство имеет отгонный характер [1008, с. 129, 130; 456, с. 189, 191].

Еще в доколониальную эпоху ламоводы сочетали экстенсивные приемы скотоводства с интенсивными. К последним относился строгий контроль за размножением, который заключался в учете половозрастных характеристик и некоторых индивидуальных свойств животных при комплектовании стад [648, с. 257]. Поэтому уже в эпоху инков у местного населения имелись две четко различавшиеся породы домашних верблюдовых: ламы и альпака [75, с. 536—540]. После испанского завоевания

эти эмпирически найденные законы селекции, которые применялись не только к ламам, но и к морским свинкам, были забыты [592, с. 217].

В период инков продолжался и процесс приручения гуанак, который был одной из целей крупных загонных охот. Тысячи охотников загоняли и ловили массу самых различных животных. Часть пойманных особей убивали на мясо, часть приручали для транспортных нужд, а часть стригли и отпускали на волю, причем, как правило, к последним относились здоровые самки и сильные породистые самцы, способные дать потомство с высокими качествами [75, с. 352, 353; 456, с. 194].

Хозяйственная роль лам и альпака издавна определяется широким использованием для питания и других нужд таких продуктов, как мясо, шкуры, внутренности, кровь, кости, жир, сухожилия, шерсть и навоз, что известно по крайней мере со времен инков [818, с. 186; 1008, с. 122; 456, с. 193]. Магеллан и его спутники встретили в Патагонии использование детенышей гуанак в качестве майщиков [265, с. 53], однако в Перу ничего подобного зафиксировано не было.

Продукты ламоводства не могли удовлетворить всех потребностей населения в пище. По расчетам Д. Браумена, для жизни исключительно за счет ламоводства требовались семейные стада размером не менее чем в 150—200 голов. Однако они встречались в Перу крайне редко. У современных ламоводов Андов размеры семейных стад колеблются в пределах от нескольких особей до 200—300 голов, у некоторых семей лам вовсе нет. Однако в среднем семейные стада состоят из 50—80 животных [648, с. 260; 456, с. 191, 192; 1008, с. 121]. Точно такие же стада имелись у местного населения и во второй половине I тысячелетия н. э. [456, с. 195]. В инкский период у индейцев Лупаки в районе оз. Титикака стада некоторых владельцев достигали размеров 500 голов, но основная масса общинников имела по несколько десятков голов [818, с. 191, 192]. При медленных темпах роста, который вообще характерен для верблюдовых, от этих стад можно получить не более 12—13 верблюжат в год. Поэтому, чтобы не подорвать нормального воспроизводства стада, теоретически возможно без ущерба убивать на мясо или продавать не более 4—5 животных в год. Примерно такие же цифры получены этнографами у различных ламоводческих коллективов нагорий: от 4 до 12 лам в год [456, с. 193, 195]. На мясо обычно убивают старых самок или взрослых самцов (старше 1 года), или используют мясо умерших и погибших животных [456, с. 193; 782, с. 52]. Учитывая, что ламы дают от 25 до 46 кг мяса, нетрудно высчитать, что при названных нормах убоя на человека приходится максимум 100—150 г мяса в день.

Еще более мелкие стада встречались в прибрежных низменных районах Перу, где ни природные условия, ни крупные масштабы земледельческих работ не позволяли держать большие

массы животных. Позднеинкское законодательство определило максимальную норму лам в 10 голов на домохозяйство [974, с. 656]. Правда, потребление мяса в таких домохозяйствах могло быть несколько выше тех возможностей, которые предоставляли эти мелкие стада, так как следует учитывать случаи спорадического получения мяса от общественных стад. Как бы то ни было, письменные источники XVI в. также свидетельствуют о малом потреблении мяса лам в Перу. Так, Гарсиласо де ла Вега пишет о том, что «индейцы отличались чрезвычайной умеренностью в своей еде и чрезвычайной скупостью в отношении вяленого мяса» [75, с. 353, 354]. Молоко лам в прошлом не использовалось. Вот почему чисто скотоводческое хозяйство в Андах было невозможно. В доколониальный период не только ламоводы центральных горных областей Перу, имевшие довольно мало животных, но и население наиболее развитого ламоводческого района юга в большей или меньшей степени занималось земледелием, выращивая главным образом клубнеплоды [818, с. 188, 192; 456, с. 190; 782, с. 52]. В настоящее время в Андах встречаются и такие коллективы, у которых собственное земледелие отсутствует, однако и они регулярно питаются растительной пищей, которую выменивают у соседей. Таким образом, как подчеркивает С. Уэбстер, продукты земледелия играют первостепенную роль в питании всех ламоводов без исключения [1008, с. 116, 117]. Надо отметить, что обмен продукции ламоводства на сельскохозяйственную появился в Перу весьма рано. Обмен осуществлялся благодаря развитию караванной торговли, возникшей еще в доинкский период [1008, с. 121; 456, с. 193, 194; 457, с. 322—328]. Караваны составлялись из холощеных самцов лам, которые использовались под выюк и были способны нести до 45 кг груза [456, с. 188, 193].

Владение стадом домашних животных имело также большое социальное значение, определяя престиж владельца. По величине стада судили о богатстве и могуществе большой семьи или общины, причем термин для обозначения бедности переводился дословно как «отсутствие родственников или стада» [818, с. 192, 194; 1008, с. 122; 456, с. 193]. Высокий авторитет достигался устройством пиров, в ходе которых уничтожались огромные богатства, в том числе и ламы. Причем если семья достигала богатства, не участвуя в пирах, ее тем или иным способом заставляли обеднеть (путем неравных браков, опекой над бедными претендентами на общественные должности, искусственным стимулированием общественной активности ее членов) [1008, с. 125, 126]. Напрашивается вывод о том, что в этих порядках следует видеть попытку общины сдерживать процесс имущественной дифференциации и не допускать слишком большого разрыва между богатством и бедностью.

Частная собственность на домашних животных, возможно, была известна еще в доинкский период. В эпоху инков име-

лись, кроме того, государственные, храмовые и общинные стада, однако их характер и время возникновения весьма мало изучены. Ясно лишь, что общинные стада использовались для общественных жертвоприношений и праздников, в ходе которых бедняки получали мясо [818, с. 189—208; 456, с. 192]. Принцип частной собственности на скот в эпоху инков был ярко выражен: лишь собственники лам имели возможность быть полноправными членами общества Альтиплано [818, с. 192]. Молодежь получала некоторое количество животных еще в добрачный период в подарок от отца или дяди [818, с. 193]. В настоящее время право на скот имеют и мужчины и женщины. Неизвестно, существовал ли этот порядок в доколониальный период. Стадо молодой семьи, судя по этнографическим данным, образуется как из животных, принадлежащих супругам, так и за счет свадебных подарков и наследства от родственников [1008, с. 122; 456, с. 193]. Уже при инках домашних животных можно было получить также и за работу у богача [818, с. 194, 195].

Не менее важную роль ламы играли и в религиозной жизни. Одни из древнейших поверий, восходящих к доинкскому периоду, были связаны с промысловым культом. К этим же корням, по-видимому, восходит и культ лам, а также широко распространенная среди доинкского населения практика жертвоприношений домашних и диких животных. Инки поклонялись белому самцу ламы, видя в нем воплощение высшего божества [974, с. 660]. Видимо, на этой основе весьма рано возникли и земледельческо-скотоводческие обряды. К ним относятся, например, известные этнографам ежегодные праздники, посвященные плодородию альпака и лам и тесно связанные с главным сбором урожая. На праздниках большое значение имеют обрядовые действия с каменными амулетами, призванными охранять стада [1008, с. 127, 128; 849, с. 343—348]. Инки приносили благодарственные жертвы Солнцу, в ходе которых сжигалось множество домашних животных, растений и одежды [75, с. 88]. Они также гадали по внутренностям жертвенных лам, что до сих пор наблюдается в Андах [75, с. 388; 1008, с. 127] и находит массу аналогий в Старом Свете. Как в настоящее время, так и в инкскую эпоху в Андах практиковались семейные и общинные жертвоприношения [818, с. 201—208; 1008, с. 122]. В инкский период элементом погребального обряда было заклятие одной или нескольких лам или же помещение в могилу серебряных фигурок лам. И те и другие должны были сопровождать владельца в потусторонний мир. У некоторых этнических групп до сих пор сохранился обычай класть в могилу глиняные фигурки ламы (ср. [818, с. 193; 1008, с. 121]). О древнем культе лам свидетельствует также находка «Храма лам» при археологических исследованиях в Гуаньяпе.

Возникает вопрос, когда и как возникли описанные общество, в хозяйстве которых ламоводство доминирует? В настоящее

время можно лишь наметить несколько гипотетических путей их образования. Наиболее разработано предположение Дж. Мурры, который считает, что такие группы возникли из пастухов и их семей, постепенно отрывавшихся от своих земледельческих баз. Этот процесс фиксируется по письменным источникам в доинкский и особенно в инкский периоды [818, с. 189, 197—200]. В несколько видоизмененном виде это мнение разделяется и рядом других ученых [1008, с. 115]. Иной точки зрения придерживается Д. Браумен, считающий, что ламоводство возникло в Андах до земледелия, а его доминирование в хозяйстве горцев ведет начало по меньшей мере с III тысячелетия до н. э. [457, с. 324], однако за малочисленностью данных его мнение может рассматриваться не более как рабочая гипотеза. Вместе с тем, судя по данным из Северного Чили [881, с. 296—304], можно наметить еще один путь возникновения скотоводческо-земледельческих обществ в ходе проникновения сначала отдельных домашних животных, а затем и земледельческой техники к охотникам, жившим в условиях, более благоприятных для ламоводства, чем для земледелия.

Кроме лам население горных Андов в глубокой древности одомашнило морских свинок, которые ко времени испанского завоевания распространились далеко за пределы первичного очага доместикации от Северо-Западной Венесуэлы до Центрального Чили, но позже их ареал значительно сузился [592, с. 218]. Содержание морских свинок является весьма почетным занятием, и каждое уважающее себя домохозяйство и ныне считает своим долгом иметь по крайней мере несколько животных, обычно от 5 до 20, но в некоторых семьях и до 50 [592, с. 220; 400, с. 129]. Свинки не требуют почти никакого ухода и живут прямо на полу в домах индейцев. Они настолько привыкли к человеку, что утратили способность добывать пищу самостоятельно. Поэтому их надо регулярно подкармливать, по одним сведениям, земледельческими продуктами [592, с. 220, 221], а по другим — дикими растениями [400, с. 130]. И в доколониальное время, и ныне морские свинки, как и ламы, использовались на мясо только по каким-то особым поводам как церемониальная или жертвенная пища, причем на наиболее крупных праздниках резали более 100 животных [592, с. 217, 223, 224; 400, с. 131]. Жир морских свинок считался и считается целебным средством при лечении ран, а навоз употребляется в качестве удобрений. Кроме того, индейцы зачастую гадают по внутренностям этих животных [592, с. 223, 224; 400, с. 133].

Происхождение и распространение оленеводства

Проблема возникновения оленеводства имеет для истории скотоводства принципиальное значение. К сожалению, до сих пор однозначного ее решения выработать не удалось. По сей

день ведется полемика между сторонниками идеи автохтонного становления оленеводства на Крайнем Севере [73, с. 242; 113, с. 52; 296, с. 77] и теми, кто выводит оленеводство из районов, расположенных на юге Сибири [343, с. 52, 53; 62, с. 78—80; 59, с. 88 и сл.]¹⁰, что объясняется скудностью историколингвистической базы, которая не позволяет делать какие-либо окончательные заключения о происхождении оленеводства. Все же нельзя не отметить, что вторая из приведенных гипотез лучше увязывается с имеющимися фактическими материалами, тогда как аргументы ее противников более уязвимы. Так, говоря о древности оленеводства у чукчей, И. С. Вдовин ссылается на лингвистические данные о том, что чукчи обладали домашними оленями уже к моменту их прихода в непосредственное соприкосновение с эскимосами [74, с. 147]. Однако сами по себе лингвистические данные весьма ненадежны для окончательных выводов, достоверность которых должна проверяться данными смежных наук. В рассматриваемом случае они находятся в явном противоречии с археологическими материалами, по которым предки чукчей и эскимосов контактировали задолго до возникновения оленеводства [255, с. 62—64, 70, 71]. Другим аргументом в пользу самостоятельной доместики оленя на Крайнем Севере И. С. Вдовину служит факт серьезных физических различий между тундровыми и таежными домашними северными оленями [73, с. 242]. Но этот факт легко объясняется тем, что олени с продвижением на север мельчают [116, с. 35, 36; 343, с. 52, 53; 59, с. 116, 117]. Некоторые ученые полагают, что зарождение оленеводства у охотников связано с оленем-манщиком, который был приручен ими самостоятельно [115, с. 262, 267; 59, с. 123; 341, с. 83; 296, с. 100—101]. Эта точка зрения основана на том, что, во-первых, древнейшие свидетельства об использовании оленя-манщика происходят из северных районов (усть-полуйская культура низовьев Оби второй половины I тысячелетия до н. э.—начала I тысячелетия н. э.) [235, с. 78—80], а во-вторых, этот метод охоты, судя по этнографическим данным, тяготеет к территории Крайнего Севера. Южнее он встречается только и гижигинских и охотских эвенков и эвенов и у амурских эвенков, которые, по мнению Ю. Б. Симченко, заимствовали его у северных народов [296, с. 100, 101]. Вместе с тем древность такой охоты у всех аборигенов Крайнего Севера представляется сомнительной. Уместно напомнить, что за десятилетия, прошедшие со времени появления нижеобской находки, ничего подобного в других районах встречено не было. Раскопки и разведки, произведенные в последние годы археологами на северо-востоке Сибири, ничего нового в этом отношении не дали [70; 114]. Ю. Б. Симченко, специально изучавший вопрос об оленях-манщиках, смог обнаружить лишь один случай приручения дикого теленка для этой цели у нганасан [296, с. 76, 102], а Л. В. Хомич таких фактов вообще зафиксировать не удалось

[345, с. 77]. Еще более показательны материалы, полученные с Американского Севера, где для многих племен атапасков и алгонкинов, а также для некоторых эскимосов (эскимосы-карибу и др.) охота на карибу являлась одним из важнейших источников жизненных ресурсов. Тем не менее здесь не наблюдалось попыток охоты с манщиком, а приручение детенышей диких животных встречалось крайне редко. Даже собак в предколониальное и раннеколониальное время у местного населения было чрезвычайно мало [422; 985; 6]. По-видимому, традиционный образ жизни на Севере не способствовал приручению животных.

Что же касается частей оленьей уздечки в Усть-Полуе, то вопрос о ее происхождении еще требует детального анализа. Дело в том, что, как свидетельствуют археологические исследования последних лет, еще с конца II тысячелетия до н. э. существовали постоянные связи между населением низовьев Оби и южными скотоводческими племенами, которые проявлялись либо в обмене, либо в инфильтрации небольших коллективов в среду аборигенов Крайнего Севера. Во второй половине I тысячелетия до н. э. такая инфильтрация мелких скотоводческих групп на север зафиксирована достаточно надежно. Более того, есть данные о прямом влиянии на усть-полуйское население носителей таштыкской культуры [228, с. 176—184], которые уже определенно знали оленеводство [189, с. 39—41]. Было бы преждевременным утверждать, что метод охоты с манщиком проник на север с юга вместе с пришельцами. Однако представляется вполне вероятным, что он мог возникнуть в среде аборигенов под влиянием скотоводов-олeneводоов либо был выработан последними в ходе адаптации к местным природным условиям, которые способствовали росту роли охоты в хозяйстве пришельцев. Однажды появившись, метод охоты с манщиком мог распространиться далеко за пределы очага своего возникновения подобно тому, как использование лошади для охоты распространилось по всему Американскому континенту. Впрочем, и охота с манщиком свидетельствует лишь о процессе приручения оленей, а отнюдь еще не об их полной domestикации. Вряд ли можно сомневаться в том, что охотники и рыболовы спорадически приручали отдельных особей, однако от такого приручения до одомашнивания было еще далеко.

Имелись ли в приполярных областях условия, сколько-нибудь благоприятные для самостоятельной domestикации оленя? Для ответа на этот вопрос необходимо остановиться на способах адаптации местных северных культур к окружающим природным условиям. Специфику последних составляет большая упрощенность, основанная на малом разнообразии видов. Зато имеющиеся виды представлены крупными популяциями, что стимулирует развитие специализированной охоты. Такая ситуация породила мнение о том, что domestикация оленей возникла из

сопровождения их стад охотниками. Однако анализ этой гипотезы заставляет отвергнуть ее как несоответствующую действительности (подробный анализ см. [463, с. 344—351]). Во-первых, охотник (а тем более группа с детьми, стариками и женщинами) физически неспособен преследовать стадо диких оленей не только в течение всего года, но даже в течение сколько-нибудь длительного промежутка времени. Во-вторых, стадо оленей постоянно меняется как численно, так и по составу, что не дает возможности установить какой-либо продолжительный контакт с определенными особями. В-третьих, в ходе преследования стада никакая другая деятельность по добыче пищи практически невозможна, поэтому, коль скоро такое преследование существовало, оно вело не к domestикации, а к истреблению стада голодными охотниками. Кроме того, пищевые ресурсы Крайнего Севера вообще мало стабильны и подвержены резким колебаниям, что делает специализированную охоту здесь ненадежным источником существования. Вот почему обитатели приполярных районов избирают иные способы адаптации. Их жизненный цикл построен, как правило, на сезонном использовании различных природных ресурсов в оптимальное для этого время, причем сезонная охота на оленей сочетается с сезонной охотой на птиц, рыболовством и т. д. При этом если охота на оленей и является главным источником жизненных средств, то не потому, что она ведется непрерывно круглый год, а вследствие того, что в сезоны основных покоев полученное мясо и сырье для производства в больших количествах заготавливают впрок. В наиболее благоприятных условиях, где имелись полноводные реки и озера, богатые рыбой, а также на морском побережье при отсутствии оленеводства общей тенденцией являлся или является рост роли рыболовства и морского промысла как наиболее устойчивых источников средств существования. По археологическим и этнографическим материалам, эта картина прослеживается в северных районах Северной Америки [6, с. 39—133; 574], в Северо-Восточной Азии [70; 255], на п-ве Ямал и в Большеземельской тундре (обзор литературы см. [345, с. 15, 16, 18, 70]). Наоборот, чем больше хозяйство зависело от охоты на диких оленей, тем меньше была плотность населения, мельче и неустойчивее были человеческие коллективы [463, с. 349—351, 364]. Совершенно очевидно, что такие группы менее всего были способны к domestикации оленей. Для domestикации животных необходимо устойчивое хозяйство, не связанное с охотой на этих животных. На севере таковыми являются рыболовство и морской промысел. Любопытно, что эскимосы с их более многочисленными и лучше организованными группами гораздо глубже изучили повадки карибу и гораздо эффективнее производят коллективные охоты на них, чем атапаски, которые в большей степени зависят от сухопутной охоты [829, с. 302, 308]. Однако вся деятельность оседлых рыболовов и охотников на морского

зверя направлена все же в первую очередь на развитие этих промыслов, что вряд ли способствует domestikации животных, тем более что промыслы дают не менее калорийную белковую пищу.

Возвращаясь к охоте северных народов, следует отметить, что ни один из ее методов не связан с продолжительным движением за стадом [296, с. 87—102; 463, с. 346, 347; 985, с. 24]. Специфика адаптации северных оленей, заключающаяся в их высокой мобильности и сезонном колебании состава стада, создает ситуацию, при которой успешная охота может вестись лишь в определенные циклы, связанные с ежегодными миграциями. Наиболее важной для северных народов в прошлом была охота на речных переправах в период осенней миграции, в ходе которой создавался мясной запас на всю зиму. Охоты такого типа велись с глубокой древности. Попытка скандинавских ученых более точно датировать возникновение загонных охот показала, что в Скандинавии они производились по меньшей мере с начала I тысячелетия н. э., тогда как их корни уходят, возможно, в III тысячелетие до н. э. [423, с. 106, 107]. Однако загонные охоты вряд ли вели к приручению стада, как порой считают [127, с. 178], поскольку его искусственный прокорм в рамках северных охотничье-рыболовческих культур представляется невозможным.

Есть мнение, что начало domestikации было положено в период уменьшения количества диких оленей, что привело к более бережному отношению к ним и в конечном итоге к одомашниванию [878, с. 156; 341, с. 83]. В действительности связанный с уменьшением количества животных кризис охоты ведет к совершенно иному эффекту. Так, юкагиры и чуванцы, столкнувшись с этим, частично вымерли от голода, а частично откочевали на Колыму и перешли к рыболовству [43, с. 242]. Пример северных атапасков показывает, что охота с выбором существует лишь в местах изобилия дичи, тогда как в более бедных районах охотники гораздо менее разборчивы [829, с. 97, 98].

Анализ хозяйства народов Севера помогает выявить некоторые важные черты специализированной охоты, которая была одной из предпосылок domestikации. Такая охота связана с преимущественной добычей особой какого-либо одного вида. Она существует в местах, относительно бедных фауной, и в любом случае представляет собой одно из направлений комплексного хозяйства, так как ее отличительной особенностью является ярко выраженная сезонность.

Все изложенное выше делает предпочтительной идею о возникновении оленеводства в среде скотоводческих племен южных районов Сибири [64, с. 63—87; 59]. Действительно, пришедшие в Саяно-Алтайский центр к началу I тысячелетия до н. э. самодийцы уже обладали домашними животными [115, с. 221—227; 163, с. 154—160]. В то же время, судя по изображениям

Большой Боярской писаницы, у скотоводов Южной Сибири в I тысячелетии до н. э. имелись домашние олени. На рубеже нашей эры оленей здесь уже использовали в качестве транспортных животных [189, с. 39—49; 59, с. 114]. Вместе с тем есть все основания полагать, что в течение длительного периода оленей у скотоводов было мало. Кроме того, как справедливо считал Б. О. Долгих, оленеводство могло первоначально возникнуть лишь у части самодийцев [115, с. 227—240]. Во всяком случае, судя по материалам кулайской культуры второй половины I тысячелетия до н. э.—начала нашей эры и памятникам типа Релкинского могильника VI—VIII вв. н. э., самодийцы, обитавшие в этот период в Среднем и Верхнем Приобье, были скотоводами, причем основу их стада составляли лошади [365, с. 177—179; 67, с. 62], которых начали выпасать здесь еще в бронзовом веке. Самодийцы переселялись в более северные районы тайги и тундры несколькими волнами. По мнению В. А. Могильникова, их первые группы могли проникнуть на Нижнюю Обь еще на рубеже нашей эры [228, с. 184]. Более надежны данные о том, что одна из ранних волн самодийцев достигла тундры в конце I тысячелетия н. э. под давлением тюрков, вытеснивших их из Нарымского, Среднего и Верхнего лесного Приобья [227, с. 180; 229, с. 174—177; 67].

С передвижением самодийцев в таежные районы оленеводство полностью сменило разведение других животных, менее приспособленных к новой природной обстановке. Подобное явление наблюдалось и в таежной зоне Восточной Тувы, где тюркоязычным племенам по той же причине пришлось отказаться от разведения овец и коров и уделить главное внимание коневодству, которое позже, в монгольское время, сменилось у некоторых из них еще более подходящим для здешних мест оленеводством [59, с. 13, 14]. Однако оленеводство не могло стать основным источником существования таежных народов, так как содержание стад оленей, достаточно крупных, чтобы удовлетворить потребности людей в пище, в тайге практически невозможно. Поэтому самодийцам, проникшим в тайгу, пришлось изменить формы хозяйства и перейти к охоте и рыболовству как основным источникам питания. У самодийцев оленей заимствовали кеты, обские угры, коми-зыряне и ряд других народов [10, с. 69; 345, с. 146; 719, с. 57].

Сложнее обстоит дело с проблемой формирования оленеводства у тунгусов, ранняя история которых еще очень мало известна. Одни авторы считают, что оленеводство возникло у них в районах Забайкалья — Приамурья под влиянием тюркок-коневодов [64, с. 84, 85; 62, с. 80; 252, с. 116], другие называют в качестве первичного центра верховья Лены и Тунгусок [59, с. 114, 115]. По мнению С. И. Вайнштейна, становление тунгусского оленеводства происходило под влиянием самодийцев [59, с. 114, 115]. Открытые недавно А. И. Мазиным на Верхнем Аму-

ре древние писаницы, свидетельствующие будто бы о езде на оленях во второй половине II тысячелетия до н. э. [252], могли бы прояснить этот вопрос, если бы их датировка и интерпретация не вызывали сомнений. В то же время детально обоснованное С. И. Вайнштейном положение о том, что древнейшее вьючное седло было заимствовано тунгусами у самодийцев, хотя и свидетельствует о сильном влиянии последних на тунгусское оленеводство в ранний период, однако еще не доказывает проникновения первых домашних оленей к тунгусам из Саянского очага. Ведь олени могли быть приручены тунгусами до того, как появилось вьючное оленеводство.

Как бы то ни было, представляется наиболее вероятным, что древнейшее оленеводство возникло именно на юге Сибири в одном или двух центрах, а позже распространилось на север как путем миграции оленеводов, так и путем заимствования у них оленей аборигенами. Высказывавшееся ранее предположение о возникновении чукотско-корякского оленеводства под влиянием тунгусов [206, с. 26; 64, с. 83] недавно было подтверждено археологическими данными о продвижении тунгусов на восток и их контактах с древними оседлыми коряками на побережье Охотского моря, что привело к появлению и обособлению оленеводческих корякских групп в XVI—XVII вв. [70, с. 137, 172]. На Чукотку оленеводство проникло всего несколько столетий назад и распространялось в местных тундрах на протяжении XVI—XIX вв. [255, с. 70, 71]. Гипотеза Н. Н. Дикова о местной domestикации оленей охотниками, видимо, не оправдала себя. Во всяком случае, в опубликованной им обширной сводке археологических материалов никаких доказательств в пользу этого предположения не представлено [114].

В настоящее время большинство специалистов считает, что саамское оленеводство в своей основе связано с каким-то импульсом с востока [64, с. 82; 59, с. 124, 125; 995, с. 75; 719, с. 57], однако процесс становления оленеводства у саамов до сих пор не прослежен. Как бы то ни было, его *terminus ante quem* определяется сообщением Отера о наличии домашних оленей у саамов в IX в. н. э. [995, с. 12, 13]. П. Симонсен предполагает, что домашние олени появились у саамов во II—III вв. н. э., когда, по археологическим данным, прослеживается смена образа жизни охотниче-рыболовческого населения в Восточной Финляндии, а также отмечаются влияния, идущие с востока из Зауралья [933, с. 190, 191]. Теоретически это предположение не лишено правдоподобия, так как в Северном Зауралье в этот период прирученные олени, видимо, были уже известны, однако связь отмеченных П. Симонсеном явлений именно с оленеводством еще предстоит дополнительно обосновать.

Этнографические данные позволяют порой довольно детально проследить механизм распространения оленеводства. Известно, что кое-где местные охотники первоначально рассматривали

домашних оленей пришельцев как подходящий объект для охоты [63, с. 201] и лишь позже научились использовать их иначе. В целом же аборигены тайги и тундры добывали оленей путем насильственного захвата у соседей, вступления в брак, обмена. Кроме того, оленеводство распространялось в ходе проникновения оленеводов в новые районы и смешения их с местным населением [63, с. 201; 73, с. 60, 61; 11, с. 120]. По наблюдениям Г. М. Василевич, большую роль в распространении оленей у эвенков сыграли женщины, которые приводили с собой этих животных в качестве приданого и в дальнейшем ухаживали за ними. Предполагается, что именно женщины начали использовать их под вьюк [62, с. 79, примеч. 5; 63, с. 201]. Наоборот, у эвенков-орочонов, для которых олени служили важным средством верховой охоты, за ними ухаживали мужчины [63, с. 194, 195].

В процессе распространения оленеводства характер его менялся, изменялись его методы и приемы, а также формы использования оленей (подробно см. [206, с. 3—32; 64, с. 63—87; 66, с. 67—75; 59, с. 106—125]). При этом главным мотивом изменений в тайге являлось стремление приспособить оленеводство к охотничье-рыболовческому быту. Поэтому сплошь и рядом отмечается сходство характера оленеводства у самодийских народов и у тех охотников-рыболовов, к которым оно попало от самодийцев. Повсюду доминирование охотничье-рыболовческого уклада стимулировало главным образом транспортное использование оленей [343, с. 51; 115, с. 133; 62, с. 74—77; 83, с. 89, 90; 10, с. 65; 71, с. 14—16; 73, с. 74]. Последнее развивалось от вьючного к верховому и позже к упряжному оленеводству, которое появилось в Северо-Западной Сибири в начале II тысячелетия н. э. под влиянием собачьих упряжек, а также sporadического использования для перевозки тяжестей оленя-манщика [59, с. 123; 296, с. 66, 102; 345, с. 81]. При всей правдоподобности этой общей картины эволюции оленеводства нельзя не отметить, что у ряда конкретных этносов в условиях миграций в новую природную среду, а также в ходе контактов с иноплеменниками от нее, несомненно, наблюдались отступления: в процессе заимствования отдельные эволюционные звенья могли выпадать, эволюция могла иметь прерывистый характер, обращаться вспять, повторяться и т. д. О сложности развития оленеводства в Сибири говорит пример селькупов, которые постепенно утрачивали навыки вьючно-транспортного оленеводства, одновременно заимствуя на Севере упряжное оленеводство у лесных (или тундровых) ненцев (ср. [66, с. 75; 83, с. 83—95; 345, с. 155]). Поучительна также история оленеводческого молочного хозяйства. До недавнего времени считалось, что из всех оленеводов Сибири только некоторые саянские народы и тунгусы доят важенок. С. И. Вайнштейн полагает, что доение оленей появилось впервые в начале II тысячелетия н. э. у тюрков-коне-

водов, у которых эти навыки и были заимствованы указанными народами. Об этом свидетельствует сходство методов доения и подойников в саянском регионе и у тунгусов [59, с. 102, 110, 115]. По мнению С. И. Вайнштейна и Л. В. Хомич, самодийцы доения вообще не знали [59; 345, с. 78], что было бы удивительно, так как те самодийцы, которые в I тысячелетии н. э. занимались коневодством, вряд ли игнорировали молочные продукты. Скорее всего речь может идти об утрате ими навыков ведения молочного хозяйства. Это тем более правдоподобно, что недавно доение важенок было установлено у селькупов, причем в комплексе, который своими корнями восходит к древнему саянскому типу оленеводства [83, с. 89, 93, 95]. На мясо домашних оленей таежные народы убивали крайне редко и далеко не везде, а лишь там, где ощущалась нехватка мяса в связи с отсутствием диких оленей. Даже у крупнотабунных оленеводов в ранний период наблюдалось стремление по возможности беречь домашних оленей и добывать мясо главным образом путем охоты [177, с. 62, 65]. Любопытная зависимость использования домашних оленей на мясо от их роли в хозяйстве выявляется у эвенков. Так, эвенки-орочоны, которые охотились верхом на оленях, убивали домашних оленей на мясо лишь в виде исключения, тогда как пешие эвенки устраивали осенью специальные убои домашних оленей. Однако в остальных случаях и они старались пользоваться мясом диких оленей, поскольку олень служил им важным выючным животным [62, с. 74, 75]. Чем меньшую роль в хозяйстве играло оленеводство, тем меньше люди заботились о домашних оленях. Исследователи отмечают, что у кетов, селькупов и пеших эвенков уход за оленями сводился к минимуму [10, с. 66, 67; 62, с. 75]. В. И. Васильев объясняет это тем, что пешие охотники и рыболовы не смогли совместить развитие оленеводства со своими основными занятиями. В итоге они начали практиковать вольный выпас оленей летом, в результате чего терялось до 90% поголовья. Наоборот, эвенки-орочоны заботились о своих оленях круглый год. Это было связано как с верховым характером их оленеводства, так, видимо, и с тем, что, как замечает Г. М. Василевич, до освоения оленя орочоны были знакомы с ездой на коне [62, с. 74—78]. Саамы обносили оленьи пастбища оградой, причем те из них, которые граничили с земледельцами, делали это во избежание потравы, а саамы-скольты защищали тем самым своих оленей от скрещивания с дикими [995, с. 26; 683, с. 24].

У таежных народов оленеводство имело лишь подсобное значение в хозяйстве, поскольку крупнотабунное оленеводство здесь было невозможно, а совмещение занятий оленеводством с охотой и рыболовством являлось трудным делом. Оленеводство находилось на крайне низком уровне развития и не требовало сложных методов обращения с домашними животными, что облегчало их заимствование охотникам и рыболовам.

Иная картина наблюдалась в тундре, где в основном на протяжении XVIII в. совершился переход к крупнотабунному оленеводству, которое стало главным источником существования как исконных оленеводов-ненцев, так и тех народов, которые, видимо, незадолго до этого переняли домашних животных (коряки, чукчи, коми-зыряне). Синхронность этого процесса на значительно удаленных друг от друга территориях говорит о какой-то единой причине, внешней для отмеченных народов. Некоторые специалисты связывают ее с климатическими изменениями [745, с. 98; 255, с. 70—71], другие — с русской колонизацией и ее последствиями [71, с. 19—21; 343, с. 51; 249, с. 46—54]. По мнению И. И. Крупника, специально изучавшего этот вопрос, крупнотабунное оленеводство своим возникновением обязано действию и тех и других факторов, хотя на разных этапах становления оленеводства их соотношение было различным [177, с. 63, 64]. В настоящее время механизм становления крупнотабунного оленеводства лучше всего изучен у саамов Скандинавии. Там этот процесс наблюдался в основном в XVI—XVII вв., когда ощущалось сильное давление со стороны земледельческо-скотоводческого юга, появилось огнестрельное оружие, а исконные территории саамов интенсивно включались в систему налогообложения и обмена. В этих условиях охота и вырубка лесов приобрели хищнический характер, в результате чего поголовье дикого оленя резко сократилось, заставив саамов искать более надежные источники существования. Часть из них усилила рыболовческую деятельность, а также заимствовала земледелие у соседей. Их жизнь стала более оседлой, а стада оленей остались мелкими. Зимой животных пасли у поселка, а на лето отпускали в лес на вольный выпас. Некоторые другие группы саамов развивались по иному пути, быстро перейдя к кочевому крупнотабунному оленеводству. Пути кочевания этих оленеводов стали много длиннее и в отличие от предшествующего периода диктовались главным образом интересами оленеводства. Кочевники активно осваивали новые территории, вступая в вооруженные столкновения с их обитателями и часто заставляя их также переходить к кочевому хозяйству [995, с. 57, 58, 76, 77; 996, с. 188—192; 683, с. 217; 604, с. 14—17]. У саамов-скольтов переход к кочевничеству совершился позже, чем у других саамов,— на протяжении XIX в. Он проходил под влиянием соседних народов в условиях резкого сокращения поголовья диких оленей. При этом за период с 1830 по 1910 г. стада оленей у скольтов увеличились в 30 раз [995, с. 87; 683, с. 24].

Лишь при крупнотабунном оленеводстве домашний олень смог стать основным источником существования. Это положение, разделяемое большинством специалистов, становится еще более обоснованным, если обратиться к некоторым статистическим выкладкам. Действительно, стада охотников и рыболовов тайги имели, как правило, небольшие размеры. Так, до перехо-

да к крупнотабунному оленеводству у лесных саамов приходилось примерно по 4 оленя на семью (начало XVII в.) [995, с. 75], а у саамов-скольтов — по 20—30 оленей (начало XIX в.) [995, с. 87]. Семейные стада лесных энцев в начале XX в. насчитывали в среднем 10—50 оленей с колебанием от единичных особей или полного отсутствия оленей у бедняков до 100 оленей в зажиточных хозяйствах [66, с. 68]. У лесных ненцев имелись семейные стада по 50—100 голов [344, с. 201]. Для эвенкийского типа оленеводства были характерны стада по 4—5—20—30 голов, а для ороchonского — по 20—30—200—300 голов [62, с. 76, 77; 63, с. 194, 195]¹¹. Напротив, у кочевых оленеводов саамов, у коми-зырян и ненцев Большеземельской тундры, у кочевых коряков и чукчей семейные стада насчитывали от нескольких сотен до нескольких тысяч голов [317, с. 17; 21, с. 41; 213, табл. на с. 26—27, 32, 33; 179, с. 61]. По расчетам И. С. Архинчеева, в среднем во время кочевок оленеводу требуется в сутки 1 кг свежего мяса, что в пересчете на семью в 6 человек означает 25 крупных оленей или же 42 оленя разных полов за 7 осенне-зимне-весенних месяцев.

Таким образом, оленеводческое хозяйство может стать прочной основой лишь тогда, когда оно допускает безболезненное использование на мясо примерно 10 оленей в год на человека. В этом случае для воспроизводства стада требуется минимум в 300 голов [18, с. 57, 58]. Действительно, по данным переписей конца 20-х — начала 30-х годов, кочевники-оленеводы убивали в год по 9—13 оленей на одного человека [179, с. 51—53; 21, с. 42, 108; 312, с. 34, 35]. Напротив, охотники и рыболовы тайги имели возможность убивать на мясо не более 2—3 домашних оленей на одного человека в год [317, с. 34; 312, с. 30—33]. По расчетам В. Г. Богораз-Тана, основанным на данных переписи 1926/27 г., кочевники-оленеводы резали в год на одно хозяйство по 56 оленей (коряки), 26 оленей (самоеды)¹², 62 оленя (коми-зыряне), тогда как у оленных охотников и рыболовов эвенков и эвенов убой ограничивался 8,5 оленями на одно хозяйство в год [313, с. 46, 47]. При этом для кочевников-оленеводов особое значение имели массовые летне-осенние убои домашних оленей (в основном молодняка) на мясо и на шкуры [21, с. 53; 179, с. 51—53]. Напротив, убой молодняка в малооленных хозяйствах охотников и рыболовов был более ограничен [317, с. 45]: наряду с телятами они в не меньшем количестве резали больных и старых животных, а также бесплодных самок. Разное хозяйственное использование оленей оставляло отпечаток и на составе стада, который у кочевников-оленеводов и у оленных охотников-рыболовов отличался главным образом количеством важенок. В стадах первых важенки составляли 42% и более (до 72% у некоторых коряков и чукчей)¹³, а у вторых — 33—38%.

Чем крупнее были стада, тем большую роль играло мясо-

шкурное направление в хозяйстве по сравнению с транспортным и тем больший процент стада составляли важенки [317, с. 25; 179, с. 63]. Малооленные охотники-рыболовы держали домашних животных прежде всего для транспорта. Поэтому они были заинтересованы в максимально возможном количестве самцов. При 44% важенки в стаде последнее с учетом естественной гибели молодняка и использования оленины людьми могло удвоиться за 12—13 лет [151, с. 11, 12]. Стада, содержавшие большее количество важенки, разрастались гораздо быстрее. Именно поэтому кочевники-оленоводы и имели возможность резать множество молодняка в осенний сезон, чего малооленные охотники и рыболовы позволить себе не могли. Последние поневоле должны были вести комплексное охотничье-рыболовческое хозяйство, причем у бедняков вне зависимости от этнической принадлежности отмечалась тенденция к росту роли оседлости и рыболовства [213, с. 111—115; 151, с. 3; 249, с. 67], тогда как зажиточные олениводы, обладавшие несколькими транспортными оленями, могли гораздо успешнее охотиться в тайге [151, с. 13, 14]. Как отмечал Н. М. Ковязин, в этих условиях средняя охотничья деятельность была не в состоянии усилить свою олениводческую деятельность, так как это поневоле вело бы к падению доходов от охоты и рыболовства и к необходимости их компенсации каким-то другим путем. Однако олениводство на первых порах заполнить этот пробел не могло [151, с. 35, 36]. Таким образом, для становления крупнотабунного олениводства требовалось два рода предпосылок: экологические и историко-культурные. К экологическим предпосылкам относились, во-первых, выход олениводов в тундру, где ягель встречался гораздо более плотными сообществами, чем в тайге [683, с. 20], а во-вторых, благоприятные климатические условия, обеспечивавшие максимально быстрый рост стад [176, с. 30—34]. К историко-культурным предпосылкам относились такие, которые давали людям возможность, сократив свою охотничье-рыболовческую деятельность, в течение некоторого времени, необходимого для роста стад, не увеличивать расход своих оленей на хозяйственные нужды. Это осуществлялось, во-первых, путем грабительских войн, а во-вторых, за счет усиленного обмена с соседями. Не случайно и то и другое повсеместно наблюдалось в зоне евразийских тундр в период становления кочевого крупнотабунного олениводства, когда импульсом для бурного развития обмена послужили усилившиеся контакты с более развитым населением юга как в России, так и в Скандинавских странах.

Куда бы ни проникало олениводство, везде оно становилось важным фактором социального развития, везде оно влекло за собой возникновение имущественного неравенства и эксплуатации. Значительно увеличивая мобильность населения, оно сразу же создавало преимущества оленным охотникам по отношению к безоленным. Особенно далеко отношения имущественного и со-

циального неравенства зашли у тех народов, которые сделали оленеводство своим основным занятием.

Большой интерес представляет вопрос о характере собственности на оленей. В. И. Васильев, посвятивший ему специальное исследование, предполагает, что в XVII в. олени у ненцев и энцев «находились, хотя, возможно, в значительной степени и номинально, в ведении больших и малых родов» [68, с. 316]. Однако нет оснований думать, что права родичей выражались в чем-то большем, нежели наблюдение над тем, чтобы олени при наследовании не выходили за пределы рода, как это отмечалось в начале XX в. у нганасан и энцев [249, с. 92, 93], а также, видимо, получение кусков оленины при коллективных трапезах. Скорее всего, собственность на оленей очень рано приобрела частносемейный характер, который фиксируется у оленеводческих народов по этнографическим материалам XIX — начала XX в. [343, с. 174; 10, с. 71, 73; 62, с. 155; 995, с. 28, 29]. В. И. Васильев, анализируя судебные документы XIX в. [247], также совершенно справедливо пишет о том, что стада оленей у ненцев XIX в. находились в семейной собственности [68, с. 328, 329]. Это подтверждается и суровым наказанием, полагавшимся за кражу оленей даже у своих сородичей, и в еще большей степени преимущественным правом вдовы владеть и распоряжаться оленями умершего мужа в противоположность его ближайшим родственникам (братьям) [247, с. 33, 34, 44, 59, 62, 90, 91 и др.]. У многих оленных охотников и рыболовов этнографам удалось зафиксировать порядок, по которому семейным стадом распоряжался только мужчина — глава семьи, а после его смерти стадо так или иначе распределялось между его сыновьями и воспитанниками. Таким образом, по традиции наследство передавалось только по мужской линии. Однако и дочь могла получить нескольких оленей в подарок при жизни отца. Она их приводила в семью мужа в качестве приданого, но после ее смерти они неизменно возвращались к ее родственникам по отцовской линии [343, с. 174; 10, с. 71, 73; 62, с. 155]. Некоторые исследователи (Л. В. Хомич, Е. А. Алексеенко, Г. М. Василевич) считают, что у оленеводов встречалась и индивидуальная собственность на оленей. Новорожденный ребенок получал обычно важенку в подарок от кого-нибудь из отцовских родственников. Приплод от нее оставался в его индивидуальной собственности. При этом судьба этих оленей весьма симптоматична. Как и у многих других охотников и рыболовов, у населения тайги сохранялся порядок, в силу которого личные вещи человека не наследовались, а частью уничтожались на его могиле, частью погребались вместе с ним. Аналогичным путем транспортные и верховые индивидуальные олени умерщвлялись на могиле владельца. Любопытный обычай встречен у кетов, которые убивали на могиле одного-двух оленей, а остальные принадлежавших умершему оленей, если таковые имелись, отпуска-

ли в тайгу. Правда, в виде исключения из-за крайней малочисленности оленьих стад остальных оленей могли оставить в общесемейном стаде [10, с. 73].

У крупнотабунных оленеводов тундры преобладала семейная собственность на стада. В XVIII—XIX вв. у них шел процесс дробления большесемейных коллективов и перехода собственности на оленей к малым семьям [71, с. 81—100; ср. 68, с. 327—334]. Однако, как сообщает Б. О. Долгих, и здесь «право частной собственности имело иногда еще несколько ограниченный характер и в известной степени регулировалось родом или племенем» [249, с. 93; ср. 68, с. 334, 335]. Даже у чукчей в период расцвета крупнотабунного оленеводства отношения семейной и индивидуальной собственности на оленей порой тесно переплетались [18, с. 54], что, однако, не мешало возникновению эксплуатации богатыми оленеводами своих более бедных сородичей.

Оленеводство имело важное значение для развития социальных связей. Путем дарения и обмена оленями укреплялись контакты между родичами и друзьями, а также возникали отношения господства и подчинения. Олени составляли основную часть брачного выкупа, платы за кровь. Кроме того, «безвозмездная» раздача оленей на больших праздниках, а также в виде помощи обедневшим родичам и даже просто соседям служила важным рычагом экономического и социального развития. Как справедливо отмечал В. Г. Богораз-Тан, «у западных оленеводов она превратилась в особый вид займа, а у восточных она служила и служит для увеличения престижа и влияния богатого оленевода. В конце концов, даже у чукоч (чукчей.— В. Ш.) богатый оленевод, раздавший на празднике своим родичам сотню оленьих туш, успеваеет так или иначе выручить от благодетельствованных им бедняков двойную или тройную стоимость подарка» [313, с. 48]. Определенную престижную роль играли и жертвоприношения домашних оленей, которые получили особенно широкое распространение с развитием крупнотабунного оленеводства. Главное жертвоприношение совершалось у чукчей в конце лета — начале осени. Как отмечают исследователи, при всей религиозной окраске таких жертвоприношений они имели большой хозяйственный и социальный смысл. Во-первых, таким путем уменьшалось чрезмерно разросшееся стадо перед трудным зимним сезоном; во-вторых, создавалась возможность для заготовки пищевых запасов, а также шкур для производства и обмена; наконец, в-третьих, в результате устроенного праздника значительно поднимался престиж богатых ставладельцев, которые резали более 100 животных и раздавали мясо множеству приглашенных [181, с. 264; 745, с. 122, 123]. Практические основания таких праздников-жертвоприношений совершенно очевидны. По словам В. Г. Кузнецовой, «убой оленей именно в августе весьма целесообразен, так как оленеводы по-

лучают жирную, питательную, свежую мясную пищу и красивый теплый мех для пошивки одежды». Во время праздников убивали преимущественно молодых самцов [181, с. 264—279]. В течение всего года оленеводы приносили более мелкие жертвы различным духам с целью добиться их поддержки в сложных жизненных ситуациях. При этом оленину съедали все участники ритуала и зрители [343, с. 195—201]. Все эти жертвоприношения помимо религиозной играли и важную социальную роль, устанавливая определенные социальные отношения между присутствующими.

Одним из последствий возникновения крупнотабунного оленеводства явилось развитие широкого обмена между оленеводами и оседлыми охотниками на морского зверя. При этом продукты оленеводства, а порой и олени были важнейшим средством обмена. Лишь с их помощью оленеводы внутренних районов могли получать продукты морского промысла и другие товары [74, с. 147—156; 62, с. 154]. Конечно, обмен возник задолго до XVIII в., однако раньше он не достигал такого размаха.

Любопытна эволюция роли оленей в ритуале народов Сибири. В Сибири, где до недавнего времени присваивающее хозяйство доминировало, большое значение имел промысловый культ. Все охотники почитали главную дичь (оленей, лосей и т. д.), верили, что удачной охоте способствует благосклонное отношение «хозяина животных». Последний в далеком прошлом мыслился в виде соответствующего зверя, птицы или рыбы. Об этом свидетельствует вера в то, что фигурки рыб благоприятствуют удаче и ловле рыбы, а фигурки оленей и медведей — удачной охоте на этих зверей и т. п. Позже «хозяева тайги» приобрели антропоморфный облик [129, с. 90, 93, 99, 168, 176, 254]. С промысловым культом связана и вера в возрождение убитых животных, в соответствии с которой их кости и черепа не выбрасывались и не разрубались, а сохранялись в определенных местах. Тем самым люди надеялись обеспечить себя пищей в будущем [10, с. 175; 62, с. 220]. У ряда народов были специальные места, где приносили в жертву туши диких животных с целью обеспечить успешную охоту. В таких местах обычно можно было встретить множество костей и черепов жертвенных животных (см., например [72, с. 275 сл.; 344, с. 208, 209]). Животные, служившие основой жизни людей, считались защитниками от болезней, а черепа медведей охраняли жилище от злых духов [129, с. 109, 123, 176, 177]. Изображения таких животных тоже имели функцию оберегов. Лишь в связи с отмеченными явлениями можно понять ритуальную роль домашних оленей, которая не только сохраняла черты охотничьих культов, но и имела уже специфический скотоводческий характер. К первым относятся жертвоприношения, посвященные началу охотничьего сезона, и благодарственные обряды по случаю удачной охоты и т. п. [344, с. 210, 211; 181, с. 315], а также встречающаяся, напри-

мер, у эвенков вера в исцелительную силу домашних оленей [129, с. 176, 177]; ко вторым — защита оленей от нападения волков с помощью фигурок последних [129, с. 88, 89] и широко распространенный обычай убийства транспортных оленей на могиле владельца.

Таким образом, распространение оленеводства значительно видоизменило культуру охотничье-рыболовческого населения Сибири, однако наиболее глубоко эти изменения затронули оленеводов тундры с переходом последних к крупнотабунному оленеводству.

Распространение европейских домашних животных в Америке

В Северной Америке распространение животных (мелкого и крупного рогатого скота), завезенных испанцами в XVI в., шло двумя путями и привело к сложению двух различных типов хозяйства. Индейцы юга современной территории США (команчи, кайова, юте) заимствовали лошадей, что позволило им интенсифицировать охоту. В этом качестве лошади проникли далеко на север, что привело к сложению особого хозяйственно-культурного типа конных охотников на бизонов. Навахи, которые за несколько столетий до появления испанцев переняли у индейцев пуэбло земледельческие навыки, заимствовали у испанцев всех основных животных и постепенно перешли к отгонному скотоводству. Первоначально главными путями получения домашних животных были обмен и грабеж.

Навахи до второй половины XVII в. были в основном полуседлыми земледельцами и охотниками. С 30-х годов XVII в. они все чаще совершали набеги на испанцев и индейцев пуэбло для захвата скота. Критическим моментом в истории сложения скотоводческого хозяйства навахов следует считать 70—80-е годы XVII в., когда, с одной стороны, набеги южных атапасков с целью захвата скота необычайно усилились в связи с крайней нестабильностью их хозяйства в условиях засухи и эпидемий, а с другой стороны, захват скота был облегчен тем, что в период восстания индейцев пуэбло в 1680 г. много скота оказалось без присмотра. Кроме того, развитию скотоводства способствовало этническое смешение навахов и индейцев пуэбло после подавления восстания, когда многие из последних бежали в горы [980, с. 41—43; 994, с. 296]. Большую роль в формировании современного этноса навахов сыграли индейцы хемес (подразделение индейцев пуэбло), которые в горах признавали себя навахами. По расчетам Ф. Эллиса, новопришельцы составляли в начале XVIII в. едва ли не четвертую или даже третью часть всех навахов [559, с. 309—314]. В конце XVII в. отмечались и такие случаи, когда индейцы пуэбло, которым испанцы пору-

чали наблюдать за домашними животными, передавали стада навахам [559, с. 481]. Вместе с домашними животными навахи переняли и испанские методы обращения с ними, с которыми они познакомились частично непосредственно через пленных испанцев, а частично косвенным путем через индейцев пуэбло. Интересно, что апачи, в не меньшей мере занимавшиеся угоном скота у испанцев, в дорезервационный период заимствовали только лошадей, которые облегчили им охоту на бизонов и набеги. Одну из главных причин, тормозивших переход апачей к скотоводству, ученые видят в том, что их большая зависимость от охотничьего быта не благоприятствовала созданию культурных и социальных предпосылок для этого [951, с. 547; 728, с. 67—83; ср. 966, с. 102].

Становление скотоводческого хозяйства происходило у навахов постепенно на протяжении XVIII в. Главными мясными животными им служили овцы и в меньшей степени козы. В настоящее время они разводят на мясо также и свиней, которые попали к ним гораздо позже, чем другие животные [537, с. 12—14, 30]. Преобладание у навахов мелкого рогатого скота над крупным было обусловлено следующими факторами: 1) в засушливых районах расселения навахов овцеводство преобладало и у испанцев, тогда как разведение крупного рогатого скота получило большое распространение южнее; 2) овцеводство — менее сложный вид скотоводства, чем разведение крупного рогатого скота, и перейти к нему легче; 3) одновременное разведение овец и коров составляет известную трудность на ранней стадии развития скотоводства, так как это две разные скотоводческие системы; 4) заимствование овец было облегчено тем, что испанцы выгоняли их на дальние пастбища, где они были более уязвимы для грабительских набегов, чем коровы, которых пасли у поселков; 5) запрещая коневодство, испанцы позволяли держать овец индейцам пуэбло, от которых навахи получали домашних животных.

Главным видом хозяйства у навахов было земледелие, однако основным богатством они считали скот, и в особенности овец [717, с. 7, 20; 1040, с. 1443]. За годы существования скотоводческого уклада у навахов количественный состав их стад сильно колебался, равно как и соотношение между отдельными видами домашних животных (в особенности между овцами и лошадьми). Так, по данным за 1785 г., на 3500 навахов приходилось 1100 лошадей, 700 овец и 40 голов крупного рогатого скота. Для середины XIX в. отдельные исследователи отмечают у 12 тыс. навахов от 200 тыс. до 500 тыс. овец и от 10 тыс. до 60 тыс. лошадей [764, с. 56]. Навахи знали два типа скотоводства: придомное, при котором животных выгоняли на пастбище два раза в день не далее чем на 1—2 мили от поселка, и отгонное, при котором стадо удалялось от поселка более чем на 10 миль [728, с. 81]. Ухаживали за мелким рогатым скотом

и пасли его, как правило, дети и женщины; мужчины в этом участвовали реже. Зато на мужчин падала забота о крупном рогатом скоте и лошадях; мужчины составляли и главную рабочую силу в земледелии. В особо важные периоды (окот, стрижка овец, их купание, расчистка пастбища из-под снега и т. д.) к скотоводческим работам привлекались все члены общины. Поскольку общинное стадо состояло из животных, принадлежавших разным семьям, входившим в общину, то его пасли по очереди представители всех этих семей. Летом, когда приходила пора выгонять животных на дальние пастбища, с ними уходили отдельные семьи или их представители. Позже к этой группе присоединялась основная часть общины, тогда как несколько семей обязательно оставалось в поселке, чтобы охранять поля и имущество ушедших [900, с. 51, 52, 54; 764, с. 60, 61; 717, с. 31—46; 537, с. 12—14, 23—25, 31—37; 1040, с. 1443]. Если овцы сами обеспечивали себя кормом зимой, то для коров навахам необходимо было заготовлять сено [537, с. 41], что делалось, однако, крайне редко [764, с. 61]. Лошадей, как правило, отпускали на вольный выпас, вследствие чего они сильно тощали, и даже лучшие из них сильно уступали европейским стандартам [901, с. 142]:

Уже в первой половине XIX в. продукты скотоводства составляли значительную долю пищевого рациона навахов, причем основную скотоводческую продукцию давало овцеводство. Когда навахи резали овцу, то в пищу шло практически все, а шкура продавалась. Навахи считали, что овцы наиболее прочно гарантируют их от голода и бедности, и видели в них символ материнства, символ жизни [1040, с. 1441, 1442]. Коз использовали примерно для тех же целей, что и овец, но гораздо реже. Крупный рогатый скот выращивали на продажу и почти никогда не резали на мясо. Лошадь служила транспортным животным, в том числе и при пастьбе овец. Лошади повысили боеспособность навахов и облегчили им грабительские набеги [717, с. 6, 7; 537, с. 12, 23, 30—42]. Все без исключения домашние животные были важным предметом обмена и торговли, ими также платили за некоторые услуги, они же составляли основу брачного выкупа (как правило, овцы и лошади) (примеры см. [900, с. 134, 139—141]). Отсюда ясно, почему лошади и овцы играли в культуре навахов роль престижных животных. Престиж как общин, так и отдельных их членов был тесно связан с количеством принадлежавших им животных. Лишь искусный и опытный скотовод пользовался высоким авторитетом у окружающих, лишь он имел шансы стать вождем. Подмечено, что наиболее влиятельные общинники имели и наиболее крупные стада. В то же время общество чутко реагировало на колебания состава стада у отдельных своих членов. Богач, потерявший стадо, терял вместе с ним и весь свой авторитет [994, с. 306; 1040, с. 1443, 901, с. 142]. Стремление к овладению скотом и разведе-

дению его было одним из важнейших факторов, определявших поведение наваха. Весьма любопытна подмеченная учеными тенденция, в силу которой богатые навахи стремились к миру, обеспечивавшему безопасность их стадам, тогда как бедные (в основном молодежь) желали войны с целью захвата домашних животных [994, с. 306].

Прежде чем перейти к анализу отношений собственности у навахов, необходимо остановиться на вопросе о ее субъекте. Вопрос этот весьма сложен, так как уже в общинах XIX в. соседские связи так тесно переплетались с кровнородственными, что не всегда были различимы [3, с. 5]. Действительно, из работ американских авторов далеко не всегда понятно, о каких общинах идет речь, соседских или большесемейных. Там, где это удастся установить, оказывается, что в дорезервационный период у навахов имелись и соседские общины, состоявшие из больших материнских семей, и общины, возникшие на базе одной такой семьи. В любом случае хозяйство, распределение и потребление продукции были общими [994, с. 303, 304; 728, с. 73—75]. Лучше всего известны отношения собственности на скот, сложившиеся внутри большесемейных общин. Право собственности на мелкий рогатый скот принадлежало как женщинам, так и мужчинам. Все же основная его часть находилась в руках женщин. Зато мужчины обладали правом собственности на лошадей и крупный рогатый скот. Весь мелкий рогатый скот общины выпасался в одном стаде, которое состояло из животных, принадлежавших не только лицам, жившим в общине в данный момент, но порой и тем, кто надолго ее покинул [931, с. 90]. Описывая общество навахов начала XX в., Г Рейхард указывала, что стадо большой материнской семьи включало часто не только животных матери, ее сестер и братьев и ее мужа, но и животных, принадлежавших членам другого рода (ее отцу и его братьям) [900, с. 51, 89].

Человек становился собственником еще ребенком, получая животных в подарок от материнских родственников [931, с. 90; 980, с. 60]. Этот порядок сохранялся у навахов весьма долго, так как и в первой половине XX в. считалось, что мужчина в первую очередь обязан заботиться о своих племянниках, а не о детях [764, с. 62]. Лишь в середине XX в. получение сыновьями животных от отца стало обычным явлением [537, с. 73].

Большая роль помощи материнских родственников в возникновении обособленной индивидуальной собственности на скот, выплате выкупа за невесту, организации дорогостоящих церемоний, а также участие всех членов большесемейной общины в выпасе общинного стада и уходе за ним — все это обусловило право общины ограничивать свободу отдельных ее членов в использовании своих домашних животных. По данным дорезервационного периода, все общинники должны были участвовать в снабжении общины мясом и другими продуктами скотоводства.

Продать свое животное можно было только с разрешения общины [931, с. 90; 728, с. 76]. Те же отношения зафиксированы и для начала XX в., когда мать могла забрать для убоя животных, принадлежавших любому члену семьи. При этом она следила за тем, чтобы овцы распределялись между общинниками насколько возможно поровну [900, с. 52]. К. Клакхон и Д. Лейтон отмечали, что продукты скотоводства в первой половине XX в. использовались для нужд большесемейной общины в обычное время частично, а в случае крайней необходимости — и полностью [717, с. 59, 60]. Те же ограничения в распоряжении мелким рогатым скотом, которые накладывались на отдельных владельцев общиной, отмечены и для середины XX в. [537, с. 62—65]. Любопытно, что, по свидетельству Г Уизерспун, они сейчас характерны не только для большесемейных общин, но и для соседских общин, состоящих из нескольких больших материнских семей [1040, с. 1445].

В меньшей мере обычаи коллективизма отразились на праве собственности на лошадей и крупный рогатый скот. Составляя частную собственность, лошади теоретически могли свободно отчуждаться или умерщвляться владельцами. Однако на практике, желая обменять лошадь, мужчина всегда советовался с общиной [931, с. 90; 900, с. 52, 53; 717, с. 60; 537, с. 65]. В то же время со смертью хозяина его верховые лошади умерщвлялись на его могиле [728, с. 77; 931, с. 90; 900, с. 143, 157]. Еще ярче выступает право частной собственности на крупный рогатый скот, так как его разведение возникло у навахов позже, чем разведение овец и лошадей, и в гораздо большей степени было связано с развитием товарно-денежных отношений. Поскольку коров держали исключительно для продажи, а доход от них целиком принадлежал продавцу, среди молодых навахов в последние годы все сильнее чувствуется стремление к разведению крупного рогатого скота в ущерб мелкому. Против этого протестуют женщины и некоторые традиционно настроенные мужчины, справедливо считающие, что упадок овцеводства может самым серьезным образом сказаться на общественных отношениях, которые во многом основываются на превосходстве женщин в экономике, связанном с их ролью в овцеводстве [537, с. 64, 65].

По традиционному порядку наследования у атапасков личное имущество умершего уничтожалось. Такой порядок, несомненно, господствовал первоначально и у южных атапасков (навахов и апачей) [900, с. 157]. Не исключено, что самых первых домашних животных в соответствии с ним убивали на могиле владельца. Однако с развитием скотоводства этот порядок неизбежно должен был измениться. В дорезервационный период он действовал уже в довольно ограниченных рамках, применяясь к личным вещам и верховым лошадям. Основная масса скота передавалась по наследству [931, с. 88]. Порядок на-

следования у навахов уже в то время был неединообразен, все же в нем преобладала тенденция к передаче домашних животных по наследству материнским родственникам [931, с. 90—95]. Именно в этом смысле надо понимать замечание Г Рейхард, что большесемейная община стремилась не выпускать из рук собственность отдельных своих членов [900, с. 94]. Действительно, если мужчина и уводил свое стадо в общину жены, то лишь на время, ибо после его смерти стадо вновь возвращалось к его материнским родичам. Описанный порядок наследования впоследствии сильно изменился; постепенно совершился переход к наследованию от отца к детям [717, с. 60; 623, с. 51].

Наличие скотоводческого уклада в хозяйстве навахов весьма мало отразилось на их религиозных представлениях и ритуале, если не считать того, что мясо домашних животных стало важной церемониальной пищей. Зато дикие животные (олень, лось, антилопа, горный баран и др.), на которых охотились в далеком прошлом, наделялись сверхъестественной силой и играли существенную роль в различных ритуалах и представлениях. В то же время домашних животных, которые во многом зависели от человека, навахи никакими сверхъестественными способностями не наделяли [901, с. 142, 143; 728, с. 70].

Близкая, хотя и не идентичная, картина заимствования домашних животных наблюдалась у индейцев папаго, которые накануне колонизации занимались главным образом земледелием. Папаго познакомил со скотоводством австрийский иезуит Эусебио Франциско Кино, который завез к ним крупный рогатый скот, лошадей, коз, овец и кур на рубеже XVII—XVIII вв. [981, с. 24]. С тех пор разведение крупного рогатого скота стало для них одной из сфер хозяйственной деятельности, хотя и второстепенной.

Вначале скот или по крайней мере часть его, как и другое личное имущество папаго, возможно, уничтожали после смерти владельца. Во всяком случае, известно, что лошадь покойного в прошлом умерщвлялась на его могиле [981, с. 93]. Однако впоследствии скот стал передаваться по наследству сородичам. Этнографам удалось зафиксировать этот этап эволюции отношений собственности, когда скот после смерти главы семьи распределялся между его детьми, как сыновьями, так и дочерьми, что наблюдалось в начале XX в. Вместе с тем известно, что до этого скот наследовался только сыновьями [981, с. 92, 93].

Скот у папаго играл важную роль в развитии престижно-социальных отношений, причем на примере папаго удается необычайно четко проследить преемственность между традиционным порядком раздела мяса, добытого на охоте, и задачей телятины. И то и другое было важным предметом дарообмена. Добывший крупного зверя охотник неизменно посылал куски мяса родичам, которые позже одаривали его корзинами с растительной пищей, продукцией земледелия [981, с. 212, 215, 218,

219, 225, 228]. То же происходило и с мясом крупного рогатого скота, которым богачи оделяли родичей и соседей, получая от них впоследствии мясо, растительную пищу или другие продукты [981, с. 220].

Совершенно иначе последствия европейской колонизации, сказались в степных районах Северной Америки. К сожалению, история обитания индейцев в степях накануне колонизации изучена еще недостаточно. Лучше исследованы восточные области, которые в течение продолжительного времени использовались земледельцами: на окраинах — для земледелия и охоты, а в более глубоких районах — для сезонной охоты на бизонов. Менее ясна ситуация в западной части степей, где, по сообщению испанских хроник, обитали керечос, пешие охотники на бизонов. Образ жизни этих охотников, которых, по всей видимости, следует идентифицировать с апачами, остается малоизученным. Есть сведения о том, что они контактировали с земледельцами и кое-где сами занимались земледелием (не следует забывать, что среди них могли быть и предки навахов) [1009, с. 289; 966, с. 6, 44; 559, с. 475]. Возможность ведения ими бродячего охотничьего образа жизни, по крайней мере сезонного, была обусловлена наличием собачьего транспорта, который имелся у большинства индейских племен, занимавшихся охотой в степи [907, с. 16—28]. Как бы то ни было, степные охотники в долошадный период жили, видимо, мелкими группами, плотность населения была низка. Не случайно формирование степной культуры последующего времени было связано главным образом с мигрировавшими сюда многочисленными земледельческими в прошлом племенами или же охотниками, обитавшими ранее в иных районах, как, например, команчи или черноногие [5, с. 6—9; 1009, с. 284—292]. Как справедливо отмечает Ю. П. Аверкиева, «освоение всеми этими племенами степных пространств было непосредственно связано с развитием у них коневодства» [5, с. 9].

Накануне колонизации жившие на окраинах степей охотники и земледельцы вели сезонное комплексное хозяйство: в начале лета и осенью они занимались земледелием или собирательством, а в остальное время вели бродячий образ жизни, связанный с охотой на бизонов [567, с. 152; ср. 907, с. 335—352]. Прямые и косвенные контакты с европейцами вызвали к жизни целый ряд взаимосвязанных процессов (политических, экономических, демографических и др.), которые повлекли за собой вытеснение индейцев с насиженных мест и завоевание ими степей, где охотничий аспект хозяйства должен был неизбежно усиливаться. Этому способствовало распространение лошадей. Правда, первоначально в поисках выхода из хозяйственного кризиса некоторые из индейских племен охотились на лошадей и других домашних животных [5, с. 21; 624, с. 50]. Испанские источники конца XVII в. сообщали, видимо, несколько преувеличивая, что

основной пищей апачей служили лошади, крупный рогатый скот и мулы, которых они угоняли у испанцев [907, с. 76; 966, с. 44]. В некоторых случаях индейцы держали первых попавших к ним лошадей в качестве предмета роскоши, чтобы произвести впечатление на соседей [624, с. 52, 53]. Глубокая интеграция лошадей в местные культуры произошла лишь тогда, когда индейцы научились ездить верхом и использовать животных под выюк. Итогом явилось возникновение в степях на протяжении XVII—XVIII вв. особого хозяйственно-культурного типа конных охотников. В этот период культурный облик многих затронутых этим процессом племен значительно изменился: общей тенденцией было отмирание земледелия и гончарства, с одной стороны, и развитие тили и других форм материальной культуры, приспособленных к кочевому быту,—с другой [1037, с. 14—18; 907, с. 111]. Главный стержень жизни конных степных охотников составляла охота на бизонов, которая в первую очередь определяла характер сезонного хозяйственного цикла [5, с. 29—36]. Вместе с тем уже само наличие домашних животных вело к появлению ряда скотоводческих элементов в хозяйстве, так как лошади требовали какого-то, хотя бы минимального ухода. Однако хороший уход за лошадьми был возможен только у земледельцев. Так, манданы и хидатса зимой загоняли лошадей на ночь в дома и подкармливали маисом [5, с. 37, 38; 1037, с. 20; 907, с. 252]. Охотничьи племена также в известной мере учитывали потребности лошадей, отгоняя их на зиму поближе к рекам, где имелись вода и корм. Кроме того, они спорадически собирали траву, кору и ветви деревьев для подкормки лошадей. Однако типичные степные племена не имели ни специальных построек, ни запаса фуража на зиму, вследствие чего в стадах наблюдались значительные потери. Эти потери восполнялись главным образом за счет угона животных у восточных соседей-земледельцев [1037, с. 20, 21; 907, с. 248—253]. Таким образом, в отдельных местах появились вторичные очаги распространения лошадей. Как правило, они локализовались в земледельческих районах: в долине Миссури на востоке и у земледельцев юте на западе [5, с. 12; 624, с. 49, 50]. Кроме того, вторичный очаг возник у некоторых охотников и собирателей, обитавших к западу от Скалистых гор, что было связано не столько со скотоводческим искусством местных племен, сколько с особо благоприятными природными условиями и с относительной безопасностью этих районов, отгороженных мощным естественным барьером от набегов степных племен [907, с. 255; 624, с. 52]. Возможно, именно в этих вторичных очагах следует искать разгадку тайны возникновения местной индейской породы лошади, которая имела уже в 1773 г. [907, с. 92, 135—157].

Для основной массы индейцев прерий главным источником пополнения табунов оставались торговля и грабеж [5, с. 13—25; 1037 с. 21; 624, с. 46—55]. Как справедливо отмечает Ф. Роу,

индейцы должны были научиться обращаться с лошадьми, прежде чем они стали регулярно заниматься их угоном [907, с. 54]. Это обучение происходило на испанских ранчо, хозяева которых, испытывавшие нехватку рабочих рук, игнорировали указ властей, запрещающий индейцам садиться на коня, и обучали своих слуг верховой езде и уходу за лошадьми. Зачастую индейцы-пастухи бежали от хозяев за пределы контролируемой испанцами территории и обучали местное население обращению с лошадьми. Кроме того, индейцев могли обучать также и торговцы контрабандой [907, с. 133, 185, 186; 624, с. 45, 46].

Первоначально разные племена использовали лошадей по-разному: одни — для верховой езды, другие — для перевозки грузов, причем транспортное использование лошадей по своей технике и приемам прямо восходило к местному транспортному собаководству [907, с. 16, 17, 63]. По-видимому, только у североамериканских индейцев этнографам удалось зафиксировать широкое применение наиболее примитивного средства транспорта — волокуши, состоявшей из двух жердей, верхние концы которых связывались и перебрасывались через спину животного, а нижние расходящиеся концы поддерживали площадку для груза. С появлением лошадей использование волокуши стало намного эффективнее, так как размеры ее значительно увеличились, а соответственно возросла и величина перевозимых грузов [907, с. 16—18]. Обычай употребления в пищу конины встречался у подавляющего большинства степных племен, однако некоторые из них (апачи, ассинибойны) ели ее регулярно, тогда как другие (сиу, черноногие, чейены и др.) — только в случае крайней нужды [907, с. 276].

В основе коневодческих приемов и материальной культуры, связанной с лошадьми, лежала испанская техника [1037, с. 7, 8, 18; 907, с. 63—65], однако, как отмечают некоторые специалисты, это не было слепым копированием. Индейцы, в особенности в северных районах, внесли много своего в производство сбруи и седел, в известной степени повторив путь, пройденный кочевниками Евразии [5, с. 23, 24; 567, с. 328, 329]. Многие племена практиковали холощение жеребцов [907, с. 258].

К сожалению, характер источников часто не позволяет получить сколько-нибудь точные количественные данные о табунах индейцев [907, с. 282—284]. Все же благодаря тщательному источниковедческому анализу, проведенному некоторыми специалистами, удалось получить цифры, позволяющие представить себе статистическую картину, хотя бы и в весьма приближенном виде [5, с. 25, 26; 567, с. 29—31; 907, с. 287—314]. Так, у команчей в 1819 г. бедняки обладали лишь единичными лошадьми, середняки имели по 50—200, а богачи — до 300 лошадей. У кайова встречались безлошадные и малолошадные хозяйства, у середняков было по 6—10, а у зажиточных людей — по 20—50 животных. У плоскоголовых и неперсе приходилось

примерно по 50 лошадей на домохозяйство, состоявшее в среднем из 33 человек (от 7,66 до 60,6 человека). У чейенов в начале XIX в. у некоторых семей насчитывалось до 30—40 лошадей. У кроу в 1805 г. бедняки обладали лишь единичными животными, а середняки держали табуны по 30—40 голов. Через полвека у бедняков кроу встречалось уже по 20, у середняков — по 30—60, а у богачей — до 100 лошадей. У черноногих в начале XIX в. зажиточные хозяева имели по 40—60, а иногда и до 300 лошадей. В 1860 г. владельцы стад в 50—100 голов считались богачами. К концу века в стадах последних встречалось уже по несколько сотен животных. Однако богачи, владевшие стадами в несколько десятков голов и выше, составляли среди черноногих лишь 5%. В среднем на домохозяйство, состоявшее из 10—16 человек, у них приходилось по 5 лошадей. В 1833 г. у тетон-дакота богачи имели по 30—40 лошадей, у сиу приходилось в среднем по 20 лошадей на семью из 12—16 человек. У некоторых других племен дакота, как правило, также имелось не более 2 лошадей на человека. У ассинибойнов в среднем приходилось 2 лошади на домохозяйство из 9—10 человек, причем многие общинники вообще не имели лошадей. У пауней выдающийся вождь обладал лишь 10 лошадьми, а зажиточные общинники — 4—5 животными. У манданов в 1833 г. отмечалось много безлошадных и малолошадных хозяйств. По подсчетам Максимилиана, в двух поселках манданов в это время было около 300 лошадей, а в поселках хидатса — 250—300 лошадей. Таким образом, наиболее богатыми обладателями лошадей были племена юга и юго-запада, граничившие с испанскими поселениями. К северо-востоку отсюда количество лошадей прогрессивно убывало, что свидетельствует о первостепенной важности испанского коневодства для пополнения табунов степных индейцев.

Поскольку лошадь служила в хозяйстве индейцев главным образом средством охоты, транспорта и предметом торговли, она могла быть использована только индивидуально. По мнению Ю. П. Аверкиевой, именно поэтому лошадь с самого начала стала индивидуальной собственностью индейца [5, с. 27]. Некоторые другие авторы сообщают, что лошадьми могли пользоваться и родичи, и полагают, что фактически лошади находились в семейной собственности [907, с. 80]. Есть данные о том, что в некоторых случаях на лошадей мог претендовать и гораздо более широкий круг лиц. Вопрос о собственности на лошадей сложен, и его решение вряд ли может быть сформулировано сколько-нибудь однозначно. Ясно лишь то, что лошадь как объект собственности весьма рано заняла совершенно особое место. Это видно на следующем примере. В долошадный период традиционный порядок чейенов позволял человеку брать в пользование без разрешения любую нужную ему вещь, оставив хозяину какую-то другую вещь в качестве залога. С появлением лошади этот порядок потребовал изменений. Прецедентом

явился случай, когда один из общинников забрал лошадь, оставив ее хозяину лук. Когда через год лошадь все еще не была возвращена, ее хозяину пришлось прибегнуть к вмешательству вождя, который восстановил справедливость. С тех пор брать лошадь без позволения хозяина стало нельзя [896, с. 134]. В ранний период лошади не передавались по наследству, а умерщвлялись на могиле владельца. Так, команчи истребляли на могиле весь табун, насчитывавший порой до 300 лошадей [5, 27; 907, с. 274]. У ацина отмечался обычай, по которому родители могли убить всех лошадей на могиле единственного ребенка [907, с. 274], что также свидетельствует о праве индивидуумов распоряжаться табунами. У некоторых степных племен верховые и вьючные лошади принадлежали не только мужчинам, но и женщинам, которые перевозили на них имущество, а в некоторых случаях даже участвовали в конной охоте [907, с. 323, 324].

С ростом социально-экономического значения лошадей обычай уничтожения всего табуна сменился обычаем жертвоприношения отдельных «любимых» животных, тогда как остальные лошадей «хоронили» чисто символически, отрезая гриву и хвост, которые и оставлялись на могиле бывшего хозяина [5, с. 27]. Так, уже во второй половине XIX в. команчи убивали на могиле умершего лишь любимого коня. То же отмечалось у кроу, арикара, ассинибойнов, мандана и хидатса. Ассинибойны, кроме того, отпускали впоследствии всех лошадей усопшего на свободу, если он был холостой, и лишь лучших лошадей, если он был женат [5, с. 27; 907, с. 274]. Остальные лошади, как правило, распределялись между родичами и друзьями умершего, причем у разных племен раздел осуществлялся либо вдовой, либо старшими детьми покойного, либо старейшиной селения. Со временем все большее участие в разделе принимали общинники, не состоявшие в родстве с покойным. Ю. П. Аверкиева видит в этом «эволюцию взглядов в связи с переходом родовых норм на общину» [5, с. 28]. Таким образом, в истории степных индейцев существовал период, когда индивидуальная собственность на лошадей сочеталась с известными ее ограничениями в свете представления об общности родовой и общинной собственности. Как отмечает Ю. П. Аверкиева, «дольше всего оно распространялось на лошадей в табуне, тогда как обьеженные лошади, находившиеся в личном пользовании, прежде всего стали частной собственностью» [5, с. 27]. У некоторых племен материнские родичи имели преимущественное право на получение лошадей. Так, у манданов все лошади, добытые молодым воином, принадлежали его сестре [907, с. 328].

На протяжении XIX в. шло формирование нового порядка, по которому наследство могло передаваться по завещанию старшему сыну, вдове или же другим близким родственникам [5, с. 28, 29].

Важное социально-экономическое значение коневодства проявлялось не только в том, что лошадь служила средством транспорта, но и в ее огромной роли как товарного эквивалента, брачного выкупа, единицы всевозможных выплат и штрафов. Вот почему лошади стали реальным богатством, обладание которым не только гарантировало безбедное существование, но и создавало высокий авторитет владельцу. На этой основе развитие товарно-денежных отношений стимулировало возникновение имущественного неравенства и эксплуатации рядовых общинников богачами. Распространение конной охоты привело к появлению и росту значения аренды лошадей. Возникнув в рамках традиционного обычая взаимопомощи, аренда быстро превратилась в орудие скрытой эксплуатации, так как богачи требовали от арендаторов возмещения за «помощь» в виде части охотничьей или военной добычи. Наиболее бедные сородичи вынуждены были работать на богачей. Таким образом, в среде конных охотников интенсивно шел процесс социального расслоения, причем в некоторых обществах выделялось уже несколько прослоек общинников и имелись рабы. Одним из важных механизмов становления института «лучших людей» было устройство пышных празднеств и сопутствующая им раздача накопленного богатства (в том числе лошадей), повышавшая престиж организатора. Со временем щедрость становилась все более определяющей чертой «лучших людей», тогда как другие их качества постепенно оттеснялись на второй план [5, с. 45—59]. Описанная система была довольно неустойчивой, так как состав стада был подвержен значительным колебаниям вследствие вражеских набегов, превратностей погоды и эпизоотий, а в соответствии с ним колебался и социальный престиж владельца [5, с. 53]. Тем не менее уже само наличие ее сильно отличало описываемые племена от пеших охотников и собирателей, что дает основание говорить о социальном перевороте, к которому привело появление лошадей в среде местного населения Северной Америки.

Введение лошадей отразилось и на религиозной системе индейцев. Потребности в ветеринарии привели к возникновению союза знахарей-ветеринаров, наделявшихся сверхъестественными силами и способных, по мнению индейцев, с помощью магии повлиять на табуны лошадей. Сами лошади также считались источником магических сил. На возникновение культа лошадей известное влияние мог оказать культ бизона, который почитался в прериях как покровитель охоты, плодородия и т. д. Особенно почитался череп бизона как средоточие его магической силы [5, с. 149, 150, 158—162; 907, с. 261; 567, с. 317].

В Южной Америке процессы, аналогичные описанным выше, изучены, к сожалению, гораздо хуже. Известно, что испанцы завозили туда лошадей, крупный рогатый скот, коз и овец, которые в некоторых районах тем или иным путем заимствовались

местным населением. При этом в Южной Америке также вычлениаются две основные модели заимствования домашних животных аборигенами. Охотники и ранние земледельцы южных степных районов восприняли исключительно лошадей и превратились в конных охотников и грабителей. Первоначальные навыки обращения с лошадьми передавались им пленными испанцами, которых индейцы заставляли обучать их верховой езде [830, с. 127]. Распространение этих навыков в степной зоне происходило чрезвычайно быстро. Буквально за какие-то несколько десятилетий на чилийской границе возникло мощное объединение воинственных конных индейцев, которые к началу XVII в. обладали табунами в несколько тысяч голов [830, с. 127, 129]. Наличие лошадей оказало сильное влияние на социальную структуру и политическую организацию местных народов, значительно усилились процессы социальной дифференциации. К разведению лошадей эти народы не перешли; главным средством пополнения табунов был грабеж [955, с. 377—380, 408—413, 421].

Единственными скотоводами среди индейцев Южной Америки стали гоахиры, обитавшие в засушливом прибрежном районе Колумбии. Они заимствовали у испанцев крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, ослов, свиней и кур. Владельцы крупных стад почти полностью забросили земледелие, предпочитая получать его продукты в обмен на скот. Мясо и молоко стали основной пищей гоахиры, важным компонентом которой остались также и земледельческие продукты. Молоко они получали от коров, а мясо от коз и овец, которых резали для этого очень часто. Животные, кроме того, широко использовались в торговле, для выплаты различных штрафов и в качестве брачного выкупа (особенно крупный рогатый скот). Крупный рогатый скот стал у гоахиры мерилем стоимости и показателем социального престижа. После перехода к скотоводству принцип родства по женской линии продолжал доминировать у гоахиры. Связи родичей по материнской линии оставались наиболее крепкими из всех социальных связей, причем материнско-родовая община ассоциировалась с крупным рогатым скотом. Собственность на скот возникала с раннего детства из подарков, сделанных ребенку матерью или бабкой. Костяк стада молодой семьи составляли животные, подаренные невесте ее материнскими родичами, которые считали своим долгом заботиться о благополучии молодых. Жених также получал животных от своих материнских родичей. После смерти стадо покойного обычно делилось между его родственниками по материнской линии, причем перед разделом много крупного рогатого скота убивали на могиле [408, с. 369—381; 955, с. 359; 409, с. 411—416; 1023, с. 175—202].

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННИЕ ЭТАПЫ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ СКОТОВОДСТВА
(ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)

*Первичные и вторичные центры становления
производящего хозяйства*

Учение о первичных и вторичных центрах доместикации было впервые разработано Н. И. Вавиловым на ботанических материалах. В целом эта идея оказалась весьма плодотворной и нашла широкое применение не только в биологии, но и в социальных науках. В настоящее время ни одно серьезное исследование, в котором затрагивается проблема возникновения земледелия и скотоводства, не может не учитывать достижений Н. И. Вавилова и его учеников. Возражения против концепции «центров происхождения», появившиеся в последние годы, кажутся неосновательными. Тенденция умаления принципиального значения теории Н. И. Вавилова восходит к работам Дж. Хэрлана, Э. Хиггса и М. Джермана [631, с. 468—473; 656, с. 31—40; 633, с. 4, 5], которые, опираясь на новейшие достижения археологов и ботаников (обнаружение фактов доместикации различных животных и растений в самых разных районах, выявление несовпадения центров разнообразия видов и центров происхождения их культурных форм и т. д.), призывают отказаться от идеи «центров происхождения», так как и земледелие и скотоводство возникали независимо в разных районах на обширных территориях, что будто бы не соответствует представлению о каких-то узколокальных центрах. На самом деле, как ни широко бывают порой ареалы подходящих для доместикации растений и животных, они все же так или иначе ограничены. Тем самым лишается смысла стремление искать предпосылки становления производящего хозяйства там, где биологической базы для него не было и не могло быть. В действительности же границы первичных очагов возникновения земледелия и скотоводства, очевидно, не совпадали и с границами областей с благоприятным экологическим фоном. Первые оказались неизменно уже вторых в силу неравномерности исторического развития отдельных человеческих коллективов, которая начала проявляться весьма рано. Поэтому культурные предпосылки для перехода на

новую, качественно иную ступень эволюции складывались в рамках «биологически благоприятных очагов» неодновременно. Это, конечно, не означает, что в пределах таких очагов процесс никогда не мог идти параллельно. Так, на территории переднеазиатского очага земледелие возникло, очевидно, независимо в восточной и западной его частях. Однако по отношению к окружающим районам переднеазиатский очаг выступал как единое целое, ибо его влияние на них стало сказываться тогда, когда достижения восточного и западного регионов объединились в одном комплексе.

Концепция «центров происхождения» подкрепляется порой лингвистическими и антропологическими данными. Так, более чем вероятно, что распад сино-тибетской языковой семьи и расщепление отдельных ее ветвей прямо отражает процесс распространения производящего хозяйства из восточногогималайского центра. То же можно сказать и о процессе расселения южных монголоидов в неолите.

Наконец, прекрасной иллюстрацией плодотворности концепции Н. И. Вавилова и разработанных им методов является составленная в 30-е годы советскими исследователями карта предположительных очагов domestikации различных животных [39, с. 26, 27], которая по точности и по соответствию современным археологическим данным не только не уступает, но в некоторых отношениях и превосходит позднейшие публикации такого рода [13, с. 120—122, рис. 1; 920; 685].

Вместе с тем правильное использование концепции «центров происхождения» требует учета одного важного обстоятельства. Дело в том, что первичные очаги domestikации отдельных видов далеко не всегда совпадали с первичными очагами возникновения земледелия и скотоводства, поскольку в ходе распространения производящего хозяйства на новые территории оно вбирало в себя новые виды, наиболее приспособленные к данной природной среде. Поэтому первичных очагов возникновения земледелия и скотоводства было значительно меньше, чем первичных очагов domestikации различных видов растений и животных. И если для биологов, как правило, это разграничение представляется малосущественным, то совершенно иначе к нему должны подходить историки, для которых проблема взаимоотношений различных обществ на протяжении их истории является одной из фундаментальных. Следует, правда, отметить, что и в настоящее время состояние наших знаний далеко не всегда позволяет определить степень первичности того или иного центра. Примером может служить восточноазиатский центр, споры вокруг которого не смолкают и по сей день. В то же время уже сейчас выделяются центры, которые можно считать, бесспорно, самостоятельными. Это — Передняя Азия, Восточные Гималаи, Мезоамерика и Анды. Менее ясна картина возникновения земледелия в Африке. Новейшие исследования дают ос-

нование считать, что самое раннее земледелие сформировалось здесь на местной основе. Вместе с тем и Африка и Закавказье являют собой любопытные примеры того, как более мощный — в данном случае переднеазиатский — очаг влиял на соседние очаги, обогащая их своими достижениями и в известной степени на определенном отрезке времени нивелируя потенциальные различия между ними.

С распространением производящего хозяйства за пределы первичных очагов возникли вторичные центры, где земледельческо-скотоводческий комплекс развивался зачастую столь своеобразно, что по прошествии определенного промежутка времени приобретал облик, мало напоминавший его непосредственного прародителя. Такого рода процессы обусловили колоссальные трудности историко-генетических реконструкций, усугубленные иллюзией того, что описанное своеобразие является прямым следствием сугубо местного, независимого формирования земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Как бы то ни было, и возникновение производящего хозяйства в первичных центрах и его распространение во вторичные требовало определенного уровня развития культуры их обитателей, без чего эта трансформация была бы немыслима. Только с учетом изложенного выше можно подойти к выяснению специфики процессов, имевших место в первичных и вторичных центрах.

Возникновение скотоводства

Одной из важных предпосылок domestikации животных многие исследователи небезосновательно считают специализированную охоту, или «охоту с выбором». Однако ее характер и в особенности те ее черты, которые способствовали domestikации, до сих пор еще не получили достаточно детального освещения в нашей науке. Лучше всего изучен вопрос об охоте на северного оленя, или карибу, представляющей собой наиболее яркий пример специализированной охоты.

Археологически специализированная охота выявляется по двум признакам: во-первых, по высокому удельному весу костей данного животного в остеологических коллекциях, во-вторых, по специфическому половозрастному составу фаунистических остатков. Этнографические данные позволяют объяснить эти особенности. Первый признак, очевидно, можно связывать с характером природной среды, благоприятной для размножения именно данного вида млекопитающих, который и становится основной добычей охотников. Тем самым охота постепенно приобретает этническую окраску: люди охотятся на данного зверя не только в определенные, наиболее удобные сезоны года, но и в другие периоды, что требует выработки серии весьма разнообразных

методов охоты. Другие виды млекопитающих становятся добычей охотников лишь в самом крайнем случае, независимо от численного соотношения этих зверей. Таким образом, культурный фактор наслаивается на природный и усиливает его. Конечно, нарисованная здесь картина отражает лишь самый крайний случай. Это скорее тот экстремум, к которому стремится специализированная охота в своей тенденции. Как бы то ни было, одним из условий такой охоты является относительная упрощенность из экологической системы, отсутствие видовой многообразия фауны, стимулирующее возникновение преимущественной охоты на единичные виды млекопитающих.

Второй признак отражает уже исключительно особенности культурно-исторической среды, которая определяет характер и методы охоты. Именно он делает специализированную охоту в полном смысле слова «охотой с выбором». Вместе с тем этот «выбор» вопреки бытующим представлениям определяется культурной средой зачастую не столько прямо, сколько косвенно, т. е. особенности половозрастного состава добычи возникают не столько в результате желаний охотников, будто бы стремившихся в течение всего года охотиться преимущественно на вполне определенные половозрастные категории, сколько в результате сезонной охоты, которая делает эти категории наиболее легкой добычей.

Наконец, важная особенность специализированной охоты заключается в том, что она ни при каких условиях не может служить сколько-нибудь прочной основой хозяйства. Поэтому охотники должны время от времени добывать пищу другими способами, использовать иные природные ресурсы, причем эта деятельность зачастую оттесняет специализированную охоту на задний план и делает ее подсобным занятием.

Все отмеченное выше представляет собой не что иное, как этнографический комментарий к археологической картине. Для установления степени объективности этого комментария требуется остановиться на наиболее существенных этнографических примерах. Исследователи, изучавшие особенности охоты на северных оленей как в Северной Америке, так и в Северной Евразии, постоянно подчеркивают ее коллективный сезонный характер. Действительно, с учетом особенностей миграционного цикла северных оленей, колебаний в составе их стад, сезонных изменений в повадках и физическом облике этих животных, охотники устраивают основные посылки в миграционный период, т. е. в период их наибольшего скопления весной или осенью. Особенно важны осенние охоты, так как именно к осени животные нагуливают максимальный вес и дают шкуру высшего качества. Посылки устраиваются обычно у водных переправ; для загонов часто строят изгороди, деревянные в лесной зоне и каменные или ледяные — в тундре. Все это отнюдь не означает, что в другие сезоны года охота на северного оленя отсутствует,

однако тогда она становится спорадической, индивидуальной и менее эффективной. Основное мясо и сырье заготавливается именно в период коллективной сезонной охоты. В другие сезоны деятельность охотников связана с иными ресурсами, как правило, с рыболовством и реже с морским промыслом. В общих чертах описанная модель характерна для эскимосов, атапасков и алгонкинов Американского Севера [402, с. 7—11, 15—18, 62], а в прошлом — для самых разных народов Северной Евразии от Чукотки и Камчатки до Скандинавии [296, с. 88, 90].

Сезонная охота на оленей на переправах создает условия для непреднамеренного отбора. Описывая подобную охоту на р. Анадырь, Н. Л. Гондатти отмечал, что весной стадо возглавляют важенки, за которыми следуют взрослые быки. Так как охотники прибывают на место поволоки поздно, на их долю достаются только быки [90, с. 129, 132]. Ясно, что на месте такой охоты археологи обнаружат преимущественно кости взрослых самцов. Прямо противоположную картину они могли бы встретить на месте поволоки, устраиваемых эскимосами-карибу, добычу которых составляли важенки и телята, ибо, по словам К. Биркет-Смита, взрослые самцы шли в другом стаде [422, с. 108, 109].

Правомерен вопрос, в какой мере охота на северных оленей может привлекаться для характеристики первобытной специализированной охоты в целом. Может быть, охота на других стадных копытных отличается принципиально иными чертами? Материалы, собранные Б. Энелом, показывают, что принципиальных отличий здесь нет: повсюду в Северной Америке основным средством получения мяса для местных охотников служили коллективные загонные охоты, зачастую с помощью изгородей. В районах с ярко выраженным сухим сезоном для таких охот применялись поджоги, которые одновременно обновляли растительность, создавая более благоприятные условия для питания как людей, так и животных [402, с. 101, 102]. В западных районах Северной Америки от Канады до Калифорнии была широко распространена коллективная охота на горных коз и баранов, причем первых, как правило, гнали вниз на охотников, а вторых вверх [402, с. 99]. Тем самым охотники учитывали индивидуальные особенности этих животных: горные козы становятся более легкой добычей на плоских участках предгорий, тогда как бараны, напротив, стараются избегать скалистых ландшафтов и крутых утесов, где им трудно спастись от погони. Шошоны и паюти Большого Бассейна охотились с помощью загонных на антилоп и кроликов [582, с. 37; 402, с. 48, 49], которые были здесь основными видами дичи. На равнинах Северной Америки в долошадиный период главным методом охоты на бизонов была охота с изгородями [582, с. 52, 53; 402, с. 68—73].

Существенным представляется тот факт, что во всех отмечен-

ных случаях охота, будучи главным источником мясной пищи, не являлась главным видом хозяйства. Неземледельческое население занималось в первую очередь собирательством или рыболовством [402, с. 95], а земледельческое, естественно, земледелием. Коллективная охота проводилась нерегулярно, в какие-то определенные сезоны года, а то и раз в несколько лет. Как и в северных районах, она зачастую велась с «выбором». Так, шошоны горных районов охотились на баранов весной, когда самки приносили потомство и представляли собой весьма легкую добычу [681, с. 156, 157]. Атапаски-талтаны также охотились на горных коз и баранов весной и летом [560, с. 71, 72], по-видимому, по той же причине. Следовательно, основную добычу таких охотников составляли самки с детенышами. Надо сказать, что молодые животные вообще гораздо чаще попадают в лапы хищников, чем более опытные старые. На них легче было охотиться и людям. Так, апачи ухитрились в ходе загонной охоты ловить молодых антилоп голыми руками [402, с. 59]. Австралийцы также чаще всего добывали на охоте молодых, неопытных, слабых животных [628, с. 290].

В других районах мира коллективная охота с помощью изгородей и огня известна, например, у бушменов [582, с. 29], австралийцев и тасманийцев [401, с. 1, 7]. В древности загонная охота с изгородями применялась германцами для ловли лосей, серн и коз [289, с. 297, 299]. Об облавах с огнем сообщается в китайских источниках II тысячелетия до н. э. [295, с. 108—110]. Таким образом, специализированная охота в том виде, как она охарактеризована выше, может считаться поистине универсальным явлением, которое возникло весьма рано (не позднее конца верхнего палеолита — мезолита). Предположения некоторых исследователей о ее тесной связи в ряде районов с поджогами растительности [740, с. 193—219; 796, с. 15—42] представляются вполне обоснованными.

Мне уже приходилось отмечать, что специализированная охота была важной, но далеко не достаточной предпосылкой domestikации [373, с. 42]. Сама возможность существования такой охоты зависела от степени развития других видов хозяйства: в доземледельческий период — от собирательства и рыболовства. В еще большей мере развитие последних предопределяло вероятность domestikации животных, поскольку одомашнивание могло осуществляться только там, где относительно стабильная кормовая база позволяла сохранять жизнь отдельным особям, а также, хотя бы минимально, обеспечивать их пищей, ибо даже в условиях вольного выпаса прирученные и одомашненные животные вначале требовали искусственной подкормки. Такую базу предоставляли развитые собирательство и рыболовство и ранее земледелие, однако их роль в domestikации была различной. Дело в том, что ареалы многих подходовивших для domestikации животных (коз, овец, гуанако, туров, гауров и др.)

локализировались в районах, не располагавших достаточно обильными водными ресурсами. Рыболовство в этих районах служило не более чем подсобным видом хозяйства. Напротив, собирательство растительной пищи стало здесь главным фактором, обусловившим переход к более или менее оседлой жизни. Такое собирательство и выроставшее из него земледелие и стали основой, на которой оказалось возможным приручать и одомашнивать многие виды животных. В этих условиях, по-видимому, и происходила domestикация животных в переднеазиатском, восточногималайском и андийском центрах.

Единственное исключение из этого правила составляли, видимо, собаки и свиньи, которые, как подчеркивал С. Н. Боголюбский, могли быть одомашнены оседлыми рыболовами, охотниками и собирателями [37, с. 106]. И волки и дикие свиньи водились в местах, где оседлорыболовческий образ жизни позволял в доземледельческий период использовать окружающую природную среду с максимальным эффектом. Примером domestикации собак рыболовами служит мезолитическая культура маглемозе, а свиней, возможно, культура лепенски-вир.

Этнографические материалы не подтверждают встречающегося порой и до сих пор мнения о domestикации стад животных, пойманных методами загонной охоты. В специализированной охоте следует видеть не столько механизм domestикации, сколько ее необходимое условие, позволяющее добывать живых особей, которые могли бы послужить материалом для приручения. Известно, что шошонам порой удавалось поймать в загон нескольких антилоп, которых они убивали по мере надобности в течение нескольких дней [402, с. 51, 52]. Любопытный метод охоты был обнаружен в Центральной Австралии, где некоторые группы аборигенов калечили кенгуру и других животных и гнали их в район, богатый растительностью, где эти животные могли кормиться в течение некоторого времени, пока их всех не истребляли на мясо [967, с. 135]. Вместе с тем, хотя подобного рода методы и сохраняли жизнь пойманному особям, они нигде не влекли за собой какую бы то ни было domestикацию стад.

Судя по этнографическим данным, в первобытности могли применяться два способа domestикации: импринтинг и насильственное приручение с помощью голода, причем первый из них встречался на более ранней стадии развития, второй появился позже. Описывая импринтинг, Е. Хейл отмечает, что «поймка детенышей служит самым прямым и действенным средством приручения диких зверей, что проявляется в сильном социальном тяготении к человеку в критические периоды импринтинга (запечатления.— В. Ш.), или социализации» [627, с. 22]. Влияние человека, который в полном смысле слова заменяет животному мать на ранних стадиях онтогенеза, оказывает поистине волшебное воздействие на животное: впоследствии оно стано-

вится преданным другом человека и редко покидает его по своей воле. Приручение молодых животных известно у многих оставших в своем развитии народов: у австралийцев, семангов, аэта, андаманцев, северных атапасков и многочисленных раннеземледельческих групп в разных районах мира. Чем более прочной является хозяйственная база коллектива, тем в большем количестве и тем длительнее он способен содержать прирученных животных. Как показывают этнографические источники, активнее всего приручением животных занимаются ранние земледельцы, одной из особенностей поселков которых, издавна отмечаемой путешественниками, является множество прирученных животных и птиц. Уникальная практика доместикации свиней с помощью импринтинга фиксируется у папуасов Новой Гвинеи (население р. Тор и др.). Ловля молодых оленят или гуанако и обучение их для целей охоты (охота с манщиком) отражает то же явление. Наконец, выращивание прирученной молодой самки тура германцами для использования ее в качестве манщика [289, с. 295, 296] тоже демонстрирует успешное применение метода импринтинга. Импринтинг использовался и белыми охотниками в Северной Америке для приручения жеребят одичавших лошадей [502, с. 78]. Таким образом, импринтинг можно считать универсальным ранним методом доместикации. По-видимому, его применяли и для одомашнивания коз и овец.

Более развитым методом следует считать насильственное приручение с помощью голода. В отличие от импринтинга оно имело дело с массовым материалом и практиковалось людьми, уже обладавшими домашними животными и знакомыми с методами скотоводства. Оно проводилось сознательно и целенаправленно для создания популяции домашних животных [36, с. 40; 37, с. 228—234]. Этот метод чаще всего заключался в том, что стадных диких животных загоняли за изгородь, перекрывали входы и выходы и оставляли «узников» без воды и пищи, пока они не делались достаточно смирными. Так приручали слонов и, возможно, туров в Индии [394, с. 74, 75], буйволов в Лаосе [687, с. 201] и мустангов в Северной Америке [502, с. 69, 70]. Описанный способ доместикации не обязательно требовал создания искусственных загонов: достаточно было держать пойманных животных на привязи. Туареги, например, стреноживают пойманных диких ослов и держат на привязи в лагере в течение 1—2 месяцев, после чего объезжают их и уже спокойно используют для верховой езды [831, с. 108, 109]. Для приручения маралов их также держат некоторое время на привязи [46, с. 151, 152].

Нельзя не отметить, что люди, несомненно, пытались одомашнить гораздо большее число видов, нежели было одомашнено в действительности. Однако какие-либо сведения об этом процессе практически отсутствуют. Большое внимание ему уде-

лил Б. Брентъес, который попытался проанализировать под этим углом зрения множество предметов изобразительного искусства, происходящих из древней Передней Азии [448; 449]. К сожалению, анализ проводился без должной критики источников, в результате чего многие дикие животные были безосновательно зачислены в категорию прирученных.

Можно предполагать, что приручению подвергались представители едва ли не всех видов, попадавших в руки людей во время загонной охоты. Поэтому объяснение тому факту, что лишь немногие из них были одомашнены, следует искать не в человеческой среде, а в биологических особенностях самих животных. Эта проблема изучена еще весьма слабо. Однако уже те немногие исследования, которые имеются, приводят к важным выводам. Так, И. И. Соколову удалось убедительно показать, что «потенциально домашние животные» обладают особым типом высшей нервной деятельности и отличаются высокой степенью экологической и морфофизиологической пластичности [302, с. 48—54]. В организме домашних животных и их диких сородичей было обнаружено много адреналина по отношению к норадреналину. Выяснилось, что виды с иным соотношением этих гормонов мало подходят для domestikации [587, с. 77, 78]. Сходные выводы получил Е. Хейл, который проанализировал главным образом поведенческие характеристики животных, способствующие или препятствующие domestikации [627, с. 25—31].

Приручение разнообразных животных, как выясняется, возникло на поздней стадии развития общества собирателей, рыболовов и охотников, а его расцвет и превращение в подлинную domestikацию, за редкими исключениями, надо связывать уже с раннеземледельческими обществами. Нельзя не видеть в этом некую закономерность, которая определялась тем, что именно в такого рода обществах приручение и domestikация стали жизненной потребностью населения. Причину этого явления надо, очевидно, искать в резком изменении пищевого баланса при переходе к более оседлому образу жизни, основанному главным образом на растительной или рыбной пище. И рыболовство, и усложненное собирательство, а тем более земледелие не позволяли отдавать охоте столько же сил и времени, как раньше: охота стала менее регулярной и, следовательно, менее эффективной. Правда, повышению ее эффективности способствовали хорошо организованные коллективные охоты, однако они проводились редко. Б. Энелл, сравнивая охоту земледельцев Новой Гвинеи и охотников и собирателей Австралии, убедительно показал, что в первом случае она совершается много реже, чем во втором, и имеет своей целью прежде всего обеспечение мясом приближающейся праздничной церемонии [401, с. 7, 124]. Охота, результат которой в гораздо большей степени зависел от случайностей, чем успех рыболовства, хорошо налаженного собирательства или же земледелия, за редкими исключениями, не

могла долго конкурировать с этими видами хозяйства. Роль ее постепенно падала, а с нею вместе падал и удельный вес мяса в пищевом рационе людей. Потребность же в мясе, как важном источнике животных белков, не только не уменьшалась, а, напротив, росла, причем в большей степени в раннеземледельческих, чем в рыболовческих обществах, где рыбная пища компенсировала потерю в животных белках — их в рыбе содержалось не меньше, чем в мясе. В обществах усложненных собирателей и ранних земледельцев притягательная сила мясной пищи привела к ее ритуализации: мясо и его источник, животные, со временем наряду с пищевым приобрели важное социально-престижное значение. Мясная пища превратилась в праздничную пищу, а обладание прирученными животными стало мощным фактором, определявшим выдающееся место человека в обществе. В этом и надо видеть основу характерного для раннего скотоводства парадоксального на первый взгляд явления, которое заключалось, с одной стороны, в стремлении содержать как можно больше домашних животных, а с другой — во всевозможных запретах на их убой. Таким образом, стимулом к domestikации животных можно вслед за Г. Райтом [1042, с. 469, 470] считать желание сохранить важный источник питания в условиях роста роли растительной пищи и тенденции к оседлости, что привело к оттеснению охоты на второй план.

Раннее скотоводство, как показывают этнографические данные, определялось следующими чертами: домашних животных было мало; за ними ухаживали в основном женщины; особой заботой пользовался молодежь, тогда как взрослых особей отпускали на вольный выпас; убой животных производился редко и, как правило, устраивался по случаю тех или иных церемоний; на мясо старались убивать взрослых особей; домашние животные имели важное социально-престижное значение.

Первоначальное распространение скотоводства

Возникнув самостоятельно в нескольких первичных очагах, производящее хозяйство, и в частности скотоводство, постепенно распространилось по значительной части ойкумены. Конкретные примеры распространения скотоводства были рассмотрены и, насколько это позволяет характер источников, проанализированы выше. Здесь же кажется уместным привести лишь общие теоретические модели, построенные на основании изучения этнографо-археологических данных. Скотоводство проникло на новые территории двумя путями: 1) в ходе миграции, которая могла как представлять собой инфильтрацию мелких групп населения в среду аборигенов, так и иметь более массовый характер. Последнее было более характерно для поздних этапов

первобытной истории; 2) в ходе заимствования, когда отдельные домашние животные и навыки скотоводства, занесенные пастухами, могли восприниматься местным населением. В условиях как миграции, так и заимствования вступали в действие факторы, существенно влиявшие на облик хозяйства. В применении к скотоводству они были подробно описаны Ш. Бекени [434, с. 88—93]. Наиболее важными из них для ранней эпохи представляются экологические факторы и порожденная ими так или иначе хозяйственная ориентация, а также сопутствующая ей идеология, способная повлиять на процесс восприятия новшеств.

М и г р а ц и я¹. Миграция ранних земледельческо-скотоводческих коллективов была обусловлена прежде всего демографическим взрывом, сопровождавшим процесс возникновения производящего хозяйства. За ним неизбежно следовали сегментация чересчур разросшихся общин и отлив населения в поисках новых плодородных земель. Поскольку определяющей сферой хозяйства у этих групп было земледелие, то его потребности и обуславливали направление миграции.

Примером последней служит инфильтрация мелких земледельческо-скотоводческих групп из Анатолии на Балканы в VIII (VII) тысячелетии до н. э., а также, видимо, из Передней Азии в Египет в неолите. Несколько более широкий характер имели передвижения племен культуры линейно-ленточной керамики в Центральной Европе и «луншаноидных» культур в Восточной Азии, отлив населения из районов Сахары к югу на протяжении III (III—II) тысячелетия до н. э., распространение астро-незийцев в Океании и т. д. Любопытно, что все миграции этого типа были устремлены прежде всего в районы, экологически близкие к первичным областям обитания передвигавшихся коллективов. По мере того как мигранты удалялись от своей родины, их скотоводство начинало испытывать определенные трудности. Дело в том, что при крайне низком уровне скотоводческой техники в ранний период большую роль для пополнения стада должна была играть повторная многократная domestикация местных видов. Этнографам известно множество примеров того, как в голодное время люди могли съесть или потерять всех своих домашних животных. То же выявляется и по археологическим источникам. Так, на некоторых островах Океании домашние животные (собаки, свиньи), приведенные первооселенцами, исчезли со временем на протяжении первобытного периода. В этих условиях население могло легко оказаться без стада. Поэтому столь важной для него являлась проблема domestикации новых местных видов фауны. Наиболее остро она стояла в тех районах, к природным условиям которых приведенные с собой домашние животные были плохо приспособлены. Именно такую ситуацию Ш. Бекени выявил в Карпатском бассейне, где на ранних этапах развития скотоводства мелкий рогатый скот не приживался, что повлекло за собой domestикацию

местных видов (туров, свиней) [434, с. 89, 90]. Впрочем, в любом случае в условиях по крайней мере примитивного скотоводства разведение местных пород оказывается более предпочтительным, ибо они гораздо продуктивнее и лучше приспособлены к местной природной среде, чем интродуцированные. Вследствие этого с распространением производящего хозяйства из Передней Азии на восток и юго-восток обыкновенный крупный рогатый скот утерял лидирующее положение, будучи оттеснен такими видами, как зебу, буйвол, як. То же произошло и с рядом других животных. Иным путем образования новых пород была гибридизация приведенных домашних животных с родственными местными дикими видами, от которых дикие предки первых были отделены географическим барьером [140, с. 155; 627, с. 34]. Гибридизация могла осуществляться без вмешательства человека в результате широко распространенной в ранний период практики вольного выпаса. Именно этим путем гены европейского тура могли влиться в состав популяции крупного рогатого скота. Так же могла происходить гибридизация каменных коз с домашними козами и овцами, при скрещивании с которыми они дают плодovitое потомство. То же самое имело место, видимо, и в ряде других случаев. Процесс этот, к сожалению, за редкими исключениями [200, с. 34, 41], почти не учитывается специалистами, изучающими историю домашних животных.

Миграция вела не только к модификации производящего хозяйства, но в ряде случаев и к почти полной утрате его навыков. Выше указывалось на переход к конной охоте земледельцев Северной Америки и на отказ самодийцев от скотоводства при передвижении на север в тайгу. К этому можно добавить, что некоторые группы банту и первые поселенцы на Новой Зеландии, оказавшись в природных условиях, мало благоприятных для развития производящих форм хозяйства, почти полностью забросили их, перейдя к охоте и собирательству [817, с. 27, 28; 965, с. 19]. То же наблюдалось не раз в истории человечества и должно учитываться в работах по первобытной истории.

З а и м с т в о в а н и е. Общеизвестно, что заимствование всегда имеет избирательный творческий характер и происходит лишь в том случае, когда ему благоприятствует целый ряд сопутствующих обстоятельств. Обстановка, в которой хорошо налаженное присваивающее хозяйство дает населению достаточное питание, не способствует восприятию земледелия и скотоводства. Доказано, что на обширной территории Африки длительное сохранение доземледельческого образа жизни было вызвано обилием пищевых ресурсов дикой природы. Специальные исследования показывают, что во многих ее районах с единицы площади дикие местные копытные дают больше мяса, чем крупный рогатый скот, а применение методов экстенсивного земледелия часто влечёт за собой эрозию почвы и ее бесплодие [243,

с. 8—16]. О том же говорит пример с Амазонией, где охота и рыболовство являются порой не менее продуктивными, чем земледелие, способами ведения хозяйства и тормозят развитие земледелия [137, с. 68—70]. Наконец, весьма ценными представляются заключения Д. Даунса, изучавшего индейцев уошо, которые в отличие от своих соседей почти не переняли у европейцев лошадей и целиком отказались от разведения других животных. Причину этого Д. Даунс видит прежде всего в относительно богатстве природных ресурсов в районах обитания уошо, которые законсервировали здесь охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ образ жизни и создали особую систему ценностных ориентаций, не благоприятствующих заимствованию производящих форм хозяйства [535, с. 115—134; 536, с. 138—149].

Все это приводит к выводу о том, что наилучшие условия для восприятия земледелия и скотоводства создаются у охотников и собирателей в период хозяйственного кризиса. Последний может быть вызван как природными, так и культурными причинами. К первым относятся климатические колебания, которые существенно модифицировали природное окружение и влекли за собой перестройку образа жизни людей. Вряд ли следует считать случайностью, что широкое распространение производящего хозяйства в Европе, Северной Африке, Восточной и Юго-Восточной Азии хорошо привязывается к атлантической климатической фазе. Среди культурных факторов надо различать прямое и косвенное воздействие носителей производящего хозяйства на местное население. В ходе прямых столкновений аборигены могли оттесняться в изолированные районы либо происходила ассимиляция носителей контактировавших культур; к косвенному воздействию следует относить изменение ландшафта, а таким образом, и характера природных ресурсов, составлявших основу питания местных жителей. Домашние животные не только выбивали пастбища, вытесняя оттуда местную дикую фауну, но и составляли реальную опасность для аборигенов, уничтожая массу съедобных растений. Недаром для некоторых отставших в своем развитии народов характерно чувство ненависти к европейским домашним животным, в которых они видят своих злейших врагов. Кроме того, на дикую фауну отрицательно влиял эффект беспокойства, неизбежно возникающий в условиях выпаса домашнего скота [386, с. 23, 24]. Вклиниваясь в районы расселения охотников и собирателей, ранние земледельцы и скотоводы нарушали привычный цикл их жизни, перерезая важные пути коммуникаций. Первым последствием описанной ситуации стали набеги аборигенов на поля и скот пришельцев, причем зачастую местные жители считали приведенных домашних животных дикими и охотились на них как на диких (австралийцы, бушмены, индейцы Америки и др.).

В главе II приводился ряд примеров несколько более раннего появления домашних животных, чем земледелия, у носителей

некоторых археологических культур. Если отвлечься от того факта, что свидетельства раннего земледелия часто обнаруживаются с большим трудом, чем данные о скотоводстве (это также всегда следует иметь в виду), то оказывается, что отмеченные находки вполне могли быть связаны не с ранним скотоводством у охотников, а с грабительскими набегами либо с получением домашних животных у соседнего земледельческого населения путем обмена. Повсюду в этих местах вскоре появляются и свидетельства земледелия, что вряд ли могло бы иметь место с такой регулярностью и закономерностью в случае «скотоводческого пути развития». Многочисленные этнографические параллели подтверждают, что на ранних этапах своей истории производящее хозяйство имело наиболее благоприятные перспективы для развития лишь в том случае, если оно было комплексным [324; 122; 530]. Чисто земледельческие общества развивались более замедленными темпами, а чисто скотоводческое хозяйство вряд ли могло вообще существовать в ранний период при отсутствии земледельческого окружения. Есть веские основания полагать, что стада ранних земледельцев были невелики по размерам и не могли полностью обеспечить все потребности населения в пище, тем более что употребление вторичных продуктов скотоводства еще не было известно.

Как и в случае миграции, в процессе заимствования огромное значение имела характеристика самих домашних животных. Легче всего происходила интеграция в местное хозяйство тех видов, которые обладали высокой степенью морфофизиологической пластичности, а также тех, размножению которых благоприятствовали местные условия (распространение лошади в степях, оленя — в тайге и тундре и т. д.). Наоборот, специализированные виды редко проникали далеко за пределы своего первоначального обитания (ламы, яки и др.). Поэтому исключительное значение приобретала доместикация местных видов, причем можно предполагать, что коренное население, хорошо знакомое с их повадками, переняв скотоводческую технику, внесло в этот процесс гораздо больший вклад, нежели пришельцы.

Уже давно в науке появилась идея о становлении скотоводства у охотников в ходе заимствования ими домашних животных. В отечественной литературе она нашла в последнее время поддержку у С. И. Вайнштейна [59, с. 180; 60]. Анализ этого процесса показывает, что охотники заимствуют главным образом тех животных, которые могут быть использованы ими без коренной ломки прежней системы хозяйства. Речь идет об охотничьих и транспортных животных: собаках, лошадях, оленях и верблюдах. Так, тасманийцы заимствовали у европейцев собак, но не заимствовали овец. Собак они широко использовали для охоты, объектом которой зачастую служили домашние овцы [709, с. 268]. Таким образом, заимствование собак само по себе еще не приводит к скотоводству. Все остальные перечис-

ленные выше животные были одомашнены довольно поздно, а еще позже возникло их транспортное использование. После этого процесс заимствования домашних животных охотниками и собирателями вступил в новую фазу: транспортные животные, не только не нарушавшие прежнего ритма жизни, но, напротив, делавшие его более интенсивным и эффективным, привлекали внимание охотников в гораздо большей степени, чем другие домашние виды. Помимо собак из всех домашних животных тасманийцев заинтересовали только лошади. У них даже были зафиксированы случаи верховой езды. Однако лесистый ландшафт и, вероятно, некоторые культурно-исторические причины не позволили тасманийцам стать конным народом [709, с. 269, 270]. Единственным из ввезенных в Австралию домашних животных (не считая собаки), которого аборигены успешно приспособили к потребностям своего традиционного хозяйства, стал верблюд, использовавшийся ими для транспортных целей [787, с. 99]. То же самое отмечалось и в Южной Африке, где наибольшей притягательной силой для бушменов обладали завезенные европейцами ослы и лошади [847, с. 71; 913, с. 193]. Заимствование лошадей индейцами Америки и оленей охотниками Сибири, о чем писалось выше, только подтверждает выявленную закономерность.

Включение всех этих животных в хозяйство охотников и собирателей не породило автоматически какого-либо преимущественно скотоводческого образа жизни: долгое время транспортные животные играли подсобную роль. И лишь действие некоторых дополнительных факторов (ухудшение возможностей для охоты, контакты с соседним населением, миграции) было способно трансформировать такое хозяйство и привести к росту роли его скотоводческой сферы. Тот факт, что возможности для рассмотренного пути развития создались сравнительно поздно, а также необходимость специфических условий для его реализации заставляют считать его второстепенным, который тем более не мог определять характер распространения скотоводства в ранний период.

В ходе заимствования при интеграции домашних животных в новую культурную среду их первоначальные функции порой существенно изменялись, так как их значение переосмысливалось в свете традиционных представлений. Так, на некоторых островах Полинезии, где до появления европейцев собак не знали, жители стремились теми или иными способами их заполучить, причем главный стимул к этому заключался в желании прослыть обладателем диковинных животных и тем самым повысить свое социальное положение. С этой точки зрения весьма характерен пример, описанный К. Луомала. Когда в 1850 г. к о-ву Пукапука подошел корабль и начался товарообмен с местными жителями, прежде не видавшими собак, один из них выкрал собаку капитана, прославив тем самым не только себя,

но и членов своего линиджа. Собака была помещена в священное место, ее украсили цветами и листьями и кормили самой лучшей пищей. Похититель же прослыл героем. По данным К. Луомала, использование собак в пищу возникло гораздо позже, когда их стало относительно много [765, с. 194—197].

То же явление было зафиксировано исследователями, изучавшими процесс проникновения лошадей к индейцам Северной Америки. Ф. Хейнс отмечает, что в первые годы, когда лошади только что попали к неперсе, их рассматривали исключительно как предмет роскоши, способный повысить престиж владельца. Лишь позже, когда индейцы обучились верховой езде, они стали широко использовать лошадей для транспортных нужд [624, с. 58].

Не меньший интерес в рассматриваемом аспекте вызывает история коня, оставленного Кортесом на попечение индейцам майя. Последние увидели в этом больном животном воплощение бога грома и молнии и, пытаясь добиться его расположения, украшали его гирляндами из цветов и приносили ему в жертву цыплят. После смерти коня ему был воздвигнут храм [907, с. 58].

Вместе с тем, сколь бы ни были причудливы те формы, в которых протекал процесс заимствования домашних животных на первых порах, их распространение и глубокая интеграция скотоводства в местные культуры происходили лишь с ростом роли их практического использования [375, с. 41].

С распространением скотоводства в новую экологическую и этническую среду характер его со временем неизбежно менялся, причем тем больше, чем дальше оно распространялось из первичного очага своего возникновения. Модификации оказывались порой столь значительными, что черты первоначального облика распознаются в них с огромным трудом. Однако это ни в коей мере не противоречит идее возникновения первичного скотоводства в нескольких мировых очагах [375, с. 40; 376, с. 147].

Пути эволюции раннего скотоводства

Проблема развития раннего скотоводства имеет несколько различных аспектов: 1) эволюция способов использования домашних животных [а) использование продуктов скотоводства; б) использование мускульной силы животных]; 2) эволюция скотоводческой техники и методов скотоводства; 3) развитие социально-экономических отношений, основанных на владении скотом; 4) динамика взаимоотношений скотоводческого хозяйства с другими видами хозяйственной деятельности, и прежде всего с земледелием. Все эти аспекты и их взаимосвязи в конкретно-исторических условиях надо иметь в виду для уяснения процессов формирования тех или иных скотоводческих комплексов, часть из которых дожила до настоящего времени.

До сих пор не устарело, а, напротив, становится все более обоснованным предположение Э. Хана о том, что получение молочных продуктов, шерсти, а также использование мускульной силы домашних животных возникло не изначально, а стало возможным лишь на определенной стадии развития раннего скотоводства с выведением особых пород и появлением специфической скотоводческой техники. В последние годы представилась возможность обосновать это положение многочисленными историческими данными.

Э. Хан высказал, безусловно, верную мысль о том, что одной из важнейших предпосылок возникновения полукочевого и кочевого хозяйства было знакомство с молоком и его продуктами. Эту идею поддержали и некоторые другие ученые [622, с. 96, 99, 100; 529, с. 258]. Действительно, у всех кочевников, известных этнографам, роль молочного питания необычайно велика, тогда как мясо домашних животных они используют лишь спорадически или только в определенные сезоны. Именно молочные продукты позволяют кочевникам проводить по крайней мере отдельные сезоны года в относительной изоляции, что характерно как для азиатских, так и для африканских номадов и полуномадов [529, с. 220; 953, с. 111; 512, с. 251—253; 912, с. 26—28]. Вот почему особый интерес вызывает вопрос о времени возникновения молочного хозяйства.

Письменные свидетельства его существования относятся к сравнительно позднему периоду. Доение кобылиц у скифов зафиксировано Геродотом в V в. до н. э., а у усуней — китайцами в I в. до н. э. Этим данным соответствуют находки бурдюков с запасами сыра из коровьего молока в могилах скифского времени на Алтае [912, с. 26—28]. Еще ранее Гомер сообщал о гиппомолгах, живших молочной пищей. Этот народ, видимо, обитал в южнорусских степях в начале I тысячелетия до н. э. [369, с. 75]. Античные авторы отмечают важную роль молока также в питании бриттов, галлов и германцев [148, с. 133]. Доение коров ариями во второй половине II тысячелетия до н. э. зафиксировано в Ригведе [282, X, 117, X, 19]. Геродот засвидетельствовал молочное хозяйство у ливийцев Северной Африки [87, IV, 186]. Народы Восточной Африки, судя по античным и китайским источникам, знали молочное хозяйство в I тысячелетии н. э. (соответственно 130-й и 838 гг. н. э.) [688, с. 409, примеч. 1]. Полукочевники Северной Месопотамии, известные по документам из Мари II тысячелетия до н. э., также широко использовали молоко и молочные продукты [716, с. 166].

К гораздо более древнему периоду относятся прямые данные о молочном хозяйстве в Южной Месопотамии, Египте и Сахаре. Должность «старшего молочника» фигурирует в месопотамских документах по меньшей мере со второй половины IV (с рубежа IV—III) тысячелетия до н. э. [58, с. 583]. В III тысячелетии до н. э. на месопотамских печатях довольно обильны

изображения доения коз и овец [448, с. 16, 21]. Что касается доения коров, то единственным прямым источником здесь служит известная сцена доения, изображенная на фризе храма в Убейде, относящаяся к середине III тысячелетия до н. э. Процесс изготовления масла из коровьего молока описывается в одном из шумерских мифов [716, с. 166]. В Египте остатки молочных продуктов в сосудах зафиксированы во второй половине IV (рубеже IV—III) тысячелетия до н. э. Любопытно, что на некоторых из этих сосудов была обнаружена идеограмма, обозначающая «сыр» [147, с. 68, примеч. 2; 935, с. 434]. Есть некоторые основания предполагать, что жир, обнаруженный в более ранних сосудах IV тысячелетия до н. э., также получен из молочных продуктов [935, с. 434]. При наличии многочисленных изображений сцен доения коров столь же четких данных о доении коз или овец в Египте III тысячелетия до н. э. не отмечено [286, с. 55, 56]. На неолитических изображениях из Сахары известно несколько сцен доения коров. Одно из них обнаружено в Фецане [811, с. 139, рис. 105; 935, с. 437], другое в Эннеди [935, с. 438, примеч. 24]. Аналогичные сюжеты были открыты А. Лотом в Тассили [757, с. 79; 935, с. 438]. Несмотря на относительно хорошую изученность многих районов Сахары, где известны сотни и даже тысячи первобытных рисунков, такого рода находки в ней редки. Затруднительна и датировка отмеченных сцен, так как, во-первых, сам «скотоводческий период» датируется специалистами по-разному (все же большинство относит его к V—II [IV—II] тысячелетиям до н. э.), а во-вторых, внутреннее хронологическое членение его изображений до сих пор было проведено только Ф. Мори, который датировал сцену доения средним скотоводческим периодом. Сейчас нет оснований говорить о молочном хозяйстве в Сахаре до IV тысячелетия до н. э. Дополнительное обоснование этой даты приводится ниже.

Сцена доения коровы с подпуском теленка происходит также из первобытной Ферганы первой половины II тысячелетия до н. э. Здесь, как и в древней Африке, доение производилось сбоку [124, с. 53, 55, табл. XXXII, 2].

До сих пор речь шла о прямых бесспорных свидетельствах молочного хозяйства. Кроме них существует ряд косвенных источников, которые нельзя не учитывать. Прежде всего следует отметить изображения коров с большим наполненным выменем. У диких животных, которые кормят молоком лишь детенышей, вымя неразвито и мало бросается в глаза. Напротив, увеличенные вымени прямо сопутствуют разведению домашних животных в домашних условиях и развитию молочного хозяйства [45, с. 56; 36, с. 68; 200, с. 34]. Кроме того, вымя мало интересовало охотников и тех скотоводов, которые были не знакомы с молочным хозяйством. Примечательно, что ни одного бесспорного изображения дикого животного с выменем не известно. И в Фец-

цане, и в Тассили изображения коров с раздутым выменем обычно соседствуют со сценами доения, и в то же время они почти столь же редки [811, с. 139, рис. 105; 757, с. 250, рис. 41]. Зато в пустынях, примыкающих к Нилу с востока и запада, изучено много скотоводческих изображений, на которых дойные коровы встречались гораздо чаще [1035, с. 20, 29; 1036, с. 22, 24]. Огромный интерес представляют находки, сделанные скандинавскими учеными на правом берегу Нила в 60-е годы. Обнаруженные ими рисунки коров можно с полной уверенностью интерпретировать как свидетельства становления молочного хозяйства, так как у части животных древние художники показали только сосцы, тогда как у других они изобразили также и крупное наполненное вымя [644, рис. 6]. Эти рисунки являются уникальным примером, позволяющим проследить процесс развития у коров большого вымени вследствие их интенсивного доения. Подобные же изображения коров с малоразвитым выменем еще в 30-е годы были обнаружены на левом берегу Нила в районе Джебель-эль-Увейнат. Специалисты датировали их додинастическим периодом [930а, с. 176, 177], т. е. IV тысячелетием до н. э. Синхронизируя эти находки с хорошо датированными нильскими материалами, Г Уинклер отнес их также к IV и частично к III тысячелетиям до н. э. [1036, с. 34]. Эти даты приняты и другими специалистами и, что очень важно, подтверждены новейшими исследованиями на Ниле [253, с. 7; 938, с. 68].

Таким образом, можно говорить о тяготении сюжетов с дойными коровами к району, эпицентром которого была Нильская долина, где молочное хозяйство практиковалось с IV тысячелетия до н. э. Свидетельством связей сахарских коровопасов с Нильской долиной может служить такая общая этнографическая черта, как доение сбоку, тогда как в древней Передней Азии коров доили сзади, подобно козам и овцам [1057, с. 218, 230; 563, I, с. 305; 811, рис. 105]. Пока что нет подтверждений идее Г Уинклера о том, что изображение вымени перед задними ногами или между ними прямо отражает соответствующие способы доения.

В районе Африканского Рога ко II тысячелетию до н. э. относятся многочисленные изображения коров с наполненным выменем и имеется сцена доения. Все это свидетельствует о распространении у древних кушитов молочного хозяйства.

Фигурки коров с подчеркнутым выменем в Передней Азии редки. Наиболее ранние из них относятся к IV тысячелетию до н. э. [449, с. 38]. В Европе статуэтки коров и овец с наполненным выменем появляются только в период позднего триполья в III тысячелетии до н. э. [35, с. 288].

Многие специалисты увязывают с молочным хозяйством сосуды особого рода, среди которых выделяется несколько типов: для доения и хранения молока (горшки или крынки с высоким

горлом и двумя ручками), для сбивания масла (высокие большие сосуды с боковым отверстием), для изготовления сыра (открытые чаши, дно и стенки которых усеяны дырочками) [51, с. 108—115]. Этнографы фиксируют такие сосуды в районах развитаго молочного хозяйства: в Средней Азии [264, с. 60, 301, 302], на Кавказе [51, с. 108—117], в Афганистане, Бахрейне, Сирии, Египте, Центральной Анатолии [572, с. 155, 156]. В некоторых других районах для тех же целей часто используются сосуды из дерева, кожи или же тыкв (калебасы). Так, туареги изготавливают масло в калебасах и кожаных бурдюках, а для производства сыра используют корзины [832, с. 181—183]. Некоторые из африканских скотоводов взбивают масло исключительно в калебасах [572, с. 156]. Многие народы Восточной Европы пользуются для этого деревянными сосудами. О скифах Геродот сообщал, что они также взбивали масло в деревянных сосудах [87, IV, 2].

Следовательно, отсутствие отмеченных глиняных сосудов, как, например, у скифов, еще не доказывает отсутствия молочного хозяйства. В то же время и наличие сосудов с дырочками, типа дуршлагов, тоже не всегда связывается с молочным хозяйством. Так, Дж. Г. Д. Кларк указывает, что некоторые из них были интерпретированы как орудия для отделения меда от сотов [148, с. 133]. По предположению Э. Георгиу, глиняная цедилка, относящаяся к культуре прекукутени Румынии, использовалась для процеживания каких-то ядовитых напитков [597, с. 259, 260]. Таким образом, по одному только наличию или отсутствию такого рода сосудов в археологических материалах еще нельзя с уверенностью судить о молочном хозяйстве в древности. Тем более представляется неправомерным высказывать предположения о наличии молочного хозяйства, основываясь на находках обломков стенок сосудов с отдельными дырочками. Такие находки происходят, например, с некоторых кельтских поселений, где скотоводство было неизвестно. Следовательно, пользоваться рассмотренным критерием надо с большой осторожностью и только в комплексе с другими. Так, в раннединастическом Египте изображения особого рода остродонных и круглодонных сосудов неизменно входили в идеограмму, обозначающую термин «молоко». Сходные по форме сосуды в большом количестве были обнаружены советскими учеными при раскопках поселения Хор-Дауд в Северной Нубии, относящегося к рубежу IV—III тысячелетий до н. э. Это послужило основанием для предположения о скотоводческом характере поселка [269, с. 10—12]. В Месопотамии высокие кувшины с ручками, использовавшиеся при доении и для хранения молока, известны по изображениям на убейдском фризе и на печатях более раннего времени рубежа IV—III тысячелетий до н. э. [935, с. 431, 432]. К сожалению, в керамическом материале они еще не вычленены археологами.

По мнению П. Делуга, реберчатые усеченно-конические миски конца IV тысячелетия до н. э. могли служить для обработки молока [524, с. 39, 127, 128]. Они, безусловно, употреблялись для фильтрования жидкостей, но связь их с молочным производством еще не доказана. Гораздо больше оснований имеется для суждения о такого рода использовании сосудов, усеянных отверстиями, и несомненных маслобоек, найденных в Палестине и, возможно, в некоторых других районах Передней Азии в IV тысячелетии до н. э. [147, с. 68, рис. 4; 448, с. 16; 396, с. 159—162]. На Кавказе маслобойки появились впервые у населения куро-аракской культуры раннего бронзового века [240, с. 59—62]. Во второй половине II тысячелетия до н. э. ученые отмечают уже целую серию таких сосудов [51, с. 108—117; 121, с. 168—174]. Вопрос о появлении аналогичных сосудов в Европе не совсем ясен. В свое время В. И. Равдоникас указывал, что они фигурируют здесь с позднего неолита, но особенно распространились в бронзовом веке [274, с. 566]. Однако Дж. Г. Д. Кларк, а позже и А. Л. Монгайт, которые обладали несравненно большим количеством данных, пришли к выводу о том, что в Центральной и Западной Европе эти предметы встречаются не ранее бронзового века (по Кларку, начиная с позднего бронзового века) [148, с. 133; 232, с. 4]. Древнейшие в Восточной Европе «цедилки» известны у поздних трипольцев (усатовцев) Северного Причерноморья в первой половине III (второй половине III) тысячелетия до н. э. [125, с. 87]. Напротив, у поздних трипольцев Среднего Поднепровья, для которых скотоводство имело гораздо меньшее значение, чем для усатовцев, ничего подобного отмечено не было [178].

В области обитания носителей ямной культуры до сих пор обнаружить сосуды для молочного хозяйства не удалось. Все же есть основания предполагать, что молоко и молочные продукты были им известны. Во-первых, по заключению Ю. А. Краснова, сосуды с отверстиями появились у населения лесных окраин во II тысячелетии до н. э. под влиянием с юга [169, с. 113, 114], где, следовательно, молочное хозяйство должно было появиться в предшествующий период. Этому, кстати, соответствуют лингвистические данные о заимствовании терминов для молочного хозяйства древними уральцами у индоевропейцев [708, с. 367]. Во-вторых, недавно Л. А. Галкиным была выделена категория особых костяных трубочек, которые могли использоваться для вдвухания воздуха в половые органы коров при доении. Эти предметы часто находят на памятниках поздней бронзы юга европейской части СССР, но появляются они в этих местах еще в III тысячелетии до н. э. [81, с. 187—191]. В-третьих, не исключено, что усатовцы заимствовали технику доения у ямников, с которыми у них были тесные контакты. Что же касается сосудов для молочного производства, то они в степной зоне, как и в скифскую эпоху, могли делаться из дерева или из кожи.

Сосуды с отверстием у дна встречались во II тысячелетии до н. э. у андроновцев и, по предположению К. В. Сальникова, использовались ими для молочного хозяйства [287, с. 327].

Иногда критерием молочного хозяйства считают преобладание крупного рогатого скота в стаде. С этим трудно согласиться, так как данные из Чатал Гуюка, материалы многих неолитических культур Европы, для которых был характерен именно такой состав стада, и, наконец, сведения о многих народах Юго-Восточной и Восточной Азии, разводивших главным образом крупный рогатый скот, этого мнения не подтверждают. Гораздо больше оснований имеют специалисты, связывающие с развитием молочного хозяйства рост количества костей взрослых коров на археологических памятниках. В различных местах Европы такое явление отмечается в раннем железном веке [350, с. 83; 674, с. 255], но самые ранние его симптомы наблюдаются в культуре воронковидных кубков III тысячелетия до н. э. [662, с. 329] и культуре влаардинген первой половины III (второй половины III) тысячелетия до н. э. [496, с. 103, 126, диаграмма XLIII] в Центральной и Северо-Западной Европе. В Палестине такая картина зафиксирована в позднем бронзовом веке [625, с. 297], а в Кении — в начале I тысячелетия до н. э. [688, с. 410]. В Закавказье кости коров преобладают на памятниках III— I тысячелетий до н. э. [121, с. 170]. Рассматриваемый критерий сам по себе еще не обязательно свидетельствует именно о молочном хозяйстве. Многие современные скотоводы Азии, Африки и Океании, как правило, режут на мясо именно больных и старых особей вне зависимости от наличия там молочного хозяйства. Кроме того, стремление сохранить коров вызывается прежде всего заботой о воспроизводстве стада, а уж потом потребностями молочного хозяйства.

Другим показателем доения скота иногда считают усиление охотничьей активности вследствие бережного отношения к домашним животным после возникновения молочного хозяйства [169, с. 111]. Это бывает справедливо в приложении к монокультурному скотоводству. Однако для культур, где имелось несколько видов домашних животных, ценность этого критерия сильно снижается, так как в таком случае одних животных могли доить, а других использовать на мясо. Поэтому рост роли охоты требует иного объяснения. Отмечая повышение процента костей диких животных в остеологических коллекциях из многих районов Европы периода позднего неолита — энеолита, Ш. Бекени связывает его с проявлением доместикационной активности. Правда, ее причину он видит в открытии человеком новых способов использования животных (молоко, шерсть, транспорт) [431, с. 222].

Весьма перспективным, хотя и необычайно сложным, представляется изучение процесса породообразования, так как он в известной степени был связан с новыми направлениями в ис-

пользовании животных. Так, Ф. Цейнер отмечал, что в древнейшей сцене доения из Месопотамии был изображен именно короткорогий, а не более примитивный, длиннорогий скот [1057, с. 218; 563, I, с. 304—305]. Совершенно то же явление, по его мнению, наблюдалось и в случае с овцами [1057, с. 173]. К сожалению, точное определение пород животных по первобытным изображениям или по костям является чрезвычайно сложной, зачастую невыполнимой задачей. Кроме того, четко дифференцированные специализированные молочные породы животных возникли относительно поздно. Например, молочные породы коз выведены не ранее II тысячелетия до н. э.

Некоторые данные о древности доения у разных народов дает языкознание. Так, Ч. Эрет реконструировал термин «доить коров» для предков южных кушитов [554, с. 8]. По его мнению, именно от них заимствовали молочное хозяйство бантуские народы [551, с. 16, 17]. Ему же удалось реконструировать термин «получать кровь у коров» в языке предков южных кушитов [554, с. 8]. Следовательно, обычай получения крови для питания, широко распространенный у восточноафриканских скотоводов, имеет глубокие исторические корни. К тюркам термин для обозначения молока, а с ним, видимо, и молочное хозяйство попали от иранцев уже после распада индоиранской общности. А от тюрков его переняли китайцы [963, с. 184].

Иногда считают, что использование овечьей шерсти послужило едва ли не главным стимулом к domestикации овец. Вряд ли с этим можно согласиться, поскольку руно диких овец отличается грубостью, разнородностью и плохо поддается обработке. Напротив, развитие мягкого подшерстка наблюдается у овец только в домашних условиях [36, с. 68; 1057, с. 162; 914, с. 496, 497]. Правда, сведения о наличии шерстистых овец и об использовании их шерсти появляются в Передней Азии еще в начале VII (начале VI) тысячелетия до н. э. [434, с. 159; 466, с. 170]. Однако тот факт, что в неолите овец во множестве резали в молодом возрасте, свидетельствует о развитии главным образом мясного направления в хозяйстве. Изменения наступили на рубеже IV—III тысячелетий до н. э., когда в Месопотамии появились признаки искусственного выведения различных пород овец. К началу II тысячелетия до н. э. таких пород здесь было уже пять [1057, с. 172—174]. Среди них встречались и породы с развитым шерстистым покровом, изображения которых в Передней Азии распространились с IV тысячелетия до н. э. [448, с. 21, 22; 914, с. 500]. Считается, что они были выведены в горах к северу и северо-востоку от Месопотамской низменности, однако именно в Шумере возникло регулярное производство шерсти и шерстяных тканей [723, с. 104, 110, 149, с. 123; 563, II, с. 104]. Остатки шерстяных изделий известны здесь по находкам из царских могил в Уре III тысячелетия до н. э. [448, с. 22]. Вопрос о времени появления шерстистых овец в Европе, к сожалению,

не совсем ясен. Считается, что они проникли сюда несколькими волнами в конце энеолита и бронзовом веке [1057, с. 194—198; 434, с. 91, 169, 171], вследствие чего шерстяные одежды стали вытеснять кожаные [148, с. 235, 236; 169, с. 119; 659, с. 145].

Древнейшие прямые свидетельства шерстоткачества, находки шерсти, относятся в Северной Европе и на Кавказе лишь к третьей четверти II (четвертой четверти II) тысячелетия до н. э. [318, с. 208; 914, с. 500]. Однако в пользу более раннего его появления говорят некоторые остеологические данные. Так, в неолитической Швейцарии отмечался массовый убой молодых баранов, тогда как в эпоху бронзы среди костного материала стали преобладать останки взрослых особей, что указывает на развитие шерстоткачества [659, с. 145; 480, с. 240]. Возможно, о том же свидетельствует бурное развитие овцеводства на территории Голландии в бронзовом веке [496, с. 204]. В Египте шерстистые овцы появились в середине III (конце III) тысячелетия до н. э., однако в целом в Африке они не прижились, будучи неприспособленными к обитанию в жарком поясе [286, с. 55; 914, с. 497; 1057, с. 180—185]. В Южной Сибири древнейшие остатки шерсти были обнаружены в афанасьевских могилах конца III (начала II) тысячелетия до н. э., а позже — в могильниках андроновской культуры [305, с. 792]. Разведение шерстистых овец, видимо, следует рассматривать как одну из предпосылок возникновения кочевничества, так как шерсть обеспечивала кочевников важным сырьем для домашних производств и служила для обмена с соседними оседлыми земледельцами. Не случайно шерстистые овцы имелись у полукочевников Северной Месопотамии во II тысячелетии до н. э. [716, с. 151].

Наряду с шерстяными в древней Передней Азии широко использовались и ткани из козьего волоса, о которых упоминают вавилонские торговые документы. Остатки таких тканей были обнаружены в комплексах бронзового века в Иерихоне [448, с. 19]. Так как эти ткани впоследствии употреблялись кочевниками для покрытия шатров, их появление также может считаться предпосылкой кочевничества².

С точки зрения использования домашних животных в качестве тягловой силы особое значение имеет вопрос о появлении техники кастрации. Известно, что шумеры широко применяли этот прием [451, с. 78]. Иногда и порой не без оснований считают, что наличие волов косвенно указывает на использование мускульной силы животных [350, с. 24, 80, 81]. Однако само появление этого скотоводческого приема, хотя и создало предпосылки для последнего, было связано не с ним. Как справедливо подчеркивает Ю. А. Краснов, «кастрация быков преследует цель получения животных, не только более пригодных к работе, но и более способных к откорму» [169, с. 115]. Но и это вряд ли было главным стимулом для появления техники холощения. Гораздо более обоснованным представляется мнение

зоологов о том, что самцов кастрируют прежде всего для уменьшения их агрессивности — фактор, немаловажный не только с точки зрения безопасности человека, но и с точки зрения жизнедеятельности стада [627, с. 28; 649, с. 59]. Действительно, как показывают этнографические материалы, холощение служило прежде всего методом контроля за воспроизводством, а также делает животных более послушными и безопасными [512, с. 255]. И все же широкое распространение техники кастрации было связано, по-видимому, именно с переходом к использованию мускульной силы животных, в особенности с запряжкой их в плуг и повозку. Это видно хотя бы из того, что народы Ассама холостят митхенов (гаялов) лишь там, где они служат тягловыми животными [589, с. 146]. Напротив, в традиционном хозяйстве населения Андов вьючных лам не кастрировали [648, с. 257, 260].

Связь холощения с плужным земледелием была показана В. И. Цалкиным на археологических материалах: в Восточной Европе в позднем бронзовом и раннем железном веках волы составляли высокий процент в культурах развитого плужного земледелия, тогда как в лесной полосе, где обитали мотыжные земледельцы, волов встречалось мало [350, с. 24, 80, 81]. Однако отмеченная связь не была жесткой. Во-первых, из того же примера видно, что мотыжные земледельцы все же имели волов. Во-вторых, широко известный факт холощения боровов в Океании также призывает к более осторожному подходу. Кроме того, и нуэры холостят быков, не зная их транспортного использования [566, с. 33].

Наличие техники кастрации в дописьменный период может быть установлено только по остеологическим материалам, однако методика таких определений разработана еще слабо. Поэтому правомерность отнесения времени возникновения этой техники к раннему неолиту [819, с. 37] оспаривается рядом специалистов [351, с. 150]. Более достоверны данные о кастрации быков и даже баранов (например, в Бундзё) в позднем неолите — энеолите Европы V—III (IV—III) тысячелетий до н. э. (культуры гумельница, сэлькуца, воронковидных кубков, альтхейм, райниоклектон) [148, с. 133; 351, с. 77, 145; 819, с. 61, 86, 97]. Возникновение техники кастрации было шагом к началу использования домашних животных в качестве тягловой силы. Недаром широкое распространение волы получили у плужных земледельцев позднего бронзового и раннего железного века.

Использование скота под вьюк появилось, видимо, довольно рано. К сожалению, древнейшие свидетельства этого в виде изображений вьючных животных относятся к довольно позднему времени. В III тысячелетии до н. э. в Месопотамии для этих целей держали прирученных онагров, или ослов [1057, с. 367 и сл.], в Египте — ослов [286, с. 56; 563, II, с. 393]. Кроме того, в обоих районах в III—II тысячелетиях до н. э. вьючным животным служил также бык, подобно тому, как его и ныне ис-

пользуют некоторые народы Африки [448, с. 24, 25; 935, с. 111]. Изображения быков, навьюченных бурдюками с водой, зафиксированы в «скотоводческий период» в Тассили [757, с. 102]. Любопытные исследования были проведены рядом остеологов, отметивших некоторые патологические изменения костей крупного рогатого скота, причиной которых могла послужить непосильная нагрузка в молодом возрасте. Такая картина была зафиксирована для культуры эдэстра среднего неолита Румынии [598, с. 454—460] и для раннескотоводческой культуры Южной Индии [395, с. 411]. В обоих случаях речь, очевидно, должна идти именно о вьючном использовании животных, поскольку никаких данных о запряжке волов в повозку или в плуг в эти периоды ни на территории Румынии, ни в Южной Индии нет.

Несмотря на отсутствие археологических свидетельств, самими ранними вьючными животными следует все же считать коз и овец. Народы Восточного Кашмира до сих пор перевозят грузы на козах [448, с. 19], а народы Западного Тибета — на козах и овцах [418, с. 116; 647, с. 84]. Бараны могут нести до 15 кг груза (но в среднем 9—11 кг) и развивать скорость до 15 км/час. Нет оснований отвергать возможность такого же применения мускульной силы коз и овец в далеком прошлом, хотя оно вряд ли могло стать достаточной основой для возникновения кочевничества и даже полукочевничества.

Вероятно, древнейшая функция скота в земледелии состояла в разрыхлении почвы и втаптывании семян в землю. Во всяком случае, изображение стада быков за этим занятием известно в Месопотамии в конце IV тысячелетия до н. э. [1057, с. 218]. В III тысячелетии до н. э. скот (мелкий и крупный рогатый, а также мулы и онагры, или ослы) и в Месопотамии и в Египте использовался также в молотье и в перевозках грузов [286, с. 55, 56; 916, с. 376; 451, с. 72, 73]. Кроме того, выгон скота на сжатое поле повышал плодородие почвы.

О появлении плужного земледелия существует много противоречивых гипотез. Здесь не место останавливаться на них подробно, однако следует отметить, что мнение о наличии в неолитической Европе и древней Восточной Азии плугов с «каменными лемехами» не подтвердилось в свете новых исследований [290, с. 237—240; 170, с. 147—153]. По предположению А. Салонена и некоторых других специалистов [916, с. 27—29; 290, с. 117; 170, с. 52, 53; 723, с. 41], в Месопотамии плуг появился ранее рубежа IV—III тысячелетий до н. э., так как термин для него обнаруживает связь с языком дошумерского населения, обитавшего здесь до второй половины IV тысячелетия до н. э. В Египте пахотные орудия фиксируются со времени правления II—III династий [170, с. 53]. Не совсем ясен вопрос о появлении пахотных орудий на Кавказе. Предположение о знакомстве с ними в Закавказье и Центральном Кавказе в III тысячелетии до н. э., ибо там в этот период уже имелись повозки [167,

с. 8—10; 170, с. 51], звучит малоубедительно. Ведь если, как предполагается, повозка действительно связана своим происхождением с плугом, то это справедливо лишь для первичного очага ее возникновения. Во вторичные очаги повозка могла распространяться и до введения плужного земледелия. На Северном Кавказе плуг отсутствовал и во II тысячелетии до н. э. [210, с. 134]. Правда, в Закавказье на одном из поселений III тысячелетия до н. э. было обнаружено будто бы пахотное роговое орудие [236, с. 379], однако детальный анализ роговых орудий, проведенный Ю. А. Красновым, заставляет отвергнуть гипотезу об их применении в качестве рал [170, с. 157, 158].

Бесспорные свидетельства появления пахотных орудий на юге и юго-востоке Европы относятся ко второй половине III (рубежу III—II) тысячелетия до н. э. [170, с. 67, 145]. Недавнее сообщение Э. Анати об изображениях пахоты в Северной Италии, датированных им IV—III тысячелетиями до н. э. [399, с. 63, 75], расходятся со всеми иными имеющимися данными, и в частности с гораздо более поздними датировками (не ранее II тысячелетия до н. э.), установленными для этих итальянских изображений другими специалистами [170, с. 68]. Ссылка С. Н. Бибикова на статуэтку быков в упряжке как доказательство плужного земледелия в развитом триполье [33, с. 52] едва ли основательна, так как быков могли запрягать в сани-волокуши, глиняная модель которых в триполье известна [103, с. 114]. В умеренной зоне Европы и в Северной Европе плужное земледелие четко документировано находками, относящимися ко времени не ранее середины II тысячелетия до н. э. [170, с. 178, 179; 30, с. 196; 999, с. 280, 286]. Правда, лингвисты утверждают, что плужное земледелие имелось у индоевропейцев в период распада их протоязыка, т. е. в середине III тысячелетия до н. э. [509, с. 301; ср. 583, с. 158 и сл.]. Однако реконструируемые ими термины «пахать» (*agə) и «плуг» (*agə-tro-m) могли первоначально относиться к такой системе, в которой использовались орудия, влекомые не животными, а человеком (бороздовые орудия и др.) [290, с. 213—216].

Древнейшие прямые указания на наличие рал в Индии относятся к III—I вв. до н. э., однако упоминания пахотных орудий в ведической литературе встречаются уже во II тысячелетии до н. э. [170, с. 85, 86]. Более того, предположения ученых о наличии плужного земледелия в Индии и в более ранний период, в эпоху харапской цивилизации, в свете открытия в Калибангане поля с правильными бороздами дохарапского времени [968, с. 89] кажутся весьма правдоподобными. Вместе с тем находка из Калибангана не обязательно свидетельствует об использовании мускульного труда животных в земледелии. Характер борозд в Калибангане таков, что они могли быть сделаны орудием, влекаемым человеком без помощи животных. В Китае плуг стал широко применяться лишь с последних веков до н. э.

[170, с. 75, 76; 663, с. 115, 116]. Более ранняя дата для плужного земледелия в Китае остается недоказанной.

Не менее сложна проблема возникновения упряжного транспорта. Правомерность давно высказанного положения о предшествовании саней-волокуш колесной повозке сейчас хорошо обоснована археологически. Изображения быков, впряженных в сани, известны в Месопотамии с конца IV тысячелетия до н. э. [182, с. 71, 72; 1057, с. 218; 448, с. 26; 563, II, с. 492, 500]. Выше упоминалась глиняная модель саней из трипольских комплексов. Не исключено, что фигурки быков в упряжке, встречающиеся в триполье и культуре воронковидных кубков [190, с. 174; 125, с. 110], документируют именно этот способ использования животных. О тягловой функции быков в культуре воронковидных кубков могут свидетельствовать остеологические наблюдения на поселении Трольдебьберг, где волов старались резать в возрасте старше 3—4 лет [662, с. 328, 329]. Правда, по мнению авторов этих определений, полученные ими данные противоречат мнению об использовании мускульной силы волов. С этим трудно согласиться, так как их собственное утверждение о том, что наиболее рационально запрягать быков в возрасте 2,5—3 лет, хорошо объясняет выявленную картину. Сложнее обстоит дело с вопросом о том, впрягали ли волов в это время только в сани или уже в повозку.

Древнейшие колесные повозки, запряженные быками или ослами, появились в Месопотамии с конца IV тысячелетия до н. э. [182, с. 72, 73; 723, с. 104—106; 836, с. 485 и сл.; 563, II, с. 492, 500]. На Кавказе модели повозок, влекаемых быками, известны у куро-аракских племен III тысячелетия до н. э. [182, с. 74], а остатки самой повозки относятся к XVI—XV вв. до н. э. [318, с. 30]. В Юго-Восточной Европе модели повозок и колес в изобилии встречаются в культурах первой половины III (второй половины III) тысячелетия до н. э. [182, с. 73, 74; 136, с. 106—116; 877, с. 302—304]. В южнорусских степях от Днепра до Урала повозки зафиксированы в это же время в разных вариантах ямной культуры [224, с. 115; 182, с. 77, 78; 369, с. 79, 80; 877, с. 295—301]. Отсюда колесный транспорт проник в Центральную Европу [182, с. 78]. Во всех отмеченных случаях в повозки впрягались быки. Древнейшие фигурки быков в упряжи, обнаруженные на юге Средней Азии, относятся к первой половине III тысячелетия до н. э. [182, с. 75]. Однако уже с рубежа III—II тысячелетий до н. э. в качестве гужевого транспорта здесь использовались двугорбые верблюды, бактрианы [218, с. 42]. Население долины Инда было знакомо с повозками со времен харапской цивилизации [204, с. 97, табл. XXI, 13, XXIX, 1]. В Центральную Индию они проникли позже, во второй половине II тысячелетия до н. э. [848, с. 332]. В Китае колесницы появились в конце II тысячелетия до н. э. [154, с. 278—287; 186, с. 138].

Таким образом, бычья упряжка распространилась задолго до того, как в колесницы и телеги стали запрягать лошадей, свидетельства чему появляются лишь во второй половине II тысячелетия до н. э. Бык предшествовал лошади и в качестве верхового животного. В неолитической Сахаре в «скотоводческий период» на быках ездили и мужчины и женщины [202, с. 40; 757, рис. 53]. В III тысячелетии до н. э. езда на быках встречалась также в Передней Азии, Египте и Индии [448, с. 25]. Впрочем, большого значения это использование быка, видимо, не имело. В недавнем прошлом лишь немногие народы Восточной и Южной Африки использовали быка для верховой езды [953, с. 111; 650, с. 39, 40, 110].

Всадничество в полном смысле этого слова возникло лишь после domestикации лошади и верблюда. Судя по последним данным, лошадь была одомашнена впервые в Северном Причерноморье примерно в IV тысячелетии до н. э. [34; 79, с. 75; 182, с. 80]. В IV—III тысячелетиях до н. э. домашняя лошадь была уже хорошо известна в южнорусских степях и балканодунайском регионе [183, с. 29]. В III тысячелетии до н. э. ее знали в Передней Азии, на Кавказе и в Индии [183, с. 32, 34, 35]. В Южную Сибирь лошадь попала к концу III тысячелетия до н. э. [182, с. 36]. Западная Европа познакомилась с ней благодаря носителям культуры воронковидных кубков во второй половине III (в конце III) тысячелетия до н. э. [1044, с. 342, 343].

Много сложнее обстоит дело с определением того времени, когда лошадь стала использоваться для верховой езды. Надежные данные об использовании в степях Евразии лошади в упряжи появляются лишь в XVI—XIV вв. до н. э. [298, с. 46; 9, с. 44; 358, с. 79, 80]. В Англии псалии известны только с конца VIII—VII вв. до н. э. [452, с. 24—34]. В Передней Азии лошадь стали запрягать в повозки со второй четверти II тысячелетия до н. э., а использовать для верховой езды — с XIV в. до н. э. [183, с. 34; 1057, с. 317—321; 563, II, 500—511; 723, с. 109, 110]. Вместе с тем сходство древнейших псалий и системы упряжи в Передней Азии и в степях юга Восточной Европы говорит о едином их источнике и позволяет предполагать более раннее появление лошадиной упряжки [298, с. 46, 71, 72]. Некоторые предметы, определенные как псалии, восходят в Южной Сибири к началу II (первой половине II) тысячелетия до н. э. [153], на Кавказе — ко второй половине III (концу III) тысячелетия до н. э. [236, с. 390], а на Украине — к началу III (первой половине III) тысячелетия до н. э. [316, с. 137—139].

Даже если эти определения соответствуют истине, отмеченные находки сами по себе еще не доказывают существования в III тысячелетии до н. э. всадничества, ибо, как справедливо заметила Е. Е. Кузьмина, псалии становятся необходимыми именно при запряжке животных в повозку; для верховой езды

они необязательны [182, с. 82]. По мнению специалистов, которое подтверждается историческими и этнографическими материалами, верховая езда возможна без уздечки и без удила. Кроме того, металлическим и роговым удилам могли предшествовать сыромятные, которые в археологических материалах не сохраняются [150, с. 13, 14]. Некоторые ученые даже пытаются реконструировать конский намордник из сыромятных ремней, изображенный будто бы на зооморфных наваших в виде головы лошади, появившихся в южнорусских степях с середины IV тысячелетия до н. э. [105, с. 3—20; 103, с. 92—106, 113]. Другие, указывая на коневодческий уклад ряда ранних степных культур, считают, что табуны могли пасти только конные пастухи [150, с. 21—23, 33; 601, с. 158]. И все же за отсутствием более основательных доказательств принять эту точку зрения не представляется возможным, так как имеются противоречащие ей материалы. Даже в конце II тысячелетия до н. э. такие индоевропейские народы, как фракийцы, иллирийцы, дорийцы и ахейцы либо вообще не знали верховой езды, либо ездили на лошадях очень редко. Что же касается индоиранцев, у которых коневодство получило особое распространение, то, судя по историческим источникам, езда в повозке предшествовала у них верховой езде [610, с. 98—114]. Наиболее ранние документы, сообщающие о верховой езде на лошадях, происходят из Передней Азии и относятся к первой половине II тысячелетия до н. э. [150, с. 35—36; 716, с. 156].

Остается заключить, что древнейшие домашние лошади использовались главным образом на мясо, о чем говорят массовые находки их костей на поселениях среднестоговской и ямной культур [351, с. 277, 278], а также обугленные кости лошадей с памятников раннего бронзового века Закавказья [121, с. 170]. К концу II тысячелетия до н. э. в южнорусских степях было известно также и доение кобылиц. Что же касается псалий и других атрибутов конской узды, находки которых обычны в евразийских степях начиная с середины II тысячелетия до н. э., то они указывают прежде всего на запряжку лошадей в колесницы, езда в которых для этой эпохи здесь хорошо документирована [359, с. 135—148]. Таким образом, верховая езда в евразийских степях распространилась вряд ли ранее конца II тысячелетия до н. э. У северных границ Китая первые всадники появились лишь во второй четверти I тысячелетия до н. э. [180, с. 179—184; ср. 733, с. 60].

Не менее загадочна ранняя история домашнего верблюда. Идея о двух центрах его domestikации (дромедара — в Аравии и бактриана — в Средней Азии или Северном Иране) была высказана уже давно. Однако кто и когда одомашнил верблюда, до сих пор неясно. Предполагается, что это произошло в III тысячелетии до н. э. или чуть раньше [134, с. 189, 190; 459; 376, с. 146, 147]. Распространение дромедара и бактриана из пер-

вичных очагов доместикации началось уже в III тысячелетии до н. э. [459, с. 57 и сл.; 904, с. 297]. Возможно, к концу III (началу II) тысячелетия до н. э. относится и заимствование бактриана носителями ямной культуры Предкавказья [369, с. 65]. Транспортное использование дромедара некоторые исследователи не без оснований связывают с развитием торговли благоволиями, возникшей в Сирии и Аравии к концу III тысячелетия до н. э. Все же вряд ли эта функция имела большое значение до конца II тысячелетия до н. э., когда появилось древнейшее седло для езды на верблюде [459, с. 66—76]. Именно к этому времени относится первое сообщение об аравийских кочевниках, которые верхом на верблюдах вторглись в Палестину [459, с. 77]. Древнейшие свидетельства запряжки бактриана в повозку происходят из Южной Туркмении рубежа III—II тысячелетий до н. э. [218, с. 42]. Повозка, запряженная верблюдом, была известна ведическим ариям, племенам Южной Сибири карасукского времени, а также населению Средней Азии I тысячелетия до н. э. [459, с. 183—185]. Не лишено оснований предположение и о том, что верблюда впрягали в повозку тазабагыябцы Южного Приаралья [134, с. 189].

Судя по этнографическим материалам, древнейшей формой выпаса скота был вольный выпас, наиболее яркие примеры которого отмечаются у мотыжных земледельцев Юго-Восточной Азии и Океании. В этих условиях скота держат мало, а уход за ним сводится к минимуму и заключается в основном в более или менее регулярной дополнительной искусственной подкормке. Как явствует из письменных источников, эта форма скотоводства не представляет собой какого-то узколокального явления. Так, на Руси вплоть до XIV—XVI вв. скот находился на вольном выпасе [366, с. 72]. Две черты, свойственные такой системе, имели существенное значение для дальнейшей эволюции скотоводства. Во-первых, скот, обитавший в естественных кормовых условиях и, кроме того, свободно скрещивавшийся с местными дикими животными, был менее подвержен действию искусственного отбора, чем скот, находившийся под постоянным контролем человека. Во-вторых, практика вольного выпаса создавала постоянную угрозу полям, которые во избежание потравы, как правило, огораживались — факт, хорошо известный этнографам. На Руси огораживание полей встречалось вплоть до XVI в.

Оба отмеченных фактора действовали в первобытной Европе. Мельчание крупного рогатого скота в Европе началось лишь в период бронзового века. До этого он еще сильно напоминал своих диких предков — естественное следствие практики вольного выпаса. По заключению В. И. Цалкина, распространенный в неолите и энеолите крупный туробразный скот продолжал встречаться в Восточной Европе до рубежа III—II тысячелетий до н. э., тогда как в позднем бронзовом веке и позже крупный

рогатый скот здесь обрел четкие отличия от дикого [351, с. 109, 123]. Г. Эпштейн отметил несомненное мельчание крупного рогатого скота в Европе в раннем железном веке [563, I, с. 303, 304]. Кое-где, как, например, в области распространения культуры воронковидных кубков, этот процесс начался значительно раньше [658, с. 5]. В Голландии размеры крупного рогатого скота прогрессивно уменьшались с энеолита до римского времени. Отчасти это могло быть связано с отсутствием гибридизации с туром, который здесь не водился. Однако можно предполагать и усиление контроля за скотом, так как свиньи здесь тоже мельчали с эпохи энеолита, несмотря на наличие диких кабанов [496, с. 204, 205]. Что же касается ограждений древних полей, то они известны в Англии и Ирландии с II, а возможно, и с III тысячелетий до н. э. [583, с. 167, 168].

Мельчание скота было следствием нарушения естественного режима питания [718, с. 94—99] и искусственного отбора более мелких, и следовательно, более безопасных для людей особей [649, с. 66]. Оно происходило в условиях усиления контроля за животными со стороны человека. Причины этого заслуживают специального анализа. Дело в том, что для животных, приученных выполнять тяжелую физическую работу, а также для молочного скота и специализированных пород (например, шерстистых овец) скрещивание с дикими особями вредно, так как ведет к утрате выработанных навыков [589, с. 145, 146]. Кроме того, забота о повышении молочности коров требует улучшения качества кормов и содержания животных в загонах и хлевах по крайней мере в холодное время [199, с. 163, 164; 563, I, с. 303, 304]. Наконец, развитие интенсивного земледелия и формирование системы постоянных полей также требовало усиленного контроля за тем, чтобы животные не уничтожали посевы. Это было тем более необходимо, что размеры стад в новых условиях должны были увеличиться. О последнем ярко свидетельствуют этнографические данные. Т. Моно, исследуя скотоводческие системы Африки, показал, что при молочном хозяйстве в стадах отмечается большой удельный вес коров (до 50%), в связи с чем такие стада растут необычайно быстро (удваиваются за четыре года) [805, с. 116—119].

Древнейшие данные о новых методах скотоводства происходят из стран древнего Востока. Уже на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. в Шумере овцы содержались в загонах, где их кормили зерном, а для ягнят имелись специальные каменные стойла [448, с. 22]. В Египте и в Иране стойла для крупного рогатого скота имелись в конце III—II тысячелетия до н. э. В Месопотамии вместо них часто использовались открытые загоны. Кормление скота ветвями и хлебными злаками изображалось здесь с конца IV тысячелетия до н. э., а в Египте, Иране и Индии — с III тысячелетия до н. э. Все же основной корм скот получал, видимо, на пастбищах, где он находился под присмотром

ром пастуха. Особое значение придавалось контролю над воспроизводством стада, о чем свидетельствуют изображения телят и случки скота, а также появление комолых и пегих животных [451, с. 69—80]. Следствием такой практики стало в Передней Азии появление уже в III тысячелетии до н. э. нескольких различных пород крупного рогатого скота и овец.

Развитие скотоводства в первобытной Европе определялось, с одной стороны, совершенствованием систем земледелия, а с другой — изменением в некоторых местах экологической картины в результате человеческой деятельности. В зоне лиственных лесов Европы в неолите скот питался преимущественно ветвями, листвой, желудями и т. д. На зиму приходилось заготавливать ему этот корм искусственно, однако возможности таких заготовок были очень ограниченны, питания хватало лишь немногим животным. По этнографическим и археологическим данным [148, с. 131, 132; 284, с. 3], а также с помощью палеомоделирования [33; 178, с. 140—142; 579, с. 184] ученые пришли к выводу о том, что в этих условиях хозяйство могло быть только комплексным земледельческо-скотоводческим.

С расширением площади пастбищ в связи с интенсивной вырубкой лесов, а позже и с распространением плужного земледелия, позволявшего прокормить гораздо большее, чем раньше, количество скота, в лесной и лесостепной зоне Европы создались предпосылки для роста стад домашних животных [148, с. 123—127]. Стимулом к реализации этих предпосылок послужило появление молочного хозяйства и распространение в Европе шерстистых овец. Вот почему только в эпоху бронзы в ряде районов Европы возникло стойловое содержание скота. По справедливому замечанию Дж. Г. Д. Кларка, «введение тяглового плуга и создание постоянных полей, а следовательно, и необходимость в крове для упряжных быков и сохранении удобрения, а также ухудшение климата в субатлантическую фазу привело к тому, что зимой крупный рогатый скот стали до всеместно держать в стойлах» [148, с. 133]. Правда, как теперь установлено, такая ситуация возникла в разных районах Европы неодновременно. По вопросу о времени появления древнейших стойл существует несколько мнений. Некоторые специалисты датируют их концом неолита [274, с. 567; 231, с. 275], другие — началом раннего железного века [148, с. 133]. Детальный анализ этого вопроса Г. Уотерболком показал, что на территории Голландии бесспорные находки стойл известны с периода раннего бронзового века (третья четверть II [середина II] тысячелетия до н. э.) [1004, с. 383—394]. В других районах стойла могли появиться и много позже. Так, на Руси они изредка встречались только с VIII в. Даже в XV в. конюшни и хлевы имелись здесь только в хозяйствах князей, бояр и монастырей [366, с. 73].

В более раннее время контроль за стадом осуществлялся

либо путем огораживания полей от пастбищ, либо удержанием животных в границах поселков — одна из причин обнесения поселков изгородями и рвами, либо с помощью специальных пастухов. В Южной Англии и Ирландии постоянные поля отделялись каменными стенами, канавами или просто грудами камней в бронзовом веке [999, с. 283; 583, с. 166—173; 438, с. 195]; в Юго-Восточной Европе в эпоху энеолита поселки культур кукурузы-триполы и лендел окружались рвами, что также могло быть связано с усилением контроля за скотом [976, с. 174, 194]. На Руси переход к системе открытых полей в XVI в. повлек за собой постепенное огораживание покотины и возникновение системы выпаса стад пастухами [366, с. 73].

Интересные закономерности интенсификации скотоводства в связи с развитием земледелия выявляются по этнографическим данным. Так, наиболее крупные стада и наиболее сложные скотоводческие приемы известны на Новой Гвинее именно в горных районах, где земледелие достигло наивысшего расцвета. На фоне всеобъемлющей системы вольного выпаса особое впечатление производят характерные для некоторых горных народов такие скотоводческие приемы, как защита огородов с помощью заборов или канав, содержание свиней в специальных свинарниках, выпас стад пастухами [1005, с. 66, 67] и т. д. Еще более строгого контроля в условиях интенсивного земледелия требуют стада крупного рогатого скота, передача которого папуасам за отсутствием у них необходимых навыков привела поначалу к серьезным трудностям, так как коровы ломали примитивные заборы и уничтожали посевы [675, с. 140].

Другим следствием развития земледелия на Новой Гвинее была вырубка лесов и замена лесного ландшафта степным. Степные участки менее поддаются обработке с помощью примитивных орудий и более подходят для скотоводства, поэтому папуасы предпочитают использовать их под пастбища [455, с. 159, 160; 675, с. 62].

Наконец, третьим важным следствием интенсификации земледелия и связанным с этим повышением плотности населения является все большая неспособность местного примитивного скотоводства удовлетворять растущие потребности населения. Вследствие этого группы, обитающие в районах, более благоприятных для скотоводства, чем для земледелия, начинают все более специализироваться на выращивании скота для обмена. На Новой Гвинее примером такого общества служат корофейгу, которые регулярно обменивают свиней на земледельческие продукты [455, с. 87].

Таковы механизмы, стимулирующие самые ранние шаги к интенсификации скотоводства. Они не составляют локальной специфики Новой Гвинее, а наблюдаются и в других районах. В Юго-Восточной Азии огораживание полей для защиты их от скота встречается почти повсеместно. В Таиланде, где в усло-

виях плужного земледелия плотность полей особенно велика, владельцы нескольких буйволов угоняют их подальше от поселка и часто кооперируются, объединяя свои стада и оставляя их под присмотром особого пастуха [1046, с. 92]. В наиболее густонаселенных земледельческих районах, где пастбищ почти нет, возникает потребность в получении скота в обмен у соседей. Так, апатани Ассамы выменивают животных у некоторых горных народов [934, с. 65, 99]. Та же картина наблюдается в Таиланде, где население плато Корат поставляет буйволов на рынки других районов. Именно на плато Корат встречаются наиболее крупные стада, и именно здесь распространена система содержания животных в специальных сезонных загонах [1046, с. 93]. Процесс постепенного отделения скотоводства от земледелия происходил в Перу в период инков, когда там обитали скотоводческие группы, в разной степени связанные с земледельческими племенами. Причиной появления таких групп явился рост потребности в домашних животных и скотоводческой продукции в плотнозаселенных земледельческих районах [818, с. 189, 197—200]. В то же время одна из предпосылок становления полукочевого скотоводства заключается в наличии обрабатываемых полей, на которых животным разрешается пастись после снятия урожая. В этом заинтересованы не только скотоводы, но и земледельцы, так как выпас скота улучшает плодородие почвы. На такой основе возникают своеобразные симбиотические отношения между скотоводами и земледельцами, хорошо известные по материалам Азии и Африки.

Особый тип представляет являжное скотоводство в горах, которое К. Диттмер не без основания считал одной из самых ранних форм номадизма [529, с. 258, 259]. По этнографическим данным, выход на летовку в горы был здесь связан прежде всего с желанием избежать потравы посевов. Зимой скот находился на стойловом содержании в поселке, а весной и осенью свободно бродил в его окрестностях. На летовках сопровождавшие скот женщины жили либо в каменных домах, либо в легких хижинах. При переходе на летовку окарб перевозился на транспортных животных (лошадях или ослах). Важно подчеркнуть, что на летовку уходили лишь те хозяева, у которых имелось много скота.

Таким образом, исторические и этнографические данные подтверждают мнение специалистов о том, что, с одной стороны, совершенствование техники земледелия [148, с. 127, 134; 611, с. 259] и особенно возникновение плужного [512, с. 248] и ирригационного [746, с. 187—191] хозяйства, а с другой — появление дифференцированных способов использования животных (получение шерсти, вьючная и упряжная функции и особенно молочное хозяйство) [529, с. 257, 258] — все это послужило основой для совершенствования форм и методов скотоводства [934, с. 242—244]. В этой связи весьма показательны, что огоражи

вание пастбищ с целью избежать гибридизации домашних оленей с дикими, а также уберечь поля от потравы появилось именно у оленеводов-саамов, которые в отличие от многих других оленеводов, во-первых, издавна доят оленей, а во-вторых, живут рядом с земледельцами и сами иногда возделывают землю [1995; 683, с. 24].

К сожалению, проследить конкретную картину становления различных скотоводческих систем в настоящее время представляется невозможным, так как соответствующая методика изучения археологических материалов разработана еще недостаточно. Здесь уместно рассмотреть лишь несколько примеров ранних обществ, которые называются некоторыми исследователями кочевыми или полукочевыми.

Идея о том, что скотоводство в Загросе уже в раннем неолите имело являющийся характер, была в предварительном виде впервые высказана К. Нарром [822, с. 85]. В ГДР она была поддержана Б. Брентьесом [450, с. 29], а в англоязычных странах независимо развита К. Флэннери [575, с. 1255] и вслед за ним некоторыми другими учеными [812, с. 293—296; 666, с. 19, 20]. Теоретически эта мысль представляет определенный интерес и не может быть отвергнута лишь на том основании, что у ранних скотоводов Загроса не было выючных животных. Как показано выше, в некоторых случаях полукочевники используют под выюк коз и овец. Однако характер тех весьма скудных материалов, которые привлекаются для обоснования этой идеи, заставляет усомниться в ее правдоподобии.

В свое время К. Флэннери выдвинул несколько аргументов, которые, по его мнению, доказывали являющийся характер скотоводства в Загросе в VIII—VII (VII—VI) тысячелетиях до н. э.: 1) примитивность культуры на поселении Сараб, которое в сравнении с Джармо выглядело временным, сезонным пристанищем скотоводов; 2) изменения в соотношении растительных остатков в долине Дех Луран (рост к VII [VI] тысячелетию до н. э. удельного веса травы *Prosopis*, будто бы сопровождающей кочевое скотоводство); 3) находки хузистанской керамики высоко в горах в пещере Кунджи, что, по мнению К. Флэннери, свидетельствовало о сезонных миграциях скотоводов [575, с. 1255]. Раскопки поселения Тепе-Луран как будто бы подтверждали эту гипотезу, так как там был прослежен переход от временных, деревянных хижин к глинобитным домам, чему соответствовали и изменения в материальной культуре.—рост ее земледельческого облика [794, с. 106]. Вместе с тем последующие исследования в Загросе показали, что все эти находки допускают и иную интерпретацию. Детальный анализ материалов из Сараба позволил предположить не временный, а круглогодичный его характер [433, с. 121—126]. Критическое источниковедческое изучение данных из долины Дех Луран показало, что вывод о падении роли земледелия в VII (VI) ты-

сячелетии до н. э. мало надежен, так как основан на сравнении несопоставимых источников [526, с. 158, 159]. В ходе новых работ в горных долинах Загроса выяснилось, что временные летние лагеря в неолите располагались гораздо ближе к базовым поселениям [813, с. 24, примеч. 23], чем расстояние от пещеры Кунджи до долины Дех Луран. Кроме того, скотоводческий характер стоянки в этой пещере до сих пор не доказан.

Таким образом, защитникам гипотезы о раннем яйлажном скотоводстве в настоящее время остается опираться исключительно на данные поселения Тепе-Гуран [812]. Но результаты исследований последних лет поколебали и их первоначальную интерпретацию. В Хулайланской долине, где расположен Гуран, сейчас известно уже несколько синхронных ему поселений, обитатели которых вели комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство при относительно высокой роли охоты, собирательства и рыболовства. Они имели как постоянные базовые поселения, так и сезонные стоянки, располагавшиеся, однако, в пределах одной долины настолько близко друг к другу (в пределах 5 км) [813, с. 21—28], что говорить о яйлажном скотоводстве как об особом направлении хозяйства здесь не представляется возможным. Что же касается самого Гурана, то, во-первых, площадь раскопа на нем была весьма ограниченной, что не позволяет целиком полагаться на полученные материалы (так, в средних слоях были выявлены соседствующие друг с другом и деревянные хижины и глинобитные дома; вряд ли правомерно отрицать вероятность повторения той же картины и в нижних слоях при расширении площади раскопа), а во-вторых, в последние годы было выяснено, что деревянные хижины здесь были не так уж примитивны. Наличие в них двух-трех комнат [813, с. 21] мало соответствует представлению о временных жилищах скотоводов. Наконец, полное отсутствие каких-либо следов отгонного скотоводства в районе Хулайланской долины в энеолите после возникновения здесь ирригационного земледелия [813, с. 31] было бы удивительным, будь оно, действительно, неотъемлемой частью хозяйственного цикла в предшествующую эпоху. Нет также и бесспорных данных об отделении скотоводства от земледелия и даже о яйлажном скотоводстве в долине Дех Луран после проникновения туда ирригационного хозяйства, хотя Ф. Хоул весьма настойчиво и целенаправленно искал такие материалы [666, с. 16—17]. Гипотеза о становлении яйлажного скотоводства в Загросе в середине IV (конце IV) тысячелетия до н. э. гораздо больше соответствует современному уровню развития науки [813, с. 33].

Другим районом, где некоторые специалисты до сих пор локализуют ранних кочевников, является Палестина. Запустенные древнеземледельческих поселений, связанное с аридизацией в VII (VI) тысячелетии до н. э., порой интерпретируется как указание на переход населения к полукочевому скотоводству [800,

с. 68]. Однако, как показал А. Мурэ, в настоящее время в пользу этого предположения нет никаких сколько-нибудь основательных доказательств: полукочевничеству не благоприятствовали сложившиеся природно-климатические условия, которые заставили население покинуть Палестину, за исключением ее северных, гораздо более гумидных областей, где комплексная земледельческо-скотоводческая культура продолжала развиваться. Впоследствии, во второй половине VI—V (V — первой половине IV) тысячелетия до н. э., когда Палестина вновь была заселена, но уже поздненеолитическим населением, хозяйство продолжало оставаться комплексным [807, с. 36—64].

Еще сравнительно недавно древних семитов считали чуть ли не исконными кочевниками. Детальный анализ исторических источников, проведенный в последние десятилетия, показывает, что это представление далеко от действительности [645; 716; 626]. Не обладая такими животными, как лошади и верблюды, ранние западные семиты Передней Азии при всем желании не имели возможности углубляться в степи и пустыни и жили поэтому на окраинах земледельческих территорий, занимаясь не только скотоводством, но и земледелием. Помимо овец и коз они разводили крупный рогатый скот, что в переднеазиатских условиях также мало стимулировало кочевание. Сведения исторических источников о переходах групп западных семитов с одного поселения на другое, по мнению А. Холдера, могут интерпретироваться с точки зрения не только потребностей скотоводства, но и потребностей земледелия [626, с. 59]. Уже тот факт, что западные семиты были создателями городской цивилизации второй половины III — первой половины II тысячелетия до н. э. [784], не позволяет относить их огульно к отсталым кочевникам-скотоводам. Вместе с тем у некоторых племен западных семитов во II тысячелетии до н. э. скотоводческая сфера хозяйства, несомненно, преобладала над земледельческой. Именно в это время здесь начали складываться те симбиотические отношения между преимущественно скотоводческими и преимущественно земледельческими племенами, которые определяли картину этнических взаимоотношений последующих веков [910, 247—258; 911, с. 201—212]. Скотоводство имело отгонный или полукочевой характер. Мнение о наличии кочевого скотоводства в Месопотамии уже в VIII—VII (VII—VI) тысячелетиях до н. э. представляется поэтому в корне неверным.

С тех пор как в неолитическом искусстве Сахары был вычленен «скотоводческий период», в научной литературе стало почти общепризнанным мнение о кочевом или полукочевом образе жизни сахарских скотоводов, который реконструируется по аналогии с современными скотоводами Судана или Восточной Африки. Однако наиболее подвижные из последних пользуются при кочевках транспортными животными, если не верблюдами и лошадьми, то по крайней мере ослами, которых в

неолитической Сахаре не было. Кроме того, для современных африканских скотоводов характерно либо наличие своего собственного земледелия, либо интенсивного обмена с соседним земледельческим населением. В то же время о земледелии в неолитической Сахаре до сих пор, к сожалению, почти ничего не известно, хотя было бы преждевременным исключать возможность его существования. Приводимые выше свидетельства вьючного и верхового использования быков настолько редки, что вряд ли могут служить для доказательства их сколько-нибудь существенной транспортной роли в неолите. Изображение коровы у кормушки, известное в оазисе Увейнат [1036, табл. XXVIII, 1], тоже мало соответствует мнению о кочевничестве. Вместе с тем отгонно-пастбищное скотоводство в неолитической Сахаре, несомненно, имело место, о чем говорят изображения пастухов, сопровождающих крупные стада. Однако за неимением данных проследить в этих местах какую-то эволюцию форм скотоводства сейчас не представляется возможным. Африканские данные подтверждают соображение о влиянии развитых земледельческих районов на усиление скотоводческого хозяйства по соседству. Так, в условиях развития ирригационного земледелия египтяне уже в период Древнего Царства, а скорее и ранее начали ощущать нехватку скота. Напротив, в соседних с Египтом областях, в Нубии и в Ливии, где интенсификация земледелия была невозможна, усилилась роль скотоводства, видимо не без влияния растущего спроса. Отражением сложившейся ситуации были военные походы, организуемые фараонами для захвата скота [269, с. 16]. Более обычным источником получения скота был обмен, который египтяне регулярно вели с соседями. Этот обмен мог косвенным образом стимулировать развитие скотоводства и в гораздо более отдаленных областях.

Третьей областью, с которой порой также связывают очень раннее возникновение кочевничества, являются евразийские степи. Действительно, до появления плуга использование степных участков для земледелия было малоэффективным. Поэтому в степи особое развитие должно было получить скотоводство. Однако вопрос о его форме остается открытым. В евразийских степях кочевое скотоводство, известное по письменным и этнографическим источникам, всегда основывалось на разведении овец и лошадей. Напротив, в III — начале II тысячелетия до н. э. здесь такого единообразия отнюдь не наблюдалось: в Минусинской котловине преобладало разведение крупного рогатого скота, в северокавказском регионе — крупного рогатого скота и свиней, на Нижней Волге — мелкого рогатого скота, а в Северном Причерноморье у различных групп доминировало либо овцеводство, либо коневодство, либо разведение крупного рогатого скота [370, с. 14, 15].

Как теперь установлено, для этих коровопасов и, что особен-

но интересно, для коневодов была характерна более или менее прочная оседлость. Во всяком случае, в зоне южнорусских степей (в западной ее части) именно для этих коллективов было установлено наличие крупных долговременных поселений [370, с. 14, 15]. Что же касается овцеводов Северного Причерноморья и Нижней Волги, то реконструкция их образа жизни требует дополнительных исследований. Само по себе овцеводство еще не влечет автоматически возникновения кочевничества, ибо, как писал Дж. Г. Д. Кларк, «овцеводство великолепно уживалось с оседлым земледелием» [148, с. 127]. Носители ямной культуры в III тысячелетии до н. э. уже знали молочное хозяйство, однако в этот период оно еще только зарождалось. Вряд ли овцы могли обеспечить их молочными продуктами в достаточном для кочевой жизни количестве. Отсутствие в III тысячелетии до н. э. верховой лошади также не могло не затруднять кочевание.

Еще совсем недавно тезис о кочевом или полукочевом хозяйстве в Нижнем Поволжье и сальско-маньчских степях подкреплялся утверждением о том, что в местных аридных условиях земледелие и сколько-нибудь оседлая жизнь были невозможны [224, с. 114; 370, с. 11; 15, с. 6, 7]. Однако, как выяснилось, в III тысячелетии до н. э. обводненность этих районов была значительно большей, чем ныне [107, с. 15]. Наконец, если обратиться к лингвистике, приняв гипотезу об индоиранской принадлежности населения южнорусских степей III тысячелетия до н. э., можно обнаружить следующее. Древний индоиранский термин, обозначающий основных производителей, рядовых общинников, дословно переводится как «доставляющий корм скоту» [299, с. 55]. Это, конечно, свидетельствует о большой роли скотоводства у древних индоиранцев, но это же и не позволяет считать их кочевниками, так как «доставлять корм скоту» необходимо лишь в более или менее оседлых условиях; при кочевом хозяйстве скот сам об этом заботится. Следовательно, пока что нет твердых оснований для утверждения о наличии кочевничества в евразийских степях в III — начале II тысячелетия до н. э. В то же время процесс разделения на более оседлых и более подвижных скотоводов в этот период, безусловно, шел. Его материальной основой стали появление молочно-шерстяного хозяйства, использование вьючных и упряжных животных, а также развитие более интенсивных методов земледелия и скотоводства.

Таким образом, в эпоху бронзы на базе раннего скотоводства возникали, с одной стороны, первые формы подвижного скотоводства, носители которых постепенно отрывались от своей земледельческой основы, а с другой — шло формирование интенсивных методов ведения скотоводческого хозяйства в среде плужных земледельцев. Вместе с тем эта закономерность может рассматриваться лишь как общеисторическая тенденция, поскольку в конкретных условиях картина часто была, вероятно,

более сложной, так как процесс мог прерываться и даже обрататься вспять. Формы полукочевого и отгонного скотоводства могли чередоваться у одного и того же населения на разных этапах истории. В некоторых случаях роль скотоводства могла резко упасть вследствие неблагоприятных природных условий, эпидемий, вражеских набегов и, как крайний случай, скотоводческие навыки могли вообще исчезнуть, как это произошло у некоторых народов Восточной Африки и Океании.

В течение последних ста лет вопрос о соотношении земледелия и скотоводства на разных этапах развития первобытного общества был предметом ожесточенных дискуссий. При этом значение того или иного его решения выходило далеко за рамки хозяйственной проблематики в связи с реальным фактом некоторой корреляции между общественными и хозяйственными формами. Действительно, в зависимости от того, переходили ли охотники и собиратели сразу к кочевому скотоводству или же к комплексной земледельческо-скотоводческой экономике, могла по-разному реконструироваться и социальная история человечества.

В настоящее время можно уверенно говорить о том, что производящее хозяйство родилось в комплексной форме и что земледельческо-скотоводческий этап был необходимым звеном всемирно-исторического процесса. Этому не противоречат отдельные факты перехода некоторых коллективов от охоты и собирательства к скотоводству путем заимствования домашних животных, так как они, во-первых, относятся к позднему периоду первобытной истории, а во-вторых, если не прямо, то косвенно связаны с влиянием земледельческо-скотоводческого мира. Поэтому эти факты следует рассматривать как именно такие исключения, которые подтверждают правило.

С течением времени производящее хозяйство становилось все более важным источником существования человека, оттесняя охоту, рыболовство и собирательство на второй план, пока, наконец, степень его интенсификации в ряде районов не достигла такого уровня, когда земледелие и скотоводство уже не могли развиваться на равноправной основе в рамках единой хозяйственной системы. С этого момента пути их разошлись; возникло сначала отгонное, а затем и кочевое скотоводство. К тому же результату могло привести распространение комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства во вторичные очаги, где природные условия, более благоприятные для развития скотоводства, чем для земледелия, а равным образом особенности местного традиционного хозяйства также, несомненно, влияли на характер производящей экономики. В то же время в тех районах, где не было подходящих для номадизма домашних животных (свиноводческие области Китая, Юго-Восточной Азии и Океании), скотоводство играло подчиненную роль в оседлоземледель-

ческих обществах, кое-где в значительной степени сохраняя тот характер, который оно имело на ранних этапах своего развития.

Таким образом, все известное ныне многообразие типов скотоводства является продуктом длительного исторического развития. Причины возникновения этих типов вопреки мнению крайних автохтонистов чаще всего следует искать в особенностях конкретно-исторических и экологических условий их образования, а не связывать каждый раз только с независимым процессом доместикации. В то же время невозможно согласиться со все еще существующими в современной зарубежной науке неодифузионистскими взглядами, согласно которым любое сколько-нибудь существенное изобретение было уникальным и неповторимым. История скотоводства показывает, что изобретения могли совершаться независимо везде, где имелись необходимые для них предпосылки и условия. В то же время, однажды возникнув, они могли распространяться далеко за пределы своей родины благодаря контактам, которые издавна связывали человечество в единое целое.

К Введению

Так и поступили, например, Р. Проч и Р. Бергер, датируя древнейшие кости домашних животных [889, с. 235—239].

К главе I

¹ Истоки экологических исследований восходят к работам ряда английских и американских ученых 20—30-х годов.

К главе II

К «потенциально домашним» обычно относят те виды, представители которых позже встречены в домашнем состоянии.

² Пример с одомашненными северными оленями, морфологически не отличающимися от диких, малопоказателен, так как древнейшее скотоводство возникло в условиях оседлости. Кочевой образ жизни, отличающий оленеводов,— позднее явление.

³ Одно время автор несколько переоценивал возможности Палестины в этом отношении (см. [371, с. 282]).

⁴ Утверждение Д. Перкинса о том, что домашние козы и овцы, а возможно, и крупный рогатый скот появились в Северном Афганистане еще в докерамическом неолите в X—VIII (IX—VII) тысячелетиях до н. э. [864, с. 73], не может приниматься в расчет без подробной публикации материала, так как, по словам квалифицированных палеозоологов, для периодов мезолита и неолита не только доместикационные признаки, но и отделение костей коз и овец друг от друга представляют собой весьма сложную и зачастую неразрешимую задачу [352, II, с. 121—123]. Тем не менее и для периода керамического неолита Д. Перкинс не дал сколько-нибудь развернутого обоснования своей точки зрения. Более того, судя по приводимой им таблице, он не вполне уверен в наличии домашних овец даже в слоях керамического неолита.

⁵ Пользуюсь случаем поблагодарить Ф. Коля, приславшего мне материалы о Мергаре.

⁶ Противоположное мнение высказал недавно М. Мерти, которому удалось обнаружить в позднплейстоценовых слоях пещер Курнул в Южной Индии моляры коз/овец (*Sarpa/ovis* sp.). Указывая на эту находку, автор считает, что в Индии имелись природные предпосылки для местной доместикации овец [820, с. 136, 137]. Однако пока что его мнение представляется малообоснованным, так как, во-первых, точная видовая принадлежность обнаруженных моляров остается неизвестной, а во-вторых, остеологические материалы с других памятников и плейстоцена и голоцена Индии не дают оснований считать, что здесь обитали дикие козы и овцы (см. [711, с. 113—333; 826, с. 213 и сл.; 969, с. 322—327]).

⁷ Сложность проблемы возникновения производящего хозяйства в Белоруссии была недавно подчеркнута А. А. Формозовым (см. [335, с. 101]).

⁸ Сведения о ней мне любезно предоставил М. В. Крюков.

⁹ Они и в прошлом были более аридными, чем на юге (иное мнение см. [363, с. 21]).

¹⁰ Правда, в последние годы в горах Новой Гвинеи в районе Кук удалось выявить древние дренажные сооружения, восходящие ко второй половине V (первой половине IV) тысячелетия до н. э., а возможно, и к более ранней эпохе.

К главе III

¹ Об этом см. также [385].

² Здесь и далее используется терминология, предложенная для определения видов собственности Ю. И. Семеновым [292, с. 38, 39, 83, 84].

³ Такое отношение к свиньям сохраняется и у высокоразвитых земледельцев и скотоводов Новой Гвинеи, например у кума (миньи), медлла и др.

⁴ Почти все данные относятся к 50—60-м годам XX в.

⁵ У экаги свинья получает в день до 4,0 кг батата (см. [884, с. 207]).

⁶ На это несколько лет назад указал В. М. Бахта (см. [26, с. 285]).

⁷ О наказаниях воров у экаги см. [883, с. 192—196].

⁸ Сведения Янга относятся к 60-м годам XX в. В начале XX в., когда К. Зелигман наблюдал пир с убоем 71 свиньи (см. [928, с. 604]), свиней у южных массим, видимо, было больше.

⁹ Этот обычай встречен также в Индонезии на юго-западном побережье Суматры (см. [741, с. 267]).

¹⁰ Недавно В. И. Васильевым была предложена третья гипотеза, согласно которой скотоводы-самодийцы, придя на Север, применили известные им скотоводческие навыки для освоения нового вида занятий, оленеводства [67, с. 62].

¹¹ Статистику, связанную с оленеводством, см. также [317; 152; 213; 177, с. 58, 61].

¹² Цифра, видимо, сильно занижена, так как учтены не только тундровые, но и лесные оленеводы, в особенности энцы и нганасаны.

¹³ Эта цифра неоспорна. И. И. Крупник любезно сообщил автору, что в тундре важенки составляли в среднем 44—46% стада и никогда не превышали 50%.

К главе IV

Проблема миграций первобытных земледельцев и скотоводов была недавно отчасти проанализирована Н. Я. Мерпертом на археологических материалах [224а].

² Эти сведения любезно сообщены мне А. И. Першицем.

- Бюлл. МОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы. М.
 ВДИ — «Вестник древней истории». М.
 ВИ — «Вопросы истории». М.
 ИГАИМК — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры». М.—Л.
 КД — «Каракумские древности». Аш.
 КСИА — «Краткие сообщения Института археологии». М.
 КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР». М.—Л.
 КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии». М.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
 МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
 ПДЖР — Проблемы доместикации животных и растений. М., 1972.
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.
 ПИПО — Проблемы истории первобытного общества. М., 1960.
 ППДЖ — Проблемы происхождения домашних животных. Вып. I. Л., 1933.
 ППЭПДЖ — Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных. Т. I. М.—Л., 1940.
 РЭИНВА — Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
 СА — «Советская археология». М.
 Сборник МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.
 СЭ — «Советская этнография». М.
 ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая.
 ТЮТАКЭ — «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции». Аш.
 РАНИОН — «Ученые записки Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук». М.
 AAAG — «Annals of the Association of American Geographers». Albany, N. Y.
 AAAS — «Les Annales Archéologiques Arabes Syriennes». Damaskus.
 AAS — «Annales Archéologiques de Syrie». Damaskus.
 AS — «Anatolian Studies». L.
 AJA — «American Journal of Archaeology». N. Y.—L.
 ANYAS — «Annals of the New York Academy of Science». N. Y.
 AP — «Asian Perspectives». Honolulu.
 APAO — «Archaeology and Physical Anthropology in Oceania». Sydney.
 AZF — «Acta zoologica fennica». Helsinki.
 BDAIRGK — Bericht der Römisch-Germanische Kommission des Deutschen Archäologischen Institute. B.
 BEA — Background to Evolution in Africa. Chicago, 1967.
 BSAP — «Bulletin de la Société Préhistorique Française». P.
 CAH — Cambridge Ancient History Cambridge.
 Ca — «Current Anthropology». Chicago.
 DEPA — Domestication and Exploitation of Plants and Animals. L., 1969.
 DGH — Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Budapest, 1973.
 GGMM — Gods, Ghosts and Men in Melanesia. Melbourne, 1965.
 GR — «Geographical Review». N. Y.
 HSAI — Handbook of South American Indians. Wash.
 IA — «Iranica Antiqua». Leiden.
 IEIE — Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970.

IEJ — «Israel Exploration Journal». Jerusalem.
IJES — «Israel Journal of Earth Sciences». Jerusalem.
JAH — «Journal of African History». L.
JNES — «Journal of Near Eastern Studies». Chicago.
JPS — «The Journal of Polynesian Society». Plymouth.
JRAI — «Journal of the Royal Anthropological Institute». L.
JRSWA — «Journal of the Royal Society of Western Australia». Perth.
MSU — Man, Settlement and Urbanism. L., 1972.
MUSJ — «Mélanges de l'Université Saint-Josef». Beyrouth.
OAPD — Origins of African Plant Domestication. The Hague — Paris, 1976.
PAPS — «Proceedings of the American Philosophical Society». Philadelphia.
PEP — «Papers in Economic Prehistory». Cambridge, 1972.
PEQ — «Palestine Exploration Quarterly». L.
PNAS — «Proceedings of the National Academy of Sciences». Wash.
PPP — «Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology». Amsterdam.
PPS — «Proceedings of the Prehistoric Society». Cambridge.
PPW — Pigs, Pearlshells and Women. Englewood Cliffs, 1969.
RPP — «Review of Palaeobotany and Palynology». Amsterdam.
SA — «Scientific American». N. Y.
SAAB — «South African Archaeological Bulletin». Cape Town.
SM — «Scientific Monthly». N. Y.
TAPS — «Transactions of the American Philosophical Society». Philadelphia.
TNYAS — «Transactions of the New York Academy of Science». N. Y.
WA — «World Archaeology». L.
ZE — «Zeitschrift für Ethnologie». B.
ZS — «Zeitschrift für Säugetierkunde». B.
ZTZ — «Zeitschrift für Tierzüchtung und Züchtungsbiologie». Hamburg — Berlin.

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21.
2. Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту 5 августа 1890 г.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 37.
3. Аверкиева Ю. П. Соотношение родовой и сельской общины у индейцев Северной Америки.— VII МКАЭН. Доклады советской делегации. М., 1964.
4. Аверкиева Ю. П. О ранних формах наследования.— Социология и идеология. М., 1969.
5. Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970.
6. Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974.
7. Адамец Л. Общая зоотехния. М., 1936.
8. Адлерберг Г. П. К вопросу о происхождении домашних свиней.— ППДЖ.
9. Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана.— Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972.
10. Алексеенко Е. А. Кеты. Л., 1967.
11. Алексеенко Е. А. Оленеводство у кетов.— Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
12. Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
13. Андрианов Б. В. Роль перехода к земледелию в историческом процессе.— Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972.
14. Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971.
15. Артамонов М. И. Возникновение кочевого скотоводства.— Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977.
16. Арутюнов С. А., Мухлинов А. И. К этнографической характеристике народов группы кса.— СЭ. 1963, № 1.
17. Археологія Української РСР. Т. I. Киев, 1971.
18. Архинчев И. С. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства.— ТИЭ. Т. 35. Н. сер., 1957.
19. Арциховский А. В. Введение в археологию. М., 1947.
20. Аскарров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Таш., 1977.
21. Бабушкин А. И. Большеземельская тундра. Сыктывкар, 1930.
22. Балезин П. С. Животноводство Китая. М., 1959.
23. Баскин Л. М. Вероятный путь одомашнивания стадных копытных животных.— Синантропизация и domestикация животных. Материалы к совещанию 1969 г.— МОИП. М., 1969.
24. Баскин Л. М. Одомашнивание стадных животных.— «Природа», 1970, № 7.
25. Бахта В. М. К вопросу о структуре первобытного производства.— ВИ. 1960, № 7.
26. Бахта В. М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество.— ПИДО.
27. Бахтеев Ф. Х. Дальнейшее осуществление научных идей Н. И. Ва-

- вилава в изучении зерновых злаков.— Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов. М.—Л., 1966.
28. Белановская Т. Д. К вопросу о палеоэкономике неолитических племен низовьев Дона.— Проблемы археологии и этнографии. Вып. I. Л., 1977.
  29. Бердыев О. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Аш., 1969.
  30. Березанская С. С. О земледелии в культурах шнуровой керамики на Украине.— Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
  31. Березин Н. Исчезнувшие домашние животные Египта, Палестины и Сирии.— ППЭПДЖ.
  32. Березкин Ю. Е. Начало земледелия на перуанском побережье.— СА. 1969, № 1.
  33. Бибииков С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого триполья.— СА. 1965, № 1.
  34. Бибиикова В. И. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы.— «Бюл. МОИП». Отделение биологии. Т. 72. Вып. 3, 1967.
  35. Богаевский Б. Л. Орудия производства и домашние животные Триполья. Л., 1937.
  36. Богданов Е. А. Происхождение домашних животных. М., 1937 (1-е изд.— 1913).
  37. Боголюбский С. Н. Возникновение животноводства как отрасли первобытного хозяйства.— «Бюл. МОИП». Отделение биологии. Т. 61. Вып. 3, 1956.
  38. Боголюбский С. Н. Доместикация как биологическая проблема.— ПДЖР.
  39. Боголюбский С. Н. О путях к овладению эволюцией домашних животных.— ППЭПДЖ.
  40. Боголюбский С. Н. Проблема происхождения домашних животных.— ППДЖ.
  41. Боголюбский С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959.
  42. Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на земле. М.—Л., 1928.
  43. Богораз-Тан В. Г. Оленеводство. Возникновение, развитие, перспективы.— ППДЖ.
  44. Борисковский П. И. Первобытное прошлое Вьетнама. М.—Л., 1966.
  45. Браунер А. А. Животноводство. Одесса, 1922.
  46. Браунер А. А. К вопросу о естественно-историческом и особенно остеологическом обследовании домашних животных СССР и сопредельных местностей.— ППДЖ.
  47. Брюсов А. Я. Археологические данные об экономике доклассовых обществ в неолитическую эпоху.— СА. 1956, вып. 25.
  48. Брюсов А. Я. К вопросу о теории диффузии.— СА. 1957, № 1.
  49. Брюсов А. Я. К вопросу об индоевропейской проблеме.— СА. 1958, № 3.
  50. Букинич Д. Д. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства.— «Хлопковое дело». 1924, № 3—4.
  51. Бунятов Т. А. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957.
  52. Бутинов Н. А. Разделение труда в первобытном обществе.— ПИПО.
  53. Быковский С. Н. К вопросу об одомашнивании животных.— СЭ. 1934, № 3.
  54. Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. Т. 1—2. Пг., 1923.
  55. Вавилов Н. И. Ботанико-географические основы селекции.— Н. И. Вавилов. Избранные произведения. Т. I. Л., 1967.
  56. Вавилов Н. И. Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения.— Н. И. Вавилов. Избранные произведения. Т. I. Л., 1967.

57. Вавилов Н. И. Центры происхождения культурных растений. — Н. И. Вавилов. Избранные произведения. Т. I. Л., 1967.
58. Вайман А. А. О прототумерской письменности. — Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.
59. Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972.
60. Вайнштейн С. И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. — IX МКЭАН. Доклады советской делегации. М., 1973.
61. Варрон М. Т. О сельском хозяйстве. — Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве. М., 1957.
62. Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969.
63. Василевич Г. М. Заселение тунгусами тайги и лесотундры между Леной и Енисеем. — Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972.
64. Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение. — СЭ. 1951, № 1.
65. Васильев Б. А. Медвежий праздник. — СЭ. 1948, № 4.
66. Васильев В. И. Система оленеводства лесных эвцев и ее происхождение. — КСИЭ. 1962, № 37.
67. Васильев В. И. Проблема формирования северо-самодийских народностей. М., 1979.
68. Васильев В. И. Возникновение элементов частнособственнического уклада у самодийских народов Обско-Енисейского Севера. — Становление классов и государства. М., 1976.
69. Васильев Л. С. Проблема генезиса китайской цивилизации. М., 1976.
70. Васильевский Р. С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.
71. Вдовин И. С. Очерки по истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965.
72. Вдовин И. С. Жервенные места коряков и их историко-этнографическое значение. — Сборник МАЭ. Т. 27. Л., 1971.
73. Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973.
74. Вдовин И. С. Исторические особенности формирования общественного разделения труда у народов северо-востока Сибири. — Социальная история народов Азии. М., 1975.
75. Вега, Гарсиласо де ла. История государства инков. Л., 1974.
76. Вейлз К. Первобытное общество и его хозяйство. М.—Пг., 1923.
77. Верещагин Н. К. Млекопитающие Кавказа. М.—Л., 1959.
78. Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940.
79. Воронцов Н. Н., Коробицына К. В., Надлер Ч. Ф., Хофман Р., Сапожников Г. Н., Горелов Ю. К. Хромосомы диких баранов и происхождение домашних овец. — «Природа», 1972, № 3.
80. Габунья М. К. Триалетская мезолитическая культура. Тб., 1976 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
81. Галкин Л. А. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов. — СА. 1975, № 3.
82. Гелльвальд. История культуры. Т. I. СПб., 1897.
83. Гемуев И. Н., Пелих Г. И. Селькупское оленеводство. — СЭ. 1974, № 3.
84. Ген В. Культурные растения и домашние животные в их переходе из Азии в Грецию и Италию, а также остальную Европу. СПб., 1872.
85. Гердер И. Г. Философия истории. — Гердер И. Г. Избранные сочинения. М.—Л., 1959.
86. Гернес М. Культура доисторического прошлого. Ч. I. М., 1913.
87. Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
88. Гольмстен В. В. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. — ППДЖ.
89. Гольмстен В. В. Возникновение скотоводства в Восточной Европе. — ППЭПДЖ.
90. Гондатти Н. Л. Оседлое население реки Анадыра. — Записки При-

- амурского отдела Императорского Русского Географического общества». 1897, т. 3, вып. 1.
91. Городцов В. А. Археология. Т. I. М.—Пг., 1923.
  92. Громова В. И. Роль палеозоологии в деле изучения происхождения домашних животных.— ППДЖ.
  93. Громова В. И. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР.— ППЭПДЖ.
  94. Гроссе Э. Формы семьи и формы хозяйства. М., 1898.
  95. Грязнов М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири.— КСИЭ. Вып. 24, 1955.
  96. Грязнов М. П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы.— КСИЭ. Вып. 26, 1957.
  97. Гулыга А. В. Гердер. М., 1963.
  98. Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972.
  99. Гусева Н. Р. Священные зебу: причины живучести культа.— «Природа». 1976, № 9.
  100. Давид А. И., Кетрару Н. А. Фауна млекопитающих палеолита Молдавии.— Фауна кайнозоя Молдавии. Кишинев, 1970.
  101. Давид А. И., Маркевич В. И. Хозяйство и фауна неолитических поселений Среднего Поднестровья.— Фауна кайнозоя Молдавии. Кишинев, 1970.
  102. Даниленко В. Н. Неолит Украины. Киев, 1969.
  103. Даниленко В. Н. Энеолит Украины. Киев, 1974.
  104. Даниленко В. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Юго-Восточной Европы.— Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. Тезисы докладов. М., 1974.
  105. Даниленко В. М., Шмаглій М. М. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи.— «Археологія». 1972, № 6.
  106. Дарвин Ч. Изменения домашних животных и культурных растений.— Дарвин Ч. Сочинения. Т. 4. М.—Л., 1951.
  107. Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Некоторые археологические данные о времени обводнения протоков дельты Волги в историческое время.— Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. Тезисы докладов. М., 1977.
  108. Дебец Г. Ф. Антропологические данные о заселении Африки.— ТИЭ. Т. 16. Н. сер., 1951.
  109. Декандоль А. Местопроисхождение возделываемых растений. СПб., 1885.
  110. Деревянко А. П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973.
  111. Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тб., 1973.
  112. Джапаридзе О. М. Культура раннеземледельческих племен на территории Грузии.— VII МКЭАН. Т. 5. М., 1970.
  113. Диков Н. Н. Основные проблемы археологического изучения северо-востока СССР.— ВИ. 1975, № 10.
  114. Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977.
  115. Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.
  116. Друри И. В. Оленеводство. М., 1955.
  117. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
  118. Елачич Е. О происхождении домашних животных. СПб., 1907.
  119. Ермолова Н. М. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении.— КД. Вып. 3, 1970.
  120. Ермолова Н. М. Формирование мезолитической культуры в связи с природной обстановкой.— КСИА. Вып. 149, 1977.

121. Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ер., 1976.
122. Жданко Т. А. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана.— СЭ. 1961, № 2.
123. Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. Л., 1971.
124. Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА. № 118, М.—Л., 1962.
125. Збенович В. Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.
126. Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.
127. Золотарев А. М., Левин М. Г. К вопросу о древности и происхождении оленеводства.— ППЭПДЖ.
128. Золотов К. Н. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности.— Материалы по археологии Дагестана. Т. 2. Махачкала, 1961.
129. Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970.
130. Иванова Е. В. Тайские народы Таиланда. М., 1970.
131. Ионова Ю. В. Пережитки тотемизма в религиозных обрядах корейцев.— Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970.
132. Исаенко В. Ф. Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976.
133. История таджикского народа. Т. 1. М., 1963.
134. Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.
135. Кабо В. Р. История первобытного общества и этнография. (К проблеме реконструкции прошлого по данным этнографии).— Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
136. Калиц Н. Новая находка модели повозки эпохи энеолита из окрестностей Будапешта.— СА. 1976, № 2.
137. Карнейро Р. Л. Переход от охоты к земледелию.— СЭ. 1969, № 5.
138. Каруновская Л. Э. Доисламские верования в Индонезии.— ТИЭ. Т. 51. Н. сер., 1959.
139. Кашина Т. И. Керамика культуры яншао. Новосибирск, 1977.
140. Кашкаров Д. Н. Экология домашних животных.— Памяти академика М. А. Мензбира. М.—Л., 1937.
141. Келлер К. Естественная история домашних животных. М., 1908.
142. Кесслер К. Ф. Некоторые заметки относительно истории домашних животных, по поводу сочинения *Vorstudien für Geschichte und Zucht der Haustiere, zunächst am Schweineschädel, von Hermann v. Nathusius, 1864.*— «Труды Императорского вольного экономического общества». СПб., 1865, т. 4, вып. 1.
143. Кигурадзе Т. В. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тб., 1976 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
144. Киквидзе Я. А. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тб., 1976 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
145. Кинк Х. А. Египет до фараонов. М., 1964.
146. Кинк Х. А. О хозяйстве додинастического Египта.— Археология Старого и Нового Света. М., 1966.
147. Кинк Х. А. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху. М., 1970.
148. Кларк Г. Доисторическая Европа. М., 1953.
149. Клима И. Общество и культура Древнего Двуречья. Прага, 1967.
150. Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977.
151. Ковязин Н. М. Оленеводство в эвенкийском национальном округе.— Н. М. Ковязин, В. М. Крылов, А. Г. Подэкрат. Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера. Л., 1936.
152. Ковязин Н. М., Крылов В. М., Подэкрат А. Г. Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера. Л., 1936.
153. Кожин П. М. О псалях из афанасьевских могил.— СА. 1970, № 4.
154. Кожин П. М. Об иньских колесницах.— РЭИНВА.
155. Колчин Б. А., Шер Я. А. Абсолютное датирование в археологии — Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.

156. Комаров В. Л. Происхождение культурных растений.— В. Л. Комаров. Избранные сочинения. Т. 12. М.—Л., 1958.
157. Кондоминас Ж. Лес священного камня. М., 1968.
158. Кондорсэ М. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. СПб., 1909.
159. Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйства неолитических племен Средней Азии. Л., 1969.
160. Коробкова Г. Ф. К проблеме неолитических скотоводов Средней Азии.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых работ археологических исследований 1972 г. в СССР. Таш., 1973.
161. Коробкова Г. Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии.— СА. 1975, № 3.
162. Коробкова Г. Ф., Ранов В. А. Древнейшие землекопные орудия Средней Азии.— КСИА. Вып. 136, 1973.
163. Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.
164. Косамби Д. Культура и цивилизация Древней Индии. М., 1968.
165. Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.
166. Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.
167. Котович В. Г. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности.— СА. 1965, № 3.
168. Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма.— МИА, № 91, М., 1960.
169. Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971.
170. Краснов Ю. А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975.
171. Крейнович Е. А. Нивхгу. М., 1973.
172. Крживицкий Л. Хозяйство и общественный строй первобытных народов. М.—Л., 1925.
173. Крижевская Л. Я. К вопросу о нижней границе неолита степей Северо-Восточного Причерноморья.— КСИА. Вып. 153, 1978.
174. Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.
175. Кричевский Е. Ю. О роли межплеменных сношений в древнейшей истории.— КСИИМК. Вып. 13, 1946.
176. Крупник И. И. Природная среда и эволюция тундрового оленеводства.— Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975.
177. Крупник И. И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев.— СЭ. 1976, № 2.
178. Круц В. А. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. Киев, 1977.
179. Крылов В. М. Оленеводство Ленжинского района (корякский национальный округ).— Н. М. Ковязин, В. М. Крылов, А. Г. Подэкрат. Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера. Л., 1936.
180. Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
181. Кузнецова В. Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей.— ТИЭ. Т. 35. Н. сер., 1957.
182. Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей.— ВДИ. 1974, № 4.
183. Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света.— Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
184. Культура Древнего Египта. М., 1976.
185. Кунов Г. Всеобщая история хозяйства. Т. I. М.—Л., 1929.
186. Кучера С. Китайская археология 1965—1974 гг. М., 1977.
187. Кушнарева К. Х., Джапаридзе О. М. Рец. на: Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.— СА. 1978, № 1.

188. Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.
189. Кызласов Л. Р. Древнейшее свидетельство об оленеводстве.— СЭ. 1952, № 2.
190. Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г. Макаревич М. Л. Михайлівське поселення. Київ, 1962.
191. Ларичев В. Е. Неолит Дунбэя и его связи с культурами каменного века Северо-Восточной Азии.— Археологический сборник. Т. 1. Улан-Удэ, 1959.
192. Леббок Д. Донсторические времена. М., 1876.
193. Левин М. Г. О происхождении и типах упряжного собаководства. — СЭ. 1946, № 4.
194. Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— СЭ. 1955, № 4.
195. Ле-Пле. Основная конституция человеческого рода. М., 1891.
196. Липперт Ю. История культуры. СПб., 1899.
197. Липс Ю. Происхождение вещей. М., 1954.
198. Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Палеозноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
199. Лискун Е. Ф. Основы животноводства. М., 1943.
200. Лискун Е. Ф. Крупный рогатый скот. М., 1951.
201. Лист Ф. Национальная система политической экономии. СПб., 1891.
202. Лот А. В поисках фресок Тассилин-Аджер. Л., 1973.
203. Лукреций. О природе вещей. М., 1945.
204. Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.
205. Максимов А. Н. Скотоводство малокультурных народов.— РАНИОН. Т. 2, 1927.
206. Максимов А. Н. Происхождение оленеводства.— РАНИОН. Т. 3, 1929.
207. Маркевич В. И. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1974.
208. Марков Г. Е. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии.— СА. 1966, № 2.
209. Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976.
210. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА. № 93, М., 1960.
211. Марр Н. Я. По этапам развития яфетической теории. М.—Л., 1926.
212. Мартиросян А. А., Мунчаев Р. М. [Ред. на:] С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении.— СА. 1968, № 3.
213. Маслов П. Организация северного промышленного хозяйства.— «Крайний Север». Вып. I. 1935.
214. Массон В. М. Земледельческий неолит юго-запада Средней Азии.— Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966.
215. Массон В. М. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества.— Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков. М., 1966.
216. Массон В. М. Неолит Средней Азии.— Каменный век на территории СССР. М., 1970.
217. Массон В. М. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики). Л., 1971.
218. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
219. Матюшин Г. Н. Памятники эпохи раннего металла Южного Завуралья.— КСИА. Вып. 127, 1971.
220. Матюшин Г. Н. Неолитические памятники Южного Предуралья (некоторые итоги и проблемы).— Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
221. Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев, 1977.
222. Межлумян С. К. Палеофауна эпох энеолита, бронзы и железа на территории Армении. Ер., 1972.

223. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938.
224. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- 224а. Мерперт Н. Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита.—СА. 1978, № 3.
225. Мешков К. Ю. Основные этапы этнической истории Филиппин.—Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1968.
226. Мещанинов И. И. Верхний палеолит.—ИГАИМК. Т. II. Вып. I, 1931.
227. Могильников В. А. К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа в Среднем Приобье.—Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969.
228. Могильников В. А. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа.—«Из истории Сибири». Вып. 7. Томск, 1973.
229. Могильников В. А. К проблеме тюркизации населения Притомья.—Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976.
230. Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.
231. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
232. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
233. Монтеस्कье Ш. О духе законов.—Ш. Монтеस्कье. Избранные произведения. М., 1965.
234. Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934.
235. Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя.—МИА. № 35. М., 1953.
236. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
237. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.—МИА. № 100. М., 1961.
238. Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Советская археологическая экспедиция в Ираке.—«Вестник Академии наук». 1969, № 9.
239. Мухлинов А. И. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. М., 1977.
240. Нариманов И. Г. Архаические керамические маслобойки и этимология азербайджанского слова «нехре».—Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
241. Народы Восточной Азии. М., 1965.
242. Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966.
243. Насимович А. А. Сравнительная эффективность использования пастбищ домашними и дикими копытными.—«Экология». 1970, № 1.
244. Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья. Тб., 1972 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
245. Нейштадт М. И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.
246. Нейштадт М. И. Некоторые итоги изучения отложений голоцена.—Палеогеография и хронология верхнего плейстоцена и голоцена по данным радиоуглеродного метода. М., 1965.
247. Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881—1901 гг.). Томск, 1970.
248. Обермайер Г. Доисторический человек. СПб., 1913.
249. Общественный строй у народов Северной Сибири в XVII — нач. XX в. М., 1970.
250. Окладников А. П. Исследования памятников каменного века Таджикистана.—МИА. № 66. М., 1958.
251. Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Дальневосточный очаг древнего земледелия.—СЭ. 1969, № 2.

252. Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976.
253. Ольдерогге Д. А. Предисловие.— А. Лот. В поисках фресок Тасилин-Аджера. Л., 1973.
254. Основы сельского хозяйства. М., 1976.
255. Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974.
256. Паавер К. Л. К методике определения относительного значения видов и групп млекопитающих в остеологическом материале из раскопок археологических памятников.— «Известия АН ЭССР». Серия биологии. Т. 7. № 4, 1958.
257. Пассек Т. С., Черныш Е. К. Неолит Северного Причерноморья.— Каменный век на территории СССР. М., 1970.
258. Пахомов М. М., Ранов В. А., Никонов А. А. Некоторые данные по палеогеографической обстановке неолитической стоянки Туткаул.— СА. 1974, № 4.
259. Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1978.
260. Первобытное общество. М., 1932.
261. Першиц А. И. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.— ПИПО.
262. Першиц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961.
263. Петри Э. Ю. Антропология. Вып. I. СПб., 1889.
264. Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии.— ТИЭ. № 42. Н. сер. М.—Л., 1959.
265. Пигафетта А. Путешествие Магеллана. М., 1950.
266. Підоплічко І. Г. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. Вип. 2. Київ, 1956.
267. Пилсудский Б. На медвежьем празднике айнов о. Сахалина.— «Живая старина». 1914, т. 23, вып. 1—2.
268. Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье.— СА. 1955, вып. 23.
269. Пиотровский Б. Б. Страницы древней истории Северной Нубии.— Древняя Нубия. М.—Л., 1964.
270. Проблемы происхождения домашних животных. Вып. 1. Л., 1933.
271. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. Вып. 1. М.—Л., 1940.
272. Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953.
273. Равдоникас В. И. К вопросу о возникновении скотоводства.— «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1934, № 3.
274. Равдоникас В. И. Энгельс и проблема происхождения скотоводства в Европе.— Вопросы истории докалассового общества. М.—Л., 1936.
275. Равдоникас В. И. История первобытного общества. Ч. 2. Л., 1947.
276. Радищев А. Н. О человеке, его смертности и бессмертии.— А. Н. Радищев. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952.
277. Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1963.
278. Ранов В. А. Влияние окружающей среды на формирование особенностей гиссарской культуры Таджикистана.— Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974.
279. Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане.— СА. 1971, № 2.
280. Ратцель Ф. Народоведение. Т. 1—2. СПб., 1904.
281. Рейнак С. Орфей. Всеобщая история религий. М., 1919.
282. Ригведа. Избранные гимны. М., 1972.
283. Рошер В. Начала народного хозяйства. Т. I. Отд. I. М., 1860.
284. Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о

- кочевниках.— «Географическое общество СССР. Материалы этнографии». Ч. I. 1961.
285. Руссо Ж. Ж. О причинах неравенства. СПб., 1907.
286. Савельева Т. Н. Как жили египтяне во времена строительства пирамид. М., 1971.
287. Сальников К. В. Очерки Древней истории Южного Урала. М., 1967.
288. Сардарян С. А. Древнейшая история и культура Армении. Автореф. докт. дис. Ер., 1971.
289. Семенов. Исторические сведения об охотничьем искусстве. «Лесной журнал». 1835. Ч. I, № 2.
290. Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974.
291. Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.
292. Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.— Становление классов и государства. М., 1976.
293. Семенов Ю. И. Об изначальной форме первобытных социально-экономических отношений.— СЭ. 1977, № 2.
294. Серебровский П. В. Происхождение домашних животных. Л., 1931.
295. Серкина А. А. Опыт дешифровки древнекитайского письма. М., 1973.
296. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.
297. Смирнов А. П. Возникновение производящего хозяйства и финно-угры.— Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. P. I. Budapest, 1975.
298. Смирнов К. Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей.— СА. 1961, № 1.
299. Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
300. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
301. Смоляк А. В. Некоторые вопросы происхождения народов Нижнего Амура.— Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.
302. Соколов И. И. Биологические особенности домашних животных и диких предков.— «Природа». 1955, № 3.
303. Соколов И. И. Копытные звери (отряды Perissodactyla и Artiodactyla). Фауна СССР. Млекопитающие. Т. I. Вып. 3. М.—Л., 1959.
304. Соколов С. П. Культ животных в религиях. М., 1972.
305. Сосновский Г. П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири.— «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1934, № 2.
306. Сосновский Г. П. К истории скотоводства в Сибири.— ППДЖ.
307. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966.
308. Стратанович Г. Г. Экономические и социальные отношения у цинн по.— СЭ. 1959, № 4.
309. Стратанович Г. Г. Добуддийские верования народов Западного и Центрального Индокитая.— КСИЭ. № 36, 1962.
310. Стратанович Г. Г. Предисловие.— Ж. Кондоминас. Лесщенный камня. М., 1968.
311. Стратанович Г. Г. Ритуальное убийство быка (по материалам обрядности народов Восточной и Юго-Восточной Азии).— Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970.
312. Суслев И. М. Расчет минимального количества оленей, необходимого для туземного середняцкого хозяйства.— «Советский Север». 1930, № 3.
313. Тан-Богораз В. Г. Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926—1927 гг.— СЭ. 1932, № 4.
314. Тейлор Э. Антропология. СПб., 1882.
315. Телегин Д. Я. О культурно-территориальном членении и периодизации неолита Украины и Белоруссии.— СА. 1971, № 2.
316. Телегин Д. Я. Средньо-стогівська культура епохи міді. Київ, 1973.
317. Терлецкий П. Е. Северное оленеводство.— Сборник по оленеводству, тундровой ветеринарии и зоотехнике. М., 1932.

318. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977.
319. Титов В. С. Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена.—КСИА. Вып. 88, 1962.
320. Титов В. С. Древнейшие земледельцы в Европе.—Археология Старого и Нового Света. М., 1966.
321. Титов В. С. Неолит Греции. М., 1969.
322. Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
323. Толстов С. П. Очерки первоначального ислама.—СЭ. 1932, № 2.
324. Толстов С. П. Города гузов.—СЭ. 1947, № 3.
325. Толстов С. П. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии.—ВИ. 1961, № 11.
326. Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII—нач. XX в. А.-А., 1971.
327. Тумаркин Д. Д. Хозяйство папуасов бонгу.—На берегу Маклая. М., 1975.
328. Усама ибн Мункыз. Книга назиданий. М., 1958.
329. Филлипченко Ю. А. Происхождение домашних животных. Пг., 1924.
330. Формозов А. А. К вопросу о происхождении андроновской культуры.—КСИИМК, № 39, 1951.
331. Формозов А. А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа.—МИА. № 102, М., 1962.
332. Формозов А. А. О хозяйстве племен майкопской культуры Прикубанья.—КСИА. Вып. 88. 1962.
333. Формозов А. А. Каменноосткая пещера — многослойная стоянка в Прикубанье.—МИА. № 173, М., 1971.
334. Формозов А. А. К истории древнейшего скотоводства на юге СССР.—Основные проблемы териологии. М., 1972.
335. Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
336. Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. Тезисы докладов. М., 1974.
337. Хавесон Я. И. Дикие и домашние формы верблюдовых.—ППЭПДЖ.
338. Хайтун Д. Е. Тотемизм, его сущность и происхождение. Сталинабад, 1958.
339. Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
340. Хлобыстин Л. П. Работы на севере Западной Сибири.—В сб. Археологические открытия 1976 г. М., 1977.
341. Хлобыстин Л. П., Грачева Г. Н. Появление оленеводства в тундровой зоне Европы, Западной и Средней Сибири.—Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974.
342. Хлопин И. Н. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе.—Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
343. Хомич Л. В. Ненцы. М.—Л., 1966.
344. Хомич Л. В. Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев.—Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
345. Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.
346. Хотинский Н. А. Голоцэн Северной Евразии. М., 1977.
347. Хрустов Г. Ф. К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе.—СЭ. 1959, № 6.
348. Цалкин В. И. Горные бараны Европы и Азии. М., 1951.
349. Цалкин В. И. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела, произведенных А. П. Окладниковым.—ТЮТАКЭ. Т. 7. 1956.
350. Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии.—МИА. № 135, М., 1966.
351. Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.

352. Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Средней Азии.— «Бюллетень МОИП». Отделение биологии. Т. 75. Вып. 1—2, 1970.
353. Цалкин В. И. Происхождение домашних животных в свете данных современной археологии.— ПДЖР.
354. Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тб., 1973 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
355. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
356. Чебоксаров Н. Н. Антропологический состав населения территории современного Китая в палеолите, мезолите и неолите.— РЭИНВА.
357. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971.
358. Чередниченко Н. Н. Основные этапы развития конской узды Евразии в сер. II—нач. I тыс. до н. э.— Новейшие открытия советских археологов. Ч. I. Киев, 1975.
359. Чередниченко Н. Н. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы.— Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
360. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы. Автореф. докт. дис. М., 1970.
361. Чеснов Я. В. Народ кавка.— Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1968.
362. Чеснов Я. В. Доместикация риса и происхождение народов Восточной и Юго-Восточной Азии.— IX МКЭАН. Доклады советской делегации. М., 1973.
363. Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
364. Чеснов Я. В. Земледельческие культуры как этногенетический источник.— РЭИНВА.
365. Чиндина Л. А. Некоторые особенности погребений с конем в могильнике Релка.— Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976.
366. Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977.
367. Шапошникова О. Г., Неприна В. И. Новорозановское многослойное поселение.— Древности Поингуля. Киев, 1977.
368. Шварц С. С. Доместикация и эволюция (к теории искусственного отбора).— ПДЖР.
369. Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
370. Шилов В. П. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века.— СА. 1975, № 1.
371. Шнирельман В. А. Натуфийская культура.— СА. 1973, № 1.
372. Шнирельман В. А. Экологические аспекты неолитической революции в Передней Азии.— Актуальные проблемы этнографии. М., 1973.
373. Шнирельман В. А. Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства.— СЭ. 1974, № 3.
374. Шнирельман В. А. Проблема происхождения натуфийской культуры.— СА. 1975, № 4.
375. Шнирельман В. А. Роль домашних животных в периферийных обществах.— СЭ. 1977, № 2.
376. Шнирельман В. А. [Рец. на:] R. W. Bulliet. The Camel and the Wheel. Cambridge, 1975.— СЭ. 1978, № 2.
377. Шнирельман В. А. Современные зарубежные концепции происхождения производящего хозяйства (проблема механизма).— СА. 1978, № 3.
378. Шнирельман В. А. [Рец. на:] Archeozoological Studies. 1975.— СА. 1979, № 2.
379. Шнирельман В. А. Доместикация животных и религия.— Исследования по общей этнографии. М., 1979.
380. Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка. Киев, 1965.
381. Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история. СПб., 1886.
382. Шрадер О. Индоевропейцы. СПб., 1913.

383. Шурц Г. История первобытной культуры. СПб., 1907.
384. Щетенко А. Я. Роль географической среды в становлении производящего хозяйства Индостана.— КСИА. Вып. 142, 1975.
385. Этнография как источник реконструкции первобытной истории. М., 1979.
386. Юргенсон П. Б. Биологические основы охотничьего хозяйства в лесах. М., 1973.
387. Юсупов А. Х. Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана.— СА. 1975, № 2.
388. Юсупов А. Х. Разведки каменного века в Яванской долине в 1973 г.— Археологические работы в Таджикистане. Вып. 13. Душанбе, 1977.
389. Яхонтов С. Е. Языки Восточной и Юго-Восточной Азии в IV—I тыс. до н. э.— РЭИНВА.
390. Allchin B. Hunters or Pastoral Nomads? Late Stone Age Settlements in Western and Central India.— MSU.
391. Allchin B., Allchin F. R. The Birth of Indian Civilization. Harmondsworth, 1968.
392. Allchin F. R. Neolithic Cattle-Keeper of South India. Cambridge, 1963.
393. Allchin F. R. Early Domestic Animals in India and Pakistan.— DEPA.
394. Allchin F. R., Allchin B. Some New Thoughts on Indian Cattle.— South Asian Archaeology, 1973. Leiden, 1974.
395. Alur K. R. Faunal Studies and Their Connotation.— Archaeozoological Studies. Amsterdam, 1975.
396. Amiran R. More about the Chalcolithic Culture of Palestine and Tepe Yahya.— IEJ. 1976, vol. 26, № 4.
397. Ammerman A. J., Cavalli-Sforza L. L. Measuring the Rate of Spread of Early Farming in Europe.— «Man». 1971, vol. 6, № 4.
398. Amschler J. W. Zur Abstammung und Domestikation der Haustiere.— «Archaeologia Austriaca». 1959, H. 26.
399. Anati E. Evolution and Style in Comanian Rock Art. Capo de Ponte, 1976.
400. Andrews D. H. On the Ethnozoology of the Guinea Pig.— «Nawpa Pacha». Berkeley, 1972—1974, vol. 10—12.
401. Anell B. Hunting and Trapping Methods in Australia and Oceania. Lund, 1960.
402. Anell B. Running down and Driving the Game in North America. Lund, 1969.
403. Archäologie und Biologie. München, 1969.
404. Archaeozoological Studies. Amsterdam, 1975.
405. Arkell A. J. Shaheinab. Ox., 1953.
406. Arkell A. J. Dotted-Wavy-Line Pottery in African Prehistory.— «Antiquity». 1972, vol. 46, № 183.
407. Arkell A. J., Ucko P. J. Review of Predynastic Development in the Nile Valley.— Ca. 1965, vol. 6, № 2.
408. Armstrong J. M., Métraux A. The Goajiro.— HSAI. Vol. 4, 1948.
409. Aschmann H. Indian Pastoralists of the Guajira Peninsula.— AAAG. Vol. 50. № 4, 1960.
410. Bakker S. On Livestock and the Veterinary Service in the Netherlands Indies.— Science and Scientists in the Netherlands Indies. N. Y., 1945.
411. Banerji S. K. Migration and Neolithic Agriculture in Indian Prehistory.— «The Mankind Quarterly». 1972, vol. 12, № 3.
412. Bar-Yosef O. The Epipalaeolithic in Palestine and Sinai.— Problems in Prehistory: North Africa and the Levant. Dallas, 1975.
413. Barker G. W. W. Prehistoric Territories and Economies in Central Italy.— Palaeoeconomy. Cambridge, 1975.
414. Barrau J. L'humide et le sec. An Essay on Ethnobotanical Adaptation to Contrastive Environments in the Indo-Pacific area.— JPS. 1965, vol. 74, № 3.
415. Baumgartel E. J. The Cultures of Prehistoric Egypt. Vol. 1—2. 1960.
416. Baumgartel E. J. Predynastic Egypt.— CAH. 1970, vol. 1, p. 1, chap. 9 (a).

417. Bayard D. T. On Chang's Interpretation of Chinese Radiocarbon Dates.— *Ca.* 1975, vol. 16, № 11.
418. Bell C. The People of Tibet. *Ox.*, 1928.
419. Bender B., Phillips P. The Early Farmers in France.— «Antiquity». 1972, vol. 46, № 182.
420. Benveniste E. Les valeurs économiques dans le vocabulaire indoeuropéen.— *Indo-European and Indo-Europeans*. Philadelphia, 1970.
421. Berndt R. M. Excess and Restraint. Social Control among a New Guinea Mountain People. Chicago, 1962.
422. Birket-Smith K. The Caribou Eskimos. Material and Social Life and Their Cultural Position. Vol. I. Copenhagen, 1929.
423. Blehr O. Traditional Reindeer Hunting and Social Change in the Local Communities Surrounding Hardangervidda.— «Norwegian Archaeological Review». 1973, vol. 6, № 2.
424. Blust R. Austronesian Culture History: Some Linguistic Inferences and Their Relations to the Archaeological Record.— *WA.* 1976, vol. 8, № 1.
425. Boessneck J. Haustierfunde präkeramisch-neolithischer Zeit aus Thessalien.— *ZTZ.* 1961, Bd 76, H. 1.
426. Bolomey A. The Present Stage of Knowledge of Mammal Exploitation during the Epipalaeolithic and Earliest Neolithic on the Territory of Romania.— *DGH.*
427. Bordaz J. Suberde Excavations, 1964.— *AS.* 1965, vol. 15.
428. Bordaz J. Suberde.— *AS.* 1966, vol. 16.
429. Boston E. J. Cattle Breeds in Europe and Africa.— *Man and Cattle*. L., 1963.
430. Bökönyi S. A New Method for Determination of Number of Individuals in Animal Bone Material.— *AJA.* 1970, vol. 74, № 3.
431. Bökönyi S. Archaeological Problems and Methods of Recognizing Animal Domestication.— *DEPA.*
432. Bökönyi S. Animal Remains from Lepenski Vir.— «Science». 1970, vol. 167.
433. Bökönyi S. Zoological Evidence for Seasonal or Permanent Occupation of Prehistoric Settlements.— *MSU.*
434. Bökönyi S. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest, 1974.
435. Bökönyi S. Some Problems of Animal Domestication in the Middle East.— *DGH.*
436. Bökönyi S. Vlasac: an Early Site of Dog Domestication.— *Archaeozoological Studies*. Amsterdam, 1975.
437. Bökönyi S. Development of Early Stock Rearing in the Near East.— «Nature». 1976, vol. 264, № 5581.
438. Bradley R. Prehistorians and Pastoralists in Neolithic and Bronze Age England.— *WA.* 1972, vol. 4, № 2.
439. Braidwood R. J. The Near East and the Foundation for Civilization. Oregon, 1952.
440. Braidwood R. J. The Earliest Village-Communities of South-Western Asia Reconsidered.— *Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche e Protoistoriche*. T. I. Roma, 1962.
441. Braidwood R. J. The Early Village in Southwestern Asia.— *JNES.* 1973, vol. 32, № 1—2.
442. Braidwood R. J. The Iraq-Jarmo Project.— *Archaeological Researches in Retrospect*. Cambridge, 1974.
443. Braidwood R. J., Çambel H., Redman C. L., Watson P. J. Beginnings of Village-Farming Communities in Southeastern Turkey.— *PNAS.* 1971, vol. 68, № 6.
444. Braidwood R. J., Çambel H., Lawrence B., Redman C. L., Stewart R. B. Beginnings of Village-Farming Communities in South-Eastern Turkey, 1972.— *PNAS.* 1974, vol. 71, № 2.
445. Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960.

446. Brass L. J. Stone Age Agriculture in New Guinea.— «Geographical Review». 1941, vol. 31, № 4.
447. Brennan L. A. American Dawn. A New Model of American Prehistory. L., 1970.
448. Brentjes B. Wildtier und Haustier im Alten Orient. B., 1962.
449. Brentjes B. Die Haustierwerdung im Orient. Wittenberg, Lutherstadt, 1965.
450. Brentjes B. Von Shanidar bis Akkad. Lpz., 1968.
451. Brentjes B. Die Rassen des taurinen Hausrinds und ihre Haltung im Alten Orient.— «Säugetierkundliche Mitteilungen». 1974, 22 Jg., H. I.
452. Britnell W. J. Antler Cheekpieces of the British Late Bronze Age.— «The Antiquaries Journal». 1976, vol. 56, p. 1.
453. Brookfield H. C. The Ecology of Highland Settlement: Some Suggestions.— «American Anthropologist». 1964, vol. 66, № 4, p. 2.
454. Brookfield H. C., Brown P. Struggle for Land. Melbourne, 1963.
455. Brookfield H. C., Hart D. Melanesia. A Geographical Interpretation of an Island World. L., 1971.
456. Browman D. L. Pastoral Nomadism in the Andes.— Ca. 1974, vol. 15, № 2.
457. Browman D. L. Trade Patterns in Central Highlands of Peru in the First Millenium B. C.— WA. 1975, vol. 6, № 3.
458. Brown P. The Chimbu. L., 1973.
459. Bulliet R. W. The Camel and the Wheel. Cambridge, 1975.
460. Bulmer R. N. H. The Kyaka of the Western Highlands.— GGMM.
461. Bulmer R. N. H. Why is the Cassowary not a Bird? A Problem of Zoological Taxonomy among the Karam of the New Guinea Highlands.— «Man». 1967, vol. 2, № 1.
462. Bulmer S. Pig Bone from the Archaeological Sites in the New Guinea Highlands.— JPS. 1966, vol. 75, № 4.
463. Burch E. S. The Caribou/Wild Reindeer as a Human Resource.— «American Antiquity». 1972, vol. 37, № 3.
464. Burling R. Rensanggri. Family and Kinship in a Garo Village. Philadelphia, 1963.
465. Burney C., Lang D. M. The Peoples of the Hills. Ancient Ararat and Caucasus. L., 1971.
466. Burnham H. B. Çatal-Hüyük. The Textiles and Twined Fabrics.— AS. 1965, vol. 15.
467. Bus G. A. M. The Te Festival or Gift Exchange in Enga.— «Anthropos». 1951, Bd 46, № 5—6.
468. Butzer K. W. Environment and Archaeology. An Ecological Approach to Prehistory. L., 1972.
469. Butzer K. W., Hansen C. L. Desert and River in Nubia. Madison, 1968.
470. Butzer K. W., Isaac G. L., Richardson J. L., Washbourn-Kaman C. Radiocarbon Dating of East African Lake Levels.— «Science». 1972, vol. 175.
471. Camps G. Amekni: néolithique ancien du Hoggar. P., 1969.
472. Camps G. Les civilisations préhistoriques de l'Afrique du Nord et du Sahara. P., 1974.
473. Camps G., Delibrias G., Thommeret J. Chronologie absolue et succession des civilisations préhistoriques dans le Nord de l'Afrique.— «Libyca». 1968, T. 16.
474. Case H. Neolithic Explanation.— «Antiquity». 1969, vol. 43, № 171.
475. Caton-Thompson G., Whittle E. Thermoluminescence Dating of the Badarian.— «Antiquity». 1975, vol. 49, № 194.
476. Cauvin J. Religions néolithiques de Syro-Palestine. P., 1972.
477. Chang K.-Ch. Radiocarbon Dates from China: Some Initial Interpretations.— Ca. 1973, vol. 14, № 5.
478. Chang K.-Ch. The Beginnings of Agriculture in the Far East.— «Antiquity». 1970, vol. 44, № 175.

479. Chang K.-Ch. *Early Chinese Civilization: Anthropological Perspectives*. Cambridge, 1976.
480. Chaplin R. E. *The Use of Non-Morphological Criteria in the Study of Animal Domestication from Bones Found on Archaeological Sites.*—DEPA.
481. Chên T.-K. *The Beginning of Chinese Civilization.*—«Antiquity». 1973, vol. 47, № 187.
482. Childe V. G. *Man Makes Himself*. L., 1941.
483. Childe V. G. *Social Evolution*. L., 1951.
484. Childe V. G. *Old World Prehistory: Neolithic.*—*Anthropology Today*. Chicago, 1953.
485. Chu K.-Ch. *A Preliminary Study on the Climatic Fluctuations during the Last 5000 Years in China.*—«Scientia sinica». 1973, vol. 16, № 2.
486. Churcher C. S., Smith P. E. L. *Kom Ombo: Preliminary Report on the Fauna of Late Palaeolithic Sites in Upper Egypt.*—«Science». 1972, vol. 177.
487. Cipriani L. *The Andaman Islanders*. L., 1966.
488. Clark J. G. D. *Radiocarbon Dates and Spread of Farming Economy.*—«Antiquity». 1965, vol. 39, № 153.
489. Clark J. G. D. *The Stone Age Hunters*. L., 1967.
490. Clark J. D. *The Prehistory of Africa*. L., 1970.
491. Clark J. D. *The Problem of Neolithic Culture in Subsaharan Africa.*—BEA.
492. Clark J. D. *A Re-Examination of the Evidence for Agricultural Origins in the Nile Valley.*—PPS. 1971, vol. 37, № 2.
493. Clark J. D. *An Archaeological Survey of Northern Air and Tenere.*—«The Geographical Journal». 1971, vol. 137, p. 4.
494. Clark J. D. *Prehistoric Population and Pressures Favoring Plant Domestication in Africa.*—OAPD.
495. Clarke W. C. *Place and People. An Ecology of a New Guinean Community*. Canberra, 1971.
496. Clason A. T. *Animal and Man in Holland's Past*. Groningen, 1967.
497. Clason A. T. *Some Remarks on the Use and Presentation of Archaeozoological Data.*—«Helinium». 1972, vol. 12.
498. Clutton-Brock J. *Near Eastern Canids and the Affinities of the Natufian Dogs.*—TZT. 1961, Bd 76, № 2—3.
499. Clutton-Brock J. *Carnivore Remains from the Excavations of the Jericho Tell.*—DEPA.
500. Clutton-Brock J. *The Primary Food Animals of the Jericho Tell from the Protoneolithic to the Byzantine Period.*—«Levant». 1971, vol. 3.
- 500a. Clutton-Brock J., Uerpman H.-P. *The Sheep of Early Jericho.*—«Journal of Archaeological Sciences». 1974, vol. 1.
501. Codrington D. R. *The Melanesians*. New-Haven, 1957 (1st ed.—1891).
502. Collinson F. *Fifty Thousand Mustangs.*—*Mustangs and Cow Horses*. Dallas, 1965.
503. Contenson H. de. *Découvertes récents dans le domaine du Néolithique en Syrie.*—«Syria». 1966, vol. 43, № 1—2.
504. Cooke C. K. *Evidence of Human Migrations from the Rock Art of Southern Rhodesia.*—«Africa». 1965, vol. 35, № 3.
505. Coon C. S. *Cave Explorations in Iran, 1949*. Philadelphia, 1951.
506. Coon C. S. *Excavations in Hotu Cave, Iran, 1951.*—PAPS. 1952, vol. 96, № 3.
507. Coon C. S. *Seven Caves*. N. Y., 1957.
508. Coulborn R. *The Origin of Civilized Societies*. Princeton, 1959.
509. Cowgill W. *Comment on B. Wailes «The Origins of Settled Farming in Temperate Europe.*—IEIE.
510. Craig R. *Marriage among the Telefolmin.*—PPW.
511. Craín C. L. *Osteoarchaeology in Oceania.*—*Archaeozoological Studies*. Amsterdam, 1975

512. Cranstone B. A. L. *Animal Husbandry: the Evidence from Ethnography*.—DEPA.
513. Crown A. D. *Toward a Reconstruction of the Climate of Palestine 8000 B. C. — O B. C.*—JNES. 1972, vol. 31, № 4.
514. *Current research*.—«American Antiquity». 1974, vol. 39, № 3.
515. Curtain C. C. *On the Origin of the Domesticated Sheep*.—«Antiquity». 1971, vol. 45.
516. Curwen C. E., Hatt G. *Plough and Pasture*. N. Y., 1953.
517. Dalby D. *The Prehistorical Implications of Guthrie's Comparative Bantu. P. 2: Interpretation of Cultural Vocabulary*.—JAH. 1976, vol. 17, № 1.
518. Daly P. *Approaches to Faunal Analyses in Archaeology*.—«American Antiquity». 1969, vol. 34, № 2.
519. Daly P., Perkins D., Drew I. M. *The Effects of Domestication on the Structure of Animal Bone*.—DGH.
520. Dam Bo. *Les populations montagnardes du Sud-Indochinois (Pémsiens)*. Saigon, 1950.
521. Deacon A. B. *Malekula. A Vanishing People in the New Hebrides*. L., 1934.
522. Degerbøl M. *Der Hund, das älteste Haustier Dänmarks*.—ZTZ. 1962, Bd 76, H 2—3.
523. Degerbøl M. *On the Find of a Preboreal Domestic Dogs (Canis familiaris L.) from Starr Carr, Yorkshire with Remarks on Other Mesolithic Dogs*.—PPS. 1961, vol. 27.
524. Delougaz P. *Pottery from the Diyala Region*. Chicago, 1952.
525. Delvert J. *Le paysan Cambodgien*. P., 1961.
526. Dennell R. W. *The Interpretation of Plant Remains: Bulgaria*.—PEP.
527. Dentam R. K. *The Semai: A Nonviolent People of Malaya*. N. Y., 1968.
528. Derricourt R. M. *Radiocarbon Chronology for Egypt and Northern Africa*.—JNES. 1971, vol. 30, № 4.
529. Dittmer K. *Allgemeine Völkerkunde*. Braunschweig, 1954.
530. Dittmer K. *Zur Entstehung des Rinderhirtennomadismus*.—«Paideuma». 1965, Bd II.
531. *The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*. L., 1969.
532. *Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere*. Budapest, 1973.
533. Dowling J. H. *Individual Ownership and the Sharing of Game in Hunting Societies*.—«American Anthropologist». 1968, vol. 70, № 3.
534. Downs J. F. *Domestication: an Examination of the Changing Social Relationships between Man and Animals*.—Kroeber Anthropological Society Papers. Vol. 22. Berkeley, 1960.
535. Downs J. F. *Differential Response to White Contact: Paiute and Washo*.—The Washo Indians of California and Nevada. Salt Lake City, 1963.
536. Downs J. F. *Washo Response to Animal Husbandry*.—The Washo Indians of California and Nevada. Salt Lake City, 1963.
537. Downs J. F. *Animal Husbandry in Navajo Society and Culture*. Berkeley—Los Angeles, 1964.
538. Drew I. M., Perkins D., Daly P. *Prehistoric Domestication of Animals: Effects on Bone Structure*.—«Science». 1971, vol. 171.
539. Du Toit B. M. *Akuna. A New Guinea Village Community*. Rotterdam, 1975.
540. Ducos P. *Les débuts de l'élevage en Palestine*.—«Syria». 1967, vol. 44, № 3—4.
541. Ducos P. *L'origine des animaux domestiques en Palestine*. Bordeaux, 1968.
542. Ducos P. *The Oriental Institute Excavations at Mureybit, Syria: Preliminary Report on the 1965 Campaign. Part IV: Les restes d'Equidés*.—JNES. 1970, vol. 29, № 4.
543. Ducos P. *The Oriental Institute Excavations at Mureybit, Syria: Preliminary Report on the 1965 Campaign. Part V: Les restes de Bovidés*.—JNES. 1972, vol. 31, № 4.

544. Ducos P. Sur quelques problèmes posés par l'étude des premiers élevages en Asie du Sud-Ouest.— DGH.
545. Ducos P. The Oriental Institute Excavations at Mureybit, Syria: Preliminary Report on the 1965 Campaign. Part VI. Les restes de petits ruminants et de suides.— JNES. 1975, vol. 34, № 3.
546. Ducos P. Analyse statistique des collections d'ossements d'animaux.— Archaeozoological studies. Amsterdam, 1975.
547. Dunn F. L. Cultural Evolution in the Late Pleistocene and Holocene of Southeast Asia.— «American Anthropologist». 1970, vol. 72, № 5.
548. Dyen I. The Austronesian Languages and Proto-Austronesian.— «Current Trends in Linguistics». The Hague — Paris, 1971, vol. 8, № 1.
549. Dyson R. H. Archaeology and the Domestication of Animals in the Old World.— «American Anthropologist». 1953, vol. 55, № 5.
550. Dzierzykraj-Rogalski T. Neolithic Skeletons from Kadero, Sudan.— Ca. 1977, vol. 18, № 3.
551. Ehret C. Cattle Keeping and Milking in Eastern and Southern African History: the Linguistic Evidence.— JAH. 1967, vol. 8, № 1.
552. Ehret C. Sheep and Central Sudanic Peoples in Southern Africa.— JAH. 1968, vol. 9, № 2.
553. Ehret C. Patterns of Bantu and Central Sudanic Settlements in Central and Southern Africa.— «Transafrican Journal of History». 1973, vol. 3, № 1—2.
554. Ehret C. Linguistic Evidence and Its Correlation with Archaeology.— WA. 1976, vol. 8, № 1.
555. Elkin A. P. Delayed Exchange in Wabag Sub-District, Central Highlands of New Guinea, with Notes on the Social Organization.— «Oceania». 1953, vol. 23, № 3.
556. Elliot Smith G. In the Beginning. The Origin of Civilization. L., 1928.
557. Elliot Smith G. Human History. N. Y., 1929.
558. Ellis D. V. The Advent of Food-Production in West Africa.— IX International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Plan of the Congress and Résumé of Contributions. Chicago, 1973. Supplement II.
559. Ellis F. H. An Anthropological Study of the Navajo Indians. N. Y.— L., 1974.
560. Emmons G. T. The Tahltan Indians. Philadelphia, 1911.
561. Engel F. A. Le monde précolumbien des Andes. P., 1972.
562. Epstein A. L. Matupit. Land, Politics and Change among the Tolai of New Britain. Canberra, 1969.
563. Epstein H. The Origins of the Domestic Animals of Africa. Vol. 1—2. Lpz., 1971.
564. Erkes E. Das Schwein im Alten China.— «Monumenta Serica». 1942, vol. 7, fasc. 1—2.
565. Evans I. H. N. The Religion of the Tempasuk Dusuns of North Borneo. Cambridge, 1953.
566. Evans-Pritchard E. E. The Nuer. Ox., 1940.
567. Ewers J. C. The Horse in the Blackfoot Indian Culture. Wash., 1955.
568. Fairservice W. A. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan. N. Y., 1956.
569. Fairservice W. A. The Roots of Ancient India. N. Y., 1971.
570. Farrand W. R. Late Quaternary Palaeoclimates of the Eastern Mediterranean Area.— The Late Cenozoic Glacial Ages. New Haven — London, 1971.
571. Feacham R. The Raiapu Enga Pig Herd.— «Mankind». 1973, vol. 9, № 1.
572. Ferdinand K. Nomadism in Afghanistan.— Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest, 1969.
573. Fischer K. Die Chromosomensätze des Bali-Rindes (Bibos Banteng) und des Gayal (Bibos frontalis).— ZTZ. 1969, Bd 86, H. 1.

574. Fitzhugh W. W. Environmental Archaeology and Cultural Systems in Hamilton Inlet, Labrador. Wash., 1972.
575. Flannery K. V. The Ecology and Early Food-Production in Mesopotamia.—«Science». 1965, vol. 147.
576. Flannery K. V. Vertebrate Fauna and Hunting Patterns.—The Prehistory of the Tehuacan Valley. Vol. I. 1967.
577. Flannery K. V. Archaeological Systems Theory and Early Mesoamerica.— Prehistoric Agriculture. N. Y., 1971.
578. Flannery K. V. The Origins of Agriculture.— «Annual Review of Anthropology». 1973, vol. 2.
579. Fleming A. The Genesis of Pastoralism in European Prehistory.— WA. 1972, vol. 4, № 2.
580. Flight C. The Kintampo Culture and Its Place in the Economic Prehistory of West Africa.— OAPD.
581. Flor F. Haustiere und Hirtenkulturen. Kulturgeschichtliche Entwicklungsumrisse.—«Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik». Bd I. Wien, 1930.
582. Ford C. D. Habitat, Economy and Society. L., 1963 (1st ed.— 1934).
583. Fowler P. J. Early Prehistoric Agriculture in Western Europe, Some Archaeological Evidence.— Economy and Settlement in Neolithic and Early Bronze Age Britain and Europe. Leicester, 1971.
584. Frazer J. G. Totemism and Exogamy. Vol. 1. L., 1910.
585. Frazer J. G. Totemism and Exogamy. Vol. 4. L., 1910.
586. French D. H. Excavations at Can Hasan III, 1969—1970.— PEP.
587. Funkenstein D. H. The Physiology of Fear and Anger.—«Scientific American». 1955, vol. 192, № 5.
588. Führer-Heimendorf Ch. von. Zur Frage der Herkunft der Büffelhaltung auf den Philippinen.—«Biologia Generalis». 1932, Bd 8.
589. Führer-Heimendorf Ch. von. The Social Background of Cattle Domestication in India.— Man and Cattle. L., 1963.
590. Führer-Heimendorf Ch. von. Notes on Feast of Merit among the Ifugaos of Luson.—«Ethnos». 1975, vol. 40, I—IV.
591. Gabriel B. Steinplatza: Feuerstellen Neolithisches Nomaden in der Sahara.—«Libyca». 1973, vol. 21.
592. Gade D. W. The Guinea Pig in Andean Folk Culture.— GR. 1967, vol. 57, № 2.
593. Galton F. Inquiries into Human Faculty and Its Development. L., 1883 (1st ed.— 1865).
594. Garrod D. A. E., Bate D. Stone Age of Mount Carmel. Vol. I. Ox., 1937.
595. Garvan J. M. The Negritos of the Philippines. Horn — Wien, 1964.
596. Gautier A. Mammalian Remains of the Northern Sudan and Southern Egypt.— The Prehistory of Nubia. Vol. I. Dallas, 1968.
597. Gheorghiu Em. O ipoteza privind semnificația unei strecuratori miniaturale din neolitic.—«Studii și cercetari de istorie veche și arheologie». 1976, t. 27, № 2.
598. Ghetie B., Mateesco C. N. L'utilisation des bovins à la traction dans le néolithique moyen (d'après les nouvelles observations ostéologiques faites dans les sites de Vadastra et de Crusovu, Roumanie).—«Actes du VIIIe Congrès International des sciences préhistoriques et Protohistoriques». T. 2. Beograd, 1973.
599. Gilman A. The Later Prehistory of Tangier, Morocco. Cambridge, 1975.
600. Gilmore R. M. Fauna and Ethnozoology of South America.— HSAI. 1950, vol. 6.
601. Gimbutas M. Proto-Indo-European Culture. The Kurgan Culture during the Fifth, Fourth and Third Mill. B. C.— IEIE.
602. Gimbutas M. Excavations at Anza, Macedonia.—«Archaeology». 1972, vol. 25, № 2.
603. Gitlow A. L. Economics of the Mount Hagen Tribes, New Guinea. Wash., 1966.

604. Gjessing G. Changing Lapps. A Study in Culture Relations in Northernmost Norway. L., 1954.
605. Glass R. M. Huli of Papua. P., 1968.
606. Glover I. C. Prehistoric Research in Timor.—Aboriginal Man and Environment in Australia. Canberra, 1971.
607. Glover I. C. The Late Stone Age in Eastern Indonesia.—WA. 1977, vol. 9, № 1.
608. Goff B. L. Symbols of Prehistoric Mesopotamia. New Haven—London, 1963.
609. Gompertz M. Corn from Egypt. The Beginning of Agriculture. L., 1927.
610. Gonda J. Change and Continuity in Indian Religion. The Hague, 1965.
611. Goodenough W. H. The Evolution of Pastoralism and Indoeuropean Origins.—IEIE.
612. Gopala S. The Methodology of Anthropological Comparisons. Tucson, 1975.
613. Gordon D. H. The Prehistoric Background of Indian Culture. Bombay, 1958.
614. Gorman C. F. Excavations at Spirit Cave, North Thailand: Some Interim Interpretations.—AP. 1970, vol. 13.
615. Gorman C. F. The Hoabinhian and after: Subsistence Patterns in Southeast Asia during the Late Pleistocene and Early Recent Periods.—WA. 1971, vol. 2, № 3.
616. Gorman C. F., Charoenwongsa P. Ban Chiang: a Mosaic of Impressions from the First Two Years.—«Expedition». 1976, vol. 18, № 4.
617. Graebner F. Die melanesische Bogenkultur und ihre Verwandten. «Anthropos». 1909, Bd 4, H. 5—6.
618. Grayson D. K. On the Methodology of Faunal Analysis.—«American Antiquity». 1973, vol. 39, № 4.
619. Guiart J. L'organisation sociale et politique du Nord Malekula. P., 1952.
620. Hahn E. Waren die Menschen der Urzeit zwischen der Jägerstufe und der Stufe des Ackerbaus Nomaden?—«Das Ausland». 1891, Bd 64, Jh. 25.
621. Hahn E. Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen. Lpz., 1896.
622. Hahn E. Das Alter der Wirtschaftlichen Kultur der Menschheit. Heidelberg, 1905.
623. Haile B. Property Concepts of the Navaho Indians. Wash., 1954.
624. Haines F. Indians of the Great Basin and Plateau. N. Y., 1970.
625. Hakker-Orion D. Hunting and Stock-Breeding in Israel.—Archaeozoological Studies. Amsterdam, 1975.
626. Halder A. Who were the Amorites? Leiden, 1971.
627. Hale E. B. Domestication and Evolution of Behaviour.—The Behaviour of Domestic Animals. Baltimore, 1962.
628. Hamilton A. Aboriginal Man's Best Friend?—«Mankind». 1972, vol. 8, № 4.
629. Hančar F. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Wien, 1955.
630. Handbook of South American Indians. Vol. 3. Wash., 1948.
631. Harlan J. R. Agricultural Origins: Centres and Noncentres.—«Science». 1971, vol. 174.
632. Harlan J. R., Wet J. de. On the Quality of Evidence for Origin and Dispersal of Cultivated Plants.—Ca. 1973, vol. 14, № 1—2.
633. Harlan J. R., Wet J. de, Stemler A. Plant Domestication and Indigenous African Agriculture.—OAPD.
634. Harris D. R. The Origins of Agriculture in the Tropics.—«American Scientist». 1972, vol. 60, № 2.
635. Harris G. T. Rural Business Development in the Korobu Subdistrict, Southern Highlands, Papua New Guinea.—«Oceania». 1975, vol. 45, № 4.
636. Harris M. Cows, Pigs, Wars and Witches. N. Y., 1974.
637. Harrison D. L. The Mammals of Arabia. Vol. 2. L., 1968.

638. Hayden B. Dingoes: Pets or Producers?—«Mankind». 1975, vol. 10, № 1.
639. Hays T. R. Neolithic Settlement of the Sahara as It Relates to the Nile Valley.—Problems in Prehistory: North Africa and the Levant. Dallas, 1975.
640. Hays T. R. Predynastic Egypt: Recent Field Research.—Ca. 1976, vol. 17, № 3.
641. Heck H., Wurster D., Benirschke K. Chromosome Study of Members of the Subfamilies Caprinae and Bovinae, Family Bovidae: the Musk Ox, Ibex, Aoudad, Congo Buffalo and Gaur.—ZS. 1968, Bd 33, H. 3.
642. Heider K. G. The Dugum Dani. N. Y., 1970.
643. Helbaeck H. Samarran Irrigation Agriculture at Choga Mam in Iraq.—«Iraq». 1972, vol. 34, p. 1.
644. Hellström P. The Rock Drawings.—The Scandinavian Joint Expedition to Sudanese Nubia Publications. Copenhagen, 1970, vol. 1, p. 2.
645. Henninger J. Zum frühsemitischen Nomadentum.—Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest, 1969.
646. Henry D. Fauna in Near Eastern Archaeological Deposits.—Problems in Prehistory: North Africa and the Levant. Dallas, 1975.
647. Hermanns M. Die Nomaden von Tibet. Wien, 1949.
648. Herre W. Züchtungsbiologische Betrachtungen an primitiven Tierzuchten.—ZTZ. 1958, Bd 71, H. 3.
649. Herre W., Roehrs M. Domestikation und Stammesgeschichte.—Die Evolution der Organismen. Bd II/2. Stuttgart, 1971.
- 649a. Herre W., Roehrs M. Zoological Considerations on the Origins of Farming and Domestication.—Origins of Agriculture. The Hague—Paris, 1977.
650. Herskovits M. J. The Cattle Complex in East Africa. Reprinted from the «American Anthropologist». Wash., 1926.
651. Heusser C. J. Polar Hemispheric Correlation: Palynological Evidence from Chile and the Pacific Nord-West of America.—World Climate from 8000 to O B. C. L., 1966.
652. Hickey G. C. Village in Vietnam. New Haven—London, 1967.
653. Hiernaux J. The Peoples of Africa. L., 1974.
654. Higgs E. S. Early Domesticated Animals in Libia.—BEA.
655. Higgs E. S. Faunal Fluctuations and Climate in Libia.—BEA.
656. Higgs E. S., Jarman M. The Origins of Agriculture: a Reconsideration.—«Antiquity». 1969, vol. 43, № 169.
657. Higgs E. S., Jarman M. The Origins of Animal and Plant Husbandry.—PEP.
658. Higham C. Size Trends in Prehistoric European Domestic Fauna and the Problem of Local Domestication.—AZF. Helsinki, 1968, vol. 120.
659. Higham C. Towards an Economic Prehistory of Europe.—Ca. 1969, vol. 10, № 2—3.
660. Higham C. Non Nok Tha: the Faunal Remains from the 1966 and 1968 Excavations at Non Nok Tha, Thailand. Dunedin, 1975.
661. Higham C., Leach B. F. An Early Centre of Bovine Husbandry in Southeast Asia.—«Science». 1971, vol. 172.
662. Higham C., Messager M. A. An Assessment of a Prehistoric Technique of Bovine Husbandry.—Science in Archaeology. L., 1970.
663. Ho P.-T. The Cradle of the East. Chicago, 1975.
664. Hobler P. M., Hester J. J. Prehistory and Environment in the Libyan Desert.—SAAB. 1969, vol. 23, № 92.
665. Hoggbin I. A. Guadalcanal Society. N. Y., 1964.
666. Hole F. Studies in the Archaeological History of the Deh Luran Plain. The Excavations of Chogha Sefid. Ann Arbor, 1977.
667. Hole F., Flannery K. V. Excavations at Ali Kosh.—IA. 1962, vol. 2, p. 2.
668. Hole F., Flannery K. V. The Prehistory of Southwestern Iran: a Preliminary Report.—PPS. 1968, vol. 33.

669. Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. Ann Arbor, 1969.
670. Hoojer D. A. The Fossil Vertebrates of Ksar' Akil, a Palaeolithic Rock Shelter in the Lebanon.—ZV. 1961, № 49.
671. Hoojer D. A. Preliminary Report on the Animal Remains Found at Bouqras and Ramad in 1965.—AAAS. 1966, vol. 16, t. 2.
672. Hopf M. Plant Remains and Early Farming in Jericho.—DEPA.
673. Horowitz A. Climatic and Vegetational Developments in North-Eastern Israel during Upper Pleistocene-Holocene Times.—«Pollen and Spores». 1971, vol. 13, № 2.
674. Howard M. M. The Early Domestication of Cattle and the Determination of Their Remains.—ZTZ. 1962, Bd 76, H. 2—3.
675. Howlett D. Papua New Guinea: Geography and Change. Melbourne, 1973.
676. Huard P. Datation de squelettes néolithiques, postnéolithiques et préislamiques du Nord-Tibesti.—BSPF. 1973, t. 70, № 4.
677. Huard P., Allard L. Les gravures rupestres anciennes de l'oued Djerat.—«Libyca». 1973, vol. 21.
678. Hugot H.-J. Recherches préhistoriques dans l'Ahaggar Nord-Occidental. P., 1963.
679. Hugot H.-J. The Origins of Agriculture: Sahara.—Ca. 1968, vol. 9, № 5.
680. Hugot H.-J. Le Sahara avant le désert. Colombes, 1974.
681. Hultkrantz A. The Ethnological Position of the Sheepeater Indians of Wyoming.—«Folk». 1966—67, vol. 8—9.
682. Iijima S. Sociocultural Change among the Shifting Cultivators Through the Introduction of Wet Rice Culture. A Case Study of the Karens of Northern Thailand. Kyoto, 1970.
683. Ingold T. The Scott Lapps Today. Cambridge, 1976.
684. Isaac E. On the Domestication of Cattle.—«Science». 1962, vol. 137.
685. Isaac E. Geography of Domestication. N. Y., 1970.
686. Ivens W. G. The Melanesians of the South-East Solomon Islands. L., 1924.
687. Izikowitz K. G. Lamet. Hill Peasants in French Indochina. Göteborg, 1951.
688. Jacobs A. H. Maasai Pastoralism in Historical Perspective.—Pastoralism in Tropical Africa. Ox., 1975.
689. Jacobsen T. W. The Franchthi Cave—a Stone Age Site in Southern Greece.—«Archaeology». 1969, vol. 22, № 1.
690. Jacobsen T. W. Excavations at Porto Cheli and Vicinity, Preliminary Report, II: the Franchthi Cave, 1967—68.—«Hesperia». 1969, vol. 38, № 3.
691. Jarman H. N. The Origins of Wheat and Barley Cultivation.—PEP.
692. Jarman M. R. European Deer Economies and the Advent of the Neolithic.—PEP.
693. Jarman M. R., Webley D. Settlement and Land Use in Capitanata, Italy.—Palaeoeconomy. Cambridge, 1975.
694. Jarman M. R., Wilkinson P. F. Criteria of Animal Domestication.—PEP.
695. Jelgersma S. Sea-Level Changes during the Last 10 000 Years.—World Climate from 8000 to O B. C. L., 1966.
696. Jenks A. E. The Bontoc Igorot. Manila, 1905.
697. Jennings J. N. Sea Level Changes and Lake Links.—Aboriginal Man and Environment in Australia. Canberra, 1971.
698. Jensen A. E. Das religiöse Weltbild einer frühen Kultur. Stuttgart, 1949.
699. Jensen A. E. Mythos und Kult bei Naturvölkern. Wiesbaden, 1951.
700. Jensen P. M., Kautz R. R. Preceramic Transhumance and Andean Food Production.—«Economic Botany». 1974, vol. 28, № 1.
701. Jett S. C. Comment on Pickersgill's «Cultivated Plants as Evidence for Cultural Contacts».—«American Antiquity». 1973, vol. 38, № 2.

702. Jettmar K. Zu den Anfängen der Rentierzucht.—«Anthropos». 1952, Bd 47, H. 5—6.
703. Jettmar K. Zu den Anfängen der Rentierzucht: Nachtrag.—«Anthropos». 1953, Bd 48, H. 1—2.
704. Jettmar K. Neue Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der Viehzucht.—«Wiener Völkerkundliche Mitteilungen». Wien, 1953, Bd 1, № 2.
705. Jettmar K. Les plus anciennes civilisations d'éleveurs des steppes d'Asie Centrale.—«Cahiers d'Histoire Mondiale». 1954, vol. 1, № 4.
706. Jettmar K. Ethnologie und Domestikationsproblem.—«Studium Generale». 1967, 20 Jh., H. 3.
707. Jevons F. B. An Introduction to the History of Religion. L., 1896.
708. Joki A. J. Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973.
709. Jones R. Tasmanian Aborigines and Dogs.—«Mankind». 1970, vol. 7, № 4.
- 709a. Joshi R. V. Stone Age Cultures of Central India. Poona, 1978.
710. Kaplan L., Lynch T. F., Smith C. E. Early Cultivated Beans (*Phaseolus vulgaris*) from an Intermontane Peruvian Valley.—«Science». 1973, vol. 179.
711. Khatri A. P. The Pleistocene Mammalian Fossils of the Narmada River Valley and Their Horizons.—AP. 1966, vol. 9.
712. Kieler Symposium zur Domestikation und Frühgeschichte der Haustiere.—TZT. 1961/62, Bd 76, H. 1—3.
713. Kimber R. G. Beginnings of Farming? Some Man-Plant-Animal Relationships in Central Australia.—«Mankind». 1976, vol. 10, № 3.
714. Klapwijk M. A Preliminary Report on Pottery from the North-Eastern Transvaal, South Africa.—SAAB. 1974, vol. 29, p. 1—2.
715. Klatt B. Entstehung der Haustiere. B., 1927.
716. Klengel H. Zwischen Zelt und Palast. Lpz., 1974.
717. Kluckhohn C., Leighton D. The Navaho. Cambridge, 1948.
718. Koch W. Die Ernährung der Haustiere in der frühen Domestikation.—Archaeologie und Biologie. Wiesbaden, 1969.
719. Kodolanyi J. Rentierzucht in Nordeurasien.—Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum, Tézisek. Budapest, 1975.
720. Kolig E. Aboriginal Man's Best Foe?—«Mankind». 1973, vol. 9, № 2.
721. Koppers W. Konnten Jägervölker Tierzüchter werden? Ein Beitrag zur Urgeschichte der Domestikation.—«Biologia Generalis». 1932, Bd 8.
722. Kramer F. L. Eduard Hahn and the End of the «Three Stages of Man».—GR. 1967, vol. 57, № 1.
723. Kramer S. N. The Sumerians. Their History, Culture and Character. Chicago, 1964.
724. Krause F. Das Wirtschaftsleben der Völker. Breslau, 1924.
725. Kroeber A. L. Culture Element Distributions: XV. Salt, Dogs, Tobacco.—«Anthropological Records of the University of California». Berkeley—Los Angeles, 1941, vol. 6, № 1.
726. Krzyzaniak L. New Light on Early Food-Production in the Central Sahara.—JAH. 1978, vol. 19, № 2.
727. Krzyzaniak L. Early Farming Cultures of the Lower Nile: The Predynastic Period in Egypt. Warsawa, 1977.
728. Kunstadter P. Southern Athabaskan Herding Patterns and Contrasting Social Institutions.—Man, Culture and Animals. Denver, 1965.
729. Kurten B. Pleistocene Mammals of Europe. Chicago, 1968.
730. Laguna F. de. The Atna of the Copper River, Alaska: the World of Men and Animals.—«Folk». 1969/70, vol. 11, № 1—2.
731. Landtman G. The Kiwai Papuans of British New Guinea. L., 1927.
732. Lane R. B. The Melanesians of South Pentecost, New Hebrides.—GGMM.
733. Lattimore O. Inner Asia Frontiers of China. L.—N. Y., 1940.
734. Latvijas PSR Archeologija. Riga, 1974.
735. Laufer B. Methods in the Study of Domestikation.—SM. 1927, vol. 25, № 3.

736. Laughlin W. S. Hunting: an Intergrating Biobehaviour Systems and Its Evolutionary Importance.—Man the Hunter. Chicago, 1968.
737. Laviola Zambotti P. Les origines et la diffusion de la civilisation. P., 1949.
738. Lawrence B. Early Domestic Dogs.—ZS. 1967, Bd 32, № 1.
739. Lawrence P. The Ngaing of the Rai Coast.—GGMM.
740. Lewis H. T. The Role of Fire in the Domestication of Plants and Animals in Southwestern Asia: a Hypothesis.—«Man». 1972, vol. 7, № 2.
741. Lyard J. Stone Men of Malekula. L., 1942.
742. Leach E. R. Political Systems of Highland Burma. A Study of Kachin Social Structure. L., 1954.
743. LeBar F. M. Ritual Wealth and Culture Change in Southeast Asia.—Proceedings of the VIII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Vol. 2. Tokyo, 1969.
744. LeBar F. M., Hickey G. C., Musgrave J. K. Ethnic Groups of Mainland Southeast Asia. New Haven, 1964.
745. Leeds A. Reindeer Herding and Chukchi Social Institutions.—MCA.
746. Lees S. H., Bates D. G. The Origins of Specialized Nomadic Pastoralism: a Systemic Model.—«American Antiquity». 1974, vol. 39, № 2.
747. Legge A. J. Cave climates.—PEP.
748. Legge A. J. Prehistoric Exploitation of Gazelle in Palestine.—PEP.
749. Legge A. J. The Fauna of Tell Abu Hureyra: Preliminary Analyses.—PPS. 1975, vol. 411.
750. Lehman F. K. The Structure of Chin Society. A Tribal People of Burma Adopted to a Non-Western Civilization. Urbana, 1963.
751. Lehmann U. Die Tierreste aus den Höhlen von Jabrud (Syrien).—Frühe Menschheit und Umwelt. T. 1. Köln, 1970.
752. Lepiksaar J. Die vor- und frühgeschichtlichen Haustiere Südschwedens.—ZTZ. 1962, Bd 76, H. 2—3.
753. Leroi-Gourhan A. Pollen Grains of Gramineae and Cerealia from Shanidar and Zawi Chemi.—DEPA.
754. Leshnik L. S. Pastoral Nomadism in the Archaeology of India and Pakistan.—WA. 1972, vol. 4, № 2.
755. Levy P. The Sacrifice of the Buffalo and the Forecast of the Weather in Vientiane.—Kingdom of Laos. Saigon, 1959.
756. Lhote H. Faits nouveaux concernant la chronologie relative et absolue des gravures et peintures pariétales du Sud Oranais et du Sahara.—Prehistoric art of the Western Mediterranean and the Sahara. Chicago, 1964.
757. Lhote H. Vers d'autres Tassilis. P., 1976.
758. Liere W. J. van, Contenson H. de. Holocene Environment and Early Settlement in the Levant.—AAS. 1964, vol. 14.
759. Ling-Roth H. On the Origin of Agriculture.—JRAI. 1886, vol. 16, № 2.
760. Long N. Ph. Les nouvelles recherches archéologiques au Vietnam.—«Arts Asiatiques». 1975, t. 31.
761. Loon M. van, Skinner J. H. The Oriental Institute Excavations at Mureybit, Syria: Preliminary Report on the 1965 Campaign.—JNES. 1968, vol. 27, № 4.
762. Lowie R. H. Subsistence.—General Anthropology. Boston, 1938.
763. Lowie R. H. An Introduction to Cultural Anthropology. N. Y., 1941.
764. Luomala K. Navaho Life of Yesterday and Today. Berkeley, 1938.
765. Luomala K. The Native Dog in the Polinesia System of Values.—Culture in History. Essays in Honor of Paul Radin. N. Y., 1960.
766. Luzbetak L. J. Middle Waghi Culture: a Study of First Contacts and Initial Selectivity.—«Anthropos». 1958, vol. 53, fasc. 1—2.
767. MacNeish R. S. Preliminary Archaeological Investigations in the Sierra de Tamaulipas, Mexico.—TAPS. 1958, vol. 48, p. 6.
768. MacNeish R. S., Nelken-Terner A., Cook A. G. Second Annual Report of the Ayacucho Archaeological-Botanical Project. Andover, 1970.

769. MacNeish R. S., Patterson T. C., Browman D. L. The Central Peruvian Prehistoric Interaction Sphere. Andover, 1975.
770. Maggs T. Some Recent Radiocarbon Dates from Eastern and Southern Africa.—*JAH*. 1977, vol. 8, № 2.
771. Maitre J. P. Notes sur deux conceptions traditionnelles du Néolithique Saharien.—«*Libyca*». 1972, t. 20.
772. Malik S. C. Indian Civilization: a Formative Period. Simla, 1968.
773. Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. N. Y., 1961.
774. Man E. H. On the Aboriginal Inhabitants of the Andaman Islands.—*JRAI*. 1883, vol. 12, № 3.
775. Man and Cattle. L., 1963.
776. Man, Culture and Animals. Denver, 1965.
777. Man the Hunter. Chicago, 1968.
778. Man, Settlement and Urbanism. L., 1972.
779. Markow G. Beitrag zur Geschichte einiger Haussäugetiere in Bulgarien.—*DGH*.
780. Marks A. E. Settlement Patterns and Intrasite Variability in the Central Negev, Israel.—«*American Anthropologist*». 1971, vol. 73, № 5.
781. Masuda S. Tepe Sang-e-Caxamaq.—«*Iran*». 1974, vol. 12.
782. Matos Mendieta R. Prehistoria y ecología humana en las punas de Junin.—«*Revista del Museo Nacional*». 1975, t. 41.
783. Matthews J. M. A Review of the «Hoabinhian» in Indo-China.—*AP*. 1966, vol. 9.
784. Matthiae P. Tell Mardikh: the Archives and Palace.—«*Archaeology*». 1977, vol. 30, № 4.
785. McBurney C. B. M. The Haua Fteah (Cyrenaica) and the Stone Age of the South-East Mediterranean. Cambridge, 1967.
786. McBurney C. B. M. The Cave of Ali Tappeh and the Epi-Palaeolithic in North-Eastern Iran.—*PPS*. 1969, vol. 34.
787. Mcknight T. L. The Camel in Australia. Melbourne, 1969.
788. Meggers B. J. Prehistoric America. Chicago—New York, 1972.
789. Meggitt M. J. The Association Between Australian Aborigines and Dingoes.—*MCA*.
790. Meggitt M. J. The Mae Enga of the Western Highlands.—*GGMM*.
791. Meggitt M. J. Introduction.—*PPW*.
792. Meggitt M. J. «Pigs are Our Hearts». The «Te» Exchange Cycle among the Mae Enga of New Guinea.—«*Oceania*». 1974, vol. 44, № 3.
793. Meinhof C. Die Religionen der Afrikaner in ihrem Zusammenhang mit der Wirtschaftsleben. Oslo, 1925.
794. Meldgaard J., Mortensen P., Thrane H. Excavations at Tepe Guran Luristan.—«*Acta Archaeologica*». 1963, vol. 34.
795. Melikishvili G. A. The Ethnogenesis of the Ancient Population of the Transcaucasia and Asia Minor.—*Proceedings of the VIII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences*. Vol. 2. Tokyo, 1968.
796. Mellars P. A. Fire Ecology, Animal Populations and Man: a Study of Some Ecological Relationship in Prehistory.—*PPS*. 1976, vol. 42.
797. Mellaart J. Excavations at Çatal Hüyük.—*AS*. 1962, vol. 12.
798. Mellaart J. Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. L., 1967.
799. Mellaart J. Excavations at Haçilar. Vol. 1. Edinburgh, 1970.
800. Mellaart J. The Neolithic of the Near East. L., 1975.
801. Menghin O. Weltgeschichte der Steinzeit. Wien, 1931.
802. Milne L. The Home of an Eastern Clan: a Study of the Palaungs of the Shan State. Ox., 1924.
803. Misra V. N. Bagor—a Late Mesolithic Settlement in North-West India.—*WA*. 1973, vol. 5, № 1.
804. Mole R. L. The Montagnards of South Vietnam. Rutland—Tokyo, 1970.
805. Monod Th. Introduction.—*Pastoralism in Tropical Africa*. Ox., 1975.
806. Moore A. M. T. The Excavations of Tell Abu Hureyra in Syria: a Preliminary Report.—*PPS*. 1975, vol. 41.

807. Moore A. M. T. The Late Neolithic of Palestine.— «Levant». 1973, vol. 5.
808. Morel J. La faune de l'escargotière de Drama-el-ma-el-abiod (Sud-Algérien).— «L'Anthropologie». 1974, t. 72, № 2.
809. Mori F. Some Aspects of the Rock Art of the Acacus (Fezzan Sahara) and the Data Regarding It.— Prehistoric Art of the Western Mediterranean and the Sahara. Chicago, 1964.
810. Mori F. Short Conclusions on the Discussion of the Chronological Problem of Saharan Rock Art.— Prehistoric Art of the Western Mediterranean and the Sahara. Chicago, 1964.
811. Mori F. Tadrart Acacus: arte rupestre e culture del Sahara preistorico. Torino, 1965.
812. Mortensen P. Seasonal Camps and Early Village in the Zagros.— MSU.
813. Mortensen P. A Survey of Prehistoric Settlements in Northern Kurdistan.— «Acta Archaeologica». 1975, vol. 45.
814. Mortillet G. de. Origines de la chasse, de la pêche et de l'agriculture. T. 1: P., 1890.
815. Müller H.-H. Stand der Erforschung der neolithischen Haustiere.— Evolution und Revolution im Alten Orient und Europa. B., 1971.
816. Munson P. J. Archaeological Data on the Origins of Cultivation in the South-Western Sahara and Their Implications for West Africa.— OAPD.
817. Murphy E. J. The Bantu Civilization of Southern Africa. N. Y., 1974.
818. Murra J. V. Herds and Herders in the Inca State.— Man, Culture and Animals. Denver, 1965.
819. Murray J. The First European Agriculture. A Study of the Osteological and Botanical Evidence until 2000 B. C. Edinburgh, 1970.
820. Murty M. L. K. Late Pleistocene Fauna of Kurnool Caves, South India.— Archaeozoological Studies. Amsterdam, 1975.
821. Narr K. Viehzuchtprobleme und archäologisch-osteologische Quellen.— «Anthropos». 1958, vol. 53, fasc. 3—4.
822. Narr K. Anfänge von Bodenbau und Viehzucht.— «Paideuma». 1959, Bd 7, № 2.
823. Narr K. Kulturgeschichtliche Erwägungen zu frühen Haustiervorkommen.— ZTZ. 1961, Bd 76, H. 11.
824. Narr K. Diskussionsbemerkungen zum Vortrag von M. Degerbøl.— ZTZ. 1962. Bd 76, H. 2—3.
825. Narr K. Zur Domestikation und Frühgeschichte der Haustier.— «Germania». 1964, Bd 42.
826. Nath B. Prehistoric Fauna Excavated from Various Sites of India with Special Reference to Domestication.— DGH.
827. Negahban E. O. Sagzabad.— «Iran». 1974, vol. 12.
828. Nellesmann G. Theories on Reindeer Breeding.— «Folk». 1961, vol. 3.
829. Nelson R. K. Hunters of the Northern Forest. Chicago, 1973.
830. Nichols M. W. The Spanish Horse of the Pampas.— «American Anthropologist». 1939, vol. 41, № 11.
831. Nicolaisen J. Ecology and Culture of the Pastoral Tuareg. Copenhagen, 1963.
832. Nicolaisen J. Nomadism and Stock-Breeding among the Tuareg.— Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest, 1969.
833. Niklewski J., Zeist W. van. A Late Quaternary Pollen Diagramm from North-West Syria.— «Acta Botanica Neerlandica». 1970, vol. 19, № 5.
834. Nobis G. Säugetiere in der Umwelt frühmenschlicher Kulturen.— Studien zur europäischen Vor- und Erühgeschichte. Neumünster, 1968.
835. Nobis G. Zur Fauna des ellerbekzeitlichen Wohnplatzes Rosenhof in Ostholstein.— Archaeozoological Studies. Amsterdam, 1975.
836. Noble D. The Mesopotamian Onager as a Drought Animal.— DEPA.
837. Nordström H.-A. Cultural Ecology and Ceramic Technology. Early Nubian Cultures from the 5th and 4th Mill. B. C. Stockholm, 1972.
838. Nougier L.-R. L'économie préhistorique. P., 1970.

839. Noy T., Legge A. J., Higgs E. S. Recent Excavations at Nahal Oren, Israel.—PPS. 1973, vol. 39.
840. Nützel W. The Climate Change of Mesopotamia and Bordering Areas 14 000 to 2000 B. C.—«Sumer». 1976, vol. 32, № 1—2.
841. Odaka K. Economic Organization of the Li Tribes of Hainan Island. New Haven, 1950.
842. Oliver D. L. Solomon Island Society. Cambridge, 1955.
843. Oosterwal G. People of the Tor. A Cultural-Anthropological Study of the Tribes of the Tor Territory. Assen, 1961.
844. Origins of African Plant Domestication. The Hague — Paris, 1976.
- 844a. Origins of Agriculture. The Hague — Paris, 1977.
845. Osgood C. Ingalik Material Culture. New Haven, 1940.
846. Osgood C. Ingalik Social Culture. New Haven, 1958.
847. The Oxford History of South Africa. Vol. II. Ox., 1969.
848. Paddayya K. The Faunal Background of the Neolithic Culture of South India.—Archaeozoological Studies. Amsterdam, 1975.
849. Palacios Rio J. La marca de los aplacas.—«Baessler Archiv». B., 1959, Bd 7(32), H. 2.
850. Palaeoeconomy. Cambridge, 1975.
851. Pancritius M. Europäischer Totemismus.—«Anthropos». 1917—1918. Bd 12—13, H. 1—2.
852. Papers in Economic Prehistory. L., 1972.
853. Parsons M. H. Pre-ceramic Subsistence of Peruvian Coast.—«American Antiquity». 1970, vol. 35, № 3.
854. Patterson T. C. Central Peru: Its Population and Economy.—«Archaeology». 1971, vol. 24, № 4.
855. Payne S. Can Hasan III, the Anatolian Aceramic and the Greek Neolithic.—PEP.
856. Payne S. On the Interpretation of Bone Samples from Archaeological Sites.—PEP.
857. Payne S. The Origins of Domestic Sheep and Goats: a Reconsideration in the Light of the Fossil Evidence.—PPS for 1968. 1969, vol. 34.
858. Payne S. Faunal Change at Franchthi Cave from 20 000 B. C. to 3000 B. C.—Archaeozoological Studies. Amsterdam, 1975.
859. Peake H., Fleure H. J. Peasants and Potters. L., 1927.
860. Pearson R. Pollen Counts in North China.—«Antiquity». 1974, vol. 48, № 191.
861. Perkins D. Prehistoric Fauna from Shanidar, Iraq.—«Science». 1964, vol. 144.
862. Perkins D. The Fauna from Madamagh and Beidha.—PEQ. Jan.—June 1966.
863. Perkins D. Fauna from Çatal Hüyük: Evidence for Early Cattle Domestication in Anatolia.—«Science». 1969, vol. 164.
864. Perkins D. The Fauna of the Ak Kupruk Caves: a Brief Note.—Prehistoric Research in Afghanistan (1959—1966). N. Y., 1972.
865. Perkins D. The Beginnings of Animal Domestication in the Near East: Summary.—AJA. 1973, vol. 77, № 3.
866. Perkins D. A Critique on the Methods of Quantifying Faunal Remains from Archaeological Sites.—DGH.
867. Perkins D., Daly P. A Hunter's Village in Neolithic Turkey.—SA. 1968, vol. 219, № 5.
868. Perrot J. Le «néolithique» du Liban et les récents découvertes dans la haute et moyenne vallée du Jourdain.—MUSJ. 1969, t. 45.
869. Perry W. J. The Children of the Sun. L., 1923.
- 869a. Pershits A. Ethnographic Reconstruction of the History of Primitive Society: Goals and Possibilities.—Ethnography and Related Sciences. Moscow, 1977 «Social Sciences Today». Editorial Board USSR Academy of Sciences.
870. Petersen R. M. Wurm II Climate at Niah Cave.—«Sarawak Museum Journal». 1969, vol. 17.

871. Pettazzoni R. *L'essere supremo nelle religioni primitive*. Torino, 1957.
872. Phillips P. *Early Farmers of West Mediterranean Europe*. L., 1975.
873. Phillipson D. W. *Archaeology and Bantu Linguistics*.—WA. 1976, vol. 8, № 1.
874. Pickersgill B. *The Archaeological Record of Chili Pepper (Capsicum sp.) and the Sequence of Plant Domestication in Peru*.—«American Antiquity». 1969, vol. 34, № 11.
875. Pickering C. *The Races of Man*. L., 1888.
876. Piette E. *Hiatus et lacune. Vestiges de la période de transition dans la grotte du Mas-d'Azil*.—BSAP. 1895, sér. 4, № 6.
877. Piggott S. *The Early Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence*.—PPS. 1969, vol. 14.
878. Pohlhausen H. *Das Wanderhirtentum und seine Vorstufen*. 1954.
879. Pohlhausen H. *Jäger, Hirten und Bauern in der aralo-kaspischen Mittelsteinzeit*.—BDAIRGK. 1956, № 35.
880. Pohlhausen H. *Standpunkte zur Diskussion über das Alter der Viehzucht*.—«Anthropos». 1972, Bd 67, H. 1—2.
881. Pollard G. C., Drew I. M. *Llama Herding and Settlement in Prehispanic Northern Chile: Application of an Analysis for Determining Domestication*.—«American Antiquity». 1975, vol. 40, № 3.
882. Posnansky M., McIntosh R. *New Radiocarbon Dates from Northern and Western Africa*.—JAH. 1976, vol. 17, № 2.
883. Pospisil L. *Kapauku Papuans and Their Law*. New Haven, 1958.
884. Pospisil L. *Kapauku Papuan Economy*. New Haven, 1963.
885. Powdermaker H. *Life in Lesu*. L., 1933.
886. Prausnitz M. W. *From Hunter to Farmer and Trader*. Jerusalem, 1970.
887. *Prehistoric Research in Afghanistan (1959—1966)*.—TAPS. 1972, vol. 62, p. 4.
888. *The Prehistory of the Tehuacan Valley*. Vol. 1. Austin, 1967.
889. Protsch R., Berger R. *Earliest Radiocarbon Dates for Domesticated Animals*.—«Science». 1973, vol. 179.
890. Radcliff-Brown A. R. *The Andaman Islanders*. Cambridge, 1922.
891. Radulesco C., Samson P. *Sur un centre de domestication du mouton dans le mésolithique de la grotte «La Adam» en Dobrogea*.—ZTZ. 1962, Bd 76, H. 2—3.
892. Raikes R. *Water, Weather and Prehistory*. N. Y., 1967.
893. Ralph E. K., Michael H. N., Hun M. C. *Radiocarbon Dates and Reality*.—«Masca Newsletter». 1973, vol. 9, № 1.
894. Rappaport R. A. *Pigs for the Ancestors*. New Haven — London, 1967.
895. Reay M. *The Kuma*. Melbourne, 1959.
896. Redfield R. *The Primitive World and Its Transformation*. N. Y., 1953.
897. Reed Ch. *A Review of the Archaeological Evidence on Animal Domestication in the Prehistoric Near East*.—R. J. Braidwood, B. Howe. *Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan*. Chicago, 1960.
898. Reed Ch. *Osteological Evidences for Prehistoric Domestication in South-Western Asia*.—ZTZ. 1961, Bd 76, H. 1.
899. Reed Ch. *The Pattern of Animal Domestication in the Prehistoric Near East*.—DEPA.
900. Reichard G. A. *Social Life of the Navajo Indians*. N. Y., 1928.
901. Reichard G. A. *Navaho Religion*. Princeton, 1974.
902. Renfrew C. *Before Civilization. The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe*. L., 1973.
903. Renfrew J. M. *Palaeoethnobotany*. N. Y., 1973.
904. Ripinsky M. M. *The Camel in Ancient Arabia*.—«Antiquity». 1975, vol. 49, № 196.
905. Robbins L. H. *Archaeology in the Turkana District, Kenia*.—«Science». 1972, vol. 176.
906. Rodden R. J. *Excavations at the Early Neolithic Site at Nea Nikomedia, Greek Macedonia*.—PPS. 1962, vol. 28.

907. Roe F. G. The Indian and the Horse. Norman, 1955.
908. Röhrs M. Quantitative Änderungen des Gehirns vom Wild zum Haustiere.— DGH.
909. Roubet C. Sur la définition et la chronologie du Néolithique de tradition Capsienne.— «L'Anthropologie». 1971, t. 75, № 7—8.
910. Rowton M. R. Autonomy and Nomadism in Western Asia.— «Orientalia». 1973, vol. 42, fasc. 1—2.
911. Rowton M. R. Urban Autonomy in a Nomadic Environment.— JNES. 1973, vol. 33, № 1—2.
912. Rudenko S. I. Studien über das Nomadentum.— Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest, 1969.
913. Russell M. Slaves or Workers? Relations between Bushman, Tswana and Boers in the Kalahari.— «Journal of South African Studies». 1976, vol. 2, № 2.
914. Ryder M. L. Changes in Fleece of Sheep Following Domestication.— DEPA.
915. Sachiko Hatanaka, Bragge L. W. Habitate, Isolation and Subsistence Economy in the Central Range of New Guinea.— «Oceania». 1973, vol. 44, № 1.
916. Salonen A. Agricultura Mesopotamica nach sumerisch-akkadischen Quellen. Helsinki, 1968.
917. Salisbury R. F. From Stone to Steel. L., 1962.
918. Sankalia H. D. Prehistoric Colonization of India.— WA. 1973, vol. 5, № 1.
919. Sampson C. G. The Stone Age Archaeology of Southern Africa. L., 1974.
920. Sauer C. O. Agricultural Origins and Dispersals. N. Y., 1952 (2nd ed.— 1969).
921. Savishinsky J. S. The Trail of the Hare. Life and Stress in an Arctic Community. N. Y., 1974.
922. Sceglova V. V. Einige Angaben über der ältesten Haustiere Beloruslands.— Archaeozoological Studies. Amsterdam, 1975.
923. Schild R., Wendorf F. The Prehistory of Dakhla Oasis and Adjacent Desert. Wrocław, 1977.
924. Schmidt W. Zu den Anfängen der Herdentierzucht.— ZE. 1951, Bd 76, H. 1.
925. Schmidt W., Koppers W. Völker und Kulturen. Regensburg, 1924.
926. Schmitt J., Ulbrich F. Die Chromosomen verschiedener Caprini Simpson, 1945.— ZS. 1968, Bd 33, H. 3.
927. Seddon D. The Origins and Development of Agriculture in East and Southern Africa.— Ca. 1968, vol. 9, № 5.
928. Seligman C. G. The Melanesians of the British New Guinea. Cambridge, 1910.
929. Serpenti L. M. Cultivators in the Swamps: Social Structure and Horticulture in a New Guinea Society. Assen, 1965.
930. Shaw Th. Early Crops in Africa: a Review of Evidence.— OAPD.
- 930a. Shaw W. B. K. Rock Painting in the Libyan Desert.— «Antiquity». 1936, vol. 10, № 38.
931. Shepardson M., Hammond B. Navajo Inheritance Patterns: Random or Regular? — «Ethnology». 1966, vol. 5, № 1.
932. Shutler R., Shutler M. E. Oceanic Prehistory. Menlo Park, 1975.
933. Simonsen P. The Transition from Food-Gathering to Pastoralism in North Scandinavia and Its Impact on Settlement Patterns.— MSU.
934. Simoons F. J. A Ceremonial Ox of India. Madison, 1968.
935. Simoons F. J. The Antiquity of Dairing in Asia and Africa.— GR. 1971, vol. 61, № 3.
936. Singh G. The Indus Valley Civilization.— APAO. 1971, vol. 6, № 2.
937. Sirelius U. T. Über die Art und Zeit der Zählung des Renntiers.— «Journal de la Société Finno-Ougrienne». 1916, t. 33, № 2.

938. Sliwa J. Etudes sur les graffiti préhistoriques.—Deir-el-Bahari. Krakow, 1976, fasc. 11.
939. Smalley I. J. The Loess Deposits and Neolithic Culture of Northern China.—«Man». 1968, vol. 3, № 2.
940. Smith A. B. Preliminary Report of Excavations at Karkarichinkat, Mali, 1972.—«West African Journal of Archaeology». 1974, vol. 4.
941. Smith C. F. Plant Remains.—The Prehistory of the Tehuacan Valley. Vol. 1, 1967.
942. Smith Ph. Ganj Dareh Tepe.—«Iran». 1970, vol. 8.
943. Smith Ph. Iran 9000—4000 B. C.: the Neolithic.—«Expedition». 1971, vol. 13, № 3—4.
944. Smith Ph. Ganj Dareh Tepe.—«Iran». 1975, vol. 13.
945. Solecki R. S. Prehistory in Shanidar Valley, North Iraq.—«Science». 1963, vol. 139.
946. Solecki R. S. New Anthropological Discoveries at Shanidar, Northern Iraq.—TNYAS. 1961, ser. II, vol. 23, № 8.
947. Solecki R. S., Leroi-Gourhan A. Palaeoclimatology and Archaeology in the Near East.—ANYAS. 1961, vol. 95.
948. Soper R. C. New Radiocarbon Dates for Eastern and Southern Africa.—JAH. 1974, vol. 15, № 2.
949. Sorensen E. R. Socio-Ecological Change among the Fore of New Guinea.—Ca. 1972, vol. 13, № 3—4.
950. Sorensen P. Prehistoric Iron Implements from Thailand.—AP. 1974, vol. 16, № 2.
951. Spicer E. H. Cycles of Conquest. Tucson, 1962.
952. Spurway H. The Causes of Domestication: an Attempt to Integrate Some Ideas of Konrad Lorenz with Evolution Theory.—«Journal of Genetics». 1955, vol. 53, № 2.
953. Stenning D. L. Africa: the Social Background.—Man and Cattle. L., 1963.
954. Steward J. H. Theory of Culture Change. Urbana, 1955.
955. Steward J. H., Faron L. C. Native Peoples of South America. N. Y., 1959.
956. Strathern A. The Rope of Moka. Cambridge, 1971.
957. Strathern A. Pig Complex and Cattle Complex: Some Comparisons and Counterpoints.—«Mankind». 1971, vol. 8, № 2.
958. Strathern M. Women in between. L., 1972.
959. Sturdy D. A. Some Reindeer Economies in Prehistoric Europe.—Palaeoeconomy. Cambridge, 1975.
960. Suess H. E. Bristlecone-Pine Calibration of the Radiocarbon Time-Scale 5200 B. C. to the Present.—Radiocarbon Variations and Absolute Chronology. Stockholm, 1970.
961. Sutton J. E. G. The Interior of East Africa.—The African Iron Age. Ox., 1971.
- 961a. Sutton J. E. G. The Archaeology of the Western Highlands of Kenya. Nairobi, 1973.
962. Sutton J. E. G. The Aquatic Civilization of Middle Africa.—JAH. 1974, vol. 15, № 4.
963. Szemerényi O. Greek γάλα and the Indo-European Term for «milk».—«Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebeite der Indogermanischen Sprachen». 1958, Bd 75, H. 3—4.
964. Tambiah S. J. Animals are Good to Think and Good to Prohibit.—«Ethnology». 1969, vol. 8, № 4.
965. Te Rangi Hiroa. The Coming of the Maori. Wellington, 1950.
966. Terrell J. U. Apache Chronicle. N. Y., 1972.
967. Terry W. War of the Warramullas. Sydney—Melbourne, 1974.
968. Thapar B. K. New Traits of the Indus Civilization at Kalibangan: an Appraisal.—South Asian Archaeology. L., 1973.
969. Thomas P. K. Role of Animals in the Food Economy of the Mesolithic

- Culture of Western and Central India.—Archaeozoological Studies. Amsterdam, 1975.
970. Thurnwald R. C. Pigs and Currency in Buin.—«Oceania». 1934, vol. 5, № 2.
971. Todd I. A. Asikli-Hüyük — a Protoneolithic Site in Central Anatolia.— AS. 1966, vol. 16.
972. Trigger B. G. Beyond History: the Method of Prehistory. N. Y., 1968.
973. Trigger B. G. Nubia under the Pharaohs. L., 1976.
974. Trimborn H. Die Kulturhistorische Stellung der Lamazucht in der Wirtschaft der peruanischen Erntevölker.—«Anthropos». 1928, Bd 23, H. 3—4.
975. Tringham R. Animal Domestication in the Neolithic Cultures of the South-West Part of European USSR.—DEPA.
976. Tringham R. Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe. L., 1971.
977. Troel-Smith J. The Ertebolle Culture and Its Background.—«Palaeohistoria». 1966, vol. 112.
978. Turnbull P. F., Reed Ch. The Fauna from the Terminal Pleistocene of Palegawra Cave, a Zarzian Occupation Site in North-Eastern Iraq.—«Fieldiana Anthropology». 1974, vol. 63, № 3.
979. Uerpman H.-P. Ein Beitrag zur Methodik der Wirtschaftshistorischen Auswertung von Tierknochenfunden aus Siedlungen.—DGH.
980. Underhill R. M. The Navajos. Norman, 1956.
981. Underhill R. M. Social Organization of the Papago Indians. N. Y., 1939.
982. Vajda L. Untersuchungen zur Geschichte der Hirtenkulturen. Wiesbaden, 1968.
983. Valla F. R. La Natoufien. Une culture préhistorique en Palestine. P., 1975.
984. Valla F. R. Eynan (Mallaha), 1976.—IEJ. 1977, vol. 27, № 1.
985. Van Stone J. W. Athapaskan Adaptations. Hunters and Fishermen of the Subarctic Forests. Chicago, 1974.
986. Vaufrey R. Etude paléontologique.—Neuville R. Le paléolithique et le mésolithique de désert de Judée. P., 1951.
987. Vaux R. de. Palestine during the Neolithic and Chalcolithic Periods.—CAH. Vol. 1. Chap. 9 (b), 1966.
988. Veen H. van der. The Merok Feast of the Sa'adan Toradja. 'S-Gravenhage, 1965.
989. Vicedom G. F. Tischner H. Die Mbowamb. Bd 1. Hamburg, 1943—1948.
990. Vishnu-Mittre. The Beginnings of Agriculture. Palaeobotanical Evidence in India.—Evolutionary Studies of World Crop. Cambridge, 1974.
991. Vishnu-Mittre. An Archaeobotanical and Palynological Evidence for the Early Origin of Agriculture in South and Southeast Asia.—Gastronomy. The Anthropology of Food and Food Habits. The Hague — Paris, 1975.
992. Vita Finzi C., Higgs E. S. Prehistoric Economy in the Mount Carmel Area of Palestine: Site Catchment Analysis.—PPS. 1970, vol. 36.
993. Vogel J. C. C₁₄ Trends before 6000 B. C.—Radiocarbon Variations and Absolute Chronology. Stockholm, 1970.
994. Vogt E. Z. Navaho.—Perspectives in American Indian Culture Change. Chicago, 1961.
995. Vørren Q., Manker E. Lapp Life and Customs. L., 1962.
996. Vørren Q. Some Trends of the Transition from Hunting to Nomadic Economy in Finmark.—Circumpolar Problems. Ox., 1973.
997. Waddell E. The Mound Builders. Agricultural Practices, Environment and Society in the Central Highlands of New Guinea. Wash., 1972.
998. Wagner R. Marriage among the Daribi.—PPW.
999. Wailes B. The Origins of Settled Farming in Temperate Europe.—IEIE.
1000. Walckenaer C. A. Essai sur l'histoire de l'espèce humaine. P., 1798.

1001. Wales H. G. Q. Siamese State Ceremonies. Their History and Function. L., 1931.
1002. Wales H. G. Q. Prehistory and Religion in South-East Asia. L., 1957.
1003. Waterbolk H. T. Food Production in Prehistoric Europe.—«Science». 1968, vol. 162.
1004. Waterbolk H. T. Evidence of Cattle Stalling in Excavated Pre- and Protohistoric Houses.—Archaeozoological Studies. Amsterdam, 1975.
1005. Watson J. B. Pigs, Fodder and Jones Effect in Postipomoean New Guinea.—«Ethnology». 1977, vol. 16, № 1.
1006. Watson W. Cultural Frontiers in Ancient East Asia. Edinburgh, 1971.
1007. Watson W. Early Animal Domestication in China.—DEPA.
1008. Webster S. Native Pastoralism in the South Andes.—«Ethnology». 1973, vol. 12, № 2.
1009. Wedel W. R. Prehistoric Man in the Great Plains. Norman, 1961.
1010. Wendorf F., Said R. Paleolithic Remains in Upper Egypt.—«Nature». 1967, vol. 215, № 5098.
1011. Wendorf F., Said R., Schild R. Egyptian Prehistory: Some New Concepts.—«Science». 1970, vol. 169.
1012. Wendorf F., Schild R. The Paleolithic of the Lower Nile Valley.—Problems in Prehistory: North Africa and the Levant. Dallas, 1975.
1013. Wendorf F., Schild R. The Use of Ground Grain during the Late Palaeolithic of the Lower Nile Valley, Egypt.—OAPD.
1014. Wendorf F. et al. Late Pleistocene and Recent Climatic Changes in the Egyptian Sahara.—«The Geographical Journal». 1977, vol. 143, p. 2.
1015. Werth E. Grabstock, Hacke und Pflug. Ludwigsburg, 1954.
1016. Wheeler J., Pires-Ferreira. La fauna de Cuchimachay, Acomachay A, Acomachay B, Tellermachay y Utco 11.—«Revista del Museo Nacional». 1975, t. 41.
1017. White I. M. Hunting Dogs of Yalata.—«Mankind». 1972, vol. 8, № 3.
1018. White J. P. Ol Tumbuna. Canberra, 1972.
1019. Whiting J. W. M. Becoming a Kwoma. New Haven, 1941.
1020. White L. A. The Evolution of Culture. N. Y., 1959.
1021. Whitehouse R. The Last Hunter-Gatherers in Southern Italy.—WA. 1971, vol. 2, № 3.
1022. Whyte R. O. The Gramineae, Wild and Cultivated, of Monsoonal and Equatorial Asia. I. Southeast Asia.—AP. 1972, vol. 15, № 2.
1023. Wilbert J. Survivors of Eldorado. N. Y., 1972.
1024. Wilkinson P. Oomingmak: a Model for Man-Animal Relationships in Prehistory.—Ca. 1972, vol. 13, № 1.
1025. Wilkinson P. Current Experimental Domestication and Its Relevance to Prehistory.—PEP.
1026. Wilkinson P. The Relevance of Musk Ox Exploitation to the Study of Prehistoric Animal Economies.—Palaeoeconomy. Cambridge, 1975.
1027. Willcox A. R. Sheep and Sheep-herders in South Africa.—«Africa». 1966, vol. 36, № 4.
1028. Willcox A. R. Domestic Cattle in Africa and Rock Art Mystery.—«South African Journal of Science». 1971, vol. 2.
1029. Willey G. Introduction to American Archaeology. Vol. 1. N. Y., 1966.
1030. Wilson D. Prehistoric Man. Vol. 2. L., 1862.
1031. Wilson J. A. The Royal Myth in Ancient Egypt.—PAPS. 1957, vol. 100, № 5.
1032. Wilson J. S. G. Economic Survey of the New Hebrides. L., 1966.
1033. Wing E. S. Hunting and Herding in the Peruvian Andes.—Archaeozoological Studies. Amsterdam, 1975.
1034. Wing E. S. Informe preliminar acerca de los restos de fauna de la cueva de Pachamachay, en Junin, Peru.—«Revista del Museo Nacional». 1975, t. 411.
- 1034a. Wing E. S. Animal Domestication in the Andes.—Origins of Agriculture. The Hague — Paris, 1977.

1035. Winkler H. A. Rock Drawings of Southern Upper Egypt. Vol. 1. L., 1938.
1036. Winkler H. A. Rock Drawings of Southern Upper Egypt. Vol. 2. L., 1939.
1037. Wissler C. The Influence of the Horse in the Development of Plains Culture.—«American Anthropologist». 1914, vol. 16, № 1.
1038. Wissler C. The Domestication of Animals.—«Natural History». 1945, vol. 54, № 5.
1039. Wissman H. von. Ursprungsherde und Ausbreitungswege von Pflanzen- und Tierzucht und ihre Abhängigkeit von der Klimageschichte.—«Erdkunde». 1957, Bd 11, H. 2.
1040. Witherspoon G. Sheep in Navajo Culture and Social Organization.—«American Anthropologist». 1973, vol. 75, № 5.
1041. World Climate from 8000 to O B. C. L., 1966.
1042. Wright G. A. Origins of Food-Production in South-Western Asia, a Survey of Ideas.—Ca. 1971, vol. 12, № 4—5.
1043. Wrigley Ch. Speculations on the Economic Prehistory of Africa.—Papers in African Prehistory. Cambridge, 1970.
1044. Wýngaarden-Bakker L. H. von. Horses in the Dutch Neolithic.—Archaeozoological Studies. Amsterdam, 1975.
1045. Yen D. E. The Development of Agriculture in Oceania.—Studies in Oceania Culture History. Vol. 2. Honolulu, 1971.
1046. Young J. E. de. Village Life in Modern Thailand. Berkeley—Los Angeles, 1955.
1047. Young M. W. Fighting with Food. Cambridge, 1971.
1048. Young M. W. Private Sanctions and Public Ideology: Some Aspects of Self-Help in Kalauna, Goodenough Island.—Contention and Dispute. Canberra, 1974.
1049. Zeist W. van. Late Quaternary Vegetation History of Western Iran.—RPP. 1967, vol. 2.
1050. Zeist W. van. The Oriental Institute Excavations at Mureybit, Syria. Preliminary Report on the 1965 Campaign. P. III. The Palaeobotany.—JNES. 1970, vol. 29, № 3.
1051. Zeist W. van. Reflections on Prehistoric Environments in the Near East.—DEPA.
1052. Zeist W. van, Woldring H., Stapert D. Late Quaternary Vegetation and Climate of Southwestern Turkey.—«Palaeohistoria». 1975, vol. 17.
1053. Zeuner F. E. Dog and Cat in the Neolithic Jericho.—PEQ. Jan.—June, 1958.
1054. Zeuner F. E. The Goats of Early Jericho.—PEQ. April 1955.
1055. Zeuner F. E. The Domestication of Animals.—«Scientia». Vol. 91. № DXXV. Ser. VI. 1956, № 1.
1056. Zeuner F. E. Summary of the Symposium.—Man and Cattle. L., 1963.
1057. Zeuner F. E. A History of Domesticated Animals. L., 1963.
1058. Zimmerman C. C. Siam. Rural Economic Survey, 1930—1931. Bangkok, 1931.
1059. Zinderen Bakker E. M. von. Palaeoecological Background in Connection with the Origin of Agriculture in Africa.—OAPD.
1060. Zohary D. The Progenitors of Wheat and Barley in Relation to Domestication and Agricultural Dispersals in the Old World.—DEPA.
1061. Zohary D., Hopf M. Domestication of Pulses in the Old World.—«Science». 1973, vol. 182.

Благодаря тесному сотрудничеству археологов и палеозоологов в последние годы появились подробные сводки данных, характеризующих охоту и скотоводство на разных этапах первобытной истории. Правда, в связи с особенностями развития археологических исследований составление таких сводок оказалось возможным лишь для ряда наиболее изученных районов. Так, весьма полно представлены материалы, происходящие с первобытных памятников Европы. Напротив, фаунистические исследования, проводимые в Африке, Восточной и Юго-Восточной Азии, Южной Америке, пока что редки и зачастую неудовлетворительны. Иная ситуация сложилась в Передней Азии. В течение последнего десятилетия здесь работала группа квалифицированных специалистов-зоологов, усилиями которых были получены ценные фаунистические данные, относящиеся к периоду становления скотоводства. Однако до сих пор эти данные не были сколько-нибудь полно систематизированы. Ниже приводится наиболее полная их сводка. Что же касается других регионов, то в составленные по их материалам таблицы вошли данные лишь с наиболее изученных памятников. Единственное исключение представляет Европа. В связи с тем что происходящие отсюда коллекции неоднократно систематизировались и публиковались [351; 496; 819], в соответствующую таблицу вошли данные лишь по культуре лепенски вир, носители которой, возможно, самостоятельно одомашнили свиней.

При работе с таблицами необходимо учесть следующее: 1) прежде зоологи ограничивались лишь констатацией факта наличия или отсутствия тех или иных видов животных и только с 60-х годов они начали использовать статистику, да и то не везде. Учет подобного рода данных свелся в работе к фиксации наличия животных с помощью знака (+); 2) до недавнего времени подсчеты производились по общему количеству костей, а не по минимальному количеству особей (МКО), что нашло отражение и в таблицах, где учет МКО оговаривается особо; 3) видовое определение костей мелких копытных далеко не всегда было возможно, что заставляло давать их суммарное описание; 4) во всех таблицах, кроме таблицы 16, соотношение общего количества костей и МКО дано в процентах.

Фауна верхнего палеолита и мезолита Загроса

	Северный Загрос				Южный Загрос
	Шанидар		Палегавра	Карим Шахир	стоянки Хоррам-абада
	слой С-D	слой В	кости/МКО		
Джейран (<i>Gazella subgutturosa</i>)	—	—	3,6/5,4	3,0	+
Онагр (<i>Equus hemionus</i>)	—	—	43,2/20,9	—	+
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	мало	много	17,6/9,3	9,4	много
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	мало	+	—	—	—
Лань (<i>Dama mesopotamica</i>)	—	+	—	—	—
Безоаровый козел (<i>Capra hircus aegagrus</i>)	много	много	3,7/6,0+ 23,8	53,0	много
Муфлон (<i>Ovis orientalis</i>)	много	много	5,1/7,7+		+
Тур (<i>Bos primigenius</i>)	много	—	0,7/1,5	3,0	+
Кабан (<i>Sus scrofa</i>)	много	много	2,5/2,3	12,0	+
Бурый медведь (<i>Ursus arctos</i>)	+	—	—	—	—
Сирийский медведь (<i>Ursus syriacus</i>)	—	+	—	—	—
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	+	+	1,3/4,6	15,6	много
Волк (<i>Canis lupus</i>)	—	+	0,5/0,7	—	?
Шакал (<i>Canis aureus</i>)	—	+	—	—	—
Домашняя собака (<i>Canis familiaris</i>)	—	—	0,04/0,7	—	—
Леопард (<i>Panthera pardus</i>)	—	—	—	—	+
Вид зайца (<i>Lepus sp.</i>)	—	—	0,4/3,0	3,0	много

	Северный Загрос			Южный Загрос	
	Шанидар		Палегавра кости/МКО	Карим Шахир	стоянки Хоррам- абди
	слой С-D	слой В			
Рысь (<i>Felis lynx</i>)	—	—	0,15/0,7	—	+
Кошка камышовая (<i>F. chaus</i>)	—	—	0,08/0,7	—	—
Куница каменная (<i>Martes foina</i>)	+	—	0,08/1,5	—	+
Барсук (<i>Meles meles</i>)	—	—	0,08/0,7	—	—
Ласка (<i>Mustela martes</i>)	—	—	—	—	+
Хорек черный (<i>Mustela putorius</i>)	—	—	0,1/0,7	—	—
Перевязка (<i>Vormela peregusna</i>)	—	+	—	—	—
Еж (<i>Hemiechinus auritus</i>)	—	—	0,3/2,3	—	—
(<i>Erinaceus europaeus</i>)	—	—	0,08/0,7	—	—
Слепыш малый (<i>Spalax leucodon</i>)	—	—	1,1/9,3	—	—
Слепушонка афганская (<i>Ellobius fuscocapillus</i>)	—	—	0,1/1,5	—	—
Полевка общественная (<i>Microtus socialis</i>)	—	—	0,08/0,7	—	—
Песчанка персидская (<i>Meriones persicus</i>)	—	—	3,3/10,8	—	—
Водяная мышь (<i>Arvicola terrestris</i>)	—	—	0,08/1,5	—	—
Пищуха (<i>Ochotona rufescens</i>)	—	—	0,3/3,0	—	—
Рыба	—	мало	—	—	мало
Птица	—	+	много	+	+

Фауна раннего (рн) и позднего (пн) неолита Загроса

	Северный Загрос		Хузистан		
	Джармо (рн)	Хаджи Фирус (пн)	Али-Кош (рн)		
			Бус Мор- дех	Али Кош	Мохаммед Джафар
Джейран (<i>Gazella subgutturosa</i>)	много	?	17,6	22,0	19,1
Онагр (<i>Equus hemionus</i>)	+	?	2,0	5,9	6,2
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	+	1,2	—	—	—
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	+	?	—	—	—
Безоаровый козел (<i>Capra hircus aegagrus</i>)	+	+ 9,2+	49,2	37,2	32,3
Домашние козы (<i>Capra hircus</i>)	+	+ — 48,4			
Азиатский муфлон (<i>Ovis orientalis</i>)	много	+ 7,1+			
Домашние овцы (<i>Ovis aries</i>)	?	+			
Тур (<i>Bos primigenius</i>)	+	1,2	0,9	3,0	1,5
Кабан (<i>Sus scrofa</i>)	много	+ 29,1	0,15	0,15	0,25
Домашняя свинья (<i>Sus scrofa domestica</i>)	верхн. слон	+	—	—	—
Бурый медведь (<i>Ursus arctos</i>)	+	—	—	—	—
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	+	0,3	0,2	0,2	0,8
Волк (<i>Canis lupus</i>)	+	—	—	0,12	0,4
Домашняя собака (<i>Canis familiaris</i>)	+	1,5	—	—	—
Гиена (<i>Hyaena sp.</i>)	—	—	—	—	0,05
Кошка степная (<i>Felis libyca</i>)	—	—	—	0,06	0,4
Заяц (<i>Lepus sp.</i>)	—	0,6	—	—	—
Барсук (<i>Meles meles</i>)	+	0,3	—	—	—
Куница каменная (<i>Martes foina</i>)	+	—	—	—	—
Ласка (<i>Mustela martes</i>)	—	—	—	—	0,04
Еж (<i>Erinaceus europaeus</i>)	—	—	—	0,06	0,04
Грызуны	+	—	3,8	1,8	3,3

Фауна мезолита и акерамического (АН) и керамического (КН) неолита Сирии

	Мурейбит			Тель Абу Хурейра			Рамад		Букра	
	мезолит	ранний АН		мезолит	ранний АН	поздний АН	поздний АН	поздний АН	ранний КН	слой III
		слои I—X								
	—	—	—	81,8	65,3	18,6	—	—	—	—
Джейран (<i>Gasella subgutturosa</i>)	—	—	—	81,8	65,3	18,6	—	—	—	—
Газель (<i>Gasella</i> sp.)	относительно много			—	—	—	—	—	—	—
Дикий осел (<i>Equus asinus</i>)	85—65	35—82	—	6,0	15,2	0,7	—	—	—	—
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	очень мало			0,7	—	—	—	—	—	—
Онагр (<i>Equus hemionus</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+
Лань (<i>Dama mesopotamica</i>)	относительно много			—	—	—	—	—	—	—
Безоаровый козел (<i>Capra hircus aegagrus</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	?	—
Горный козел (<i>C. ibex</i>)	—	—	—	6,2	10,8	70,5	—	—	—	—
Азиатский муфлон (<i>Ovis orientalis</i>)	очень мало			—	—	—	—	—	+	+
Домашняя коза (<i>C. hircus</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+
Домашняя овца (<i>O. aries</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+
Тур (<i>Bos primigenius</i>)	1—9	7—18	—	3,5	—	7,6	—	—	?	?
Домашний крупный рогатый скот (<i>B. taurus</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+
Кабан (<i>Sus scrofa</i>)	0—6	0—4	—	0,8	—	0,5	—	—	—	—
Сирийский медведь (<i>Ursus syriacus</i>)	—	—	—	0,1	—	—	—	—	—	—
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	—	—	—	0,3	—	0,7	—	—	—	—
Волк (<i>Canis lupus</i>)	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Шакал (<i>Canis aureus</i>)	—	—	—	0,1	—	—	—	—	—	—
Заяц (<i>Lepus</i> sp.)	+	+	—	0,5	8,7	0,9	—	—	—	—
Кошка степная (<i>Felis lybica</i>)	—	—	—	—	—	0,5	—	—	—	—
Рыба	+	+	—	редко,	—	редко]	—	—	—	—

Фауна верхнего палеолита (ВП) Леванта

	Иудея				Побережье Палестины			Ливан		
	Эрк эль-Амар				Эль-Вад			Ксар Акил		
	слой F-E ВП-2	слой D-C ВП-3	слой B ВП-4		слой G ВП-1	слой F-C ВП 3-5	Леваллуа- мустье ВП-1	Шатель- перон ВП-3	Средний ориньяк ВП-4	
							до 1,5	3,5	2,0	
Вид газели (<i>Casella</i> sp.)	+	+	+	+	+	+	—	+	—	—
Антилопа (<i>Antilope</i> sp.)	—	+	—	—	—	+	—	+	—	—
Вид лошадиных (<i>Equus</i> sp.)	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—
Онагр (<i>Equus hemionus</i>)	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	+	+	—	—	+	+	до 4	мало	мало	—
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	—	—	—	—	+	+	3-4	24	33	—
Лань (<i>Dama mesopotamica</i>)	—	—	—	—	+	+	60-72,5	49	40	—
Оленебык (<i>Bubalus boselaphus</i>)	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Коза (<i>Capra</i> sp.)	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—
Безоаровый козел (<i>C. hircus aegagrus</i>)	—	—	—	—	—	—	13-27	21	25	—
Горный козел (<i>C. ibex</i>)	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—
Вид дикого быка (<i>Bos. sp.</i>)	+	+	+	—	+	+	4-21,5	4,5	—	—
Кабан (<i>Sus scrofa</i>)	—	—	+	—	+	+	мало	—	мало	—
Вид медведя (<i>Ursus</i> sp.)	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—
Бурый медведь (<i>U. arctos</i>)	—	—	—	—	—	+	+	+	+	—
Сирийский медведь (<i>U. syriacus</i>)	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	—	—	—	—	+	+	+	+	+	—
Шакал (<i>Canis aureus</i>)	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—

	Иудея			Побережье Палестины		Ливан		
	Эрк эль-Амар			Эль-Вад		Ксар Акид		
	слой F-E ВП-2	слой D-C ВП-3	слой B ВП-4	слой C ВП-1	слой F-C ВП 3-5	Леваллуа- мустье ВП-1	Шатель- перрон ВП-3	Средний ориньяк ВП-4
Волк (<i>Canis lupus</i>)	-	-	-	+	+	+	+	+
Вид гиены (<i>Hyaena sp.</i>)	+	-	-	-	-	-	-	-
Пятнистая гиена (<i>Hyaena crocuta</i>)	-	-	-	+	+	-	-	-
Леопард (<i>Panthera pardus</i>)	+	-	-	+	+	-	-	-
Даман (<i>Proscavia syriaca</i>)	-	-	+	+	+	-	-	-
Вид зайца (<i>Lepus sp.</i>)	-	-	-	-	+	-	-	-
Кошка лесная (<i>Felis sylvestris</i>)	-	-	-	-	+	-	-	-
Барсук (<i>Meles meles</i>)	-	-	-	-	+	+	+	+
Куница лесная (<i>Martes martes</i>)	-	-	-	-	+	-	-	-
Перевязка (<i>Vormela peregusna</i>)	-	-	-	-	+	-	-	-
Дикобраз (<i>Hystrix sp.</i>)	-	-	-	+	+	+	-	-
Белка (<i>Sciurus anomalus</i>)	-	-	-	-	+	-	+	+
Еж (<i>Erinaceus carmelitus</i>)	-	-	-	-	+	-	-	-
Вид слепыша (<i>Spalax sp.</i>)	-	-	-	+	+	-	-	-
Медоед (<i>Mellivora ratal</i>)	+	-	-	-	-	-	-	-
Полевка (<i>Microtus sp.</i>)	-	-	-	-	+	-	-	-
Песчанка (<i>Gerbillinae</i>)	-	-	-	+	-	-	-	-
Рыба	-	-	-	-	-	мало	мало	мало
Птица	-	-	-	-	-	+	+	+

Фауна конца верхнего палеолита Леванта (кебара)

	Южная Палестина	Северная Палестина		Ливан	Сирия
	Мадамаг	Хайоним слой С	Эйн Гуев I	Ксар Акил	Ябруд, пещера III слой 3-8
Газель (<i>Gazella</i> sp.)	—	70	43	1	мало
Газель (<i>Gazella dorcas</i>)	+	—	—	—	—
Вид лошадиных (<i>Equus</i> sp.)	+	—	—	—	—
Онагр (<i>Equus hemionus</i>)	—	—	—	—	+
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	—	3	36	+	—
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	—	—		15	—
Лань (<i>Dama mesopotamica</i>)	—	18	—	53	—
Коза (<i>Capra</i> sp.)	—	6	15,5	—	—
Безоаровый козел (<i>Capra hircus aegagrus</i>)	82,7	—		30	—
Горный козел (<i>C. ibex</i>)	—	—	—	—	мало
Вид дикого быка (<i>Bos</i> sp.)	—	3	—	1	—
Тур (<i>Bos primigenius</i>)	+	—	4,5	—	—
Кабан (<i>Sus scrofa</i>)	—	—	1,0	—	—
Бурый медведь (<i>Ursus arctos</i>)	—	—	—	+	—
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	—	—	—	+	—
Шакал (<i>Canis aureus</i>)	+	—	—	+	—
Даман (<i>Procavia syriaca</i>)	+	—	—	—	—
Вид зайца (<i>Lepus</i> sp.)	+	—	—	—	+
Заяц-русак (<i>Lepus europaeus</i>)	—	+	—	—	—
Кошка лесная (<i>Felis sylvestris</i>)	—	—	—	+	—
Барсук (<i>Meles meles</i>)	—	+	—	—	—
Куница каменная (<i>Martes foina</i>)	—	+	—	—	—
Перевязка (<i>Vormela peregusna</i>)	—	+	—	—	—
Белка (<i>Sciurus anomalus</i>)	—	+	—	—	—
Еж (<i>Erinaceus europaeus</i>)	—	+	—	—	—
Вид слепыша (<i>Spalax</i> sp.)	—	+	—	—	—
Белозубка (<i>Crocidura</i> sp.)	—	+	—	—	—
Рыба	мало	мало	—	мало	—
Птица	—	+	—	+	—

Фауна раннего неолита Леванта

	Южная Палестина	Иудея	Центральная Палестина	Северная Палестина	Сирия
	Бейда	Эль-Хиам	Иерихон	Мунхатта	Ябруд, пещера III слой I
Газель (<i>Gazella</i> sp.)	—	14,3	18,6	27,3	мало
Газель (<i>Gazella dorcas</i>)	+	—	—	—	—
Антилопа (<i>Antilope</i> sp.)	—	—	38,5	—	—
Вид лошадиных (<i>Equus</i> sp.)	+	—	0,5	—	—
Осел (<i>Equus asinus</i>)	—	0,6	—	—	—
Онагр (<i>Equus hemionus</i>)	—	—	—	—	+
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	—	—	—	—	+
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	—	—	—	3,5	—
Безоаровый козел (<i>Capra hircus aegagrus</i>)	86,5	83,1	+	11,9	—
Горный козел (<i>C. ibex</i>)	—	—	—	—	мало
Домашняя коза (<i>Capra hircus</i>)	—	—	+	—	—
Муфлон (<i>Ovis orientalis</i>)	—	—	+	21,1	—
Тур (<i>Bos primigenius</i>)	+	1,2	20,1	12,7	+
Кабан (<i>Sus scrofa</i>)	очень мало	0,3	7,2	22,6	—
Вид лисицы (<i>Vulpes</i> sp.)	—	—	+	0,5	—
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	—	0,3	—	0,5	—
Кошка степная (<i>Felis lybica</i>)	—	—	+	—	—
Каракал (<i>Felis caracal</i>)	—	—	—	0,4	—
Леопард (<i>Panthera pardus</i>)	—	—	+	—	—
Волк (<i>Canis lupus</i>)	—	—	+	—	—
Шакал (<i>Canis aureus</i>)	+	—	+	—	—
Хищники (<i>Carnivora</i>)	—	—	3,7	—	—
Даман (<i>Procavia syriaca</i>)	+	—	—	—	—
Вид зайца (<i>Lepus</i> sp.)	+	—	—	—	+
Грызуны (<i>Rodentia</i>)	мало	—	0,5	—	—
Рыба	мало	—	—	—	—
Птица	—	—	10,9	—	—

Фауна мезолита Леванта (Натуф)

	Южная Палестина			Иудея			
	Бейда	Рош Чин	Рош Хореша	Тор Абу Сиф	Эрк эль Амар	Умм эс Зуэйтина	Эль Хям
Джейран (<i>Gazella sp.</i>)	—	+	+	+	+	+	+
Газель (<i>Gazella dorcas</i>)	+	—	—	—	—	—	—
Антилопа (<i>Antilope sp.</i>)	—	—	—	—	+	—	—
Антилопа-бубал (<i>Alcelaphus</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Вид лошадиных (<i>Equus sp.</i>)	+	—	—	—	+	—	+
Дикая осел (?) (<i>Equus asinus</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Онагр (<i>Equus hemionus</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	—	—	+	—	+	—	—
Лань (<i>Dama mesopotamica</i>)	—	+	—	—	—	—	—
Вид козы (<i>Capra sp.</i>)	—	—	—	—	—	—	+
Безоаровый козел (<i>C. hircus aegagrus</i>)	76,7	—	—	—	—	—	+
Горный козел (<i>C. ibex</i>)	—	+	+	+	+	+	—
Азиатский муфлон (<i>Ovis orientalis</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Вид дикого быка (<i>Bos sp.</i>)	—	—	—	—	+	—	+
Тур (<i>B. primigenius</i>)	+	—	—	—	—	—	—
Кабан (<i>Sus scrofa</i>)	—	—	—	—	—	—	+
Вид медведя (<i>Ursus sp.</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Сирийский медведь (<i>Ursus syriacus</i>)	—	—	—	—	—	+	—
Лисица (<i>Vulpes nilotica</i>)	—	—	—	—	+	—	+
(<i>Vulpes vulpes</i>)	—	—	—	—	+	—	—

Побережье (г. Кармел)			Центральная Палестина	Северная Палестина		Сирия	
Эль Вад Слой В	Вади Фалла	Кебара		Шукба	Эйнан	Хайоним слой В	Тайбе
много	79,5	+	+	44,6	83	66,7	мало
—	—	—	—	—	—	—	—
—	1,0	—	—	—	—	—	—
—	—	+	+	—	—	—	—
+	—	—	—	—	—	11,1	—
—	—	—	—	0,3	—	—	—
+	—	—	—	—	—	—	—
?	1,0	+	—	7,1	+	—	—
?	6,3	+	+	13,5	—	—	—
мало	3,2	—	+	12,8	4	—	—
+	+	—	—	—	4	—	—
—	?	—	—	1,1	—	1,8	—
—	—	—	—	—	—	—	мало
—	—	—	—	0,5	—	—	—
+	—	—	+	—	10	—	—
—	1,9	—	—	3,3	—	16,7	—
+	5,5	+	+	14,2	—	—	—
+	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	+	—	—	—
—	—	—	—	0,3	+	—	—
+	—	+	+	1,2	—	3,7	+

	Южная Палестина			Иудея			
	Бейда	Рош Чин	Рош Хореша	Тор Абу Сиф	Эрк эль Амар	Умм эс Зуэйтина	Эль Хиам
Волк (<i>Canis lupus</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Шакал (<i>Canis aureus</i>)	+	—	—	—	—	—	—
Пятнистая гиена (<i>Hyena crocuta</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Леопард (<i>Panthera pardus</i>)	—	—	—	—	+	—	—
Даман (<i>Procavia syriaca</i>)	+	—	—	—	—	+	—
(<i>Lepus sp.</i>)	+	—	—	—	—	—	—
Заяц (<i>Lepus europaeus</i>)	—	—	—	—	—	—	—
(<i>Lepus syriacus</i>)	—	—	—	—	+	—	—
Кошка лесная (<i>Felis sylvestris</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Барсук (<i>Meles meles</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Вид куницы (<i>Martes sp.</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Куница лесная (<i>Martes martes</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Куница каменная (<i>Martes foina</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Ласка (<i>Mustela martes</i>)	—	—	—	—	+	—	—
Перевязка (<i>Vormela peregusna</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Белка (<i>Sciurus anomalus</i>)	—	—	—	—	—	—	—
(<i>Erinaceus carmelitus</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Еж (<i>Erinaceus europaeus</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Вид слепышей (<i>Spalax sp.</i>)	—	—	—	—	+	—	—
Песчанка (<i>Gerbillinae</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Белозубка (<i>Crociodura sp.</i>)	—	—	—	—	—	—	—
Рыба	мало	—	—	—	—	—	—

Побережье (г. Кармел)			Центральная Палестина	Северная Палестина		Сирия	
Эль Вад слой В	Вади Фалла	Кебара		Шукба	Эйнан	Хайоним слой В	Тайбе
+	-	+	+	-	-	-	+
-	-	-	-	0,2	-	-	-
+	-	+	-	0,1	-	-	-
+	-	-	-	-	-	-	-
+	-	-	-	-	-	-	-
+	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	+	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-
+	-	+	+	0,4	-	-	-
+	-	+	-	-	+	-	-
-	-	-	+	-	-	-	-
+	-	-	-	0,3	-	-	-
+	-	+	+	-	+	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-
+	-	+	+	-	+	-	-
+	-	-	-	-	+	-	-
+	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	+	-	-
+	-	-	-	-	+	-	МНОГО
+	-	-	-	-	+	-	-
-	-	-	-	-	+	-	-
-	-	-	-	-	мало	-	-

Фауна раннего неолита Анатолии

	Западная и Центральная Анатолия						Восточная Анатолия		
	Акерами- ческий Хаджилар	Кан Хасан III	Суберле	Ашikli Гуюк	Чатал Гуюк *		Чайоню		Пулур Гуюк слои XII—XIII кости/МКО
					ранние слои	поздние слои	слои I—II	слои IV—V	
Онагр (<i>Equus hemionus</i>)	—	МНОГО	—	+	8,9	3,6	—	—	—
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	—	+	2,4	—	5,7	2,2	МНОГО	+	—
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—
Лань (<i>Dama mesopotamica</i>)	+	—	+	—	—	—	+	—	—
Дикий козел (<i>Capra sp.</i>)	+	МНОГО	—	+	+	+	+	Очень МНОГО	—
Домашние козы (<i>Capra hircus</i>)	?	?	64,0	?	?	?	—	Очень МНОГО	+ 52,0/28,6 +
Дикий баран (<i>Ovis sp.</i>)	+	МНОГО	—	+	6,0	24,4	+	Очень МНОГО	6,7/14,3
Домашние овцы (<i>Ovis aries</i>)	?	?	—	?	?	?	—	Очень МНОГО	—
Вид быка (<i>Bos sp.</i>)	+	МНОГО	2,0	+	79,4	69,8	МНОГО	+	28,0/14,3
Домашний крупный рогатый скот (<i>B. taurus</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Қабан (<i>Sus scrofa</i>)	—	МНОГО	10,0+	+	мало	мало	+	+	6,7/2,1

	Западная и Центральная Анатолия					Восточная Анатолия			
	Акерامي- ческий Хаджилар	Кан Хасан III	Субердэ	Ашикли Гуюк	Чатаг Гуюк *		Чайоню		Пулур Гуюк слои XII—XIII кости/МКО
					ранние слои	поздние слои	слои I—II	слои IV—V	
Домашняя свинья (<i>S. s. domestica</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	—	МНОГО	+	—	—	—	—	—	—
Волк (<i>Canis lupus</i>)	—	МНОГО	—	—	—	—	—	—	—
Домашняя собака (<i>Canis familiaris</i>)	+	?	+	—	+	+	+	+	?2,7/7,1
Медведь (<i>Ursus sp.</i>)	—	—	+	—	—	—	—	—	1,3/7,1
Лошадь (<i>Equus ferus</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	4,0/7,1
Вид кошачьих (<i>Felis sp.</i>)	—	—	+	—	—	—	—	—	—
Вид кунницы (<i>Martes sp.</i>)	—	—	+	—	—	—	—	—	—
Барсук (<i>Meles meles</i>)	—	—	+	—	—	—	—	—	—
Заяц (<i>Lepus sp.</i>)	+	МНОГО	+	+	—	—	—	—	—
Рыба	—	мало	мало	—	—	мало	—	—	—
Птица	—	мало	мало	—	—	мало	—	—	—

В Чатаг Гуюке подсчитывалось «минимальное количество особей» (МКО).

Фауна Южного Прикаспия конца плейстоцена.
Поздний дриас X (IX) тысячелетие до н. э.

	Али Таппех	Белт	Хоту
Джейран	до 30	79,0	—
Коза	количество умень- шается	1,4	—
Овца		2,8	—
Тур	количество растет	14,2	—
Вид лошадиных	количество растет	—	—
Благородный олень	количество растет	1,1	—
Кабан	количество растет	—	—
Шакал/лисица	количество умень- шается	—	—
Домашняя собака ? Шакал?	—	0,3	—
Тюлень	—	0,4	—

Аллеред XI (X) тысячелетие до н. э.

	Али Таппех	Белт	Хоту
Джейран	менее 10	18,6	+
Коза/овца	15	—	+
Тур	мало	11,6	+
Вид лошадиных	—	2,3	—
Благородный олень	мало	9,3	—
Кабан	мало	—	—
Шакал/лисица	много	—	—
Домашняя собака? Шакал?	—	14,0	+
Тюлень	30	44,2	+
Рыба	—	много	—

Таблица 10

Фауна конца плейстоцена, раннего и среднего голоцена Кавказа

	Зап. Грузия верхний палеолит — мезолит		Юго-Восточная Грузия мезолит		Дагестан мезолит		Азербайджан ранний неолит	Армения энеолит			Прикубанье неолит
	Квачара	Элдзани	Зуртагети	Чох	Сосруко	Буюк-даш		Цаххунк	Техут	Хатунарх	
							слой I				слой 2-5
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	—	—	+	0,01	—	—	—	—	25,0	—	—
Лошадь Пржевальского? (<i>E. cf. przewalski</i>)	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Джейран (<i>Gazella subgutturosa</i>)	—	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—
Кулан (<i>Equus hemionus</i>)	—	+	+	—	—	—	50	—	—	—	—
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	+	+	+	0,6	0,7	1,5	—	4,0	2,6	—	1,3
Серна (<i>Rupicapra rupicapra</i>)	—	—	—	—	—	0,9	—	—	—	—	—
Неопределимые парнокопытные	—	—	—	8,5	52,9	93,7	—	—	—	—	—
Муфлонообразный баран (<i>Ovis cf. orphion?</i> <i>Ovis cf. gmelini</i>)	+	—	+	3,6	—	—	—	—	—	—	—
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	+	—	—	—	—	0,1	—	—	—	1,7	1,3

	Зап. Грузия верхний палеолит — мезолит		Юго-Восточная Грузия мезолит		Дагестан мезолит		Азербейджан ранний неолит	Армения энеолит			Прикубанье неолит
	Квачара	Элзани	Зургакеги	Чох	Сосруко	Цахкунк		Техут	Хагунарх	Каменно-могская	
Безаровый козел (<i>Sapra aegagrus</i>)	—	—	—	0,09	—	—	—	7,5	3,9	6,0	—
Кавказский тур (<i>Sapra saucasica</i>)	+	—	+	—	2,9	1,2	+	—	—	—	—
Козерог (<i>Sapra severtzovi</i>)	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дикие козы/овцы	—	—	—	86,9	—	—	—	—	—	—	—
Домашние козы/овцы	—	—	—	—	31,9	—	—	27,0	26,3	45,0	35,5
Зубр (<i>Bison bonasus</i>)	—	—	+	—	0,2	—	—	—	—	—	—
Тур (<i>Bos primigenius</i>)	—	+	—	—	—	—	+	—	—	—	—
Домашний крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	—	—	—	—	—	5,1	—	21,3	18,4	38,8	17,7
Кабан (<i>Sus scrofa</i>)	—	—	—	0,01	4,3	1,2	—	3,4	2,6	3,5	—
Домашняя свинья (<i>Sus scrofa domestica</i>)	—	—	—	—	—	—	—	1,1	17,0	—	22,8
Пещерный медведь (<i>Ursus spelaeus</i>)	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бурый медведь (<i>Ursus arctos</i>)	+	—	—	—	—	—	—	4,0	3,9	—	1,3
Леопард (<i>Felis pardus</i>)	+	—	—	—	—	0,1	—	—	—	—	—
Рысь (<i>Felis linx</i>)	—	—	—	0,01	—	—	—	—	—	—	—

	Зап. Грузия верхний палеолит — мезолит	Юго-Восточная Грузия мезолит		Дагестан мезолит			Азербай- джан ранний неолит	Армения энеолит			При- кубанье неолит
		Квачара	Эдзани	Зургакети	Чох	Сосруко		Цахунк	Техут	Хатунарх	
						слой I	слои 2-5				
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	—	—	—	—	—	—	—	1,1	—	3,5	5,1
Волк (<i>Canis lupus</i>)	+	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—
Тигр (<i>Panthera tigris</i>)	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	+	—	—	—	—	—	+	0,1	—	1,7	—
Заяц (<i>Lepus sp.</i>)	—	—	+	0,01	—	0,5	—	—	—	—	8,8
Барсук (<i>Meles meles</i>)	—	—	—	—	—	0,1	—	—	—	—	2,5
Неопределимые грызуны	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Полевка (<i>Microtus gud</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Песчанка (<i>Meriones tristromi</i>)	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Хомяк (<i>Cricetus sp.</i>)	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дагестанский хомяк (<i>Meso- cricetus auratus</i>)	—	—	—	0,06	—	—	—	—	—	—	—
Суслик (<i>Citellus rуртеus</i>)	—	—	—	—	0,7	0,1	—	—	—	—	—
Слепушонка (<i>Ellobius talpi- pus</i>)	—	—	—	—	0,7	0,1	—	—	—	—	—
Ушастый еж (<i>Eriinaceus auri- tus</i>)	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Тюлень	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—

Фауна из некоторых поселений каменного века Средней Азии и Афганистана

	Гиссарская культура		Караунгур неолит/ кости/МКО	Ак Купрук I (Гар-и-Мар)		
	Туткаул, слой 2	Сай Саед		Верхний палеолит	Акерамический неолит	Керамический неолит
Джейран (<i>Gazella subgutturosa</i>)	—	+	—	—	—	2,6
Кулан (<i>Equus hemionus</i>)	—	—	0,14/0,7	—	—	—
Вид лошадиных (<i>Equus sp.</i>)	—	—	—	1,1	—	7,9
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	+	+	1,9/7,4	1,1	—	13,1
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	—	+	9,8/12,1	—	—	—
Сайга (<i>Saiga tatarica</i>)	—	—	1,0/2,6	—	—	—
Козерог (<i>Capra sibirica</i>)	—	+	1,23/2,6	—	—	—
Архар (<i>Ovis ammon arcal</i>)	—	+	38,4/21,6	—	—	—
Безоаровый козел (<i>Capra hircus aegagrus</i>)	—	—	—	10,0+	+	5,3+
Азиатский муфлон (<i>Ovis orientalis</i>)	—	—	—	28,9	?+	22,6+
Домашние козы	?	+	—	—	?	2,6+
Домашние овцы	—	+	—	—	—	+
Тур (<i>Bos primigenius</i>)	+	+	0,48/1,3	+	—	10,5
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	—	+	—	—	—	2,6
Кабан (<i>Sus scrofa</i>)	—	+	15,2/12,8	—	—	—
Бурый медведь (<i>Ursus arctos</i>)	—	+	—	—	—	—

	Гиссарская культура		Караунгур неолит кости/МКО	Ак Купрук I (Гар-и-Мар)		
	Туткаул, слой 2	Сай Саед		Верхний палеолит	Акерамический неолит	Керамический неолит
Волк (<i>Canis lupus</i>)	—	—	0,55/2,0	—	—	—
Шакал (<i>Canis aureus</i>)	—	—	0,14/1,3	2,2	—	—
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	+	+	17,4/20,9	1,1	—	—
Дикобраз (<i>Histrix beucura</i>)	—	+	—	—	—	—
Барс (<i>Panthera uncia</i>)	—	—	0,07/0,7	—	—	—
Кошка (<i>Felis sp.</i>)	—	—	0,07/0,7	—	—	—
Барсук (<i>Meles meles</i>)	—	—	0,41/4,0	—	—	—
Хорек (<i>Vormela peregusna</i>)	—	—	0,07/0,7	—	—	—
Зяцц (<i>Lepus sp.</i>)	—	—	0,21/1,3	—	—	—
Еж (<i>Erinaceus hemichinus</i>)	—	+	0,3	—	—	—
Серый хомячок (<i>Cricetulus migratorius</i>)	—	+	—	—	—	—
Крыса туркестанская (<i>Rattus turcestanicus</i>)	—	+	—	—	—	—
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	—	+	—	—	—	—
Домашний осел	?	—	—	—	—	—
Домашний крупный рогатый скот	—	+	—	—	—	—

	Плейстоцен				Голоцен							
	Центральная Индия		Южная Индия		Долина Инда		Центральная Индия					
	долина р. Нармада	пещеры Курнул	Моенджо Даро	Хараппа	микролитические памятники			неолитические памятники				
					Адамгарх	Лангнадж	Багор	Адамгарх	Лангнадж	Багор		
				И	II	III	И	II	III			
Антилопа нильгау (<i>Boselaphus tragocamelus</i>)	—	+	—	—	—	—	+	—	—	—	—	+
Гарна (<i>Antelope cervicapra</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+
Газель-чинкара (<i>Gazella bennetti</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+
Четырехрогая антилопа (<i>Tetracerus quadricornis</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Домашняя коза (<i>Capra hircus aegagrus</i>)	—	—	—	+	—	—	+	—	—	64,4	62,7	78,3
Домашняя овца (<i>Ovis orientalis vignei</i>)	—	—	+	+	—	—	+	—	—	—	—	+
Коза/овца (<i>Ovis/Capra</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Барашинга (<i>Cervus duvauceli</i>)	+	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	+
Самбар (<i>Cervus unicolor</i>)	—	+	+	—	—	—	+	—	—	4,3	5,1	3,3
Олень-аксис (<i>Axis axis</i>)	—	+	+	—	—	—	+	—	—	4,8	3,9	—
Мунтжак (<i>Muntiacus muntjak</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Оленек (<i>Tragulus meminna</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

	Плейстоцен		Голоцен				Южная Индия неолитические памятники					
	Центральная Индия	Южная Индия	Долина Инда		Центральная Индия							
			Мохенджо Даро	Хараппа	микролитические памятники							
	долина р. Нармада	пещеры Курнул			Адамгарх	Ланнадж		Багор				
				I	II	III						
Тигр (<i>Panthera tigris</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лев (<i>Panthera leo</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Леопард (<i>Panthera pardus</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Камышовая кошка (<i>Felis chaus</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пятнистая кошка (<i>Felis tigrina</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Домашняя кошка (<i>Felis domestica</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пятнистая гиена (<i>Hyena spotted</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вымерший медведь (<i>Ursus spelaeus</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Медведь-губач (<i>Ursus labialis</i>)	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бенгальская лисица (<i>Vulpes bengalensis</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Циветта (<i>Viverra zibethica</i>)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Фауна из некоторых раннеолитических памятников
Юго-Восточной Европы

	Лепенски Вир		Власак	Икоана (МКО)	Сороки 2 слой 3	
	слой 1	слой 2			кости	МК О
Тур/бизон (<i>Bos/Bison</i>)	—	—	—	—	1,3	5,0
Тур (<i>Bos primigenius</i> Boj.)	3,3	3,4	0,2	2,0	—	—
Серна (<i>Rupicapra rupicapra</i>)	—	—	0,1	3,0	—	—
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	27,1	53,9	23,1	20,0	40,4	30,0
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	0,9	0,5	1,8	10,0	13,5	15,0
Кабан (<i>Sus scrofa</i>)	2,4	2,9	4,1	31,0	5,8	10,0
Домашняя свинья (<i>S.s. domestica</i>)	—	—	—	+	18,6	15,0
Кошка (<i>Felis silvestris</i>)	—	—	0,2	2,0	—	—
Рысь (<i>Lynx lynx</i>)	—	—	+	1,0	—	—
Куница (<i>Martes sp.</i>)	1,4	1,5	0,8	7,0	—	—
Барсук (<i>Meles meles</i>)	0,7	—	0,2	2,0	—	—
Медведь (<i>Ursus arctos</i>)	—	0,5	0,6	2,0	—	—
Волк (<i>Canis lupus</i>)	—	—	0,4	2,0	0,6	5,0
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	—	—	0,1	—	0,6	5,0
Бобр (<i>Castor fiber</i>)	0,5	—	0,2	7,0	0,6	5,0
Заяц (<i>Lepus europaeus</i>)	—	—	0,1	2,0	0,6	5,0
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	5,0	11,2	6,6	7,5	18,6	5,0
Белка (<i>Sciurus vulgaris</i>)	—	—	+	—	—	—
Еж (<i>Erinaceus europaeus</i>)	—	—	+	—	—	—
Выдра (<i>Lutra lutra</i>)	—	—	—	1,0	—	—
Куньи (<i>Mustelidae sp.</i>)	—	—	+	—	—	—
Птицы	1,4	0,5	0,5	—	—	—
Рыба	57,3	25,7	60,0	+	—	—
Черепаша (<i>Emys orbicularis</i>)	—	—	1,1	—	—	—

	Поселки Верхнего Египта и Нубии 12000—9000 до н. э.	Верхний Египет	Ливия				Алжир			
			Ком Омбо	Хауа Фтеах			Дра-мга-эль-ма-эль-абуад	Неолит суданской традиции		
				Либико-капсий	Ранний неолит	Поздний неолит		Верхний капсий	Меньше	Амекни
Вид быка (<i>Bos sp.</i>)	—	—	16,5	0,9	1,4	—	—	+	—	
Тур (<i>Bos primigenius</i>)	МНОГО	МНОГО	—	—	—	—	3	—	—	
Буйвол (<i>Homoioceras vignardi</i>)	—	+	—	—	—	—	—	+	+	
Гривистый баран (<i>Ammotragus lervia</i>)	—	мало	—	—	—	—	1,4	—	+	
Кабан (<i>Phacocheirus aethiopiicus</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	+	
Вид собаки (<i>Canis sp.</i>)	—	+	—	—	—	—	—	+	—	
Шакал (<i>Canis anthus</i>)	—	—	1,0	1,4	1,4	—	0,8	—	—	
Кошка (<i>Felis sp.</i>)	—	—	—	0,5	0,6	—	—	—	—	
Буланая кошка (<i>Felis oncreata</i>)	—	—	—	0,1	—	—	0,2	—	—	
Генета (<i>Geneta geneta</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	+	
Вид гиены (<i>Hyaena sp.</i>)	—	—	0,3	—	—	—	—	—	—	
Пятнистая гиена (<i>Hyaena crocuta</i>)	—	+	—	—	—	—	2,1	—	—	
Гиена (<i>Hyaena striata</i>)	—	—	—	—	—	—	—	+	—	

Фауна из некоторых памятников раннего и среднего голоцена
Юго-Восточной и Восточной Азии

	Таиланд					Северный Китай
	Пещера духов	Нон Нск Тха (МКО)				
		погребения		вне погребений		
		ранний	сред- ний	ранний	сред- ний	
Пятнистый олень (<i>Pseudaxis hortularum</i>)	—	—	—	—	—	+
Водяной олень (<i>Hydropotes inermis</i>)	—	—	—	—	—	—
Самбар (<i>Cervus unicolor</i>)	+	—	3,4	30,0	8,8	—
Мунджак (<i>Muntiacus muntjak</i>)	—	—	1,7	—	2,9	—
Свиной олень (<i>Axis porcinus</i>)	+	—	1,7	10,0	11,7	—
Газель (<i>Gazella sp.</i>)	—	—	—	—	—	+
Тур (<i>Bos sp.</i>)	—	—	—	—	—	+
Гаур/бантенг (<i>Bibos sp.</i>)	—	35,5	43,1	20,0	30,9	—
Буйвол (<i>Bubalus bubalis</i>)	—	—	1,7	10,0	1,5	—
Овца (<i>Ovis sp.</i>)	—	—	—	—	—	+
Лошадь (<i>Equus sp.</i>)	—	—	—	—	—	+
Кабан (<i>Sus scrofa jubatus</i>)	+	—	—	—	—	—
Домашняя свинья (<i>S.s. domestica</i>)	—	58,1	46,6	20,0	30,9	+
Тигр (<i>Felis tigris</i>)	—	—	—	—	1,5	—
Вид кошачьих (<i>Felis sp.</i>)	—	—	—	—	—	+
Кошка (<i>Felis viverrina</i> , <i>Felis bengalensis</i>)	+	—	—	—	—	—
Циветта (<i>Paradoxurus hermaproditus</i>)	+	3,2	—	—	1,5	—
Собака (<i>Canis sp.</i>)	—	3,2	1,7	10,0	10,3	+

	Таиланд					Северный Китай
	Пещера духов	Нон Нок Тха (МКО)				Баньпо
		погребения		вне погребений		
		ранний	сред- ний	ранний	сред- ний	
Барсук (<i>Meles leucurus</i>)	—	—	—	—	—	+
Барсук (<i>Arctonyx collarix</i>)	+	—	—	—	—	—
Лисица (<i>Vulpes sp.</i>)	—	—	—	—	—	+
Выдра (<i>Lutra sp.</i>)	+	—	—	—	—	—
Куница (<i>Martes flavigula</i>)	+	—	—	—	—	—
Заяц (<i>Lepus sp.</i>)	—	—	—	—	—	+
Пищуха (<i>Ochotona sp.</i>)	—	—	—	—	—	+
Белка (<i>Petaurista petaurista</i>)	+	—	—	—	—	—
Дикобраз (<i>Hystrix sp.</i>)	+	—	—	—	—	—
Крысы	+	—	—	—	—	—
Рыба	+	—	—	—	—	+

Фауна из археологических памятников горных Андов

Памятник	Район	Дата до н. э. (по С ₁₄)	Гуанако/ лама		Морские свинки		Собака		Другие животные	
			МКО	%	МКО	%	МКО	%	МКО	%
Пуенте	Аякучо	7150—5850	5	2	201	85	—	—	32	13
		5850—5150	2	2	83	72	—	—	30	26
		5150—4750	2	3	32	40	—	—	47	57
		4750—4600	3	10	5	17	—	—	22	73
		4600—4350	4	8	10	21	—	—	34	71
Пикима- чай	Аякучо	5850—4600	1	3	14	41	—	—	19	56
		4600—3150	6	26	4	17	—	—	13	57
		3150—1750	9	32	4	14	—	—	15	54
Пачама- чай	Хунин	2000	250	82	6	2	1	0,3	48	16
Котош	Уануко	3150—1750	21	15	36	25	—	—	86	60
Гитаре- ро	Калехон де Уай- лас	10660	—	—	—	—	—	—	11	100
		8650—5650	6	10	—	—	—	—	53	90
		5000	3	17	—	—	—	—	15	83

* В графах под заголовком МКО дано минимальное количество особей.

- Автохтонизм 25, 26, 29, 34
 Альпака 5, 127, 171—174
- Балийский скот 116, 118
 Бантенг 116—118, 122
 Батат 146, 154, 247
 Бобовые 52, 53, 58, 61, 104
 Богатство 11, 23, 140—143, 160—163,
 167, 168, 170, 173, 191, 201
 «Большие люди» 155, 156, 160—162,
 166, 168, 169
 Брачный выкуп 155, 156, 161, 192,
 193, 201, 202
 Буйвол 78, 80, 82, 116—118, 123, 210,
 214, 237
 Бык 19, 23, 28, 37, 43, 66, 78, 82, 106,
 107, 115, 119, 227—231
- Верблюды 5, 16, 37, 42, 216, 217, 230,
 232, 233, 240
 Вольный выпас 40, 148, 165, 183, 184,
 192, 208, 212, 214, 233, 236
- Газель 34, 42, 54, 58—61, 66, 67, 72,
 99, 107
 Гаур 116—118, 122, 208
 Гаял (митхен) 41, 116, 118, 227
 Гибридизация 45, 136, 214, 234, 238
 Гуанако 39, 127—129, 172, 208, 210
- Дарообмен 157, 158, 160, 161, 166,
 195
 Динго 136—139
 Диффузии теория (диффузионизм)
 14—16, 29
 Доместикация (одомашнивание) 4, 5,
 11—34, 37—43, 48, 56—66, 73, 78,
 84—89, 91, 93, 96, 100, 111, 115—
 118, 122, 136, 145, 146, 163, 164,
 176—179, 204, 205, 208—213, 216,
 224, 232
 Религиозная теория доместикации
 13, 19—22, 32
 Симбиоза теория 18, 20, 24
 Тотемическая теория доместикации
 18, 19
- Жертвоприношения 13, 19, 143, 155,
 163, 164, 166, 170, 174, 175, 188,
 189, 200, 218
- Животные — «любимчики» 13, 18, 20,
 21, 32, 85, 137, 140, 143—147, 168
- Заемствование (диффузия) 15, 22, 27,
 92, 113, 176, 181, 195, 201, 213,
 214, 216—218
- Зебу 49, 50, 78—80, 82, 113, 117, 214
 Земледелие 3, 7—19, 23—32, 35, 36,
 52, 61—82, 87—91, 94, 96, 98, 104,
 105, 108, 111, 113, 116, 120, 124—
 129, 145—147, 154, 155, 171—175,
 184, 191, 192, 195, 196, 202—204,
 208—216, 235—242
 ирригационное 67, 82, 237, 239,
 241
 мотыжное 8, 12, 233
 плужное 8, 9, 13, 23, 227—230, 235,
 237
- Импринтинг 138, 149, 164, 209, 210
 Искусство первобытное 43, 44, 107,
 108, 113
- Кабан 51, 54, 60, 61, 63, 84, 85, 88,
 122, 147, 148, 150, 159, 161, 163,
 164, 234
 Казуар 164, 165
 Картофель 128
 Кастрации техника (холошение) 19,
 20, 134, 148—150, 165, 173, 198,
 226, 227
- Клубнеплоды 124, 128, 129, 152, 173
 Коза 13, 19, 27, 28, 30, 37, 38, 40, 41,
 46, 48, 54, 56—80, 82, 84, 86—90,
 93, 95, 96, 99—113, 122, 123, 191,
 192, 195, 201, 202, 207, 208, 210,
 214, 220, 221, 225, 228, 238, 240,
 246
- Корнеплоды 124, 152
 Культ 17, 19, 21, 43, 144, 201
 плодородия 156, 157, 164
 промысловый 131, 174, 189
 Культурно-историческая школа 16, 20,
 29, 30, 141
- Куры 13, 30, 31, 82, 118, 123, 125, 140,
 147, 195, 202
- Лама 5, 127, 129, 171—175, 216, 227
 Лошадь 5, 13, 16, 17, 22, 37, 41, 54,
 75, 89, 127, 177, 180, 190—202,
 210, 215—218, 231, 232, 237, 240—
 242

Маис 128, 197
Масло 220, 222
Миграция 15, 27, 34, 70, 91, 92, 109,
110, 122, 125, 135, 181, 182, 212—
214, 217, 238, 247
Миграционизма теория 25
Митхен см. гаял
Многосженство (полигамия) 154; 155,
166
Молочное хозяйство (молоко) 19, 23,
28, 173, 182, 183, 202, 219, 220—
225, 234, 235, 237, 242
Моноцентризм 16
Морская свинка 5, 127—129, 172, 175
Мутация 40, 45, 48
Муфлон 37, 48, 49, 54, 56, 60, 66—69,
84, 96, 118
Неолитическая революция 15, 32
«Новое учение о языке» (марризм)
22, 25, 26
«Оазисная теория» 15, 31
Овца 13, 19, 27, 30, 37—49, 57, 61—
68, 71—75, 77, 78, 80, 82, 84, 86—
90, 93, 95, 96, 99—113, 118, 119,
122, 123, 180, 191—195, 201, 202,
208, 210, 214, 216, 220, 221, 225, 226,
228, 234, 235, 238, 240—242, 246
Огораживание пастбищ 149, 165, 183,
236
Огораживание полей 149, 165, 233,
234, 236
Олень 13, 16, 20—22, 24, 28, 29, 34,
35, 62, 63, 116, 117, 119, 127—
129, 177—190, 216
    благородный 56, 60, 84—88
    северный 17, 23, 26, 37, 84, 85, 176,
179, 205, 206, 246
Оленеводство 16, 21, 23, 24, 27—29,
35, 175—190, 247
    крупнотабунное 183, 184, 186—190
Онагр 54, 56, 67, 227, 228
Осел 5, 54, 56, 60, 61, 67, 82, 89, 99,
104, 202, 210, 217, 227, 228, 237,
240
Охота 7—9, 14, 16, 18, 20, 27, 28, 60,
75, 77, 89, 90, 91, 99, 104, 106,
107, 112, 120, 136—139, 172, 177—
179, 183, 186, 190, 191, 196, 197,
207, 208, 211, 212, 214, 215, 239
с маньчжуром 20, 28, 127, 172, 176,
177, 210
    специализированная 21, 29, 34, 56,
58—61, 69, 84, 102, 177—179,
205—209
Очаги domestikации первичные и вто-
ричные 22, 25, 26, 29, 35, 203—
205, 212, 218

Плуг 10, 228, 229, 235, 241
Полицентризм 22, 33
Престиж 23, 108, 136, 139, 149, 141,
148, 168, 169, 173, 188, 199, 201,
202, 218
Престижный мир 142, 156, 157, 161,
167, 169, 170, 201
Приручение 4, 5, 17, 20, 23, 27, 58,
59, 135, 139, 164, 176, 177,
209—211
    насильственное 209, 210
Просо 69, 110, 111, 116, 120—122, 124
Пшеница 53, 69, 73, 95, 96, 123
    однозернянка 51, 61, 65, 83, 84
    двузернянка см. эммер
Рабство 8, 201
Рис 116, 117, 123—125
Рыболовство 8, 27, 60, 61, 69, 75, 82,
87, 90, 91, 96, 98, 99, 102, 104,
106, 107, 116, 120, 125, 127, 141,
145—147, 152, 178, 180, 183, 186,
207—211, 215, 239
Свинья 5, 13, 14, 21, 22, 27, 28, 30,
31, 40, 41, 46, 50, 51, 56, 60, 62,
63, 66, 69, 72, 79, 80, 82, 85—90,
93, 100, 103, 115—125, 134, 140,
147—171, 191, 202, 209, 210, 213,
214, 234, 247
Сегментация 91, 213
Симбиоз 20—22, 27
Скот 11, 13, 14, 19, 21, 28, 75, 80, 81,
93, 174, 190—192, 195, 202, 215,
218, 233, 241
    крупный рогатый 5, 13, 14, 27, 28,
39, 42, 43, 49, 60, 64, 66—69, 72,
73, 75, 78, 86—90, 93, 99, 104,
106—113, 118, 123, 190—197, 201,
202, 214, 224, 228, 233—235, 240,
241, 246
    мелкий рогатый 5, 30, 43, 57, 69,
75, 78, 93, 104, 106, 107, 111, 190—
194, 202, 213, 228, 241
Скотоводство
    кочевое 12—14, 16, 22, 30, 35, 80,
107, 111, 184, 219, 226, 233, 238—
244
    отгонно-пастбищное (отгонное) 76,
82, 171, 190, 191, 239—241, 243,
244
    яйлажное 237—239
    возникновение кочевого скотоводст-
ва 13, 14, 16, 21, 22, 24, 27, 31,
35, 71, 228
Собака 5, 13, 16, 17, 21, 27, 28, 30,
31, 38, 41, 56, 60, 62—66, 74, 80,
85, 88, 90, 115, 117—122, 125,
136—148, 159, 167, 177, 209, 213,
216—218

- Собирательство 8, 12, 60, 61, 69, 75, 81, 82, 94, 96, 98, 99, 102, 104—108, 112, 116, 120, 121, 127, 128, 145—147, 196, 208—211, 214, 239
- Собственность 11, 21, 27, 28, 139—141, 148, 158—162, 169, 170, 173, 174, 187, 188, 193—195, 199—202, 247
- Сорго 110
- Стойла 28, 149, 165, 234, 235, 237
- Сыр 219, 220, 222
- Таро 116, 124, 165
- Тотемизм 18, 20
- Транспортное использование домашних животных 180, 182, 186, 192, 196, 198, 217, 224, 227
- верховое 182, 183, 197, 198, 202, 210, 218, 231—233, 241
- вьючное 21, 173, 181—183, 197, 217, 227, 228, 237, 238, 241, 242
- упряжное 17, 21, 141, 143, 144, 182, 198, 230—233, 237, 242
- Трех стадий теория 7, 9—12, 14
- Тур 22, 39, 41, 46, 49, 50, 54, 60—68, 71, 74, 84, 86, 88—91, 96, 99, 109, 208, 210, 214, 234
- Тыква 128
- Фасоль 128
- Хозяйство
- присваивающее 15, 69, 82, 145, 147, 189, 214
- производящее 3, 14, 15, 18, 21—26, 32, 33, 44, 52, 56, 60—62, 67—77, 80, 81, 86—95, 98, 100, 101, 103, 104, 107, 109—111, 118, 120—124, 128, 147, 203—205, 212—216, 244, 246
- Шерсть 219, 224—226, 237
- Эммер 52, 58, 86, 87, 99, 104, 110
- Як 17, 214, 216
- Ямс 116, 124
- Ячмень 52, 53, 58, 61, 69, 73, 86, 87, 95, 98—100, 104, 110, 123

- Австралия 137, 211, 217
 Центральная 209
 Южная 137
- Адриатическое море 87
- Азия 9, 23, 96, 100, 125, 224, 237
 Восточная 19, 46, 50, 51, 114, 116, 118, 122, 123, 213, 215, 224, 228
 Малая 47, 48, 86
 Передняя 14—16, 31—34, 41, 45—49, 52—54, 58, 59, 67, 70, 71, 73, 74, 91, 100, 101, 122, 204, 211, 213, 214, 221, 223, 225, 231, 235, 240
 Северная 35
 Северо-Восточная 178
 Средняя 17, 30, 71, 73, 75, 76, 122, 222, 230—233
 Центральная 16, 17, 31
 Юго-Восточная 14, 19, 30—32, 51, 114, 116—125, 146, 215, 224, 233, 236, 244
 Южная 14, 16, 30, 31, 50, 51, 77
- Алеппо 54
- Алжир Южный 102
- Алтай 219
- Альтиплано 174
- Амазония 215
- Америка (Новый Свет) 5, 8, 10, 14, 21, 31, 45, 125, 190, 215, 217
 Северная 41, 126, 143, 178, 190, 196, 201, 206, 207, 210, 214, 218
 Центральная 127
 Южная 32, 39, 126, 145, 201, 202
- Амур, р. 121, 141
 Верхний 180, 181
 Средний 121, 123
- Анадырь, р. 141, 207
- Анатолия 52, 54, 56, 62—64, 66, 86, 213, 222
- Анды, горы 32, 127, 128, 171—175, 204, 227
- Аравия 48, 232, 233
- Аргентина 127
- Армения 68
- Аруе, о-в 167
- Ассам 41, 227, 237
- Атлантический океан 50, 51
- Атлас, горы 103
- Афганистан 73, 76, 77, 222, 246
- Африка 16, 31, 54, 94—96, 113, 204, 205, 214, 220, 224, 226, 228, 234, 237
 Восточная 95, 111, 219, 240, 243
 Северная 15, 16, 34, 42, 48, 50, 51, 54, 95, 96, 99, 101, 102, 104, 105, 109, 111, 215, 219
 Северо-Восточная 51, 98, 100
 Южная 111—113, 217
- Африканский Рог 221
- Ахаггар 106
- Аякучо 129
- Балем, долина 149
- Балканы 52, 84, 86—88, 93, 213
- Банксовы о-ва 167
- Бахрейн 222
- Белоруссия 91, 246
- Белуджистан 78
- Бенгалия 116
- Болгария 87
- Боливия 127, 171
- Большеземельская тундра 178, 185
- Большие Балханы 47, 74
- Большой Бассейн 207
- Ботсвана 113
- Бугенвиль, о-в 165, 169, 170
- Ваги, долина 150, 157, 158
- Великобритания (Англия) 85, 88, 231, 234, 236
- Венгрия 42, 87
- Венесуэла 175
- Виктория, оз. 111
- Волга Нижняя 241, 242
- Восток Дальний 121, 122, 123
- Вьетнам 118, 124
- Гага 110
- ГДР 238
- Гималаи, горы 46, 116, 204
- Гиндукуш, горы 54
- Голландия 87, 226, 234, 235
- Греция 86, 87, 93
- Грузия 68, 69
- Гуадалканал, о-в 169
- Гуджарат 79
- Гюрген, долина 74
- Дагестан 68, 69
- Дания 88

- Дех Луран, долина 238, 239
 Джебель Увейнат, горы 221
 Дезиера, плато 54
 Днепр, р. 230
 Днестр Средний, р. 88
 Древний Восток 14, 19, 234
- Евразия 16, 17, 23, 120, 198, 206, 207, 231
 Европа 23, 27, 39, 44, 46, 51, 52, 82—87, 92, 94, 109, 120, 215, 221—229, 233, 234, 235
 Восточная 17, 26, 27, 85, 88, 90, 92—94, 222, 223, 227, 231, 233
 Западная 87, 92, 223, 231
 Центральная 11, 29, 51, 87, 92, 213, 223, 224, 230
 Юго-Восточная 46, 85, 86, 92, 230, 236
 Евфрат, р. 61
 Египет 5, 14, 43, 96—101, 104, 109, 110, 213, 219, 220, 222, 226—228, 231, 234, 241
- Верхний 95, 96, 98, 99, 101, 110
 Нижний 103
- Забайкалье 180
 Загрос, горы 52, 54, 56, 57, 61, 62, 238, 239
 Закавказье 48, 49, 68—71, 205, 224, 228, 229, 232
 Замбия 111
 Зауралье 181
 Северное 181
 Южное 75
 Зимбабве 43, 111—113
- Иберия 104
 Инд, р. 30, 77, 78, 81, 230
 Индия 49, 50, 77, 78, 80, 81, 117, 122, 124, 210, 229, 231, 234
 Центральная 79—81, 230
 Южная 81, 82, 228, 246
 Индонезия 247
 Индостан, п-ов 78—81
 Ирак 48
 Иран 17, 30, 48, 49, 52, 62, 68, 71, 73, 74, 232, 234
 Ириан Западный 146, 147
 Ирландия 234, 236
 Исна 96
 Италия 84, 229
 Южная 92
 Иудея 58, 65
- Кавказ 41, 68—71, 222, 223, 226, 228—231
 Казахстан 75
 Калифорния 144, 207
- Камерун Северный 110
 Камчатка, п-ов 207
 Канада 207
 Кармел, гора 54, 60
 Карпатский бассейн 213
 Каспийское море 72
 Кашмир Восточный 228
 Квинсленд Северный 137
 Кейп, мыс 112, 113
 Кения 111, 224
 Керченский п-ов 89
 Киренаика 102
 Китай 32, 118—120, 123, 124, 134, 229, 230, 232, 244
 Северный 114, 116, 118—123
 Северо-Восточный 116, 121, 122
 Южный 116, 118—121, 124
 Колепом, о-в 149, 152, 156, 157, 161
 Колумбия 202
 Колыма, р. 179
 Копет-Даг, хребет 47, 73
 Корат, плато 117, 237
 Корея 121
 Крит, о-в 86
 Крым 89
- Лаос 210
 Левант 48, 52, 54, 57, 64, 67
 Лена, р. 180
 Ливан 60
 Ливия 104, 241
 Ливийская пустыня 98, 100
 Лупака 172
- Мавритания 101, 107
 Магриб 102
 Македония 86
 Малави 111
 Малаккский п-ов 140
 Малекула, о-в 165, 167, 169—171
 Мали 106
 Маньчжурия 119
 Мари 219
 Марокко Северное 103, 104
 Медная р. 144
 Мезоамерика 32, 33, 127, 204
 Меланезия 134, 146, 165—168
 Западная 125
 Месопотамия 5, 54, 68, 219, 222, 225—230
 Минусинская котловина 241
 Миссури, р. 197
 Молдавия 88
 Монголия 116, 119, 121, 122
- Набта Плайа 98, 99, 104
 Намибия 43, 113
 Негев 53, 64
 Николаевская обл. 90
 Нил, р. 30, 96, 98, 101, 221
 Нильская долина 98, 101, 221

- Новая Британия, о-в 167
 Новая Гвинея 125, 133, 134, 146—
 166, 210, 211, 236, 247
 Новая Зеландия, о-в 214
 Новая Ирландия, о-в 167—169
 Новые Гебриды, о-ва 165—168
 Нубия 43, 95—99, 104, 109—111, 222,
 241
- Обь, р. 176, 177, 180
 Океания 14, 124, 125, 213, 224, 227,
 233, 243, 244
 Охотское море 181
- Палестина 48, 52—54, 56, 58, 60, 64—
 67, 71, 99, 100, 223, 224, 233, 239,
 240, 246
 Пальмира 54
 Патагония 172
 Пентекост, о-в 167
 Перу 32, 127, 128, 171—173, 237
 Поволжье Нижнее 242
 Полесье Белорусское 91
 Полинезия 217
 Западная 125
 Приазовье 90
 Приамурье 180
 Приаралье
 Северное 75
 Южное 233
 Прикаспий 71, 74
 Южный 29, 38, 48, 53, 71—73
 Юго-Восточный 71
 Приморье 119
 Приобье 180
 Причерноморье 70
 Северное 223, 241, 242
 Пукапука, о-в 217
- Россия (Русь) 22, 186, 233, 235, 236
 Румыния 84, 87, 222, 228
 Русская равнина 45
- Сахалин, о-в 141
 Сахара 16, 43, 95, 96, 101—110, 213,
 219, 220, 231, 240, 241
 Саяно-Алтайский центр 26, 179
 Саяны, горы 17
 Север 177, 179, 182
 Американский 144, 177, 207
 Крайний 141, 176—178
 Сибирь 35, 45, 141, 176, 179—182,
 190, 217, 226, 231—233
 Западная 75
 Северо-Западная 182
 Синай, п-ов 100
 Сирия 48, 54, 56, 60, 64, 66, 67, 222,
 232
 Скалистые горы 197
 Скандинавия 88, 179, 184, 186, 207
- Соломоновы о-ва 166, 167, 170
 Средиземное море 87, 103
 Средиземноморье 46, 93
 СССР 26, 87, 223
 Старый Свет 5, 8, 9, 14, 21, 31, 48,
 123, 125, 174
 Судан 104, 105, 240
 Сулавеси, о-в 125
 Сэпик, р. 148
- Тавольере, равнина 92
 Таджикистан 76, 77
 Таиланд 5, 116, 117, 123, 124, 236,
 237
 Танзания Северная 111
 Тасили 106, 220, 221, 228
 Тибет 17, 30, 228
 Тимор, о-в 125
 Титикака, оз. 171, 172
 Тихий океан 49, 51, 120
 Тор, р. 147, 148, 162, 163, 210
 Трансвааль 111
 Тува Восточная 180
 Тунгуска, р. 180
 Туркмения Южная 74, 233
 Туркмено-Хорасанские горы 73
 Турция 49, 62
- Увейнат, оазис 241
 Уоллеса линия 124
 Украина 37, 231
 Урал Южный 76, 230
- Фаюмский оазис 101
 Фергана 220
 Фессалия 86
 Фецан 220, 221
 Филиппины, о-ва 140
 Финляндия Восточная 181
 Франция
 Восточная 87
 Южная 84
- Хаген, гора 157
 Харга, оазис 98, 99
 Хартум 105
 Хуанхэ, р. 114, 120, 121
 Хулайланская долина 239
 Хунин 129
- Цинхай, пров. 123
- Чад, оз. 105
 Чили 127, 128, 175
 Чукотка 181, 207
- Швейцария 226
 Шумер 225, 234
- Эгейское море 46

Эльбрус, гора 74

Эннеди 220

Эфиопия 111

ЮАР 43, 112

Югославия 87

Ямал, п-ов 178

Янцзы, р. 118, 119, 123

Япония 121

- Австралийцы 12, 41, 136—140, 208, 210, 215
 Аустронезийцы 124, 213
 Айны 141—143
 Алгонкины 177, 207
 Андаманцы 140, 210
 Апа тани 237
 Апачи 191, 194, 196, 197, 198, 208
 Арии 219, 233
 Арикара 200
 Ассинибойны 198—200
 Атапаски 143, 144, 177, 178, 194, 207
     северные 179, 210
     южные 190, 194
 Атапаски-талтаны 208
 Атна 144
 Ацина 200
 Аэта 140, 210
- Банту 112, 113, 214
 Бидьяндьяра 137
 Бобагаи-ангоянг 150, 152
 Бонгу 148
 Бритты 219
 Бушмены 12, 44, 112, 208, 215, 217
- Валбири 137, 139
- Гадсуп 151, 163
 Галлы 219
 Германцы 208, 210, 219
 Гиппомолги 219
 Гоахиро 202
 Готтентоты 111—113
- Дани 149—151, 153, 156—159, 164
 Дариби 162
 Джате 157
 Дорийцы 232
- Иллирийцы 232
 Индейцы 14, 143, 145, 196—202, 215—218
 Индейцы-пуэбло 190, 191
 Индоевропейцы 9, 11, 223, 229, 232
 Индоиранцы 225, 232, 242
 Инки 171, 172, 174, 237
 Иранцы 225
 Испанцы 14, 190, 191, 197, 201, 202
 Йокутсы 145
- Кайова 190, 198
 Каколи 157
 Камано 157
 Карам 165
 Квома 148, 161
 Керечос 196
 Кеты 180, 183, 187
 Киван 163, 164
 Китайцы 219, 225
 Койсанцы 113
 Команчи 190, 196, 198, 200
 Коми-зыряне 180, 184, 185
 Корофейгу 153, 236
 Коряки 141, 181, 184, 185
 Кроу 199, 200
 Кума (миньи) 152, 156, 157, 164, 247
 Кушиты 221, 225
- Лезу 167—169
 Ливийцы 219
 Майя 218
 Манданы 197, 199, 200
 Маринг 150, 151, 157
 Массин южные 166, 167, 169, 247
 Медлла 148, 149, 157, 163, 247
 Меланезийцы 165—169
 Менди 157
- Навахи 190—196
 Нанайцы 141
 Нгаинг 156, 157
 Нганасаны 176, 187, 247
 Ненцы 182, 184, 185, 187
 Неперсе 198, 218
 Нивхи 141—143
 Нуэры 227
- Ороки 141
 Орочи 141
- Папаго 195
 Папуасы 146—152, 156, 159—165, 210, 236
 Папуасы варопен 133
 Пауни 199
 Паюти 207
 Плоскоголовые 198
 Протоаустронезийцы 124
 Протополинезийцы 125

Саамы 181, 183—185, 238
Самодийцы 17, 35, 179—182, 214, 247
Селькупы 182, 183
Семанги 140, 210
Семиты 10, 11, 240
Сенон 140
Сиане 152, 155, 157, 159, 162
Сиу 198, 199
Сиуан 165, 169, 170
Скифы 17, 219, 222

Тасманийцы 41, 139, 140, 208, 216, 217
Телефолмин 156
Тетон-дакота 199
Толаи 167
Туарегы 106, 210, 222
Тунгусы 35, 180—183
Тюрки 180, 182, 225

Угры обские 180
Удэге 141
Ульчи 141—143
Ушо 215
Усуни 219
Усуруфа 157
Форе 157
Фракийцы 232

Хидатса 197, 199, 200
Хули 155

Цембага 150—155
Центральносуданцы 113

Чейены 198, 199
Черноногие 196, 198, 199
Чимбу 151, 152, 154, 156, 157, 163
Чукчи 141, 176, 184, 185, 188

Шошоны 207—209

Юкагиры 179
Юте 190, 197

Эвенки 176, 182, 183, 185, 190
Эвенки-орочоны 182, 183
Эвены 176, 185
Экаги (капауку) 149, 150, 154, 156—
162, 247
Энга 148, 151, 152, 154, 155, 158, 161
Энцы 185, 187, 247
Эскимосы 17, 144, 176—178, 207
Янкунтьяра 137—139

- Абкан, археологическая культура 104
 Абу Хурейра, пос. 67
 Адамгарх, стоянка 80
 Адрар Бу, пос. 105, 106, 109
 Азовская культура 88
 Али Кош, пос. 62
 Али Таппех, пещера 71
 Альтхейм, археологическая культура 227
 Андроновская культура 224, 226
 Анза, пос. 87
 Аргисса Магула, пос. 87
 Арлит, поселения и могильники 105, 106, 109
 Асиаб, пос. 57
 Афанасьевская культура 226
 Ашакар, пещеры 103
 Ашикли Гуюк, пос. 63

 Багор, стоянка 80, 81
 Бадари, археологическая культура 5, 100, 110
 Бадари, пос. 99
 Банчиенг, археологическая культура 5, 117, 123
 Банчиенг, пос. 117
 Баньпо, пос. 122
 Бейда, пос. 65
 Бейсамун, пос. 66
 Белт, пещера 72
 Большая Боярская писаница 180
 Буго-днестровская культура 88, 90, 91
 Букра, пос. 66, 67
 Бундзе, пос. 227
 Бурзахом, археологическая культура 77
 Бус Мордех, ранний период обитания на поселении Али Кош 62

 Вади Фалла, пос. 59, 65
 Верхний капсий, археологическая культура 101, 102
 Влаардинген, археологическая культура 224
 Воронковидных кубков археологическая культура 88, 224, 227, 230, 231, 234
 Вэдастра, археологическая культура 228

 Гандж Дарех, пос. 61
 Гиссарская культура 76, 77
 Гитареро, пещера 128
 Гуаньяпе, пос. 174
 Гумельница, археологическая культура 227
 Гуран, пос. 62, 238, 239

 Да-Бут, раковинная куча 118
 Далиталиха, пос. 123
 Дам-Дам-Чешме 2, пещера 74
 Дар Тишитт, пос. 105, 107, 110
 Деревка, пос. 37
 Джармо, пос. 62, 238
 Джебел, пещера 75
 Джейтунская культура 73—75
 Днепро-донецкая культура 90
 Докерамический неолит А, археологическая культура 64
 Докерамический неолит В, археологическая культура 64, 65, 99
 Дра-мта-эль-ма-эль-абуад, стоянка 102
 Древнеиндийская (харапская) цивилизация 78, 80, 81, 229, 230

 Зави Чеми Шанидар, стоянка 30, 56, 57
 Загех, пос. 74
 Заман Баба, могильник 76
 Зарзи, археологическая культура 56
 Зуртакети, стоянка 68

 Иерихон, пос. 65, 66, 226
 Ин-Итинен, стоянка 106

 Кадеро, пос. 105, 110
 Калибанган, пос. 229
 Каменная могила, пос. 90
 Каменноостская пещера 69
 Камень 2, пос. 91
 Кан Хасан III, пос. 63
 Капелетти, пещера 102, 103
 Карим Шахир, стоянка 57
 Каркаришинкат, пос. 105, 106, 110
 Квачара, пещера 68
 Кебаранская культура 58
 Кельтеминарская культура 75, 222
 Керамики импресо, археологическая культура 87

- Кереш, археологическая культура 87
 Кили Гхул Мохаммед, пос. 78
 Кинтапо, археологическая культура 110
 Крымская культура 88
 Ксар Акил, стоянка 60
 Кукутени-триполье, археологическая культура 236
 Кулайская культура 180
 Кунджи, пещера 238, 239
 Курнул, пещеры 246
 Куро-аракская культура 223, 230

 Ла-Адам, пещера 30, 84
 Лангнадж, стоянка 80
 Лендел, археологическая культура 236
 Лепенски Вир, археологическая культура 85, 86, 88, 209
 Лепенски Вир, пос. 86
 Линейно-ленточной керамики, археологическая культура 46, 87, 93, 213
 Линьси-Чифэн, археологические культуры 121
 Луншань, археологическая культура 119, 123
 Люлинь, пос. 119
 Лянчжу, археологическая культура 118, 123

 Маглемозе, археологическая культура 85, 209
 Матвеев Курган, пос. 90
 Менье, пос. 105, 106
 Мергар, пос. 78
 Меримде, пос. 99, 100
 Мохэ, археологическая культура 143
 Мунхатта, пос. 65
 Мурейбит, пос. 60, 61
 Мяодигуу II, пос. 123

 Натуфийская культура 53, 58—61, 64
 Неа Никомедия, пос. 87
 Неолит капсийской традиции, археологическая культура 101—104
 Неолит суданской традиции, археологическая культура 98, 101, 104, 106, 108, 110
 Новорозановское, пос. 90
 Номухун, археологическая культура 123
 Нонноктха, пос. и могильник 117
 Нубийская группа А, археологическая культура 104
 Нубийская группа С, археологическая культура 43

 Осиноозерская культура 121

 Палегавра, пещера 57
 Паомалин, археологическая культура 118
 Пещера духов 116
 Пикимачай, пещера 128
 Прекукутени, археологическая культура 222

 Райниоклектон, археологическая культура 227
 Ракушечный Яр, пос. 90
 Рамад, пос. 66
 Релкинский могильник 180
 Руфиньяк, пещера 30

 Саксаульская, стоянка 75
 Санг-е Чакамак, пос. 74
 Сапалли-тепе, пос. 76
 Сараб, пос. 238
 Себильская культура 98
 Смитфилд, археологическая культура 111
 Сороки, пос. 88
 Сосруко, стоянка 68
 Средиземноморский неолит, археологическая культура 101, 103
 Среднегостовская культура 232
 Стар Карр, пос. 85
 Старчево-криш-кереш-кораново, археологическая культура 85, 87, 88
 Субердэ, пос. 63
 Сурско-днепровская культура 88, 90
 Сэлькуца, археологическая культура 227

 Таштыкская культура 177
 Тенере, археологическая культура 106
 Тилвара, стоянка 80
 Триполье, археологическая культура 221, 223, 229, 230
 Трольдебьерг, пос. 230

 Уан Мухуджиаг, стоянка 105, 106, 109
 Убейд, городище 220
 Уилтон, археологическая культура 111
 Уиндмилл-хилл, археологическая культура 88
 Улу Леанг, пещера 125
 Ур, городище 225
 Усатовская культура 223
 Усть-Нарым, стоянка 75
 Усть-Полуй, пос. 177
 Усть-полуйская культура 176

 Фаюм, пос. 99, 100, 109
 Франчти, пещера 87
 Фронтное, пос. 89

- Хагошрим, пос. 66
Хаджи Фирус, пос. 71
Хаджилар, пос. 63
Хауа Фтеах, пещера 102, 103
Хелуан, стоянки 100
Хоабиньская культура 116, 124
Хор-Дауд, пос. 222
Хоту, пещера 72
Хэмуду, археологическая культура
118, 119, 123
- Цинляньган, археологическая культу-
ра 118, 119, 123
Цюйцзялинь, археологическая культу-
ра 118, 123
- Чайоню Тепези, пос. 62, 63
Чатал Гуюк, пос. 64, 224
Чох, пещера 68
- Шанидар, пещера 53
Шатонэф-ле-Мартигю, пещера 30, 84
Шнуровой керамики, археологическая
культура 91
Шулавери-шомутепинская культура
70
- Эйнан, пос. 58—60, 65
Эль-Хиам, стоянка 60, 65
Эртебелле, археологическая культура
87
- Ябруд, пещера 54
Ямная культура 223, 230, 232, 233,
242
Яник Тепе, пос. 71
Яншао, археологическая культура 46,
119—124

V. A. Shnirelman

ORIGINS OF ANIMAL HUSBANDRY

The study of the origins of agriculture is at present of great interest to both natural and social scientists. Although many theories have been developed concerning this matter the problem of the rise of animal husbandry as one of the most significant aspects of the Neolithic Revolution is far from being well understood. Therefore the author of the present work has paid particular attention to the problems of both animal domestication and early stages of the evolution of animal husbandry. The latter has been treated not only as a new powerful technological factor but also as an economic system of great culture-historical importance. The structure of the book has been to a certain extent influenced by the character of the sources used: archaeological, ethnographical, biological, palaeoclimatological etc. To make chronology more precise the author has utilized the calibration curve for radiocarbon dates developed by the scientists of the Pennsylvania University.

Chapter I is a general survey of different theories on the origins of animal husbandry. Here the evolution of the «Three stages of man» theory is analysed and the reasons it was given up are argued. At the end of the XIXth century two new approaches were formulated. One of them was stimulated by the works of Ed. Tylor who believed that agriculture and animal husbandry had been each developed independently. Many of Tylor's followers affirmed that the earliest animal husbandry was nomadic in character. The second approach was advanced by Ed. Hahn who stressed the interaction of early forms of agriculture and animal husbandry. He and his supporters considered nomadism to be the most specialized form of animal husbandry born only relatively recently. The problem of the causes of animal domestication was also treated in different ways. Most workers in the social sciences tried to resort to one or another of four theories in search for explanation: the economic theory, the theory of pets, the theory of symbiosis, the religious theory. V. G. Childe and some other authors ascribed the origin of food production to the influences of climatic events.

The pioneering works of soviet biologists headed by N. I. Vavilov elaborated the idea of primary and secondary centres of the origin of food-producing economy. This idea has greatly influenced

the evolution of the science and even now its importance can hardly be overestimated.

The problem in question became one of the most significant ones after the World War II owing to archeological investigations in different primary centres of food production (the Near East, South-East Asia, East Asia, Africa, Mesoamerica, South America) and to the development of new theoretic approaches and concepts both in archeology and ethnology.

Chapter II contains an analysis of archaeological data on the origins of animal husbandry. A main source for researches into the early history of animal husbandry is osteological material. Unfortunately we at present lack any unified method of examining such data. Therefore an interpretation of palaeozoological materials must be done very carefully.

Early productive economy had been developing during the period of serious climatic fluctuations, which must be taken into account. The most significant ones took place at the end of the Pleistocene and the beginning of the Holocene c. 15 000—8 000 B. C. Then a slow rise of temperature followed during the IX—IV mill. B. C. The Near East was one of the most important centres of the origin of animal husbandry. Here one could find such wild ancestors of domesticated animals as the bezoar goat (*Capra aegagrus*), the Asiatic moufflon (*Ovis orientalis*), the aurochs (*Bos primigenius*) and the wild boar (*Sus scrofa*). The inhabitants of the Zagros Mountains domesticated dogs at the end of Upper Palaeolithic. The domestication of other animals was interconnected with the development of intensive food gathering, which led to the emergence of agriculture, and with sedenterization. Goats and sheep were domesticated in the Zagros Mountains around the IX mill. B. C. Agriculture and animal husbandry appeared in Anatolia by the IX—VIII mill. B. C. and domesticated goats and sheep were introduced to Syria and Palestine during the VIII mill. B. C. Aurochs was domesticated in Anatolia around the VIII mill. B. C. and cattle spread widely in the Near East in a millennium. Pig raising arose by the VIII mill. B. C., but it hardly played an important role in aboriginal neolithic economy.

Our knowledge of the appearance of the productive economy in the Caucasus is far from satisfactory. Agriculture and animal husbandry seem to have arisen here around the VII mill. B. C. Apparently this process was partly promoted by influences from the Near East.

The emergence of food production to the south and east of the Caspian Sea appears to be interconnected with some migrations from the west, during the VII mill. B. C.

Agriculture and animal husbandry arose in South Asia also as a result of the complex processes linked with both autochthonic development and influences from more developed peoples. The latter has already infiltrated into South Baluchistan during the

VII mill. B. C., but they penetrated the Indus valley and Central India much later, around the V—IV mill. B. C. The process of domestication continued here and included buffalo and local species of wild boar.

Aboriginal economic systems were greatly transformed in Europe at the beginning of the Holocene, but this didn't lead to the birth of productive economy. The native peoples succeeded in domesticating the dog only in a few regions and the wild boar seems to have been domesticated in the Middle Danube. Relatively developed agricultural and animal husbandry cultures emerged in the Balkans around the VIII—VII mill. B. C. owing to the infiltration of small groups from Anatolia. The domesticated caprines were introduced by the latter, but the aurochs might have been domesticated right in the Balkans.

Agriculture and animal husbandry spread in the most part of Europe during VII—III mill. B. C. Last of all they expanded to Scandinavia and the woodlands of East Europe.

The recent investigations in North-East Africa confirmed the idea of a local independent birth of agriculture around the VIII—VII mill. B. C. But Africa lacked wild ancestors of domesticated goats and sheep. Therefore the discovery of the bones of these animals in the neolithic layers of North Africa and Sahara clearly testifies to their importation from elsewhere. Aurochs however could have been domesticated just here.

Animal husbandry (and agriculture?) spread in North Africa and Sahara during the V—III mill. B. C. The food-producers began their expansion to the south around the III Mill. B. C. They reached the South Africa by the end of the I mill. B. C and in the course of A. D. I—II mill. the local Khoisahs were adopting livestock.

The late Hoabinhians of South-East Asia turned into food producers by the VI (VII?) mill. B. C. They grew rootcrops and rice and domesticated local species of wild boar and bovines (gaur and banteng). They seem to have domesticated also the water buffalo.

Another type of food-producing economy (millet, pig, dog) was developed in North China, Mongolia, Manchuria and the Middle Amur region. The earliest neolithic sites here were dated to c. 5000—3000 B. C. There are some reasons to look for the origin of these cultures partly in South China.

An important primary centre of food production in America emerged in the Andes c. 7000—3000 B. C., where guanaco and guinea pig were domesticated.

Chapter III deals with the relevance of ethnographic sources to the study of the early history of animal husbandry. Here some ethnographic models are analysed.

The primitive hunters and food-gatherers were already able to tame some animals. But this taming didn't automatically turn into

animal husbandry for such transformation demanded more stable material conditions. The latter were growing up among the sedentary fishing and food-gathering groups and especially they were inherent to early agriculturalists.

The direct dependence of pig-raising upon the intensity of agriculture was manifested in New Guinea. Here the process of domestication of animals has been traced. The pigs were embedded in some of the most critical and exciting parts of life of the Papuans. They were precious for reciprocal exchange, for personal prestige-seeking and tokens of status, for brides and alliances and so on. The «Pig Feast» appears to have been the most important event of the ceremonial cycle.

The prestige relationships connected with pig husbandry were more fully developed elsewhere in Melanesia (Solomon Islands, New Hebrides etc.).

Llamas played in principle the same role in the Andes from the prehistoric times.

The problem of the origin of reindeer-breeding is interesting because of its connections with the idea of the direct transformation of hunters into pastoral nomads. According to recent investigations the most ancient reindeer-breeding was born in South Siberia by the I mill. B. C. The reindeer seems to have been domesticated by the Samoyed animal husbandry men. Later reindeer-breeding spread to the north in several waves thanks to both interethnic contacts and direct migrations of some Samoyed and Tungus groups. It promoted the processes of social differentiation everywhere.

The expansion of European live-stock in America since the XVI century led to the emergence of two different economic systems: one of the hunter-horsemen (many Plains groups in both Americas) and the other of the agriculturalists practicing transhumance (Navajo, Goajiro).

Chapter IV contains a general theoretical model of the origins and early history of animal husbandry. Food production was born in a few primary centres and later spread into other regions. The foundations for domestication evolved under the conditions of specialized hunting on the basis of intensive food-gathering which was becoming transformed into agriculture, and much rarely on the basis of fishing. Imprinting served as the main means of the earliest domestication. Later forceful domestication through hunger appeared. The domestication of animals was brought about by the attempt to preserve an important source of the protein while agriculture was developing and the hunting being turned into a subsidiary occupation.

The spread of productive economy took place in the forms of both migration and borrowing (diffusion). In both cases new distinct economic systems emerged including both autochthonic and introduced elements and well adapted to the local environment.

These processes were often followed by the domestication of local fauna.

The book traces the ways of the formation and evolution of the technological base of the animal husbandry: the rise of dairy economy, wool weaving gelding technique, the exploitation of the domesticated animals in agriculture and transport. Owing to all these factors animal husbandry became ripe for separation from agriculture and the nomadic pastoralism emerged.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I.</i> Проблема происхождения скотоводства в науке о первобытности	7
<i>Глава II.</i> Происхождение скотоводства по данным археологии	37
Источники и методы их анализа	37
Климатические изменения конца плейстоцена и раннего и среднего голоцена	44
Передняя Азия	46
Кавказ	68
Прикаспий и Средняя Азия	71
Южная Азия	77
Европа	82
Африка	94
Восточная и Юго-Восточная Азия	114
Америка	125
<i>Глава III.</i> Раннее скотоводство по этнографическим данным	130
Методика использования этнографических данных для реконструкции истории первобытного общества	130
Приручение и содержание животных в обществах охотников, собирателей и рыболовов	135
Свиноводство на Новой Гвинее и в Меланезии	146
Ламоводство в Андах	171
Происхождение и распространение оленеводства	175
Распространение европейских домашних животных в Америке	190
<i>Глава IV.</i> Происхождение и ранние этапы распространения скотоводства (опыт исторической реконструкции)	203
Первичные и вторичные центры становления производящего хозяйства	203
Возникновение скотоводства	205
Первоначальное распространение скотоводства	212
Пути эволюции раннего скотоводства	218
Заключение	244
Примечания	246
Список сокращений	248
Список литературы	250
Приложения	283
Предметный указатель	316
Указатель географических названий	319
Указатель этнических наименований	323
Археологический указатель	325
Summary	328

Виктор Александрович Шнирельман

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКОТОВОДСТВА
(культурно-историческая проблема)

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
Академии наук СССР*

Редактор *Г. С. Киселев*
Младший редактор *С. Г. Карпюк*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 13860

Сдано в набор 12.03.80. Подписано к печати 09.10.80. А-12174. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 21,0. Уч.-изд. л. 23,32. Тираж 2400 экз. Изд. № 4625. Зак. № 162.
Цена 2 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва, Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В ы ́ д у т:

Обрабатывающая промышленность (Производительные силы стран Африки). 20 л.

Трудовые ресурсы (Производительные силы стран Африки). 16 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторгов и «Академкнига», а также по адресу: 117192. Москва В-192. Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В ы ́ и ́ д у т:

Африка. История, историография. 18 л.

Мероэ (история, история культуры и искусства, язык древнего Судана). Вып. 2. 13 л.

Галич З. Н. Проблемы социально-экономической эволюции стран Юго-Восточной Азии и Тропической Африки. 13 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192. Москва В-192. Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».